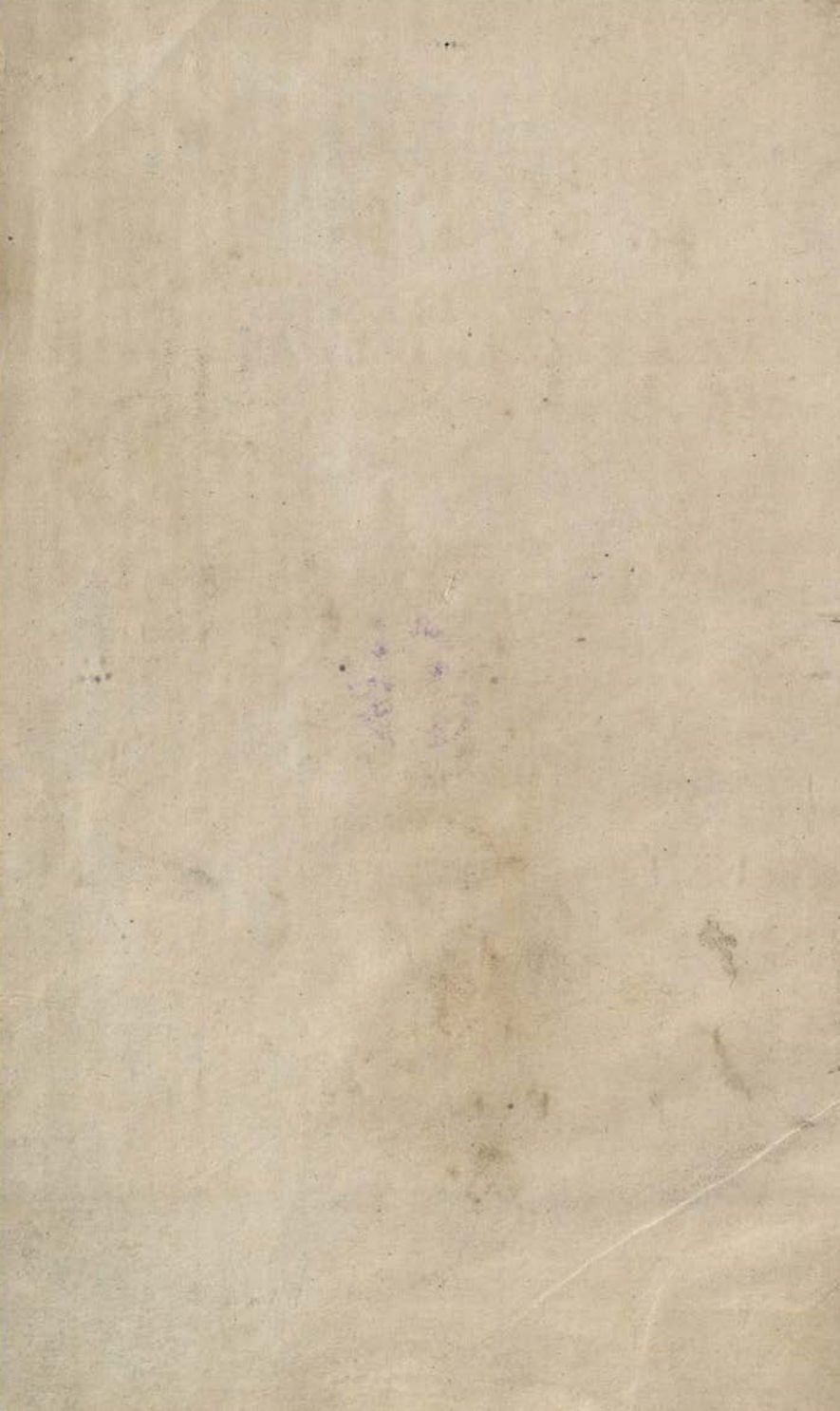

13 977

Вторг!

№ 87 13977

ТРИ ПОЪЗДКИ

ЗА ГРАНИЦУ

Н. Р.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и Б^о, Большая Дмитровка, № 7.

1871.

*lib. publ.
Europe*

CBGIOS, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5167560

ТЪН ПОРЪДЪКЪ

ЗА ТЪРЪНЩА

43.977

N-67825

N-4280857/TMK

Издавая мои замѣтки, впечатлѣнія и мысли, какъ онѣ были записаны во время путешествія, раздѣленные почти десятилѣтними промежутками времени, я имѣю лишь въ виду сохранить ихъ для ближайшаго круга моихъ знакомыхъ, которымъ ихъ посвящаю.

Н. Р.

и кинетическая энергия, которая в нас
всегда не исчерпана, и мы всегда можем
найти в нас силы, которые помогут нам
идти вперед и достигнуть тех целей, которые
мы себе поставили.

Н. Р.

ПЕРВАЯ ПОЪЗДКА.

1843 — 1845.

МЕЛВЯР НОБЭДРА.

1843 — 1845.

ПОѢЗДКА ПЕРВАЯ.

1843—1845 *).

ТРАВЕМЮНДЕ 1843 г. $\frac{8}{20}$ *юля*. Пошатавшись по Петербургу въ продолженіи двухъ недѣль, побывавши въ Павловскѣ и на петергофскомъ праздникѣ, который показался мнѣ чопорнымъ парадомъ, холоднымъ и скучнымъ, несмотря на великолѣпную иллюминацію, а толпа во дворцѣ очень скудною и странною, по присутствію въ ней зипуновъ и засаленныхъ чигменей (въ этотъ день туда всѣхъ пускаютъ), между которыми прохаживалась въ польскомъ императорская фамилія; насладившись кондитерскими и бѣдными лѣтними театрами, я наконецъ сѣлъ на пароходъ, который довѣзъ насъ до Кронштадта, а съ него мы пересѣли уже на большой морской пароходъ.—Первыя впечатлѣнія моего одиночества были печальны; несмотря на всю заманчивую перспективу будущаго путешествія, разставшись съ отцомъ, мнѣ вдругъ сдѣлалось до слезъ грустно; тутъ я

*) Эта повѣзка относится къ моей юношеской порѣ, вскорѣ послѣ выхода изъ университета, а потому въ замѣткахъ часто встрѣчаются слѣды незрѣлости и увлеченія, свойственныя этому возрасту; но я оставилъ ихъ какъ выраженіе взглядовъ того времени, и въ предостереженіе самоувѣренной молодёжи. Прим. 70 г.

впервые почувствовалъ, что я одинъ, и что сердечныхъ наслажденій и родственной пріязни ничто замѣнить не можетъ.—На пароходѣ оказалось немного народу, и то почти все иностранцы; капитанъ былъ кажется англичанинъ, матросы и рулевой говорили на какомъ-то непонятномъ языкѣ; англичане-пассажиры ходили по палубѣ.—Россія имѣетъ это свойство—окружить васъ иностранцами, прежде нежели вы выѣдете за ея границу.—Скоро однакожь я сдѣлался совершенно равнодушенъ ко всему: подулъ сильный вѣтеръ, и мною какъ и многими, овладѣла морская болѣзнь, которая держала насъ въ своихъ объятіяхъ почти двое сутокъ; только на третью сдѣлалась тишь, мы почувствовали себя лучше, повеселѣли, стали ѣсть,—воздухъ сдѣлался какъ-то мягче, какой-то особый запахъ иноземной атмосферы почувяли наши носы, и скоро намъ указали низенькую землю, какъ будто вышедшую изъ моря, къ которой мы не замедлили пристать.

Чистенькая, опрятная, но миниатюрная земля, все слѣплено,росло крохами и вѣками; но пріятное впечатлѣніе порядка и опредѣленности жизни.

ЛЮБЕКЪ. Опять та-же маленькая жизнь,—это пчелы въ ульяхъ. Домики (хотя и въ пять этажей) слеплены какъ соты—такъ и пахнутъ средними вѣками.—Сѣдла на женщинахъ (для носки тяжестей), превращающія ихъ въ какихъ-то вьючныхъ животныхъ: варварское изобрѣтеніе старческихъ ухищреній.—Частая перемѣна женскихъ шляпокъ: въ голштинскомъ кускѣ точно такія, какъ у нашихъ форейторовъ.—На таможенѣ въ датскомъ владѣніи запрещено провозить двѣ вещи—цигорій и карты.

ГАМБУРГЪ. 21 и 22 июля. Та-же физиономія, что и въ Любекѣ, но размѣры больше; вообще видъ многолюднаго, торговаго, вольнаго города, можно бы даже сказать—столицы, если бы не было столько свободы въ движеніяхъ, въ словахъ, въ жизни; если бы не было на всемъ уровня равенства. Вообще, думаю, жизнь матеріальная, — духовнаго мало. Пройдясъ по улицамъ, можно уже видѣть, что нравы не отличаются чистотою: пятая женщина изъ встрѣченныхъ вами навѣрно взглянетъ на васъ слишкомъ не двусмысленно. — Былъ на балѣ у Петеръ Арнса—всѣ дамы безъ исключенія принадлежатъ къ населенію Schwiegerstrasse и тому подобнѣхъ, мужчины такого-же полета; но манеры вообще довольно скромны. На стѣнахъ залы было прибито запрещеніе—не курить танцуя, что впрочемъ мало наблюдалось, и я видѣлъ нѣсколько мушинъ вальсирующихъ съ трубками въ зубахъ. — За дрожки на пароходъ въ Магдебургъ заплатилъ 2 марки (2 р. 60 к. сер.) — вотъ нѣмецкая честность, но это законно — до 8 час. утра нѣтъ таксы. За въѣздъ въ Гамбургъ послѣ 9 час. вечера—плата, за воду у колодца—плата...

23, 24. На пароходѣ въ Магдебургъ. Попался одинъ Гановерецъ, — ненавистникъ Русскихъ; вообще кажется мнѣніе о дурномъ управленіи нашемъ очень распространено. Думаютъ, что всѣ чиновники наши плуты и мошенники, что безъ платы и безъ взятокъ ничего не дѣлается. Такъ называемыя мыслящія головы (denkender Kopf, а какая голова здѣсь не мудрствуетъ и не увѣрена въ своей премудрости?) питаютъ явную неприязнь къ Россіи, какъ представительницѣ умственнаго затмѣнія. Бѣдныя, близорукія созданія, привыкшія мѣрять все одною мѣркою!.. Ужь конечно не отъ васъ ждять міру просвѣтленія и премудрости. Вы смотрите въ землю, мѣряете, лѣпите, рассчитываете и пересчитываете по двадцати разъ одно и то же. Что-же

толку?.. Вы приобрѣли какую-нибудь каплю благосостоянія (то-есть чашку кофе въ день), можетъ быть—но вы даже не сравнялись во многомъ съ другими народами; ваша жизнь скучна, пошла; у васъ нѣтъ въ настоящее время ни славы, ни поэзій, ни искусства: великія свѣтила вашего творчества уже закатились за горизонтъ, и кажется не взойдутъ болѣе. Какъ-бы кажется не быть у васъ изящной жизни?—вы пользуетесь матеріальнымъ благосостояніемъ, раздроблены на столько разнообразныхъ, свободныхъ и независимыхъ другъ отъ друга частей, какъ древняя Греція; земля ваша прекрасна, вы уже имѣете достаточный запасъ образованія—изъ этого всего должна бы возникнуть дѣятельная, эстетическая жизнь; а между тѣмъ ваша словесность состоитъ нынѣ изъ самыхъ пустыхъ повѣстей и рассказовъ, поэзія также въ упадкѣ и непроизводитъ ничего замѣчательнаго; остается одна наука—и та у васъ дряхлѣетъ. Какая же у васъ жизнь?—политической или общественной—нѣтъ, свѣтской—также нѣтъ, художественной—нѣтъ, изящная словесность старческая. А Россія не заботится о мелочахъ; она говоритъ: не о единомъ хлѣбѣ сытъ будетъ человѣкъ; и въ этомъ то проявленіе ея высшаго назначенія, призваніе къ произведенію новой эпохи въ жизни народовъ, потому что міръ не можетъ идти впередъ, и оставаться при тѣхъ же формахъ. Ея назначеніе велико, и не мудрости западной произносить ей судъ, не мудрости человѣческой судить о томъ, что явно устроивается высшею волею *).

*) Въ извиненіе этой тирады прошу замѣтить, что она писана безбородымъ юношей, двадцать семь лѣтъ назадъ, и что въ ней высказывается искренняя любовь къ своему отечеству и вѣра въ его будущее. Прим. 70 г.

На пароходѣ я видѣлъ образчикъ нѣмецкаго дворянства: наружность, подходящая къ нашимъ образованнымъ помѣщикамъ, женщины прехорошенькія, хотя отзываются провинціальными манерами. Я разговорился съ однимъ подобнымъ экземпляромъ, заговорилъ ему о музыкѣ, о жизни Гамбурга, о литературѣ — замѣчательное невѣдѣніе во всемъ, точно какъ у насъ мелкопомѣстные. Они занимаютъ своимъ хозяйствомъ въ родѣ прикащиковъ, и разъ или два въ годъ бывають въ Гамбургъ; но одѣты по модѣ и съ бородами—вотъ все различіе отъ нашихъ.—Тутъ же образчикъ ученаго низшаго разряда, съ трубкою несноснѣйшаго табаку, говорящаго самая остроты съ педагогическою разстановкою и важностью: впрочемъ мысли гораздо правильнѣе и образованнѣе, нежели у помѣщиковъ и ГанOVERца—больше безпристрастія. Кое-что разсказалъ о ганOVERскомъ правленіи, о чемъ толстобрюхій ГанOVERецъ умолчалъ. Вообще оказывается, что власть правительственная даетъ себя чувствовать не въ одной Россіи. ГанOVERскій король отставилъ лучшихъ профессоровъ за то, что они возставали противъ его мѣръ.—Замѣчательны слова моихъ собесѣдниковъ: «у насъ никто не вѣритъ въ божественность Іисуса, ни въ чудеса, ни въ божественность апостольскихъ писаній». Дѣйствительно правъ Шевырѣвъ, говорившій, что Лютеръ зародилъ антихриста въ Германіи, и этотъ, чѣмъ далѣе болѣе распространяетъ свое владѣніе. Король прусскій противодѣйствуетъ скептическому направлению и покровительствуетъ мистикамъ, но врядъ-ли достигнетъ цѣли.

МАГДЕБУРГЪ. Тотъ же характеръ. Я видѣлъ только соборъ—прекрасное строеніе, гробъ Оттона 1, надѣвалъ перчатки Тилли.

БЕРЛИНЪ. 25 іюня. Окрестности Берлина (по дорогѣ изъ Кеттена) чрезвычайно печальны и однообразны до того, что напоминаютъ дорогу изъ Москвы въ Петербургъ по близости къ сему послѣднему: тѣ-же сосны, мѣста плоскія, только вмѣсто болотъ—пески. Берлинъ помахиваетъ на Петербургъ въ миниатюрѣ; такъ что хотя во многомъ вѣроятно служилъ образцомъ для Петербурга, но теперь кажется его уменьшенною копіею. За исключеніемъ нѣсколькихъ строеній, все прочее носитъ на себѣ отпечатокъ нѣмецкой щепетильности. Впрочемъ—видна столица. Но чего то недостаетъ для полнаго впечатлѣнія: можетъ быть это для русскаго глаза, привыкшаго къ большимъ размѣрамъ. Тоже и въ жизни. Не даромъ говорятъ, что наружность дома выражаетъ характеръ хозяина: насъ, привыкшихъ къ блеску, къ богатству, къ роскоши, какъ то неудовлетворяетъ обстановка нѣмецкой жизни. Вы знаете, что вы въ столицѣ государства, имѣющей 350 тыс. жителей, гдѣ дворъ, войско, посланники, министры—ожидаете видѣть на улицахъ какой-нибудь слѣдъ этого цвѣта всего королевства; ожидаете видѣть блестящіе экипажи, блестящихъ женщинъ, движеніе жизни въ общественныхъ собраніяхъ—ничуть не бывало:—на улицахъ такъ называемые дрожки, рѣдко, рѣдко какая-нибудь коляска, очень къ нимъ подходящая. Въ концертѣ Гарціи-Віардо, гдѣ была говорить вся аристократія, и гдѣ платили неслыханную въ Берлинѣ цѣну, 1½ талера (менѣе полутора руб. сер.) за входъ, я убѣдился, что аристократій здѣсь нѣтъ,—дамы всѣ (исключая австрійской посланницы и жены совѣтника русскаго посольства) одѣты какъ у насъ горничныя или какъ посѣтительницы вто-

раго яруса ложъ—вечеромъ въ шляпкахъ, которыя тутъ-же скидаютъ и надѣваютъ на руку. Въ театрѣ, въ креслахъ, въ ложахъ еще хуже одѣты—просто не знаешь гдѣ же дворянство, гдѣ высшее купечество, и вообще высшія сословія. Скамейки въ театрѣ кажутся не крашенныя, подушки нельзя отличить по мягкости отъ дерева, и первыя такъ тѣсно поставлены, что надо проходить не по ногамъ, а по колѣнамъ.

Что касается до средняго класса, то упомяну объ одномъ изъ проявленій его жизни, могущемъ дать нѣкоторое понятіе о ней вообще,—я разумѣю здѣшніе такъ называемые концерты въ садахъ. Нѣмецъ, кончивши свои дѣла, отправляется въ эти концерты каждый день—иначе не можетъ быть, судя по числу подобныхъ увеселеній, которыхъ бываетъ иногда по нѣскольку и ежедневно. Можно бы ожидать, что тутъ развернется степенный нѣмецъ, соберетъ веселую компанію; молодой человѣкъ будетъ любезничать съ дамами и дѣвицами; что услышишь и оживленный разговоръ и звонкій смѣхъ, уловишь выразительный взглядъ,—ничуть не бывало: удовольствіе ограничивается тѣмъ, что семейные люди приходятъ съ дѣтьми, садятся за столики, спрашиваютъ кружку (въ родѣ колокольни Ивана Великаго) пива, изъ которой тянутъ по-очереди благотворную влагу, и вливаютъ ее въ своихъ ребятъ,—разумѣется это приправляется куреніемъ сигаръ, а иногда бутербродомъ съ ветчиной. Молодые люди болѣе ходятъ съ сигарами, молча, и мало смотря на кого. Даже у нихъ почти не услышишь громкаго слова, не увидишь быстрого движенія. Можно бы подумать, что это запоздалая аристократія, которая, по прежнимъ понятіямъ, считала себя обязанною дѣлать равнодушную ко всему, кислую мину; но эти лица вы вѣрно встрѣчали по утру въ магазинахъ за прилавками, а этихъ молодыхъ людей видѣли на скамьяхъ университета. И это студенты, нѣмецкіе студенты—тотъ

зябубенный, энергичный народъ, образовавшій особенный классъ общества, игравшій не послѣднюю роль въ немъ. И эти гульбища считаются самыми свободными, чуждыми всякаго принужденія, гдѣ каждый можетъ дѣлать что хочетъ. Гдѣ-жь эта независимая, свободная жизнь, которою хвастаютъ нѣмцы? Да на нашихъ гуляньяхъ, подъ глазами такъ-называемой вандальской полиціи, гораздо болѣе пользуются свободой, гораздо болѣе жизни, гораздо громче разговоры. Видишь, что у каждаго есть свой интересъ, какая-нибудь цѣль, которой здѣсь никому не достаетъ. Что пользы въ свободѣ, въ независимости, когда старость, дряхлость оковываетъ насъ своими невидимыми цѣпями? Старика не нужно привязывать, онъ и безъ того не подыметъ съ мѣста, а если и подыметъ—то уйдетъ недалеко. Мнѣ кажется, теперь это во очію совершается въ Германіи. Я не могу вывести такого заключенія изъ состоянія духовной жизни, потому что не довольно знакомъ съ нею, хотя и знаю нѣсколько сторонъ, оправдывающихъ ту же мысль; но уже по одной наглядности внѣшней стороны видишь, что точно духъ жизни отлетаетъ отъ нѣмецкаго старческаго тѣла; всё мертвы, едва движутся, ничто не волнуетъ ихъ отвердѣвшаго сердца—страстей сердца нѣтъ, есть можетъ-быть страсти ума, выражающіяся въ спорахъ надосугъ.—Въ Дюссельдорфскомъ собраніи представителей положили просить короля о свободѣ книгопечатанія—мнѣ кажется, что если ее достигнуть, то имъ нечего будетъ писать такого, чего бы и теперь не писалось, кромѣ развѣ пустыхъ бредней, неприлично выраженныхъ. Потребности въ свободѣ книгопечатанія нѣтъ въ дѣйствительности, потому что народъ очень мало о ней заботится, да ему и все равно цензурованное или не цензурованное будетъ онъ читать; эта потребность существуетъ въ нѣсколькихъ мудрствующихъ

головахъ, которыя по теоріи считаютъ себя въ обязанности и въ правѣ требовать свободы книгопечатанія. Это не безпокойная жажда познанія добра и зла, какъ у французовъ, это ученическая прихоть, привитая чуждыми идеями, и прихоть притомъ слабая, старческая; доказательствомъ тому, что такъ долго она не приводится въ исполненіе, между тѣмъ какъ столько было случаевъ ее достигнуть; и теперь кажется все движеніе ограничится словами, какъ оно уже съ незапамятныхъ временъ вертится около фразъ. Впрочемъ, это характеръ всѣхъ новѣйшихъ германскихъ событій—ихъ можно различить, замѣтить только умомъ понатужась; только глядя въ микроскопъ философствующаго наблюдателя, можно открыть въ нихъ историческую важность, и то иногда мнимую, существующую только кажется въ фантазіи мудрствующихъ политиковъ философовъ. Эти случаи до жизни если и касаются, такъ развѣ въ томъ смыслѣ, что ничто въ семъ мірѣ не проходитъ безъ слѣдствій.

Безъ сомнѣнія университетъ составляетъ важнѣйшую достопримѣчательность Берлина (говоря по Ахенвалю), и если есть здѣсь какая жизнь, то конечно въ одномъ университетѣ.—Сколько время позволяло, я старался познакомиться съ чтеніями знаменитостей, давно извѣстныхъ уже мнѣ по своей славѣ, хотя безъ сомнѣнія это знакомство должно было ограничиться болѣе формою, внѣшнею стороною преподаванія и отрывками мыслей.—Къ первому я попалъ къ Неандеру, и признаюсь, долженъ былъ вызвать все уваженіе къ его умственнымъ и нравственнымъ заслугамъ, чтобы удержаться отъ неумѣстнаго смѣха. Представьте себѣ маленькаго человѣчка, очень чернаго, съ густыми, до того нависшими бровями, что глазъ совершенно не видно, какъ у актёровъ, которые представляютъ

слышалъ только разъ: его лекціи должны быть занимательны въ частностяхъ, но кажется онъ останавливается больше на мелочахъ и анекдотахъ, нежели говорить о сущности дѣла. Почти вся лекція прошла въ чтеніи какой-то хроники, описывающей интриги испанскаго двора послѣ Филиппа II. Въ этомъ году Раумеръ говорилъ рѣчь на университетскомъ актѣ, и въ первый разъ употребленъ былъ для этого нѣмецкій языкъ; но говорилъ такъ невнятно и тихо, что бѣольшая половина слушателей (въ томъ числѣ и я) не могла ничего разобрать. Предметомъ было—политическое состояніе Европы въ царствованіе покойнаго короля, и вліяніе сего послѣдняго на общественныя событія.

Болѣе всего посѣщалъ я лекціи Гото—профессора эстетики, не потому, чтобы онъ отличался глубокими мыслями или всеобъемлемостію взгляда, — онъ стоитъ ниже первокласныхъ свѣтилъ Берлинскаго университета, — но за ясность изложенія, привлекательность самого предмета, и отъ желанія по возможности приготовить себя къ наслажденію изящными произведеніями, мнѣ предстоящему. Говорено было въ краткомъ очеркѣ объ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ. Архитектуру Гото называетъ первоначальнымъ искусствомъ, связаннымъ еще матеріальною цѣлью, и не одухотвореннымъ проявленіемъ души человѣка, подобно скульптурѣ и въ особенности живописи, ибо архитектура снуется на законахъ симметріи и однообразнаго расположенія частей.

Всего любопытнѣе была лекція Гото въ Музеумѣ, гдѣ онъ, переходя изъ одной залы въ другую, предъ лицомъ представителей разныхъ школъ живописи, рассказывалъ намъ постепенное ея развитіе. Вотъ такъ должно преподавать эстетику. Несмотря на бѣглость обзора, я увѣренъ, что эти два часа оставили въ студентахъ больше впечатлѣнія, нежели

мѣсяцъ сухаго, отвлеченнаго преподаванія. Тутъ кстати сказать нѣсколько словъ и о прекрасномъ расположеніи галлерей, удвоивающемъ ея цѣну. безъ котораго, не будучи богата образцовыми произведеніями, она бы далеко не имѣла того достоинства. Галлерей состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: по правую руку отъ входа, залы посвящены итальянскимъ школамъ, а по лѣвую нѣмецкимъ; тамъ и здѣсь картины размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ постепеннаго развитія, чѣмъ чрезвычайно облегчено для всякаго непосвященнаго изученію различныхъ направленій и стилей. Древнѣйшія произведенія нѣмецкой живописи двѣ картины на деревѣ — Мейстера Вильгельма (основателя Кельнской Школы) 1380 г.; но еще древнѣе Флорентійская Школа подъ вліяніемъ нѣмецкаго стиля—картины Джіотто (нач. XIII), изображающія сцены изъ жизни Іисуса; ученика Джіотто, Таддео Гади—иконы для алтаря, и нач. XIV в. Спигнелло Аретино—послѣдователя Андреа ди Чіоне (Орканьи). Тутъ еще искусство въ колыбели; видно, что природу хотѣли перенести на полотно или на дерево такъ, какъ она есть, не заботясь о художественности и о красотѣ образовъ. Гораздо болѣе художественнаго одухотворенія видно въ произведеніяхъ Фландрской Школы, братьевъ ванъ Эйкъ; прекрасны ихъ алтарныя иконы, изъ которыхъ на средней изображень Прободенный Агнецъ, а на боковыхъ—представители разныхъ народовъ, сословій, званій, стекающіеся къ нему на поклоненіе съ различныхъ концовъ міра. Высокая мысль—изобразить это общее убѣжденіе людей столь разрозненныхъ въ своей жизни, не имѣющихъ никакой другой точки соприкосновенія, и призваніе христіанства соединить ихъ, связать между собою. Въ исполненіи замѣтна еще слабость средствъ въ воздушной перспективѣ, въ размѣщеніи группъ, но особенно хорошо выражено един-

ство чувства въ разнообразіи фигуръ и лицъ.—Есть нѣсколько замѣчательныхъ картинъ его учениковъ—Гюгованъ-деръ-Гоэсъ, Рожеръ-ванъ-Брюгге (рождество Иисуса), Петръ Кристофинъ (женское изображеніе). Далѣе слѣдуетъ Голландская Школа съ ея фантастическимъ направлениемъ: Георонимъ Бошъ, — изображеніе ада, которое можно назвать самымъ сумазброднымъ, какое только было написано въ этомъ родѣ. Брабантская Школа, конца XV и нач. XVI в., приближается уже къ итальянскому стилю и старается усвоить себѣ его величіе—Рожеръ-ванъ-деръ-Вейде изъ Брюсселя (снятіе со креста), Квинтинъ Месси (Мадонна), Иоганнъ Мабузе (распятіе) подражаетъ фландрской манерѣ. — Собственно нѣмецкій стиль выразился въ Кельнской Школѣ—Бартоломей де-Брюинъ нач. XVI в. Сюда принадлежитъ также Вестфальская Школа, находившаяся подобно Кельнской подъ вліяніемъ нидерландскаго искусства, но отличающаяся фантастически-страстнымъ характеромъ и стремленіемъ къ преувеличенному драматизму. Въ этомъ отношеніи замѣчательны алтарныя изображенія изъ жизни Иисуса—Яренуса изъ Соеста (втор. пол. XV в.). Въ Школѣ Верхне-Германской (преимущественно въ Швабіи, Эльзасѣ и Швейцаріи) является также вліяніе фландрской живописи, впрочемъ не уничтожаетъ особенностей въ выраженіи чувства и въ гармоніи частныхъ съ высшимъ внутреннимъ настроеніемъ. Берлинскій музей имѣетъ произведенія этой Школы только второстепеннаго достоинства—нѣсколько картинъ Гансъ Бальдунгъ Грина (Швабскаго живописца), ум. въ 1552 г.—Франкская Школа, которой средоточіемъ былъ Нюренбергъ, развилась въ концѣ XV в. и совершенно отлично отъ Верхне-Германской, стремясь постоянно къ выраженію силы и энергіи при рѣзкомъ очертаніи формъ, тогда какъ послѣдняя отличалась мягкостію чувства и колорита.

Ей принадлежит Лука Кранахъ (собственно Лука Зундеръ, 1472—1553), впоследствии бывший при Саксонскомъ дворѣ, современникъ Гансъ-Сакса.—отличается народностію юмора, но вмѣстѣ часто поэтическимъ, высокимъ сочиненіемъ. Въ Берлинскомъ музеѣ прекрасное изображеніе Аполлона и Діаны въ сказочномъ характерѣ и родникъ живой воды, вспышка народной веселости. Изъ новѣйшихъ произведеній нач. XVII в. замѣчательны: Антона ванъ-Дика — Христось въ терновомъ вѣнцѣ и Рембрандта (1606—1674)—принцъ Гельдернъ, угрожающій заключенному отцу.

Засимъ—бѣглый обзоръ залъ, посвященныхъ итальянскому искусству, сколько мнѣ поможетъ память и краткія замѣтки. По хронологическому порядку отдѣлъ начинается Тосканской Школой, впервые обнаружившей самостоятельный характеръ, независимый отъ нѣмецкаго вліянія и наслѣдствовавшей античное величіе. Филиппо Липпи (1412—69)—нѣсколько иконъ на деревѣ, отличающихся наивностію изображенія; Рафаелинъ-дель-Гарбо (1476—1524), замѣчательный по мягкости и полнотѣ чувства. Верхней Италіи—Падуанская Школа: Андреа Мантенья (1431—1506)—тѣло Спасителя между двумя молящимися ангелами; выраженіе послѣднихъ исполнено глубокаго чувства и благородства.

Венеціанская Школа — Антонелло да Мессина, въ половинѣ XV вѣка, бывший въ Фландріи ученикомъ Ванъ-Ейка и потомъ перенесшій въ свое отечество грацію и фантастическій характеръ обстановки фламандскихъ живописцевъ. Св. Себастіанъ (1478). Въ Берлинскомъ музеѣ находится много картинъ XV вѣка, принадлежащихъ этой Школѣ. Витторе Карпаччіо (въ началѣ XVI в.) отличается свѣтлымъ, живымъ изображеніемъ, заимствованнымъ изъ жизни. Веронская Школа, въ которой замѣтно вліяніе Венеціанской,—иконы Франческо Мороне.

Умбрійская Школа, имѣвшая своимъ центромъ Перуджію, также XV вѣка (которой представителемъ сдѣлался Петръ Ванучи, извѣстный подъ именемъ Перуджина). Сходное направленіе обнаруживаетъ Джіованни Санти (отецъ Рафаэля), отличающійся благородствомъ и пріятностію, въ особенности же добросовѣстностію выдѣлки, — его икона въ Берлин. музеѣ (1486). Франческо Франчіа (1450 — 1517) современникъ и соперникъ Перуджина, — Святое Семейство, носящее печать мечтательнаго и сентиментальнаго характера, въ противность Перуджину, который отличался большею свободою и простотою.

Неаполитанская Школа обладаетъ замѣчательною нѣжностію и пріятностію, приближающими ее къ испанскимъ школамъ. Но нѣсколько картинъ ученика Антоніо Соларіо (или Зингаро), Симоне Пана, обнаруживаютъ напротивъ вліяніе Фландріи.

Подъ вліяніемъ Ломбардской Школы — Джіованъ Антоніо Бельтраффіо нач. XVI вѣка, ученикъ Леонардо да Винчи, замѣчательнъ по возвышенному стилю. Св. Варвара — много силы. Андреа Соларіо (нач. XVI вѣка), приближается къ нѣжности Леонарда, его работы Несеніе Креста. Наконецъ, высшій цвѣтъ, произведенный Ломбардскою Школою, — Антоніо Аллегри, названный Корреджіо (1494—1534) сначала подъ вліяніемъ Леонарда. Его двѣ картины — Леда, купающаяся съ подругами, и Іо, обнятая облакомъ; послѣдняя, въ особенности, произведеніе исполненное силы.

Рафаэль (1483—1520), царь живописи, вышедшій изъ Умбрійской Школы, наклонной къ сентиментализму, но стоящій выше всѣхъ Школъ и образовавшій новую манеру. — Поклоненіе Царей принадлежитъ къ періоду отъ 1500—1504, подъ вліяніемъ Перуджино, очень поврежденное. Къ тому же времени двѣ Мадонны и три круглые

образка (Христосъ и двое святыхъ), вѣроятно придаточные къ большимъ иконамъ. Наконецъ, къ 1507 г., ко времени пребыванія Рафаэля во Флоренціи, когда онъ сблизился съ Флорентинскою Школою, относится Мадонна, принадлежавшая прежде Колоннамъ.

Венеціанская Школа — Тиціанъ Вечелліо (1477—1576),—портретъ его дочери Лавиніи съ тарелкою плодовъ, замѣчательнъ. Антоніо Режилло Порденоне, успешно соединившій венеціанскій колоритъ съ мягкостію моделировки и свѣтлотѣнью Ломбардцевъ. Его работы—прелюбодѣйница.

Проходя залы берлинскаго музея, видишь, какъ постепенно, съ какимъ трудомъ человѣкъ силился перенести природу на полотно; какъ, сначала темно, чувствовалъ онъ потребность одухотворить ее, какъ потомъ яснѣе и яснѣе дѣлалось это убѣжденіе и какъ, наконецъ, онъ сталъ употреблять ея образы для выраженія своихъ задушевныхъ помысловъ, духовныхъ стремленій. Это та же книга, въ которой читаешь постепенное развитіе человѣка; исторія усилій, стремившихся всегда къ одной цѣли, несмотря на разнообразіе средствъ, на видимое противорѣчіе направленій. Поучительное зрѣлище: видишь, что было время, когда кисть служила единственнымъ, краснорѣчивымъ языкомъ, на которомъ высказывались высшія потребности жизни, орудіемъ, выводившимъ наружу то, что волновало душу; теперь поприще перемѣнилось вмѣстѣ съ характеромъ возраста, человѣкъ пересталъ нуждаться въ образности для своихъ изліяній, оттого кисть брошена: ее замѣнило слово, сначала приближавшееся къ живописи своимъ поэтическимъ представленіемъ, наконецъ перешедшее въ языкъ отвлеченности, въ языкъ идей, сдѣлавшееся орудіемъ чистаго ума. Поэтому, мнѣ кажется, несмотря на блестяція исключенія, на яркія явленія въ искусствѣ

современномъ, несмотря на богатство техническихъ средствъ, на усовершенія матеріальныя, нельзя не сознаться, что искусство въ наше время не на своемъ мѣстѣ,—это скиталецъ на чужбинѣ, заморское растеніе, перенесенное изъ молодой почвы на нашу землю, засохшую, очерствѣвшую отъ времени; это прекрасное дитя въ обществѣ стариковъ, которые, по воспоминанію, считаютъ обязанностію за нимъ ухаживать, между тѣмъ какъ душа сдѣлалась уже недоступною для чистой любви. Конечно, мы можемъ утѣшиться плодами зрѣлости, но нельзя не пожалѣть и о періодѣ цвѣтенія.

Былъ въ собраніи студентовъ, по случаю затѣвшаго общества для чтенія. Нѣмцы рады были случаю, чтобы облечь это дѣло въ условныя формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать свое либеральное направленіе. Говорили дѣльно, умно, отчетъ комиссіи былъ написанъ прекрасно; но нельзя похвалить фанфаронства, выказывавшагося въ собраніи при упоминаніи о нѣкоторыхъ сомнѣніяхъ и препятствіяхъ, высказанныхъ правительствомъ, впрочемъ, очень естественныхъ. Раздававшійся смѣхъ показался мнѣ смѣшнѣе, нежели его причина. Замѣтно, что новыя идеи привиты французскимъ журнализмомъ, и ихъ приложеніе нисколько не удастся Нѣмцамъ: они дѣлаются смѣшны всякій разъ, когда вздумаютъ выказывать на дѣлѣ новый образъ мыслей,—такъ мало онъ соотвѣтствуетъ ихъ преданіямъ и такъ противорѣчитъ національному характеру.

Что могу я сказать болѣе о Берлинѣ? Вообще образчикъ нѣмецкой жизни, совсѣмъ не показался мнѣ такъ привлекателенъ, какъ я ожидалъ. Можетъ потому, что блескъ исходитъ изъ наружности, а здѣсь достоинство

заключается внутри; но все же мнѣ кажется, что общественная наружность всегда служить выраженіемъ элементамъ жизни, и должна непременно выказывать ихъ наружу. Человѣкъ единичный можетъ обойтись безъ внѣшности, и ошибочно было бы цѣнить его по внѣшнему виду,—не то въ обществѣ, которое состоитъ изъ органическаго соединенія единицъ, а потому должно развить всѣ стороны, раздѣленные между частностями. По Берлину видишь, какъ Пруссія изъ небольшого княжества, надѣленного ограниченными средствами, благодаря благоприятнымъ обстоятельствамъ, неразумію сосѣдей и благоразумію своихъ правителей, возвысилась до значительнаго государства, такъ что превзошла собственное ожиданіе, и возмечтавъ о себѣ начала подражать знатнымъ государственнымъ магнатамъ; но какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ проглядываетъ мѣщанское происхожденіе, такъ и въ зданіяхъ, въ жизни берлинскихъ жителей, въ ихъ театрахъ, въ ихъ церквахъ, въ ихъ памятникахъ выказывается ясно, что широкіе размѣры не пристали къ ихъ привычкамъ; во всемъ видно какое-то желаніе произвести что-то значительное, но это желаніе почти никогда не удается, и все носитъ печать ограниченныхъ средствъ и понятій. Искусство начинаетъ только прививаться усиліями науки, но не имѣетъ туземнаго корня, по недостатку чувства изящнаго въ народѣ, или такъ-называемаго вкуса,—этотъ недостатокъ чувствуется во всѣхъ германскихъ произведеніяхъ. Странно, въ настоящее время Нѣмцы, кажется, не имѣютъ національной архитектуры, несмотря на свои здравыя понятія о національности, которыя впервые проповѣданы ими Европѣ; несмотря на превосходный стиль, завѣщанный имъ средними вѣками; а мы упрекаемъ себя въ подражаніяхъ Грекамъ и Римлянамъ,—въ Германіи не слышно даже подобныхъ упрековъ.

Знакомство мое съ русскими студентами въ Берлинѣ останется для меня памятнымъ. Во-первыхъ, оно утверждаетъ во мнѣ убѣжденіе, что юношескій возрастъ есть самый благородный, самый безкорыстный, даже самый цѣломудренный въ жизни. Во-вторыхъ, что это поколѣніе сохранить свою русскую самостоятельность и не онѣмечится. Я вижу большое различіе между нимъ и поколѣніемъ молодыхъ нашихъ профессоровъ (Рѣдкина, Чивилева, Крюкова, Грановскаго и др.). Тѣ, проучившись въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлались полунѣмцами, нынѣшніе же воспринимаютъ отъ Нѣмцевъ только науку, нисколько не сближаясь съ ними ни въ понятіяхъ, ни въ привычкахъ. Это имѣетъ свою невыгодную сторону, которую я самъ порицалъ сначала, но въ сущности она ничтожна въ сравненіи съ будущими результатами; такое отчужденіе ведетъ къ утверженію нашей самобытной русской учености, русской науки, русскаго преподаванія; намъ надо по возможности освободиться изъ-подъ ига иностраннаго ученаго менторства; безъ народнаго характера, наука не пріобрѣтетъ у насъ права гражданства, не сдѣлается общою потребностію и не найдетъ усердныхъ, безкорыстныхъ жрецовъ и поклонниковъ. Въ антипатіи моихъ берлинскихъ знакомцевъ къ Нѣмцамъ, я вижу зародышъ будущаго добра— и потому исполать имъ.

Въ Потсдамѣ былъ я въ день празнованія тысячелѣтія Германіи послѣ Вердюнскаго договора. Празднество ограничилось торжественною службою въ церквахъ, въ особенности въ Берлинскомъ бѣдномъ соборѣ (говорятъ, что онъ будетъ перестроенъ), гдѣ присутствовалъ король съ семействомъ; сказано было нѣсколько проповѣдей, которыхъ я впрочемъ не слышалъ, потому что не могъ проникнуть сквозь толпу. Но этотъ праздникъ не имѣлъ никакого народнаго харак-

тера, какъ бы слѣдовало, мнѣ кажется. Былъ обѣдъ у короля, а вечеромъ, во дворцѣ Санъ-Суси, концертъ и представленіе Медеи въ древнемъ видѣ; ни иллюминаціи, ни народнаго гульбища—какъ будто одинъ король и его кругъ сознають единство Германіи; въ сущности оно такъ и есть. Прискорбно было мнѣ видѣть въ разсужденіяхъ журналовъ по этому случаю, въ ихъ историческихъ обзорахъ разныхъ превратностей судьбы Нѣмціи, что никто не упомянулъ объ участіи Россіи въ послѣднемъ возстановленіи германской независимости; въ особенности Пруссіи стыдно-бы забывать это.—Германскій геній воскресъ за плечами Русскихъ, и безъ этихъ варваровъ, которымъ прусскіе мудрствующія головы платятъ глупою и злою непріязнею, не скоро удалось бы имъ философствовать на свободѣ. Конечно, не должно ждать благодарности отъ народовъ, но гдѣ дѣло идетъ объ исторической истинѣ, неблагородно, въ особенности при такихъ свободныхъ отношеніяхъ, не воздавать каждому свое.—Это впрочемъ нѣмецкая манера,—такъ нѣмецкіе историки изгладили было съ лица земли и науки существованіе и дѣйствія славянскихъ народовъ, находящихся между ними, и только недавнее возрожденіе Чеховъ спасло и спасаетъ для современниковъ и потомства слѣды древней славянской жизни, ихъ образованія, о которыхъ никто до того не имѣлъ понятія;—это вторая Помпея выходящая изъ-подъ вѣковаго пепла. Непостижимо, до чего до сихъ поръ простирается пренебреженіе Нѣмцевъ ко всему славянскому,—въ своемъ слѣпомъ самолюбіи они считаютъ насъ какимъ-то отверженнымъ племенемъ, способнымъ только пахать землю. На желѣзной берлинской дорогѣ, на пути изъ Магдебурга, я познакомился въ вагонѣ съ какимъ-то докторомъ Гарнишомъ, очень умнымъ человѣкомъ, приверженцемъ консервативной партіи, который недавно сдѣлался изъ школьнаго учителя духов-

нымъ лицомъ, и ѣхалъ въ Грейфенбергъ на совѣщаніе духовенства, назначенное по случаю предполагаемаго преобразования въ устройствѣ прусской церкви. Онъ говорилъ умѣренно и умно о Россіи, но когда я его спросилъ знаетъ-ли онъ что о литературѣ Чеховъ, то оказалось, что даже Шаффарикъ извѣстенъ ему только по имени, и онъ никогда не любопытствовалъ познакомиться съ его сочиненіями. Люди, которые слѣдятъ за происшествіями въ Индіи, Америкѣ, Китаѣ, читаютъ сплошь всѣ литературныя дразги, не знаютъ, что дѣлается у нихъ подъ носомъ въ Богеміи, Славоніи, Иллиріи. Что же сказать о прочихъ? Можетъ-быть это и къ лучшему.

Въ Потсдамѣ мы, Русскіе, сдѣлали наѣздъ на обѣдъ священника, который былъ гостепріименъ поневолѣ.—Санъ-Суси—это Петергофъ въ миниатюрѣ. Здѣсь часто встрѣчается это сходство съ Петербургомъ, но какъ тамъ все въ большихъ размѣрахъ, то невольно считаешь здѣшнее подражаніемъ, а наше оригиналомъ,—хотя часто это бываетъ наоборотъ. Во время нашей прогулки по парку, проѣхалъ король, возвращаясь изъ Берлина послѣ торжественнаго молебствія, въ маленькой коляскѣ, въ двѣ лошади, въ фуражкѣ, и безъ всякой свиты.

8-го августа. Я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, направляясь къ Франценсбаду. Въ вагонѣ вижу молодую женщину съ заплаканными глазами, прощающуюся съ кѣмъ-то въ родѣ сидѣльца или портнаго подмастерья, который называлъ ее *meine gute Bertha*; прощанье было самое трогательное и продолжалось около получаса. Подъ конецъ пути я разговорился съ доброю Бертою; оказалось, что это жена профессора Бушмана, многоязычника, служащаго при берлинской библіотекѣ; она показала мнѣ недавно изданную имъ грамматику языка Маркизскихъ

острововъ (!), говорила, что ея мужъ занимается всѣми возможными нарѣчіями вселенной, но что это до нее не касается, и она умѣетъ только солить огурцы; а теперь ѣдетъ на двѣ недѣли къ своимъ роднымъ. Я сталъ подтрунивать надъ ея слезами, и моя нѣмочка даже обидѣлась. Сначала я подумалъ—вотъ счастливецъ—уродъ, а его любить, о немъ слезы при двухъ недѣльной разлукѣ; потомъ: какова женщина, она можетъ привязаться ко всякому, служить забавою и для услуги тому, кто возьметъ ее; наконецъ: впрочемъ женщина такова, сегодня она будетъ искренно плакать о мужѣ, а завтра ему измѣнить, и не по страсти, а по слабости, потому что она не можетъ противиться наступательному дѣйствию.—Въ ваговѣ сидѣлъ также съ нами Англичанинъ, не разумѣвшій ни слова по-нѣмецки и не болѣе двухъ словъ по-французски, вѣроятно возлагавшій все свое упованіе на карманнаго, путеводаителя котораго изучалъ въ продолженіи всего почти переѣзда.—Признаюсь, пріятное путешествіе!

ЛЕЙПЦИГЪ Тотъ-же и здѣсь типъ нѣмецкихъ городовъ, сдвинутыхъ въ тѣсную кучу домовъ, слѣпленныхъ на подобіе ульевъ или муравейниковъ, въ которыхъ кончатся муравьи. На другой день я потерялъ почти все утро на отыскиванье Іордана; извощикъ, кажется, нарочно притворился непонимающимъ, для того чтобы я долѣ ѣздилъ, потому что здѣсь плата по времени, не такъ какъ въ Берлинѣ, гдѣ во всѣ концы 3 грош. сер.—Іорданъ принялъ меня какъ Славянинъ: я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что Славяне западные намъ сочувствуютъ, хотя до сихъ поръ бессознательно, только по племенному сродству.—Успѣлъ только взглянуть на Paulinen Kirche, превращенную во время реформаціи изъ католическаго монастыря и освященную наново Лютеромъ. Часть принадлежавшихъ

къ монастырю строеній, кажется, занята принадлежностями университета, котораго зданіе смежно. Ходъ въ монастырь теперь ведетъ на университетскій дворъ; живопись, покрывавшая его стѣны забѣлена фанатиками разума, и опадывающая штукатурка обнаруживаетъ въ одномъ мѣстѣ голову святаго, въ другомъ ликъ Богоматери или страданіе мученика. Точно какъ будто пришли варвары другой вѣры и постарались уничтожить малѣйшіе слѣды прежняго ученія. Въ церкви погребенъ какой-то эрцъ-герцогъ саксонскій, убитый во время богослуженія.

Изъ Лейпцига я ѣхалъ въ третьемъ-классномъ вагонѣ, чтобы любоваться видами. Спутники не слишкомъ пріятные; но здѣсь именно для меня занимательнѣе другихъ былъ саксонскій крестьянинъ, котораго одинъ сынъ былъ мясникомъ въ Петербургѣ, а другой скоро будетъ докторомъ медицины. Я узналъ отъ него, что въ Саксоніи крестьяне владеютъ землями какъ собственностію, что законъ не запрещаетъ имъ дѣлить эту собственность между дѣтьми поровну, но что они этого не дѣлаютъ для избѣжанія излишняго раздробленія. Сынъ, получающій землю, обязанъ бываетъ удовлетворить братьевъ деньгами.—«Какъ же вы дѣлаете, когда денегъ нѣтъ, а есть долги?»—«У насъ это случается рѣдко; притомъ мы имѣемъ кредитъ, всегда можно занять. кредиторъ самъ наблюдаетъ за хозяйствомъ должника». Что-бы намъ поучиться у саксонскихъ крестьянъ!—это будетъ, но тогда, когда раздробленіе достигнетъ послѣдняго предѣла.

Подъѣзжая къ Дрездену, дорога дѣлается живописною: съ обѣихъ сторонъ горы, усѣянные домиками и покрытые виноградниками, хотя сіи послѣдніи совсѣмъ не имѣютъ того привлекательнаго вида, какой придаетъ имъ наше

сѣверное воображеніе,—это поле, уставленное тычинками, по которымъ вьется бѣдная зелень.—Мы проѣзжали по прекрасному мосту черезъ Эльбу, потомъ черезъ довольно длинный туннель. Нельзя противиться нѣкоторому чувству страха, когда васъ обойметъ мракъ и когда вы смотрите на огненное чудовище, пышущее, безъ метафоры, пламенемъ, какъ сказочный конь, который мчитъ васъ впередъ съ неудержимой быстротою.—Крестьянинъ указывалъ мнѣ вдали деревню, въ которой есть фамильный склепъ владѣльца, гдѣ всѣ тѣла умершихъ сохраняются отъ поврежденія и остаются въ продолженіи вѣковъ, какъ набальзамированныя.

ДРЕЗДЕНЪ. 9-го августа. Гостинница zur Eisenbahn. Тутъ я засталъ Соленикова, восхищающагося Дрезденомъ, онъ не утомляется, но утомляетъ, читая ему безпрестанныя похвалы.—У меня за 10 грошей (30 к.) пребольшая комната о трехъ окнахъ на улицу.—Пужинавши, мы легли спать, а вставши, какъ говоритъ Гомеръ въ Одиссеѣ, отправились прямымъ путемъ въ галерею—поклониться Рафаэлевой Мадоннѣ. Знаменитый дрезденскій мостъ показался мнѣ, какъ и многое, болѣе знаменитъ преданіемъ,—это тотъ же Каменный въ нашей Бѣлокаменной, но только вытянутый нѣсколько длиннѣе. Знаменитъ онъ для Русскаго и для иностранца (если иностранецъ имѣетъ глаза для подобныхъ воспоминаній) не огромностію и не красотою арокъ, а надписью внизу бронзоваго Распятія, которое стоитъ почти посрединѣ моста; вотъ что гласить она: Galli destruxerunt Alexander I restituit *). Это единственный знакъ благодарности, сохранившійся въ Германіи, за благодѣтельное участіе Россіи въ тяжкую годину испытаній. До сихъ поръ я видѣлъ здѣсь желаніе подавить всякое воспоминаніе объ этомъ; одинъ Дрезденъ выставилъ напоказъ всѣмъ торжественное свидѣтельство великой роли, которую Россія призвана играть въ дѣлахъ Европы. Не даромъ говорятъ, Дрезденцы любятъ Русскихъ,—они всякій день по нѣсколь- ку разъ читаютъ надпись,—подобный памятникъ не можетъ оставаться безъ вліянія **).

---

*) Галлы разрушили, Александръ I возстановилъ.

**) Теперь этотъ крестъ и подпись уже не существуютъ, воспользовались перестройкою моста, чтобы ихъ уничтожить. П р и м. 70 г.

Я съ благоговѣніемъ вступилъ въ галерею, глаза у меня разбѣжались, но С* потащилъ меня прямо къ Мадоннѣ, и послѣ я ужь не могъ въ тотъ день смотрѣть на другія картины, или, лучше, на картины, потому что твореніе Рафаэля не есть дѣло кисти,—это небесное видѣніе. Говорить ли мнѣ о немъ? Чтò могу сказать я, чтобы дать о немъ понятіе другому, или по крайней мѣрѣ выразить собственное впечатлѣніе, выразить не выразимое. Одному Рафаэлю небо дало даръ изображать въ земныхъ очеркахъ то, что не принадлежитъ землѣ, или, лучше сказать, въ минуты вдохновенія для него раскрывалась завѣса, обыкновенно тяготящая надъ очами смертнаго, и великія таинства неба дѣлались ясными для его духовнаго взора. Это были минуты видѣній; въ одну изъ нихъ Рафаэлю предстала въ облакахъ Божія Матерь съ божественнымъ Младенцемъ на рукахъ; въ положеніи Ея замѣтно было движеніе, но оно было едва уловимо, потому что все небо двигалось вмѣстѣ съ Нею. Божественный ликъ Ея былъ исполненъ глубокой, недосыгаемой для смертнаго думы, далекой отъ всего земнаго; а Младенецъ смотрѣлъ въ очи человѣку, которому открылось видѣніе, и Его могучій взглядъ выражалъ уже темное предчувствіе великихъ искутаній, которыя Ему предстояли ради человѣка. Небо казалось яснымъ, но всмотрѣвшись можно было различить миллионы ангеловъ, наполняющихъ воздухъ, движущихся вмѣстѣ съ образомъ Богоматери. Двое изъ ангеловъ слетѣли на землю и въ дѣтскомъ обликѣ, очами небснаго всевѣдѣнія, углубились въ созерцаніе небснаго зрѣлища. У ногъ же Пречистой стояли колѣнопреклоненными съ одной стороны святой старецъ въ богатой ризѣ первосвященника, съ другой молодая дѣва, въ блескѣ земной красоты и набожнаго смиренія. Таково было видѣніе. Рафаэль силою своего генія,

ему одному свойственного, перенесъ это видѣніе на полотно. Художнику, удостоившемуся созерцать въ глубинѣ души столь дивное зрѣлище, не нужно было дополнять его техническими соображеніями, обычными пособіями другихъ: въ картинѣ Рафаэля все просто, все вылилось изъ единого созерцанія небеснаго, нѣтъ ни единой черты, ни одного изгиба, который бы напомнилъ о живописцѣ, объ умыслѣ его придать эффектъ чему-нибудь. Посмотрите на изгибъ рукъ Мадонны, на которыхъ покоится Младенецъ, — тутъ нѣтъ земной граціи, но сколько небесной простоты и нѣжности. Вся группа проникнута неземнымъ достоинствомъ, величіемъ и вмѣстѣ бзагостію, говорящею сердцу. — Въ началѣ меня поразила рѣзкость очертаній, какъ будто сухость рисунка, но это впечатлѣніе мгновенія; земному взору надо всмотрѣться, чтобы различить этотъ божественный эфиръ, облегающій видѣніе, чтобы познать, что это созданіе обуславливается высшими законами изящнаго, нежели тѣ, которыя являются въ произведеніяхъ другихъ художниковъ. Одинъ Рафаэль обладалъ идеальностію въ такой степени, что ему не страшно было приближаться къ дѣйствительности, и заимствовать ея формы, нисколько ихъ не идеализируя: у него идеальность духа, а не формы. Отъ того онъ часто даетъ своимъ образамъ самыя обыкновенныя очертанія, взятая прямо изъ природы, безъ всякаго старанія ихъ облагородить; но онъ сообщаетъ имъ достоинство идеею, въ нихъ олицетворяемою; и то, что у другаго показалось бы грубымъ, жесткимъ, обыкновеннымъ, у него дѣлается благороднымъ, возвышеннымъ, небеснымъ. Въ его святыхъ семействахъ, въ его мадоннахъ я вижу, какъ Божій духъ избралъ своимъ сосудомъ существа простыя, не отличавшіяся земнымъ образованіемъ, утонченностію внѣшности классической, и какъ потомъ, единымъ своимъ наитіемъ, онъ воз-

высилъ ихъ надъ всякою земною красотою и благородствомъ. Этотъ духъ свѣтится во всѣхъ созданіяхъ Санціо.

О такъ называемой Ночи Корреджіо ничего не могу сказать, потому что она находится въ одной комнатѣ съ Мадонною, и я въ продолженіи трехъ дней не имѣлъ духу разсмотрѣть ее внимательно. Послѣ Рафаеля мнѣ всего болѣе понравился Тиціановъ—*Cristo della moneta*. Невозможно лучше изобразить божественной мудрости въ противоположеніи ея съ человѣческимъ лукавствомъ. Этотъ мытарь, испытующій Христа, жалокъ и презрителенъ предъ лицомъ божественнаго Учителя, который проникаетъ его насквозь своимъ строгимъ, спокойнымъ взоромъ,—ясно, что отъ этого взора самые тайные помыслы укрыться не могутъ.

Всякаго поразятъ картины Рубенса, которыми богата дрезденская галерея,—это живописецъ тѣла по преимуществу, онъ поклоняется тѣлу и вездѣ даетъ ему такое развитіе и силу, что ставитъ его на первомъ планѣ. Нептунъ, *quos ego*,—какая сила, что за наяды, что за кони!.. другихъ не могло быть у Нептуна, когда онъ носился во время бури по океану. Превосходны: охота на львовъ, женщина въ купальнѣ, которую называютъ его женой—удивительно теплый колоритъ; небольшая картина, изображающая адъ—въ маломъ пропасть силы.—Ландшафты Клодъ Лоррена восхитительны—море дышетъ, деревья колыхнутся.—Богоматери—Мурилло и Гольбейна.—Что за старики Деннерта, что за головы Ванъ-Дика—вотъ заговорятъ и выскочатъ изъ рамъ! Ландшафты ванъ Остада, Рюидаля. Непостижимое богатство:—какими средствами Саксонія приобрѣла эти сокровища?—Въ продолженіе моего трехдневнаго пребыванія въ Дрезденѣ, я каждое утро ходилъ въ галерею, но не могъ разсмотрѣть порядочно и сотой доли.

Былъ на выставкѣ *Kunst-Verein*'а современныхъ произведе-

ній: преимущественно ландшафты; отличаются нерѣдко яркимъ изображеніемъ природы, хотя это болѣе копированіе, нежели созданіе; то же я замѣтилъ на подобной выставкѣ въ Гамбургѣ: какое-то рабство въ мелочахъ, и отъ того сухость; при всей яркости красокъ нѣтъ воздуха.

Въ субботу, заплативъ по 20 грошей съ головы, мы отправились, въ числѣ шестерыхъ особъ, набранныхъ лондонеромъ, осматривать Gerüst Kammer и Grüne Gewölbe. Первая по мнѣ замѣчательнѣе второй: тутъ въ турнирномъ порядкѣ разставлены на лошадяхъ вооруженные рыцари, какъ они были въ дѣйствительности, не достаетъ только звука трубы герольда, чтобы кони пришли въ движеніе. На стѣнахъ въ хронологической послѣдовательности развѣшано оружіе, соотвѣтствующее каждому періоду. Нельзя не подивиться этой шелухѣ, оставшейся отъ рыцарскихъ и феодальныхъ временъ; видишь, что борьба физической силы была ихъ душею:—что за мечи, что за аллебарды, что за копья, которыя прикрѣплялись къ сѣдлу особымъ снарядомъ, потому что держать ихъ невозможно было человѣческой силѣ; наконецъ, что за панцыри, или лучше желѣзная скоролупа, въ которой сидѣли рыцари, какъ улитки. Кто-то справедливо сказалъ: судя по латамъ, нельзя имѣть высокаго понятія о храбрости тогдашнихъ воиновъ; въ самомъ дѣлѣ, только смотря на эти панцыри можно вѣрить тѣмъ непрерывнымъ побоищамъ, поединкамъ, чудесамъ рыцарской отваги, о которыхъ рассказываютъ исторія и преданіе,—все это было не такъ опасно, какъ было бы теперь. Когда вся забота людей состояла въ томъ, чтобы рубить другъ друга въ лапшу, такъ поневолѣ надобно было думать о средствахъ предохранить себя отъ подобной непріятности.

Нашъ чичероне былъ живымъ описаніемъ всѣхъ древ-

ностей, подробно рассказывалъ кому принадлежали каждыя латы и на какомъ побоищѣ зарублены видимые на нихъ рубцы; я жалѣю, что не дѣлалъ замѣтокъ съ его словъ—теперь память отказывается мнѣ служить, а много было любопытнаго.

Grüne-Gewölbe есть не болѣе какъ собраніе игрушекъ, которое бы вѣроятно очень понравилось гр. К. И. Статуйки, мозаики, шкатулки хитростныя, фигурки изъ уродливыхъ жемчужинъ, нѣсколько сосудовъ серебрянныхъ и золотыхъ, миниатюрное представленіе пословъ индѣйскому надшаху, нѣсколько царскихъ украшеній изъ брилліантовъ и дорогихъ камней въ высокой цѣны—вотъ и все. Это маленькій клочекъ правой стороны нашей оружейной палаты.

Театръ въ Дрезденѣ прекрасенъ, лучшій въ Германіи. Наружный видъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что великолѣпная передняя ротонда фаса, украшенная статуями Гёте и Шиллера, какъ-то не соотвѣтствуетъ задней части зданія: это будто пристройка, сдѣланная напоказъ, чтобы прикрыть бѣдность и однообразіе другихъ сторонъ. Но внутреннее расположеніе превосходно: галлерей, лѣстницы, фойе—все это просторно, широко, роскошно. Кофейня имѣетъ обширный балконъ съ видомъ на Эльбу и живописныя окрестности; словомъ можно бы восхищаться и мечтать, особенно послушавши Моріани, но время уже не то; я вспомнилъ бѣдныя лавки одесскаго партера, на которыхъ обдавало жаромъ и холодомъ, и повторилъ стихъ Горация—*Labuntur anni*...

Нельзя не замѣтить въ Дрезденѣ вліянія его галлерей на развитіе общаго вкуса. Театръ служитъ этому лучшимъ доказательствомъ: устройство наружное, живопись, декорации, костюмы—все носитъ отпечатокъ изящества, котораго вы не встрѣчаете ни въ Гамбургѣ, ни въ Берлинѣ (гово-

рять, ни въ другихъ мѣстахъ)—вотъ что значить галерея великихъ произведеній, разнообразнѣйшихъ по стилю, доступная ежедневно каждому, безъ всякихъ билетовъ и ограниченій. Сюда проникаетъ не одинъ любитель и художникъ, котораго кругъ дѣйствія въ обществѣ часто очень ограниченъ;—въ эту сокровищницу идетъ всякій по влеченію и отъ нечего дѣлать, и поучается невольно, безсознательно, незамѣтно пріобрѣтаетъ вѣрное чутье для оцѣнки хорошаго и для отвращенія отъ неуклюжаго и дурнаго. Ученые Берлинцы, при всѣхъ своихъ толкахъ объ изящномъ, далеко отстали въ этомъ отъ легкихъ и простыхъ Дрезденцевъ, не имѣющихъ даже университета. Что за нелѣпья окна, напримѣръ въ берлинскомъ шаушпильгаузѣ (театрѣ), дѣлающія его похожимъ на оранжерею; что за нелѣпнѣйшее расположеніе ложъ, которыя оставляютъ возлѣ сцены двѣ щели, откуда по временамъ высовываются, съ опасностію быть сплюснутыми, носы, головы и рѣдко туловища, пролезающія съ трудомъ между двухъ стѣнъ.—Въ музыкальномъ отношеніи, Дрезденъ также неоспоримо выше: по немногу, что я слышалъ, можно заключить, что музыкальный тактъ внѣдрился въ народъ, перешелъ даже въ plebs: въ кофейнѣ, напримѣръ, на брюльской террасѣ, вольнопрактикующій оркестръ играетъ Бетховена, Вебера, Мендельсона, Мейербера и пр. и пр., такъ, что дай Богъ нашему театральному—какое согласіе, стройность, смыслъ—это прелесть!

Кстати о брюльской террасѣ. Это одно изъ живописнѣйшихъ гульбищъ въ Европѣ. Превосходнѣйшій видъ на противоположный берегъ Эльбы, на мостъ и на католическую церковь; но далеко до вида съ кремлевскаго плаца—парада на Замоскворѣчье. Теперь только, посѣщая мѣста, отъ которыхъ приходятъ въ восторгъ иностранцы, я научаюсь цѣнить наши московскія виды. Ничего подобнаго

вы не встрѣтите здѣсь; есть мѣста хорошенькія, но это все миниатюрно, бѣдно, въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ видахъ Дрездена болѣе сельскаго, нежели величественнаго; не знаяши можно подумать, что это большой посадь или провинціальный городокъ. Говорю о видахъ—внутри другое дѣло. Что также много вредить впечатлѣнію—это обветшалая наружность всѣхъ большихъ зданій; всѣ они черны, загрязнены, какъ будто въ полуразрушенномъ состояніи; отъ этого всѣ мелкія части, всѣ украшенія теряются, зданіе представляется сплошною черною массою. Таковъ Цвингеръ, гдѣ помѣщается Grüne-Gewölbe и Gerüst-Kammer, замѣчательный по своей прихотливой архитектурѣ à la Louis XV, такова католическая церковь, очень богатая по внутренней отдѣлкѣ, картинная галерея и пр. Не вѣрьте гравюрамъ, на которыхъ это все блеститъ яркимъ колоритомъ,—на дѣлѣ совершенно иначе.

Былъ въ засѣданіи саксонскихъ представителей, которое показалось мнѣ собраніемъ ученыхъ, пришедшихъ разсуждать объ отвлеченностяхъ науки,—такъ оно холодно и безжизненно. Одинъ читаетъ безконечное разсужденіе, заранѣе приготовленное, читаетъ какъ неразборчивую грамоту, другой отвѣчаетъ тѣмъ же.

— *15 августа.* Выѣхалъ изъ Дрездена рано утромъ на паромъ въ Течень, чтобы видѣть край Саксонской Швейцаріи, примыкающій къ Эльбѣ. Берега, восхваляемые въ дорожникахъ, показались мнѣ довольно однообразные вездѣ почти двѣ крутыя скалы, индѣ голыя, индѣ поросшія неизбѣжнымъ ельникомъ, единственною ихъ природною растительностію. Кое-гдѣ незаманчивые виноградники. Впрочемъ, есть нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, гдѣ берега сдвигаются или составляютъ разнообразныя углы. Таковъ Кенигштейнъ, превращенный изъ рыцарскаго замка въ тюрьму. Проѣзжая мимо, я вспомнилъ о Паткулѣ, который здѣсь томился, о Послѣднемъ Новикѣ, гдѣ такъ прекрасно описано его заключеніе. Замокъ точно напоминаетъ рассказы о неприступныхъ рыцарскихъ гнѣздахъ: онъ виситъ надъ рѣкою, на вершинѣ крутой скалы, — кажется нѣтъ возможности ни проникнуть туда, ни спастись изъ него. Возлѣ есть скала, названная Ложемъ Пажа; преданіе говоритъ, что какой-то пажъ заснулъ на ней и герцогъ самъ разбудилъ его. О прочихъ мѣстахъ зри книжку—Описаніе теченія Эльбы.

15 августа. Въ четвертомъ часу мы выѣхали въ дилижансѣ изъ Тетчена. и пріѣхали въ Теплицъ только въ девятомъ. По дорогѣ мѣста прекрасныя, домики крестьянъ увиты въ нѣкоторыхъ деревняхъ виноградникомъ.— Наконецъ, вотъ и кульмская долина смерти. Странно противорѣчило воспоминаніе, кровавое, бурное, съ мирнымъ видомъ настоящаго. Теперь кульмская долина исчерчена плугомъ хлѣбпашца, полные колосья мирно

колышутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ столько храбрыхъ пало подъ градомъ картечи и ядеръ; сколько погребено здѣсь надеждъ, чувствъ, достойныхъ лучшей участи, юношескихъ мечтаній, принесенныхъ изъ дальнихъ странъ, и для чего?... развѣ, чтобы удобрить поле земледѣльцу, который вѣроятно забылъ уже о пришельцахъ. Три памятника однакожъ напоминаютъ о прошломъ: опять странность человѣческая, если подумаешь, что монументы ставятся для того, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о кровопрлитіи, объ ужасахъ войны, о томъ, что менѣе всего утѣшительно вспоминать. Прусскій и австрійскій — стоятъ недалеко одинъ отъ другаго, старые, печальные, почернѣвшіе. Вдали, на возвышеніи, господствующемъ надъ всею долиною, возвышается памятникъ русскимъ воинамъ, въ свѣжей своей силѣ и красотѣ, какъ эмблема народа. Слава пишетъ на своихъ скрижаляхъ годъ подвиговъ русскаго воинства за свободу Европы. Не намъ слѣдовало воздвигнуть этотъ памятникъ, а Германскому Союзу, за который на этомъ полѣ и на поляхъ отъ Нѣмана до Сены проливалась кровь и потъ нашихъ соотечественниковъ.

15 авг. Въ Теплицѣ я долженъ былъ пробыть день, дожидаясь отхода Eilwagen. Иду въ садъ, вдругъ на поворотѣ аллеи встрѣчаю нашего московскаго соловья М. съ его длинными кудрями и звонкимъ смѣхомъ. Какъ водится, заключивши другъ друга въ объятія и надивившись нашей встрѣчѣ, мы стали вспоминать о Москвѣ, потомъ пошли осматривать окрестности. Полюбовавшись издали Шенбергомъ, Мильшауромъ, оптической панорамой, состоящей въ бесѣдѣ съ разноцвѣтными стеклами, я въ восемь часовъ сѣлъ въ карету и отправился далѣе. — Живописный Карлсбадъ промелькнулъ на утро другаго дня. Подъѣзжая къ нему, намъ указалъ кто-то развалины замка, будто бы

построеннаго нѣкимъ англійскимъ рыцаремъ, бѣжавшимъ въ Богемію, и потомъ сбросившимъ свою жену съ башни. Съ моимъ спутникомъ пруссакомъ зашелъ толкъ о матеріяхъ важныхъ—опять тотъ же духъ анти-христіанизма, замѣченный мною уже не разъ на бѣгу черезъ сѣверную Германію: гегеліанизмъ подточилъ тамъ корни религіи, и теперь плодотворное дерево чахнетъ болѣе и болѣе, черви работаютъ надъ его ниспроверженіемъ.

16 авг. Наконецъ я въ Франценсбадѣ, послѣ мучительнаго путешествія въ наемной коляскѣ, въ обществѣ мелочнаго торговца ножичками и мелочнаго торговца бумажными чулками и подштанниками.

Я обрадовался тишинѣ, запаху деревни; хотѣлъ найти домикъ съ видомъ на полѣ, — вмѣсто того нашолъ квартиру въ срединѣ города; думалъ найти деревенскую простоту привычекъ, беззатѣйливую общительность, — вмѣсто того встрѣтилъ тѣхъ же горожанъ, съ ихъ причудами. — Впрочемъ, буду благодаренъ и за сносныя минуты, проведенныя въ нашемъ квадрумвиратѣ съ веселымъ Романовымъ, добрымъ землякомъ Магденкомъ, и сначала Б., неизмѣннымъ типомъ петербургской гвардіи, а потомъ Р., также неизмѣннымъ типомъ другаго кавказскаго и армейскаго полуса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрно въ нашей православной Руси много единства или однообразія: поѣзжайте за границу, и тамъ встрѣтите тѣхъ же вѣчныхъ нашихъ офицеровъ, которыхъ никакъ не можетъ скрыть статскій сюртукъ, тѣхъ же барынь большого свѣта и средней руки, безъ мосѣкъ и съ мосѣками. Ну что бы имъ хоть на время какъ-нибудь забыть о своихъ прежнихъ роляхъ, нѣсколько выйти изъ своей колеи, вспомнить, что здѣсь и воздухъ другой и они сами по себѣ, —

такъ нѣтъ, идутъ по пробитой тропѣ. Что ты будешь съ ними дѣлать!

Цѣлыя пять недѣль прозябательной жизни въ Франценсбадѣ. Толки о скверномъ столѣ, о дурныхъ сигарахъ, о болѣе нежели сомнительномъ цѣломудріи водочерпиевъ и штубенмедхенъ. Поѣздки въ Siegenhaus, Sternfeldische Garten Jägerhaus, Schönberg, въ Либенштейнъ, гдѣ вдругъ на скалѣ, въ 4 сажени, у подошвы которой шумитъ колесо мельницы, читаемъ высѣченную надпись: 1808. Marianne Narischkine, a voulu se faire ici hermite, à cause de l'hermitage. Отшельница достойная пустыни,—и обратно.—Графъ, владѣлецъ либенштейнскаго замка, древняго какъ утѣсь, на которомъ онъ стоитъ, покупаетъ масло и малоко у своихъ фермеровъ и вытаскиваетъ черепа, кости, мечи со дна башни своихъ предковъ; живетъ же какъ и всѣ мнимые нѣмецкіе графы новыхъ временъ, тоестъ самъ другъ съ женой, не принимая никого иначе, какъ съ визитомъ, а лѣтомъ посѣщая Франценсбадъ, ради удовольствія пить кофе пополамъ съ цикоріемъ въ его увеселительныхъ мѣстахъ.—Жители занимаются выдѣлываніемъ ситцу на тѣхъ же условіяхъ, какъ у насъ во Владимірской губерніи, принимая пряжу отъ купца и получая задѣльную плату—около рубля въ день.

Интересна церковь въ Вальдзасенѣ, уже въ баварскихъ предѣлахъ, остатокъ прежняго католическаго величія. Она окончательно отдѣлана въ концѣ XVII столѣтія и принадлежала до секуляризаціи монастырскихъ имуществъ (кажется въ 1803) къ монастырю, котораго строенія обращены теперь въ ситцевую фабрику. Вся внутренняя отдѣлка, богатые лѣпныя украшенія, гипсовыя статуи принадлежатъ Итальянцамъ, и носятъ на себѣ отпечатокъ искусства, свойственнаго, въ счастливой Авзоніи, даже второкласнымъ

художникамъ. Живопись главныхъ иконъ, кисти какого-то божемскаго живописца показываетъ замѣчательное развитіе для того времени.—Подъ алтарями, за стекломъ, лежатъ скелеты мучениковъ, убранные въ парчевыя одежды съ фальшивыми камепьями; почернѣвшіе черепа съ глубокими впадинами вмѣсто глазъ, съ челюстію, ослабленною тлѣніемъ, странно противорѣчатъ золотымъ діадемамъ, которыми ихъ кокетливо нарядила набожность.

Всего занимательнѣе была наша прогулка въ Эгеръ, въ праздникъ Винцентія, соответствующаго окончанію жатвы, когда духовенство въ процессіи, сопровождаемое ландъ-милиціею, носило по городу на бархатной подушкѣ черепъ святаго. Шествіе открывалось дѣтьми разныхъ школъ, расположенными по классамъ, а заключалось крестьянами обоюга пола. Каждое отдѣленіе имѣло своего, можно сказать, запѣвалу, провозглашавшаго стихи молитвъ разнымъ угодникамъ, начиная съ Авраама, которые повторялись потомъ всею массою. — Основаніе Эгера принадлежитъ кажется XII столѣтію.—Память Валленштейна наложила на него печать знаменитости; здѣсь разыгралась кровавая драма, не приносящая чести ни жертвѣ, ни ея палачамъ. Успѣхъ могъ бы поставить Валленштейна на ряду людей могучихъ, и блескъ генія закрылъ, оправдалъ бы средства; но онъ погибъ какъ нерѣшительный ребенокъ, запутавшись въ паутину сомнѣній.—Въ ратушѣ показываютъ копье, которое обагрилось его кровью,—какой-то англичанинъ отломилъ его остріе на память; тутъ-же мечъ (достававшій мнѣ до плечъ), поразившій одного изъ сообщниковъ. На стѣнѣ виситъ картина, изображающая убійство, говорятъ почти современная—можно повѣрить, потому, что Валленштейнъ дѣлаетъ на де ригодонъ въ то время, какъ его прокалываютъ.

Комната, гдѣ оно произошло, теперь совсѣмъ передѣлана, и обитаема нѣмцомъ, котораго мирный сонъ, благодаря пиву, такъ крѣпокъ, что его нисколько не тревожитъ гѣнь Валленштейна. Мы посѣтили замокъ, развалины дома комендантскаго, самой залы, гдѣ послѣ роскошнаго ужина были переколоты заговорщики. Теперь все это валится, какъ мѣсто, пораженное проклятиемъ. Въ замкѣ сохранилось хорошо только небольшое строеніе, которое называютъ часовнею, будто-бы основанною Храмовниками, что впрочемъ не справедливо. Она состоитъ изъ двухъ ярусовъ; своды опираются на четырехъ столбахъ; замѣчательно, что въ верхнемъ, два изъ этихъ столбовъ украшены небольшими капителями съ изображеніями Пріапа, а два другіе съ изображеніями нагихъ женщинъ. Внизу, капители также различны, но въ египетскомъ вкусѣ, и столбы толще, нежели въ верхнемъ. Иные думаютъ, что эта постройка относится ко временамъ язычества, другіе, и вѣроятнѣе, что колонны привезены изъ Італіи, изъ какого-нибудь языческаго храма.— При входѣ въ замокъ находится на половину сохранившаяся башня, сооруженная по преданію будто-бы Римлянами; камень черный, волканическаго свойства, взятый, какъ кажется, изъ здѣшняго ех-волкана Kammerbühle.

Благодаря моимъ посѣщеніямъ Goldenen Kreuz, я познакомился, къ сожалѣнію поздно, съ занимательнымъ и истымъ Чехомъ, докторомъ Гансгиргомъ изъ Лейтмерица. Оказалось, что онъ знаетъ нѣсколькихъ нашихъ профессоровъ и молодыхъ людей, здѣсь бывшихъ. Бодянской учился у него по-нѣмецки. Онъ хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ, читаетъ русскія книги. Пустились мы въ разсужденія о славянствѣ, какъ водится; онъ далъ намъ съ Магденкомъ урокъ чешскаго чтенія. Кое-что любопытное

объ австрійскомъ гражданскомъ устройствѣ узналъ я отъ него, на примѣръ—въ здѣшнихъ гимназіяхъ, раздѣленныхъ на граматикальные и филологическіе классы, въ первыхъ положено только четыре учителя, изъ которыхъ каждый преподаетъ всѣ предметы одновременно поступившимъ ученикамъ, въ продолженіе всего четырехлѣтняго курса, переходя съ ними изъ класса въ классъ. Есть свои выгоды и невыгоды отъ этого.

Въ помѣстьяхъ здѣшняго дворянства судьи и всѣ чиновники назначаются помѣщиками и получаютъ отъ нихъ плату,—это остатокъ чего-то феодальнаго и должно давать значительный вѣсъ, такъ что свобода крестьянъ дѣлается очень ограниченою, особенно въ имѣньяхъ, гдѣ удержались три рабочіе дня.

Войско набирается по списку. Всѣ 20 лѣтніе (исключая дворянъ) должны являться на выборъ; изъ нихъ выбираютъ сильнѣйшихъ и красивѣйшихъ, а въ случаѣ недостачи, добираются и до другихъ. Прослуживъ 3 года, солдатъ увольняется въ домовую отпускъ, и лѣтомъ на 6-ть недѣль долженъ являться для упражненія. Срокъ службы 14 лѣтъ. Изъ солдатъ очень ограниченное число можетъ быть женатыхъ; изъ офицеровъ полка, не болѣе трети,—для этого должны дожидать ваканціи (вѣрно прежде страсть къ семейной жизни была очень сильна). Притомъ для полученія позволенія на женитьбу, должно представить 8 тысячъ гульд. мюнце, какъ бы залогу, съ которыхъ правительство выдаетъ 5⁰/₁₀₀; это дѣлается на случай смерти офицера, чтобы вдова не имѣла притязаній на пансіонъ. Деньги эти не выдаются даже вдовѣ, а только послѣ нея дѣтямъ. Не худо выдуманно!

РЕГЕНСБУРГЪ. 24 Сент. На пути сюда мнѣ показалось что Баварія имѣеть болѣе бѣдную наружность, нежели Богемія, хотя и говорятъ, что здѣсь почва лучше и хлѣбонашество достигло большаго совершенства; вездѣ маленькія села, бѣдныя избы, нѣтъ того устройства; шоссе плохо и чрезвычайно искривлено. Кондукторъ сказалъ намъ, что почты въ большомъ упадкѣ, что содержатели нѣкоторые отказались, и правительство должно было взять ихъ на собственное попеченіе. Говорено было дорогою о препятствіи, встрѣченномъ при рытьи канала между Дунаемъ и Рейномъ, состоящемъ въ песчанномъ грунтѣ одного мѣста; объ успѣшномъ дѣйствиі карлсбадскихъ водъ противъ желчи и о подобныхъ важныхъ предметахъ. Мы вѣхали въ Регенсбургъ усталые, запыленные до невозможности, около 11 часовъ (слѣдовательно были въ дорогѣ около 20-ти).

Городъ, покрытый пылью и мохомъ вѣковъ, гдѣ люди стали копошиться со временъ римскихъ, а можетъ быть и прежде; преданіе гласить, будто они нашли здѣсь уже поселенцевъ. — Странное впечатлѣніе производятъ эти древніе города, сохранившіе еще свою старую скоролупу, несмотря на измѣнившіяся условія жизни; они любопытны для путешественника, но въ нихъ столько мрачнаго, столько тяжелаго, что кажется эти стѣны должны подавлять духъ жизни, мѣшать развитію, какъ они мѣшаютъ свѣту и воздуху проникать въ жилища. Новое образованіе любитъ просторъ, любитъ общительность, не стѣсняетъ людей въ эти загорода, выстроенныя для того, чтобы отсиживаться отъ врага, и внутри также раздѣленныя на укрѣпленныя дома—башни, изъ которыхъ

онъ надулъ черта, бросивъ ему собаку, когда дѣло пришло до расплаты. И эта легенда была всенародно олицетворена въ Регенсбургѣ: на древнемъ мосту, въ послѣдствіи пострадавшемъ отъ пожара, было съ одной стороны каменное изображеніе черта, верхомъ на доскѣ, а съ другой—бѣгущая собака. Первое и теперь показываютъ въ такъ называемомъ ambitus возлѣ Собора.

Кромѣ Собора, Регенсбургъ имѣетъ много церквей: изъ нихъ мнѣ удалось видѣть только старую капеллу, обращенную изъ языческаго храма, въ шотландскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ Св. Іакова. Церковный порталъ замѣчательнень своими странными фантастическими фигурами и чудовищами, въ которыхъ, какъ и во многихъ вышнихъ украшеніяхъ готическихъ церквей, проглядываютъ тѣ же странныя понятія среднихъ вѣковъ,—вѣрованія въ чародѣйство, въ присутствіе какихъ-то черныхъ силъ.—Мой чичероне сказалъ мнѣ, что еще и теперь при монастырѣ воспитывается много молодыхъ людей изъ знатныхъ шотландскихъ фамилій, которые присылаются сюда изъ дальней родины и, напившись чистымъ католическимъ ученіемъ, возвращаются съ духомъ нетерпимости и запоздалыми схоластическими понятіями.

Очень любопытна старинная регенсбургская ратуша, служившая нѣкогда мѣстомъ собранія для имперскихъ сеймовъ. Подъ предводительствомъ чичероне, въ засаленной юпкѣ, я обошелъ молчаливыя, пустынные залы или лучше, палаты, напоминающія очень наши дворцовыя московскія (сходство ли древности или заимствованіе строителей?). Каждый чинъ имѣлъ особенную палату, въ которую не впускались посторонніе; такъ курфирсты, князя, графы разсуждали порознь о дѣлахъ имперіи, и потомъ сходились въ общее присутствіе, иногда подъ предѣдатель-

ствомъ императора. Его стулъ сохранился до сихъ поръ. Въ одной изъ залъ висятъ теперь портреты патриціевъ, тоестъ знатныхъ бюргеровъ, сохранившіеся отъ времени ихъ могущества, замѣчательныя по изображеніямъ тогдашнихъ костюмовъ знатныхъ горожанъ, совершенно отличныхъ отъ одежды дворянъ. Это различіе поддерживалось очень долго взаимною непріязнію, такъ что еще въ недавнее время, тому лѣтъ тридцать не болѣе, какъ изгладились его слѣды.

Подъ залами засѣданій находились темницы для преступниковъ и осужденныхъ. Не безъ содроганія сошелъ я въ эту обитель скорби, слезъ и стенаній. При тускломъ свѣтѣ запыленного фонаря, оживали въ моихъ глазахъ несчастные страдальцы, часто жертвы варварства, фанатизма, глупости человѣческой. Все подземелье раздѣлялось на множество низкихъ келій, которыхъ потолокъ не позволялъ заключенному выпрямиться; для изголовья назначалось бревно, и чтобы сдѣлать положеніе лежачаго болѣе безпокойнымъ, полъ имѣлъ покатость въ сторону изголовья; маленькое отверстіе въ дубовой стѣнѣ оставлялось для поданія пищи. Въ нѣкоторыя кельи надобно было спускать заключеннаго на веревкѣ. Теперь остается нѣсколько подобныхъ темницъ для образчика. Въ сосѣдствѣ съ ними находится отдѣленіе для пытокъ, то же совершенно темное. Въ прихожей осужденный былъ раздѣваемъ и черезъ нарочно оставленное отверстіе могъ видѣть орудія, его ожидавшія. Во второй палатѣ можно видѣть и теперь эти омертвѣвшія чудовища, порожденныя варварствомъ, покрытыя до сихъ поръ пятнами крови, притупленныя тѣломъ мучениковъ. Женщина, водившая меня, подробно, съ особеннымъ удовольствіемъ, объясняла значеніе и употребленіе каждаго орудія: дыба, на которой вѣшали человѣка, выворачивая назадъ руки и привязы-

вая къ ногамъ тяжести, называлась die schlimme Elisabeth, вѣроятно по имени первой страдальцы, мужественно перенесшей мѹку; другая подобная, лежачая—der gespizte Naase — всѣ почти имѣють юмористическія названія: лѣсница, съ которой спускали внизъ головою, по заостреннымъ валикамъ; стулъ, убитый деревянными остріями, но довольно тупыми, чтобы сдѣлать дѣйствіе ихъ мучительнѣе; заостренная доска, на которую сажали верхомъ. Смотри на отвратительныя утонченности изобрѣтенія, сомнѣваешься въ существованіи добраго начала въ человѣкѣ, боишься за его разсудокъ; боишься, что эти чудовища снова оживутъ и начнутъ мучить по-прежнему. — Палата пытокъ отдѣлена густымъ деревяннымъ переплетомъ отъ мѣста, гдѣ находились слѣдователи; сквозь рѣшетку они могли наблюдать все дѣйствіе, не будучи видимы, дѣлать вопросы, отдавать приказанія.

Регенбургскій мостъ построенъ въ началѣ XII столѣтія, герцогомъ баварскимъ Генрихомъ X, начатъ во время засухи (1135 г.), когда Дунай пересохъ почти совершенно. Это замѣчательное сооруженіе, говорящее въ пользу значительности техническихъ архитектурныхъ познаній того времени.

Возлѣ Регенбурга, въ разстояніи часа ѣзды, на высокомъ берегу Дуная, воздвигнута нынѣшнимъ королемъ пресловутая Валгалла, въ честь знаменитымъ мужамъ Германіи, стоявшая по общему сказанію 12 мил. гульденовъ. Это строеніе издали имѣетъ видъ огромнаго саркофага и состоитъ изъ параллелограмма, вокругъ обставленнаго колоннами, возвышающагося на такъ-называемомъ циклопическомъ фундаментѣ. Нѣмцы удивляются колоссальности цѣлаго, въ особенности лѣстницъ, ведущихъ отъ

рѣки къ зданію, хотя сознаются сами, что лѣстницы получаютъ въ глазахъ зрителя болѣе важности, нежели самое строеніе. Миѣ кажется, что въ отношеніи къ значенію Валгаллы, какъ пантеона славы всей Германіи, они бы должны желать размѣровъ, болѣе поражающихъ зрителя; въ отношеніи же къ средствамъ небольшого королевства, конечно, и этого много. Но что неоспоримо—это несообразность древне-классическаго стиля съ мыслию строенія, съ его положеніемъ и съ воспоминаніями, которыя должна возбуждать его внутренность въ душѣ каждаго германца. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какъ, имѣя національный, многознаменательный стиль, въ которомъ выразилась прошедшая жизнь Германіи, слившійся съ преданіемъ о томъ времени, которое породило бѣольшую часть мужей, наполняющихъ Валгаллу, строители не догадались имъ воспользоваться и воздвигнули греческій храмъ въ странѣ, гдѣ глазъ не привыкъ встрѣчать ничего подобнаго, — тамъ, гдѣ путешественникъ удивляется чистотѣ готической архитектуры, наконецъ, въ мѣстѣ, гдѣ дикая красота сѣверной природы совершенно противорѣчитъ классическимъ воспоминаніямъ о благословенномъ небѣ Эллады. Величественное зданіе готическаго стиля уже наружностію краснорѣчиво говорило бы о своемъ назначеніи, въ особенноти, душѣ германца, который привыкъ къ этому стилю, какъ къ сказанію отцевъ, милому преданію старины. Тогда дѣйствительно подобное зданіе сдѣлалось бы многознаменательнымъ, могло бы стать святынею народною, между тѣмъ какъ теперь оно—прихотливая игрушка, забава для путешественниковъ. Нѣмецкимъ героямъ и геніямъ нужна была классическая одежда, чтобы получить право дворянства; недостаточно имъ было тогъ и мантий, которыми прикрыты ихъ плечи, у нихъ не оказалось и собственной кровли, гдѣ бы пріютиться, самое убѣжище

пришлось имъ выпросить у грековъ. Зачѣмъ же они назвали его скандинавскимъ именемъ—Валгаллою. Пусть это будетъ Пантеонъ или что - нибудь подобное; скандинавскимъ богамъ, вѣрно было бы душно между этими колоннами.

Впрочемъ, устранивши эти мысли, которыя вѣроятно часто приходятъ путешественнику, а еще чаще должны докучать мыслящему германцу, устранивши несообразность постройки на уединенномъ берегу, вдали отъ города, между тѣмъ, какъ подобныя памятники, чтобы быть плодотворными, должны стоять посреди людей,—устранивши наконецъ поярковыя туфли, которыми должны обуться ноги каждаго входящаго (чепорность дѣлается смѣшною, когда она доведена до крайности), зданіе само по себѣ не грѣшитъ противъ правилъ искусства и выполнено съ рѣдкимъ техническимъ совершенствомъ. Внутренность залы дѣлаетъ наибольшее впечатлѣніе своимъ великолѣпіемъ, красотою мрамора, оригинальнію сквозной кровли, которой стропила и перекладины расписаны по золотому полю и украшены барельефами съ большимъ вкусомъ.

Хотя въ описаніи сказано, что выборъ знаменитыхъ мужей сдѣланъ съ величайшимъ безпристрастіемъ и мудростію, однако, несмотря на это, нельзя не замѣтить иногда пестроты и несообразностей. Многія темныя имена красуются тутъ наравнѣ съ знаменитыми; многія знаменитости, принадлежавшія другимъ народамъ, причислены къ германскимъ геніямъ; такъ на примѣръ наша Екатерина II, хотя она потому именно сдѣлалась великою правительницею, что перестала быть нѣмкою. Дибичъ стоитъ также здѣсь. Исполненіе бюстовъ хорошо ремесленно, но не достигаетъ художественнаго достоинства: всѣ почти аффективированы отъ желанія придать имъ болѣе жизни, что даетъ имъ только непріятную манерность. Нѣкоторыя изъ аллегорич-

ческих фигуръ заслуживаютъ похвалу въ таковой же степени. Зала раздѣлена на три части колоннами; несмотря на то, замѣтна пустота, которую, не знаю почему, не догадались наполнить и оживить изображеніями знаменитыхъ мужей; вмѣсто того обставили ими только стѣны.

Выѣзжая изъ Регенсбурга и сядя ночью въ почтовую карету, я замѣтилъ возлѣ себя спутника, съ которымъ мы обмѣнялись только двумя словами; но въ послѣдствіи наше знакомство завязалось крѣпче и мы, не разлучаясь, доѣхали до Флоренціи.

МЮНХЕНЪ. 26 сентября. Въ дурную погоду, осыпаемые мелкимъ дождемъ, въѣхали мы въ Мюнхенъ, окруженный плоскою, очень печальною равниною. Мы въѣзжали по Лудвигштрассе и потому городъ показался мнѣ вторымъ Петербургомъ. По обѣимъ сторонамъ огромныя, прекрасныя зданія, широкіе тротуары, чистота. Лудвигскірхе промелькнула мимо насъ своимъ привлекательнымъ фасадомъ; за нею оригинальныя зданія университета, библіотеки съ задумавшимися мудрецами на крыльцѣ, аркады базара; наконецъ, открылась площадь театра, и карета остановилась у почтового двора, расписаннаго фресками, съ классическимъ порталомъ. Мнѣ было очень весело: все это казалось такъ свѣжо, такъ молодо и ново, что напоминало отечество; притомъ я былъ радъ, что вырвался изъ этихъ темныхъ, тяжелыхъ, удушающихъ своею древностію городовъ Германіи, и попалъ опять въ среду жизни свѣжей, современной.

Пробывъ нѣсколько дней, я убѣдился, что Мюнхенъ такой же старикашка, какъ и прочіе, съ тою разницею, что онъ хочетъ казаться молодымъ. Онъ румянится, чепурится съ одной стороны, забывая, что стѣитъ зайти сзади, такъ и увидишь протертые локти, и вмѣсто модной одежды — полы стариннаго, выношеннаго кафтана. Въ общественной жизни это тотъ же франтъ изъ купцовъ, который напудрилъ и причесалъ голову, надѣлъ новый фракъ, да не собрался еще съ деньгами, чтобы добыть себѣ хорошій жилетъ и другія принадлежности, и сверхъ того сохранилъ много ухватокъ и привычекъ совсѣмъ не столичныхъ.

Вы ожидаете, что городъ, который озадачилъ васъ такими зданіями, памятниками, церквями и въ особенности фресками, имѣетъ всѣ средства, чтобы удовлетворить прихотямъ роскоши, всѣ забавы и увеселенія, чтобы сдѣлать пребываніе въ немъ пріятнымъ,—ни чуть не бывало. Вы не найдете ни хорошаго ресторана,—кормятъ вездѣ прескверно,—ни опрятной кофейни, гдѣ бы можно дожидаться журнала, потому что выписывается по большей мѣрѣ два или три для всей публики (трудно повѣрить, что въ Мюнхенѣ мы съ трудомъ могли доставать Аугсбургскую Allgemeine Zeitung). Вечеромъ, кромѣ довольно посредственнаго спектакля, свинцовыхъ танцовщиковъ и танцовщицъ, хриплыхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ—нѣтъ другаго развлечения. Словомъ, Мюнхенъ еще младенецъ или неучъ въ отношеніи къ развитію свѣтской жизни, и я не удивляюсь, если говорить, что въ немъ бываетъ очень скучно не только искателямъ удовольствій, но и людямъ, требующимъ умственнаго развлечения. Берлинъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ отношеніи, вознаграждаетъ за сонливость своего общества: въ немъ есть умственное движеніе, перья скрипятъ и головы работаютъ. Мюнхенъ—совершенная провинція.

За то онъ имѣетъ художественныя движенія, не всегда удачныя, но утѣшительныя въ наше время порабощенія художествъ. Въ основаніе имъ положены два превосходныя собранія памятниковъ искусства—Глиптотека для скульптуры, Пинакотекa для живописи. Нельзя не видѣть во всемъ, что дѣлается нынѣ, огромнаго вліянія этихъ двухъ собраній, какъ представителей прежняго искусства; и здѣсь—свободный ежедневный доступъ для всѣхъ распространяетъ это вліяніе не только на художниковъ, но и на общество. Не имѣя ни времени, ни средствъ описывать эти галереи, которыя я посѣщалъ почти ежедневно,—находя истинное наслажденіе посреди міра, созданнаго ду-

хомъ человѣка, — скажу однако нѣсколько словъ о томъ, что осталось въ моей памяти.

Пинакотека раздѣляется на девять залъ и двадцать три кабинета. Залы украшены великолѣпными плафонами, золотомъ и лѣпною работою; свѣтъ вездѣ падаетъ сверху. Картины размѣшены въ послѣдовательномъ порядкѣ развитія живописи, начиная съ нѣмецкихъ школъ.

Первая зала заключаетъ преимущественно Верхне-Нѣмецкую Школу, до половины XVI ст., отличавшуюся своими усиліями выразить внутреннюю жизнь чувства въ изображеніи человѣка. Мартинъ Шафнеръ изъ Ульма (ок. 1524) — благовѣщеніе, вошествіе Богородицы во храмъ, успеніе. Вольгемютъ (+1519), Франкской Школы, имѣвшей свое средоточіе въ Нюрнбергѣ, — преображеніе Христа; признакъ этой Школы — сильная характеристика и рѣзкость очертаній. Здѣсь блеститъ выше прочихъ Дюреръ Альбрехтъ (+1528); его кисти принадлежатъ Два вооруженныя рыцаря, и одно изъ лучшихъ его произведеній — четыре апостола, изъ которыхъ изображеніе Петра отличается необыкновенною силою колорита и очертаній головы. Бургмейеръ изъ Аугсбурга, ученикъ Дюрера — побѣда Сципіона Африканскаго при Замѣ: безчисленное множество маленькихъ фигуръ, очень тщательно выдѣланныхъ, но не дѣлающихъ никакого общаго впечатлѣнія. Лука Кранахъ — Исусъ и прелюбодѣйница: изображеніе евангельскаго сказанія въ образахъ современной жизни, замѣчательное по юмору, хотя неприличному для священныхъ, много-знаменательныхъ преданій. Кранахъ вообще мало заботился о главной мысли своихъ изображеній, — онъ не въ состояніи ни отдѣлиться отъ современности, ни дать своимъ произведеніямъ самостоятельную жизнь: вездѣ видишь любимое выраженіе худож-

ника и людей его окружающихъ, въ костюмахъ XV ст. Такъ онъ пишетъ Лукрецію (во второй залѣ) нѣмецкой барыней въ робъ-ронѣ, одною рукою приподнимающей юпку (вѣроятно чтобы не замарать ее), а другою втыкающей себѣ ножъ въ грудь, безъ малѣйшаго выраженія боли или страданія.

Вторая зала. Продолженіе нѣмецкихъ школъ, постепенно преобразующихся подъ вліяніемъ Итальянцевъ. Какъ всякое переходное состояніе, этотъ отдѣлъ представляетъ мало утѣшительнаго. Въ своей ограниченности, нѣмецкая манера XV ст. имѣла достоинство добросовѣстной выдѣлки частностей и нѣжнаго, тонкаго выраженія оттѣнковъ чувства;—въ подражаніи Итальянцамъ она утратила этотъ характеръ; между тѣмъ, Нѣмцы, по недостатку художественнаго врожденнаго чувства, никогда не могли достигнуть могучей высокой концепціи, отличающей итальянское искусство. Здѣсь замѣчательнѣе другихъ работы Гольбейна, Шёна или Шонгауера (Мартина), бывшаго вначалѣ гравировальщикомъ, Дюрера—самоубійство Лукреціи, очень сходное по выраженію съ картиною Бранаха, Анжелики-Кауфманнъ—Христосъ и Самаритянка, ландшафты Роаса, Дитриха (Вильгельма Эрнста), отличающіеся необыкновенною свѣжестію колорита.

Третья зала—Нидерландская Школа въ XVI и XVII ст. Тутъ Ванъ-Дикъ, Рембрантъ, Ванъ-деръ-Верфъ (полулежащая Магдалина въ пещерѣ), Снидерсъ—искусный рисовальщикъ животныхъ, славный своими ландшафтами Вуверманъ, Беергемъ, Ванъ-деръ-Гельсть, ландшафтные живописцы: Ванъ-деръ-Нееръ и Брегель.—Вся эта Школа отличается искуснымъ, милымъ подраженіемъ природѣ въ ея спокойномъ, обыходномъ состояніи. Здѣсь не надо искать ни идеальности, ни сильныхъ движеній, ни высокихъ порывовъ творчества—на всемъ лежитъ отпечатокъ мирной герман-

свой жизни, какой-то колоритъ добродушія и семейной простоты.

Четвертая зала, съ прилежащимъ кабинетомъ, посвящена кисти Рубенса (1547—1640). Миѣ кажется, это единственный нѣмецкій живописецъ, приближающийся къ Итальянцамъ величіемъ изобрѣтенія, мощью и богатствомъ фантазіи, смѣлостію кисти, и превосходящій многихъ теплотою неподражаемаго колорита. Конечно, эта теплота, въ соединеніи съ массивностію формъ, пораждаеть замѣтный недостатокъ—излишнюю тѣлесность, совершенное преобладаніе плоти надъ всякимъ духовнымъ движеніемъ, такъ что нѣкоторыя картины Рубенса превосходятъ самую пластику выпуклостію нагаго тѣла, изображеннаго во всей силѣ матеріальной жизни. Для скульптора изображать тѣло только для тѣла уже большая ошибка, тѣмъ болѣе для живописца, призваннаго одухотворить тѣло, видѣть въ немъ олицетвореніе явленій высшаго міра. Рубенсъ смотритъ на жизнь съ ея матеріальной стороны; онъ яркими красками списываетъ оттѣнки земныхъ страстей и движеній, его образы живутъ сильною жизнью, исполненною тревоги, но эта жизнь чужда всякой идеальности, а слѣдовательно и настоящей поэзіи. — Пинакотекка особенно богата его произведеніями, огромными и принадлежащими къ лучшимъ. Болѣе другихъ сдѣлали на меня впечатлѣніе: страшный судъ—огромная картина, болѣе 18 футовъ вышины и 14-ти ширины; почти тотъ-же предметъ повторенъ еще въ четырехъ меньшихъ. Въ этомъ циклѣ всего лучше можно оцѣнить отличительное достоинство Рубенса—удивительное богатство фантазіи: при огромномъ количествѣ фигуръ, вы не найдете двухъ схожихъ положеній во всѣхъ пяти картинахъ, не найдете ни одной фигуры, выставленной только напоказъ—всѣ они движутся, живутъ. Низверженіе и страданія грѣшниковъ, преданныхъ во власть чертей, изобра-

жены неподражаемо, потому что матеріальность предмета согласовалась съ направлениемъ художника; но вознесеніе праведныхъ въ горнія селенія не могло быть удачно: Рубенсъ какъ и всегда совѣмъ забылъ, что здѣсь дѣло идетъ о преобразенныхъ душахъ и облекъ ихъ такою упитанною, похотливою плотью, какъ будто они встали съ ложа наслажденія, а не изъ гробовъ. Рѣшительно Рубенсу гораздо лучше удастся адъ, нежели рай—это можетъ служить дурнымъ предзнаменованіемъ для его души. Самое изображеніе Христа Судіи болѣе походить на Юпитера, наблюдающаго съ высотъ Иды борьбу Грековъ съ Троянами. За то все, что человѣческое воображеніе могло придумать страшнаго, отвратительнаго для обладателей преисподней—схвачено широкою кистью Рубенса съ могучею смѣлостію и свободою. Многія другія картины, почти всѣ находящіяся здѣсь блещутъ его обычными достоинствами, изъ нихъ напр. львиная охота—животныя кисти Спидерса, примиреніе Сабинянъ съ Римлянами, дѣти, несущія вѣнокъ—удивительная прелесть, свѣжесть и полнота жизни, избіеніе младенцевъ, охота за кабанамн, прелестный портретъ второй жены художника Елены Форманнъ съ нагимъ ребенкомъ, мученическая смерть св. Лаврентія на раскаленной жаровнѣ—полотно кажется горитъ—страшно приблизиться отъ жару. Въ кабинетѣ нѣсколько картинъ эскизовъ, изображающихъ разныя сцены изъ жизни Маріи Медичи и много мастерскихъ портретовъ.

Пятая зала посвящена опять Нидерландской Школѣ; шестая Испанской и частію Французской. Здѣсь замѣчательны превосходныя произведенія Мурилло—сцены изъ жизни уличныхъ ребятъ—трудно вообразить, чтобы можно кистію передавать съ такою вѣрностію природу съ ея грязью и свѣтомъ.—Неподражаемы ландшафты Клодъ ле Лоррена; нѣсколько замѣчательныхъ картинъ ле Брюна, Іосифа Вернета,

Николая Пуссена.—Начиная съ седьмой залы остальные наполнены произведениями итальянской живописи, между которыми отличаются Аннибаль Каррачи, Гвидо Рени, Карло Дольче, Кристофъ Аллори, Франческо Альбани, Порденоне и въ особенности нѣсколько портретовъ Тиціана. Прекрасенъ св. Сабастіанъ Караваджа. Нѣсколько картинъ священнаго содержанія—Павла Веронеза. Огромная картина Чиньяни Карла—вознесеніе Богородицы, написанная для іезуитской церкви въ Неубургѣ, взамѣнъ взятаго оттуда страшнаго суда Рубенса, но потомъ также отобранная для галлерей.—Много работъ Луки Жіордано, прозваннаго Фаиресто, Доменикино, Бароччіо. Надъ дверьми восьмой залы прекрасное вознесеніе Богородицы Гвидо Рени—съ нѣжностію и мягкимъ колоритомъ, ему свойственными.

Наконецъ, въ девятой залѣ находятся большею частію произведенія художниковъ XV столѣтія, стоявшихъ во главѣ итальянскихъ школъ; о нихъ я буду имѣть случай говорить въ ихъ отечествѣ, когда больше съ ними познакомлюсь. Здѣсь упомяну о двухъ Святыхъ Семействахъ, приписываемыхъ Рафаэлю вмѣстѣ съ собственнымъ его портретомъ. Въ 21-мъ кабинетѣ помѣщена одна изъ превосходнѣйшихъ его Мадоннъ, извѣстная подъ названіемъ *dei Tempi*: Богоматерь держитъ Младенца, прижимая его съ лобзаніемъ къ груди. Одному Рафаэлю доступно это выраженіе глубокой, нѣжной любви, разлитое во всемя существовѣ Божественно-Родшей. Не только ея ликъ проникнуть неизъяснимо-небеснымъ чувствомъ, но самый и згибъ рукъ, силящихся прижать какъ можно ближе драгоценное дитя къ лону, исполненъ такой естественности и теплоты, что одного этого движенія достаточно бы было для изъясненія всей глубины чувства, наполняющаго сердце матери.—О прочихъ картинахъ, находящихся въ кабинетахъ, изъ которыхъ многія вполне заслуживаютъ вниманія, не могу сказать ничего опредѣли-

тельного, потому что поверхностный обзоръ оставилъ очень небольшое въ моей памяти.

Другое драгоценное собраніе, извѣстное мнѣ также очень поверхностно къ сожалѣнію,—это Глинкотека. Первые залы наполнены египетскими произведеніями: тутъ человѣкъ Прометея еще не додѣланъ; нѣкоторые члены еще не отдѣлились отъ камня, изъ котораго выходитъ тѣло,—вы видите его ооченѣвшимъ или въ странномъ сродствѣ съ животными. Но вы подвигаетесь впередъ, міръ греческій повѣялъ на васъ духомъ жизни,—и вотъ вокругъ васъ начинается движеніе. Человѣкъ не имѣетъ еще соразмѣрности формъ зрѣлаго возраста; эти группы похожи на дѣтей, не сложившихся, но ихъ уже одушевляетъ мысль и характеръ,—таковы статуи Эгинскаго храма, конца V вѣка до Р. X., въ которыхъ видно освобожденіе отъ художественно-религіознаго преданія, изображающія нѣкоторыя сцены изъ троянской войны, гдѣ участвовали Эакиды (ибо сказаніе говоритъ, что въ сраженіи съ Персами при Саламинѣ, духи Эакидовъ рѣшили побѣду). Здѣсь виденъ сильный натурализмъ; впрочемъ движенія грубы и лицамъ придапо выраженіе масокъ, волосы условны, одежда Минервы строга,—вообще преобладаетъ элементъ дорическій. Можно подуматъ, что здѣсь греческое искусство умышленно олицетворило начало борьбы своей съ природою, въ образахъ перваго поэтическаго преданія о борьбѣ Грековъ съ враждебнымъ элементомъ другаго народа. Къ болѣе развитымъ произведеніямъ того времени принадлежитъ такъ называемое Барберинская Муза, оказавшаяся теперь Аполлономъ. За этими еще строгими, такъ сказать символическими формами, подчиненными одной мысли, слѣдуетъ періодъ развитія личности. Индивидуальности принимаютъ каждая соотвѣтствующій образъ, проявляются раздѣльно и вмѣстѣ

гармонически; земные боги Греціи, боги природы и страстей челоуѣка обступаютъ васъ дружною веселою толпою, съ яснымъ отпечаткомъ своего назначенія на челѣ. Пліонейскіе, безъ сомнѣнія оригиналь, вѣроятно принадлежалъ къ группѣ Ніобидовъ Скопаса (390 — 350 до Р. X.) начальника школы, давшей просторъ чувству и паѳосу — одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній удѣлѣвшихъ отъ Древности.

Къ Школѣ Праксителя (364—340 до Р. X.), выразившей мечтательную мягкость, нѣжную чувственность и лукавство, принадлежитъ Книдская Венера, — копія съ оригинала; вѣроятно и Сатурнъ, прислонившійся къ дереву и Apollo Sauroctonos. Вакхъ, представитель всѣхъ земныхъ наслажденій, получилъ наибольшую долю пространства въ Глиптотекѣ; его дивный Силенъ, утомленный оргією, отягощенный винными парами, заснулъ и храпитъ посреди залы; давно уже спать онъ, но еще и теперь ожидаютъ что вотъ пробудится, — идите далѣе чтобы не разбудить его. Вотъ и обезображенное тѣло одного изъ Ніобидовъ, окаменѣвшее въ томъ самомъ положеніи, какъ застигла его смерть отъ неумолимыхъ стрѣлъ; оно не мертво, оно еще дышетъ, несмотря на то, что лишено головы и рукъ. Сколько въ немъ простоты и юношеской свѣжести! А эта Медузина голова, прекрасная, но обдающая васъ ужасомъ, какъ будто уродливое чудовище.

Къ періоду вторичнаго возрожденія искусства въ Аѳинахъ, во второмъ вѣкѣ, послѣ Александра Македонскаго, принадлежитъ вѣроятно Барберинскій Фавнъ, напоминающій лучшее время, и Язонъ, приближающійся къ Боргезскому Борцу.

Наконецъ, вы входите въ среду римскаго художества. Здѣсь нѣтъ той жизни, той естественной страсти, — видно что скульптура сдѣлалась изъ орудія

вѣрованія предметомъ роскоши, но за то сколько искусства, сколько технического совершенства, какія драпировки, какая грація. — Въ заключеніе вы вступаете въ храмъ Кановы и Торвальдсена. Любопытно-бы знать, что бы сказали Фидій и Пракситель, посмотрѣвши на это милое, изнѣженное дитя, только что вышедшее изъ ванны и такъ кокетливо закрывающееся отъ любопытныхъ взоровъ,—это не Венера, вышедшая изъ пѣны, это красавица, которая надѣнетъ черезъ часъ корсетъ, длинное платье съ короткими рукавами и отправится на балъ танцевать кадрили; но я увѣренъ, что многіе отъ нее получаютъ бессонницу. А этотъ дивный юноша посреди залы, этотъ Антиной Торвальдсена, какъ будто ожидающій, чтобы въ него влюбилась Венера Кановы. Какая полная, спокойная красота,—онъ точно лучше Венеры, какъ мужчина всегда красивѣе женщины въ формахъ тѣла. Тутъ же стоитъ изнѣженный Парисъ, его же. Да, Торвальдсену и Кановѣ можно кажется смѣло предстать на судъ стариковъ своихъ учителей; если они имѣютъ недостатки, то конечно тѣ ихъ не замѣтятъ, а будутъ поражены удивительною мягкостію, гармоніею, изяществомъ формъ и нѣжностію выраженія.

Послѣ древняго искусства, любопытно видѣть усилія современниковъ, идущихъ по проложеннымъ стезямъ и вмѣстѣ старающихся удовлетворить новымъ потребностямъ времени. Мюнхенъ въ отношеніи архитектуры, и въ особенности живописи, имѣетъ притязаніе на образованіе особой Школы. Произведенія этой Школы, во главѣ которой стоитъ Корнелиусъ, принадлежать кажется большею частію (по крайней мѣрѣ сколько я могъ видѣть) живописи *al fresco*, и сказать по совѣсти—представляютъ не слишкомъ утѣшительныя явленія. Главнымъ произведеніемъ Корне-

лиуса считается запрестольный образъ *al fresco* въ *Ludwig's Kirche*, изображающій Страшный Судъ. Не знаю что говорить о немъ знатоки, но то несомнѣнно, что на простаго зрителя, знакомаго по наглядности съ живописью и нѣскольکو опытнаго эта картина далеко не производитъ ожидаемаго впечатлѣнія. Нетрудно даже отдать въ этомъ отчетъ: мнѣ кажется художникъ или не имѣеть творческой силы: или запутался въ созданномъ имъ самимъ затрудненіи; въ сочиненіи цѣлаго замѣтно стараніе соединить строгость преданія древнихъ школъ съ новымъ изобрѣтеніемъ, — оттого верхня часть: положеніе Христа и его окружающихъ, эти хлопчато-бумажныя облака, раздѣляющія картину пополамъ, своею условностію и сухостію очертаній напоминаютъ первыя времена живописи; между тѣмъ въ нижней — художникъ довольно неудачно далъ волю своей фантази въ группахъ праведныхъ и грѣшниковъ, перешелъ даже приличіе, олицетворивъ дьявола въ видѣ Плутона, сидящаго въ коронѣ съ двузубцемъ въ рукѣ. Колоритъ вообще мутный и слабый; группы какъ-то разбросаны по огромному полю картины (63 фута высоты и 39 ширины), внизу находящіяся какъ будто не относятся къ верхнимъ, — словомъ никакого общаго, поражающаго дѣйствія и ничего привлекающаго, приковывающаго взоръ въ частяхъ. — Сочиненіе запрестольныхъ образовъ въ боковыхъ капеллахъ принадлежитъ также Корнеліусу. — Вся внутренность церкви чрезвычайно щеголегато, расписана и раззолочена чрезвычайно кокетливо; но все это убранство приличіе гостиницы, нежели храму. Какъ можетъ оно возвысить нашъ духъ къ небеснымъ помышленіямъ, когда мы видимъ здѣсь тѣ же арабески, что и въ галлерейхъ базара, въ библіотекѣ, на почтовомъ дворѣ и пр.? Кто не знаетъ, что всякое зданіе должно соотвѣтствовать своему назначенію не только внѣшнимъ видомъ, но еще болѣе внутреннею отдѣлкою?

Церковь требует по преимуществу оригинального, характерического стиля, не униженного служениемъ обычнымъ потребностямъ ежедневной жизни.

Живопись *al fresco* грозитъ рѣшительно завладѣть цѣлымъ Мюнхеномъ, — новыя строенія покрыты ею внутри и снару- жи. Въ этомъ отношеніи дворцу принадлежитъ конечно первое мѣсто. Стѣны нѣсколькихъ залъ сряду представляютъ въ колоссальныхъ размѣрахъ сцены изъ баварской и нѣмецкой исторіи. Эти картины писаны красками, распущенными на воску. Вотъ все, что я могу передать о нихъ, да еще — невольное восклицаніе, которое вырвалось у насъ при видѣ фресковъ Бернардино Луини въ Миланской Брерѣ: ну эти не мюнхенскимъ чета. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свѣ- жость колорита, на техническую отдѣлку, на замыслова- тость сочиненія, — какое огромное разстояніе отдѣляетъ послѣднія отъ произведеній старыхъ итальянскихъ масте- ровъ, у которыхъ многое едва набросано, краски полиняли или облупились. Сколько у этихъ пріятности, выраженія въ каждой чертѣ, столько у тѣхъ безжизненности и изысканности. Что касается до общаго впечатлѣнія этой живописи, то она не можетъ оставить ничего, кромѣ утомленія; сплошная ро- списка стѣнъ рѣшительно непригодна и уничтожаетъ сама себя, потому что она не останавливаетъ разбѣгающагося вниманія зрителя: картина должна составлять нѣчто отдѣль- ное отъ стѣны, точку, къ которой стремится глазъ зрителя, окинувъ архитектурныя массы. — Лѣпная работа и барельефы мнѣ понравились во дворцѣ гораздо болѣе, нежели живо- писъ, несмотря на то, что содержаніе одъ Пиндара, Анак- реона, мнѳовъ Иліады и т. п. не слишкомъ соотвѣтствуетъ съ назначеніемъ тронныхъ залъ и гостинныхъ баварскаго короля. Впрочемъ это замѣчаніе можно считать и приди- ркою: прекрасное, какое-бы оно ни было, соотвѣтствуетъ всякому мѣсту, не обязанному удовлетворять высшимъ

или общественнымъ цѣлямъ. Комнаты короля не храмъ и не площадь, здѣсь его вкусъ имѣеть право дѣйствовать на просторѣ, и если исполненіе не противорѣчитъ само себѣ и отдѣлываетъ части съ гармонической художественностію и искусствомъ, то и всѣ должны быть довольны.—Очень хороша также такъ называемая зала императоровъ или аудіенцій, обставленная вокругъ колоссальными бронзовыми ярко-вызолоченными статуями особъ баварскаго дома. Статуи (стоившія 1,000 чер. каждая) отдѣланы съ большимъ техническимъ искусствомъ.

О прочихъ произведеніяхъ новѣйшей живописи я могу судить только по выставкѣ картинъ Общества поощренія художниковъ, открытой впрочемъ для живописцевъ всей Германіи и потому не служащей выраженіемъ одной Мюнхенской Школы. Вообще здѣсь я остался того же мнѣнія, какое внушили мнѣ выставки гамбургская и дрезденская: въ созданіи мелочность и недостатокъ творчества, въ исполненіи вездѣ сознающая себя умышленность и расчетъ на эффектъ, очень непріятный. Это всего замѣтнѣе было въ единственной большой картинѣ, тутъ находившейся, Якобса—одалиска съ любовникомъ и назади—заставшій ихъ мужъ. Колоритъ необыкновенно яркій, прекрасное освѣщеніе, рельефно отдѣляющее формы; но это куклы, выставленныя на показъ, или фигуры живой картины, утомленныя своимъ неловкимъ положеніемъ, которыя слятся не измѣнить ему.—Почти всѣ прочія картины принадлежали или къ разряду genre, и изъ нихъ нѣсколько было очень милыхъ, въ особенности Euhuber'a и Schön'a:—этотъ родъ часто удается новымъ художникамъ,—или къ ландшафтамъ, также не рѣдко имѣющимъ несомнѣнное достоинство. Изъ послѣднихъ въ особенности мнѣ понравились Alers и Kirchner, Voltz и Langé, напоминающіе Дитриха, наконецъ Fohr, Schiller и Langlis.

Объ архитектурѣ новыхъ зданій могу только сказать, что они исполнены со вкусомъ, съ удивительнымъ техническимъ совершенствомъ и вообще дѣлаютъ очень пріятное впечатлѣніе, въ особенности университетъ, библіотека, театръ, дворець, Пинакотека, Глиптотка. Ludvig's Kirche очень хороша своимъ полу-готическимъ стилемъ. Базилика оканчивается постройкою и внутри покрывается неизбѣжными фресками по золотому полю.

Теперь готовится въ Мюнхенѣ огромная статуя для Октябрскаго Поля, изображающая Баварію въ видѣ женщины, держащей вѣнокъ. Октябрскаго праздника я видѣлъ только хвостъ grase'a m-g Pestel. Впрочемъ любопытнѣйшее въ немъ это выставка скота, сельскихъ произведеній и орудій, приготовленныхъ крестьянами. Двѣ послѣднія статьи я еще засталъ. Хотя это все имѣетъ довольно миниатюрный видъ, и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но цѣль похвальна, и, безъ сомнѣнія, полезна. Этоть разъ король не присутствовалъ, солнце также, и потому стеченіе не было ни блестящее, ни многочисленное. Послѣ выставки, достопримѣчательны Нѣмцы, пьющіе пиво около столовъ передъ балаганами и въ палаткахъ. Они мнѣ напомнили овецъ тѣснящихся послѣ знойнаго дня у источника или у корыта уединеннаго колодца: съ тою разницею, что овцы пьютъ безмолвно, а эти гудѣли какъ рой.

На одной изъ мюнхенскихъ площадей воздвигнутъ бронзовый обелискъ въ память тридцати тысячъ воиновъ, погибшихъ въ Россіи во время великаго похода. Рѣдкій примѣръ благодарности или лучше горестнаго воспоминанія потомства,—памятникъ безславному бѣдствію, безславному времени; но занимательна надпись: auch sie sind für des Vaterlands Wohl gestorben (?!).

6 октября. При ясномъ небѣ мы сѣли съ моимъ товарищемъ Нѣмцемъ въ Eilwagen и отправились въ Италію. Наша дорога была направлена на Линдау, до которой мы ѣхали цѣлые сутки, удивляясь огромности баварскаго государства,—потомъ, черезъ Сплюгенское ущелье, Кіавенну и Комское Озеро,—въ Миланъ; такимъ образомъ мы значительно сократили путь. Послѣ печальной баварской природы. переѣхавъ черезъ Боденъ-зее, мы вдругъ очутились посреди сплошнаго сада, виноградниковъ, фруктовыхъ деревьевъ, посреди удивительнаго общаго довольства и очень густаго населенія, такъ что дома и усадьбы почти не прерываются на протяженіи всего пути: это была страна свободы—Швейцарія, кантонъ Сень-Галленъ. Но заманчивая картина только промелькнула передъ нашими глазами; проснувшись въ свой походной спальнѣ, мы увидѣли на другой день почву почти обнаженную, вдали хребты горъ, бѣдные домики на мѣсто богатыхъ усадебъ: мы въѣхали въ Граубинденъ. Въ Хурѣ появились въ нашей каретѣ два Итальянца; я имъ былъ радъ; какъ предвѣстникамъ благословенной Авзоніи. Мы стали пробираться по *via mala*, теперь уже не заслуживающей такого названія. Человѣкъ восторжествовалъ надъ природою, проложилъ себѣ путь надъ пропастями, пробилъ галлерей и ворота въ скалахъ, повѣсилъ мосты черезъ потоки—и спокойно разъѣзжаетъ по мѣстамъ, гдѣ не разъ трепеталъ бѣдный путникъ. Природа теперь безсильно хмурится на этого смѣльчака; но непривыкшему нельзя не чувствовать робости отъ ея грознаго вида: кажется, будто нарушаешь завѣтъ, положенный ею, преступаешь за преграду, созданную Могучею Рукою

между двумя странами и между двумя народами. Конечно, это обманъ воображенія; этой преградѣ назначено быть такою до извѣстнаго времени, въ пору младенчества племени, чтобы потомъ служить орудіемъ для поощренія изобрѣтательности человѣка, для возбужденія его силы къ преодолѣнію препятствія, къ восторжествованію надъ противодѣйствіемъ матеріи.— Съ смутнымъ чувствомъ страха и недоумѣнія подымался я шагъ за шагомъ на высоты Сплюгена; чѣмъ далѣе, окружность представлялась унылѣе и грознѣе, взглядъ терялся между пустынными, необозримыми хребтами,—казалось, не будетъ конца нашему странствію. Горизонтъ сдузился постепенно; мы могли видѣть только ближайшее пространство,—остальное застилала туманъ и облака; сырость и мелкія капли дождя проникали насъ насквозь,—мы какъ будто дошли до предѣловъ міра. Наконецъ высшая точка была достигнута, лошади перемѣнены, и мы, существа окованныя перстью, такъ нехотя, тяжело подымавшіяся къ небесамъ, весело помчались къ центру общаго тяготѣнія—къ землѣ обитаемой; мы обрадовались тому, что оставляемъ заоблочную страну, не наше жилище, и возвращаемся въ среду природы, покорной нашей владичицы и матери, которой соками мы живемъ, какъ младенецъ въ утробѣ. Земля эта была достойна, чтобы простирать къ ней руки: насъ внизу ожидала Италия. Скоро повѣялъ ея благодатный воздухъ: тополи, орѣховыя деревья обступили путь, виноградники раскинулись фестонами по обѣимъ сторонамъ; мы не замѣчали уже ни отвѣсныхъ пропастей подъ нашими ногами, ни летящихъ съ высоты каскадовъ; этотъ мягкій воздухъ, котораго присутствіе едва чувствительно, проникнутый блѣдными лучами луны наводилъ на насъ безмолвное обаяніе.— Но зачѣмъ описывать подобное состояніе: всякое описаніе будетъ ложью, потому что оно дѣлается по законамъ мысли, которые

отсутствуютъ въ такія минуты, потому что это ощущеніе съ своими отливами неуловимо какъ пѣна, какъ газъ, и во мнѣ самомъ не можетъ быть воспроизведено вторично.

Кіавенна уже чисто итальянскій городъ: узкія улицы, но какая то легкость, простота въ строеніяхъ; въ нихъ господствуютъ прямая линія, нѣтъ никакихъ придаточныхъ украшеній. Внутренность домовъ имѣетъ вездѣ грандіозные размѣры; самыя маленькія комнаты въ Италіи показались бы въ Германіи большими; все наполнено свѣтомъ и лучами солнца, противъ котораго принимаются разныя мѣры. — А главное, на улицахъ слухъ мой ласкали звуки итальянскаго пѣвучаго нарѣчія, — я отдыхалъ послѣ нѣмецкой какофоніи. — Страненъ этотъ рѣзкій переходъ отъ одного племени къ другому, — врядь-ли гдѣ встрѣчается онъ поразительнѣе. — Мы переночевали въ Кіавеннѣ, и на другой день поутру отправились съ ветуриномъ къ Комскому озеру. Въ Колико намъ подали къ завтрагу свѣжихъ фигъ и каштановъ. — Конечно и Комское озеро не такъ очаровательно, какъ рисуетъ его наше воображеніе; но какія краски могутъ сравниться съ красками, создаваемыми фантазією! За вѣкъ тѣмъ, какое сравненіе съ красотою нѣмецкой природы! Здѣсь не столько хороша земля красотою своей растительности, какъ очаровательно небо, дающее всему какое-то особенное освѣщеніе, какую-то мягкость тѣней и очертаній. Переѣздъ черезъ Комское озеро на пароходѣ (продолжается четыре часа) въ виду береговъ, покрытыхъ вилами, садами, виноградниками, принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ прогулкамъ; мы наслаждались прекрасною погодою и веселымъ расположеніемъ духа. Безпрестанно приставали къ пароходу лодки съ новыми пассажирами, и я съ удовольствіемъ видѣлъ эти свѣжія, оживленные энергическою жизнію лица новаго племени, быстрого, веселаго, страстнаго.

Въ три часа мы прибыли въ Комо, а оттуда вечеромъ въ Миланъ. На протяженіи всего пути мы ѣхали между превосходно-воздѣланными полями, которыя бы заслужили у насъ названіе садовъ или, по крайней мѣрѣ, огородовъ.— Миланъ—въ отношеніи промышленномъ и по торговой дѣятельности—первый городъ въ Италіи. Улицы кишатъ народомъ; вездѣ шумъ, крикъ, толкотня. Тутъ итальянская національность развивается уже вполне, хотя чужестранное владычество оставляетъ еще кое-гдѣ свой отпечатокъ и нѣмецкой языкъ не рѣдко слышится въ общественныхъ мѣстахъ.

Если, уѣзжая, путешественникъ спроситъ себя: что болѣе всего сдѣлало на него впечатлѣніе въ Миланѣ?—конечно, отвѣтомъ будетъ: Соборъ. Правда, замѣтно, что стиль его вылился не изъ народнаго элемента, что эта была модная прихоть, пришедшая извнѣ *), игрушка, которая не соотвѣтствуетъ тому, къ чему привыкъ здѣсь вашъ глазъ; но, взятая отдѣльно и разсматриваемая не слишкомъ критически, она перестаетъ быть такою и поражаетъ васъ невольнымъ изумленіемъ. Богатство, прихотливость, смѣлость готическаго стиля доведены здѣсь до высшей степени. Необыкновенное множество статуй (4,500) разставлено внутри и снаружи у стѣнъ, на столбахъ, въ нишахъ капителей, на шпицахъ, которыми безъ преувеличенія щетинится крыша,—и все это вмѣстѣ со стѣнами, отъ основанія до верхушки, исполнено изъ бѣлаго мрамора. Когда взлѣзешь на кровлю и вступишь въ этотъ лабиринтъ галлерей, рѣзныхъ парапетовъ и разныхъ готическихъ затѣй (не нахожу другаго слова) и потомъ увидишь подъ собою самыя высокія городскія зданія,—голова невольно закружится. Когда

*) Начальнымъ строителемъ былъ Нѣмецъ, Генрихъ Арлеръ изъ Гмунда въ 1386 г.

мы спросили нашего проводника, долго ли продолжалась постройка Собора? то онъ отвѣчалъ намъ: она еще теперь продолжается и будетъ продолжаться вѣчно, пока міръ стоитъ.

Внутренность Собора не менѣе поразительна своимъ величіемъ: во всю длину идутъ четыре ряда столбовъ, оставляя посреди широкое пространство; каждый изъ нихъ украшенъ сверху готическою обшивкою со статуями въ нишахъ; разноцвѣтныя стекла придаютъ всему свой обычный фантастическій свѣтъ. Изъ отдѣльныхъ предметовъ замѣчательна порфиновая купель для крещенія дѣтей — своею наружностію и странною судьбою: сначала это была ванна въ баняхъ Максиміана, потомъ изъ нея сдѣлали гробницу для св. Діонисія, миланскаго епископа, и наконецъ она получила нынѣшнее свое назначеніе. — Прекрасенъ памятникъ одного Медичи, маркиза Мариньяно, по рисунку Бонароти, со статуями Lion Lioni. — Анатомическая статуя — св. Варѳоломей — Аграти. Внизу, въ криптѣ — богатѣйшая капелла св. Боромея, обложенная серебромъ и дорогими камнями.

Однажды, сидя въ этомъ величественномъ храмѣ, достойномъ прославляемаго Божества, подъ обаяніемъ колоссальныхъ и гармоническихъ его размѣровъ, я вглядывался въ католическое вечернее служеніе, и мнѣ казалось, что я вижу вмѣсто служителей просвѣтленной, небесной вѣры — жрецовъ древняго міра: столько было чувственного въ ихъ лицахъ, столько матеріальности, цинизма въ движеніяхъ. Да, тутъ я понималъ, какъ этотъ народъ, матеріальный по преимуществу, преданный физическимъ силамъ — не могъ, въ продолженіи столькихъ столѣтій, проникнуть смысла и приблизиться въ правахъ къ началамъ христіанскаго ученія: понятія языческія перешли въ его кровь, и онъ, несмотря на великій христіанскій переворотъ, сохранилъ до сихъ поръ прежній

веселый, поверхностный взглядъ на жизнь, и низводитъ ее по-прежнему къ опредѣлительно матеріальнымъ результатамъ.—Второе замѣчаніе: наблюдая торопливыя полукольно-преклоненія католическихъ жрецовъ, я нашелъ въ нихъ большое сходство съ дамскими книксенами, и теперь не сомнѣваюсь, что послѣдніе произошли отъ кольнопреклоненій, которыми въ добрыя времена женщины выражали свое почтеніе къ властителямъ—мужчинамъ.

ГЕНУА, 15 октября. 14 числа мы съ товарищемъ взяли билетъ въ дилижансъ, и въ 10 часовъ утра уже пробирались къ заставѣ по тѣснымъ улицамъ Милана, оглушаемые самыми разнородными криками проходящихъ, валившихъ густыми толпами.—Дорога на Павію тянется однообразно по направленію канала, прорытаго для соединенія съ По, посредствомъ Тичина. По обѣимъ сторонамъ видны прекрасно воздѣланныя поля и участки, правильно обсаженные вербами. Ломбардія не даромъ славится житницею Верхней Италіи.—Павію мы видѣли только изъ дилижанса. Впрочемъ, отъ этой столицы Лонгобардовъ (здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ Карломъ Великимъ послѣдній ихъ король Дезидерій) мало что уцѣлѣло послѣ французскаго разоренія (Генрихъ Лотрекъ), послѣдовавшаго вскорѣ за плѣненіемъ Франциска I. — Дорогу отъ Павіи мы продремали въ душной каретѣ, подъ музыку двухъ женскихъ итальянскихъ голосовъ. Не видя въ темнотѣ лицъ нашихъ спутницъ, я съ наслажденіемъ слушалъ естественный речитативъ ихъ рѣчи—это настоящая музыка, недоставало только аккордовъ акомпанимана.—На разсвѣтъ показались горы, заграждающія Геную отъ сѣверныхъ пришельцевъ, но человѣкъ давно уже проникъ за эти преграды, сгладилъ утесы и спокойно пробирается по ихъ бедрамъ.—По мѣрѣ приближенія, пологости горъ стали болѣе и болѣе пестрѣть дачами, жилищами богачей и домиками бѣдняковъ, наконецъ блеснула полоса моря, Средиземнаго Старца, носившаго на своемъ хребтѣ многovesельные корабли Финикіянъ, Грековъ и Римлянъ, а теперь всепѣнимаго колесами пароходовъ всѣхъ странъ и націй.

Видъ Генуи съ моря превосходенъ, а еще лучше съ террасы дома маркиза Негро — поэта и покровителя художествъ, на которой по рассказамъ не разъ игралъ Паганини, обѣдали Наслѣдникъ Цесаревичъ и В. К. Елена Павловна. Виды вездѣ восхитительны; въ Генуѣ всего пріятнѣе итти не зная куда, только взбираясь вверхъ: можно быть увѣрену, что встрѣтишь мѣсто, гдѣ легко просидѣть нѣсколько часовъ въ нѣмомъ созерцаніи. Но за то разочарованіе ожидаетъ васъ, какъ скоро вы спуститесь въ средину града. Не можетъ быть болѣе рѣзкаго перехода отъ возвышеннаго, идеально прекраснаго къ грязной, низкой дѣйствительности. Вы вступаете въ лабиринтъ тѣсныхъ, темныхъ, зловонныхъ коридоровъ, недостойно носящихъ названіе улицъ. Изнанка жизни, ея мѣлочность, разобранная по клочкамъ и выставленная наружу, всѣ низкія работы, удовлетворяющія ея потребностямъ предстануть тутъ вашимъ очамъ безъ покрывала—вы не можете удержать минутнаго негодованія: наслаждавшись за минуту гармоніею воздушной перспективы и дивнымъ зрѣлищемъ городскихъ зданій, вы не можете понять, чтобы эта чистая, блестящая громада заключала въ себѣ столько грязнаго смрада. Конечно, послѣ привыкаешь ко всему этому, находишь даже естественнымъ, но никогда хорошимъ. Высота генуэзскихъ домовъ, достигающихъ иногда восьми и девяти этажей и не сходящихъ ниже пяти, не мало содѣйствуетъ непріятному впечатлѣнію.

Исполняя обязанность путешественниковъ, на сколько возможно при быстрой перемѣнѣ мѣста, мы пустились осматривать дворцы и церкви. Генуа гордится своими дворцами, и прозвала себя *la Superba*; эта гордость перешла даже къ лондинерамъ: нашъ чичероне нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ—есть ли такіе дворцы въ

Россіи? и съ недовѣрчивостію слушалъ мои утвердительныя отвѣты.—Есть дворцы замѣчательныя, но конечно, у насъ они-бы носили скромное названіе домовъ, если взять въ соображеніе одну наружность, а не цѣнность мрамора, который здѣсь тоже, что у насъ бѣлый камень.

Палаццо Андреа Доріа (освободителя Генуи отъ власти французовъ въ началѣ XVI ст. и возстановителя республики) мы могли видѣть только снаружи и обойти садъ. Положеніе на самомъ берегу моря надъ стѣною гавани—одно изъ живописнѣйшихъ; нельзя было выбрать лучше мѣста для упокоенія старости морскаго вождя, который, кончивши свое поприще, не можетъ разстаться съ милыми волнами, столько разъ носившими его къ побѣдамъ. Посреди садоваго бассейна, мраморный Нептунъ, несущійся съ трезубцемъ въ своей раковинѣ—снимокъ съ самаго Доріа. При выходѣ изъ сада мы получили отъ дѣвушки привратницы по букету цвѣтовъ, обычай наблюдаемый со всѣми путешественниками.

Зданіе университета, подаренное нѣкогда владѣльцемъ іезуитомъ своему ордену, потомъ, вмѣстѣ съ переименованіемъ іезуитской коллегіи въ университетъ, обращенное въ собственность сего послѣдняго, принадлежитъ также къ однимъ изъ лучшихъ, въ особенности по эффектному расположенію сѣней и лѣстницъ, украшенныхъ почти ста мраморными колоннами. Всѣ аудиторіи оставлены въ перво-бытномъ видѣ, то есть въ видѣ капеллъ, съ картинами духовнаго содержанія на стѣнахъ—всѣ извѣстныхъ художниковъ. Въ юридическвій аудиторіи шесть изображеній работы 14 лѣтняго Пелегро-Пиолы, которыя бы не унизили любаго взрослого художника. Этотъ юный геній, обѣщавшій необыкновенное развитіе, погибъ на 21 году отъ руки своего учителя Карлоне, который не могъ перенести его превосходства. Умертвивши ученика, онъ спасся въ церковь Анунціаты и, пользуясь правомъ неприкосновенности хра-

мовъ, оставался тамъ долгое время, занимаясь роспискою плафона. По окончаніи работы, ему дали средство перебѣжать въ другую церковь, которая также нуждалась въ живописцѣ: такимъ образомъ онъ наконецъ избѣгнулъ наказанія за свое двойное злодѣйство противъ челоуѣчества и противъ искусства. Того же Пелегро есть Мадонна въ strada dei orefici, произведеніе превосходное, которое Наполеонъ I велѣлъ было уже перевезть въ Парижъ, но послѣ уважилъ общее неудовольствіе и оставилъ икону. Въ залѣ университетскихъ собраній стоятъ у стѣнъ прекрасныя бронзовыя статуи Giovanni di Bologna, изображающія различныя добродѣтели въ видѣ прекрасныхъ женщинъ. Въ церкви—Мадонна Гвидо Рени, бронзовые ангелы того же Giovanni и фрески Карлоне.

Королевскій дворецъ, бывшій Marcello Dugazzo, не многимъ отличается отъ прочихъ; довольно много картинъ, не сдѣлавшихъ на меня особеннаго впечатлѣнія. Палаццо Серра не стоить смотрѣть; замѣчательнъ только по глупой трагѣ на позолоту. Палаццо Спинола съ прекрасными картинами; насъ встрѣтили двое стариковъ и вѣжливо подали каталогъ—Магдалина Гвидо Рени превосходна: я еще не видѣлъ другой, которая бы такъ хорошо выражала идею женщины, пораженной, посреди разгара чувственности, сознаниемъ высшихъ духовныхъ потребностей и предающей новому призванію съ безграничнымъ страданіемъ за свои прежніе проступки. Святое семейство, одѣтое по фламандски—Рубенса, одна изъ совершеннѣйшихъ картинъ его манеры, но нисколько не напоминающая о святости предмета.

Палаццо Brignola самый замѣчательный по истинно аристократическому убранству и богатству галлерей: портретъ маркизы Бринвола — Ванъ-Дика — прекрасенъ; Мадонна на тронѣ, окруженная святыми—Гверчино;

Св. Францискъ—*Frete Genovese* (*Bernardo Stroza*); Иоаннъ Креститель—*Леонардо да Винчи*; у Винчи видны вездѣ особенная сила и оригинальность съ простотою, выказывающая гения. Святое семейство—*Пелегро Пиолы*, привлекающаго вниманіе слѣдами своего таланта и воспоминаніемъ о несчастной судьбѣ. Иисусъ и мытарь—*Ванъ-Дика* замѣчательнъ, но далекъ отъ *Тиціановскаго*.—Залы носятъ названіе временъ года.

Палацо Филиппо Дурацо—также прекрасныя картины: *Магдалина Тиціана*—хороша, но мало идеальности, просто раслакавшаяся женщина; *Иисусъ и мытарь Гверчино*—очень хорошъ; *Caritas Гвидо Рени*—впрочемъ не изъ лучшихъ его картинъ; погруженіе *Ахилла* въ *Стиксъ Франческини*,—хороша второстепенно; плачущій философъ *Спаньолетто*—удивительно естественъ.

Вообще дворцы замѣчательны не столько своимъ наружнымъ фасадомъ, какъ эффектнымъ и роскошнымъ расположеніемъ входовъ (сѣней) и лѣстницъ; въ этомъ отношеніи въ особенности выказался *Галеацо Алесси*, знаменитый архитекторъ XVI ст.

Изъ церквей замѣчательнѣйшая—Соборъ, германо-ломбардо-сарацинскаго стиля. Фасъ, выложенъ мраморомъ,—нѣсколько колоннъ взяты готовыя у Сарациновъ; внутренность—итальянскаго стиля, и очень богата мраморами; въ особенности замѣчательна капелла *Иоанна Крестителя*, гдѣ хранятся его смертныя останки въ урнѣ: всё—стѣны, колонны, алтарь, всё украшенія мраморныя; балдахинъ надъ алтаремъ превосходной работы, изъ одного куска,—всё это въ греко-римскомъ стилѣ. Въ капеллу женщинамъ не позволяется входить подъ опасеніемъ отлученія.

Всѣ генуэзскія церкви имѣютъ нѣкоторое сходство въ стилѣ внутренней отдѣлки и очень напоминаютъ нашу церковную новую архитектуру, то есть греко-римскую. Тако-

вы: церковь Св. Анунціаты, теперь позлащаемая,—S. Siro. чрезвычайно богатая лѣпною и мраморною работою,—S. Ambrogio, которую видѣлъ только мелькомъ, тоже прекрасна, съ картинами Рубенса, Гвидо, Вуе,—S. Stefano, съ большимъ запрестольнымъ образомъ Джуліо Романо, побіеніе камнями Стефана, исполненнымъ по рисунку Рафаэля, котораго кисти приписываютъ верхнюю часть.

ПИЗА. 22 октября. Мы взяли билеты на пароходъ Egso-lano, отходившій въ Ливорно, — заплатили по 45 франковъ, не зная, что по итальянскому обычаю должно торговаться даже въ конторахъ пароходства. Пассажировъ множество; я не могъ найти другой постели кромѣ подъ столомъ. Сонъ избавилъ отъ нападеній морской болѣзни; а рано утромъ, взошедши на палубу, я узрѣлъ маякъ ливорнской гавани. Теплая, ясная погода напомнила намъ о благословенной широтѣ, подъ которой мы находились. Яркость освѣщенія здѣсь чувствительнѣе, нежели даже въ Генуѣ; со всякимъ шагомъ на югъ, она увеличивается.

Ливорно, Portus Herculis, Цицероновскій Labronis, Liburnus, говорятъ, не имѣетъ вида итальянскаго города, понеже при Римлянахъ былъ незначительною гаванью, тоже въ средніе вѣка. Въ концѣ XVI вѣка Пизанцы обнесли его каменною стѣною; но настоящее значеніе приобрѣлъ по милости Медичисовъ, которые, своею купеческою натурою, постигли важность этого мѣста. Козма вымѣнялъ его у Генуэзцевъ за Сарцану, сдѣлалъ свободною гаванью и первую въ Средиземномъ морѣ. Теперь сюда ежегодно приходитъ до 6,000 кораблей. Городъ имѣетъ 60,000 жителей, изъ нихъ 20,000 жидовъ, двѣ мили (итальянская миля около версты и три четверти) въ окружности, цитадель и укрѣпленіе со стороны моря.

Преодолевъ многоразличныя мытарства съ лодочниками и факинами, которыми славится Ливорно, или, какъ говорятъ Нѣмцы, въ этомъ отношеніи seines gleichen sucht, мы пошли бродить по улицамъ; встрѣчали цѣлыя толпы закованныхъ преступниковъ; на спинѣ одного я прочелъ

вышитыя слова крупными красными буквами: *Secundo furto e stupro con violenza.*—Черезъ четверть часа мы позавтракали каштановъ, винограду и свѣжихъ фигъ, сѣли въ рыдванъ ветурина и отправились въ Пизу, куда прибыли благополучно, если не считать троекратнаго таможеннаго осмотра, причемъ одинъ изъ спутниковъ лишился трехъ сигаръ, полуфунта табаку и заплатилъ франческонъ штрафу, съ дозволеніемъ жаловаться высшему начальству.

Пиза стоить, чтобы съ ней короче познакомиться. Прекрасный городокъ, свѣтель и тепель, на берегахъ зеркальнаго Арно, въ прекрасной долинь, у подошвы Аппенинъ; теперь Pisa—morta, въ сравненіи съ прошедшимъ, но имѣеть университетъ, 18000 жителей.

По мѣсту уже видно, что начальное основаніе принадлежитъ временамъ классическимъ; замѣчательно, что Древніе, можетъ-быть по наклонности своей къ правильности и симметріи, большею частію выбирали мѣста плоскія для своихъ городовъ, окруженныя возвышенностями, между тѣмъ какъ въ средніе вѣка это было совсѣмъ наоборотъ. Вотъ что говоритъ Ферстеръ о ея прошедшемъ. Пиза упоминается въ числѣ двѣнадцати этрусскихъ городовъ; Страбонъ причисляетъ ее къ греческимъ колоніямъ, основаннымъ троянскими выходцами, а Виргилій (Аен. X) поставляетъ въ связи съ пелопонезскою Пизой на Алоеѣ. Въ 574 г. отъ основанія Рима, сдѣлалась она римскою колоніей, а потомъ муниципіемъ, и названа Августомъ—Julia Obsequens. Адрианъ и Антонинъ значительно украсили ее храмами, театрами и триумфальными воротами. Выгодное положеніе, удобная гавань (теперь засорившаяся) сдѣлали изъ Пизы богатый торговый городъ; она сохранила свой вѣсъ во время общаго униженія Итали, послѣ паденія Западной

Имперіи и прежде Венеціи приобрѣла значительныя морскія силы. Въ X столѣтіи отняла у Сарациновъ Сардинію, Корсику и Палермо, въ 1029 г. завоевала Каррагенъ, а въ теченіи XII столѣтія вела удачныя войны съ Норманнами въ Сициліи и Нижней Италиі. Это было самое цвѣтущее время республики. Крестовыя походы много способствовали къ приращенію ея могущества на Востокъ, гдѣ она приобрѣла немаловажныя владѣнія; но въ это же время усилилась Генуя; не могла не завязаться борьба между ними, кончившаяся несчастною морскою битвою Уголино при Мелоріи (1283), которая нанесла смертельный ударъ морскимъ силамъ Пизанцевъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи они стали терять свои владѣнія (1326 отошла Сардинія), съ трудомъ защищаясь противъ Лукки, управляемой искуснымъ Кастручіо Кастракани, и Флоренціи. По окончательномъ замиреніи съ Генуей (1341), начались внутренніе раздоры семействъ Распанти и Берголини, состязавшихся о синьоріи. Императоръ Карлъ IV положилъ имъ кровавый конецъ въ 1358 г. Между тѣмъ усилился новый врагъ—Флоренція; гавань въ Таламоне, основанная послѣднюю, послѣдовавшая потомъ война, въ которой Флорентинцы уничтожили флотъ и разорили гавань Пизы (цѣпь которой увезена была во Флоренцію) довершили упадокъ первой. Подъ синьоріей Pietro Gambacorti (1369—1392) республика наслаждалась краткимъ благоденствіемъ; послѣ его насильственной смерти подпала власти миланскаго Galeazzo Visconti, а въ 1406 г. отошла ко Флоренціи и съ тѣхъ поръ оставалась съ ней нераздѣльною.

Для исторіи искусства памятники Пизы имѣютъ великую важность. Прежде другихъ городовъ Италиі въ ней пробудился духъ новаго художества и, вспомошествоваемый

блистательнымъ развитіемъ общественныхъ силъ, оставилъ созданія достойныя изученія, служація выраженіемъ художественныхъ идей времени. Въ этомъ отношеніи обзорніе христіанскихъ памятниковъ Италіи всего выгоднѣе начинать съ Пизы, потому что здѣсь находятся типы романскаго періода, начавшагося еще съ X столѣтія.

Въ особенности это относится къ архитектурѣ. Романская архитектура составляетъ переходъ отъ древне-христіанской къ готической (между X и XIII вѣкомъ). Заимствуя формы у первой и спусая такимъ образомъ на классическихъ началахъ, она измѣняетъ ихъ сообразно новымъ требованіямъ, оживляетъ украшеніями, соответствующими разнороднымъ элементамъ, бродившимъ въ обществѣ. Это всего замѣтнѣе въ архитектурѣ церковной; какъ и вообще новое искусство, получивъ жизненные начала отъ вѣры, предавалось почти исключительно ея служенію. Основы церковныхъ строеній романскаго періода составляетъ по прежнему древняя базилика. Главное измѣненіе заключается въ поперечномъ корпусѣ, сдѣлавшемся необходимымъ, за которымъ выдвигается продольный корпусъ, и къ сему послѣднему примыкаетъ трибуна главнаго алтаря. Въ этомъ продолженіи, или большею частію въ мѣстѣ пересѣченія двухъ корпусовъ находится такъ-называемый хоръ, который отдѣляется отъ прочаго пространства низкой оградой и притомъ возвышается на нѣсколько ступеней. Пространство подъ возвышеніемъ употреблялось для заложенія крипты, съ кресчатыми сводами на столбахъ. Это таинственное вмѣстилище употреблялось вѣроятно для разныхъ тайныхъ обрядовъ, для тризнь по мученикамъ и усопшимъ, для отчитываній и т. п. Иногда встрѣчается, особенно въ нѣмецкихъ постройкахъ этого времени, другой хоръ, на противоположномъ концѣ церкви, съ трибу-

ной и даже криптой. Въ итальянскихъ, какъ слѣдствіе византійскаго вліянія, является куполь на пересѣченіи корпусовъ поперечнаго и продольнаго, также галлерей надъ боковыми корпусами, выходящія въ средину аркадами. Этому же вліянію должно приписать боковыя трибуны поперечнаго корпуса.

Другое нововведеніе, положившее начало значительнымъ и плодовитымъ измѣненіямъ, составляютъ своды, замѣнившіе горизонтальную покрывку. До сихъ поръ въ базиликахъ архитектурное движеніе ограничивалось аркадами между столбами, замыкавшимися алтарной трибуной; теперь упоры аркадъ (сочлененные столбы) продолжены по стѣнамъ до верху, и тамъ перекидываются такъ сказать черезъ среднее пространство, соединяясь широкими дугами. Отсюда возникаетъ крестчатый сводъ, не прерываемый отдѣльными куполами, какъ у Византійцевъ, но связанный на всемъ протяженіи и замыкаясь, по-прежнему, алтарной трибуной. Такимъ же образомъ сведень потолокъ боковыхъ нефей. — Упоры аркадъ, неся вмѣстѣ тяжесть свода, должны были имѣть болѣе силы; отъ того колонны классическихъ базиликъ обращаются въ столбы, а чтобы придать имъ стройность, они снабжены полуколоннами, на которыхъ опираются арки главнаго корпуса и боковыхъ *), вмѣстѣ съ ихъ сводами. Такимъ образомъ оживились стѣны и покрывка, остававшіеся мертвыми въ древнихъ базиликахъ. Главный куполь, какъ средоточіе движущейся силы, выразившейся въ сводахъ, образуясь изъ стрѣльчатыхъ поясовъ, сходящихся въ одну точку, получаетъ полигонную (большею частію осьмиугольную)

*) Надо признаться, что это изобрѣтеніе кажется нѣсколько неуклюжимъ и младенческимъ: въ готическомъ стилѣ эти полуколонны получили настоящее свое значеніе.

форму, равно и полукуполь трибуны, бывший до того круглымъ.

Въ архитектурныхъ подробностяхъ базиликъ простыхъ и снабженныхъ куполомъ нѣтъ существеннаго различія. Вообще этѣ подробности носятъ античный характеръ, не только въ началѣ, по неизбѣжности подражанія, но и въ концѣ періода, что показываетъ родство художественныхъ понятій. Горизонтальные карнизы, иногда съ фантастическими украшеніями, колонны по древнему образцу (особенно аттическая форма базиса), такія же полуколонны при столбахъ, хотя въ измѣненномъ размѣрѣ, капители снятыя съ коринѣскихъ. Послѣднія получаютъ нерѣдко особенное образованіе въ видѣ куба, снизу округленнаго, обозначая тѣмъ переходъ отъ цилиндрической формы колонны къ плоскостямъ арки. Эта особенность встрѣчается чаще въ мѣстахъ, подвергшихся нѣмецкому вліянію, но тогда только производитъ пріятное впечатлѣніе, когда прикрывается богатымъ и прихотливымъ скульптурнымъ украшеніемъ. Въ концѣ періода капитель снова обращается къ чашеобразному очертанію, нерѣдко также съ наряднымъ украшеніемъ. Арка по-прежнему остается круглою; иногда является стрѣльчатая, какъ случайность, перенесенная изъ могометанскаго стиля, въ мѣстахъ находившихся въ связи съ Востокомъ, именно въ Сициліи. Въ послѣдствіи, въ зданіяхъ, составляющихъ переходъ къ нѣмецкому стилю, стрѣльчатая арка дѣлается необходимою. Иногда встрѣчаются, какъ орнаментъ, круглыя ломанныя арки.

Арки получаютъ особенное значеніе въ порталахъ.

Вышній орнаментъ носить часто отпечатокъ античнаго вліянія; такъ верхній карнизъ поддерживается консолями или пилястрами; но иногда встрѣчается новое сочетаніе: вмѣсто консолей идетъ подъ карнизомъ фризь изъ неболь-

шихъ круглыхъ арокъ, отъ которыхъ въ извѣстныхъ состояніяхъ спускаются полосы—лисени, что чрезвычайно красиво и удачно разбиваетъ массу зданія. Рѣдко лисени получаютъ вверху карнизъ, который образуетъ изъ нихъ пиллястры; иногда они замѣняются стройными, легкими полуколоннами. Нѣкоторыя строенія украшены снаружи стѣнными аркадами, переходящими также въ открытую галерею. Подобныя же маленькія галереи аркадъ идутъ часто подъ всею крышею или надъ главными частями зданія, образуя богатый вѣнецъ.—Мелкія украшенія состоятъ изъ фигуръ людей и животныхъ, уродливыхъ масокъ, драконовъ, разныхъ чудовищъ, между прихотливо-переплетенными листьями. Грубыя и варварскія вначалѣ, эти украшенія пріобрѣтаютъ впослѣдствіи оригинальное, часто исполненное смысла значеніе. Встрѣчается также умышленное подраженіе орнаменту могометанскому.—Всѣ подобныя украшенія кажется покрывались пестрыми красками.

Въ приложеніи скульптурныхъ произведеній къ архитектурѣ обнаруживается замѣчательное развитіе въ романскомъ періодѣ. Полукруглое пространство подъ сводомъ портала, поддерживаемое особыми упорами, наполняется барельефными изображеніями; между колоннами портала помѣщаются иногда статуи, по бокамъ другія пластическія украшенія, самая дверь покрывается барельефами (что впрочемъ мы встрѣчаемъ еще въ древности). Въ этомъ видна потребность выразить пластикою значеніе зданія, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ внутренность его выходитъ такъ-сказать наружу, гдѣ приходящій привлекается въ святилищѣ.—Внутри, скульптура остается на той же степени какъ и въ древне-христіанскихъ зданіяхъ. Какъ успѣхъ, должно упомянуть рельефныя изображенія, помѣщаемыя въ нишахъ ограды, окружающей хоръ; иногда онѣ замѣняются живописью. Но гораздо замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи—

амвоны, чаши для крещенія дѣтей, алтари и тому подобныя предметы, сохраняющіе внутри зданія свою особенную архитектуру *).

Три зданія въ Пизѣ могутъ служить образцами романскаго стиля: Соборъ, Наклоненная Башня и Батистеріумъ. Они отличаются замысловатымъ сочиненіемъ главныхъ массъ, въ частностихъ—искуснымъ приложеніемъ древнихъ формъ къ новымъ потребностямъ. Римско-христіанскимъ началамъ приданы элементы византійскіе, даже могадетанскіе; сверхъ того, въ расположеніи главныхъ частей и орнамента обнаруженъ умышленный беспорядокъ и странность, имѣвшая вѣроятно цѣлью противодѣйствовать правильному спокойствію классическихъ формъ. Это первые признаки возстанія противъ владычествующаго стиля, который не удовлетворялъ потребности христіанскихъ понятій новаго времени; но они носятъ характеръ дѣтскаго своеволія, не умѣвшаго придумать лучшихъ средствъ для выраженія своего противорѣчія. Во всякомъ случаѣ, величіе упомянутыхъ зданій, даже разнородность элементовъ, въ нихъ соединенныхъ, указываютъ на блистательное развитіе республики, на свѣжесть молодыхъ силъ, хотя и не пришедшихъ еще въ равновѣсіе.

Постройка Собора относится обыкновенно къ XI стол., ко времени знаменитой побѣды надъ Робертомъ Сицилійскимъ, при папѣ Александрѣ II и императорѣ Генрихѣ III, и принадлежитъ, по Вазари, нѣкому Бускетто; о которомъ надгробный камень въ фасадѣ собора гласитъ, что онъ обладалъ глубокими механическими свѣдѣніями. Но довершеніе зданія произошло безъ сомнѣнія не прежде XII вѣка.

*) Въ изложеніи особенностей романской церковной архитектуры, какъ и вообще въ изученіи памятниковъ искусства я руководствовался сочиненіемъ Куглера—Handbuch der Kunstgeschichte.

Надпись на главномъ фризѣ фаса именуеть Райнальдуса создателемъ «сего дивнаго и многоцѣннаго произведенія», что противорѣчитъ словамъ Вазари; впрочемъ можетъ относиться и къ одному фасаду.—Зданіе состоитъ изъ пяти-нефной *) базилики, имѣющей 292 фута длины, перерѣзанной трѣхнефнымъ корпусомъ. Надъ серединой возвышается куполь, поддерживаемый столбами и стрѣлчатыми арками; но какъ пространство подъ нимъ не квадратное, а продолговатое, то ему дана оригинальная эллиптическая форма. Надъ аркадами среднихъ нефей—галлерей прекраснаго размѣра, продолжающіяся и подъ куполомъ. Средняя нефъ имѣеть плоскій потолокъ, боковыя крестчатый сводъ, въ расположеніи котораго, равно въ боковыхъ аркахъ проглядываетъ могометанское вліяніе. Колонны большею частію римскія, но съ толстыми покрывками.—Извнѣ, за исключеніемъ фасада, почти вездѣ пилястры; на нихъ горизонтальный брусь или арки. Внутри и снаружи стѣны украшены шахматами чернаго и бѣлаго мрамора, разной величины, расположенными безъ симетріи, даже не параллельно.—Наиболѣе великолѣпія обнаруживаетъ фасадъ. Снизу онъ убранъ аркадами на полуколоннахъ, вверху открытою колонадю съ арками; кромѣ того—богатыми скульптурными украшениями и мусією изъ чернаго и бѣлаго мрамора. Въ расположеніи орнамента замѣтна та же умышленная неправильность. Она простирается до странныхъ несообразностей: окна зданія имѣють разную величину, промежутки между ними неравны, величина боковыхъ нефей неодинакова, куполь наклоненъ къ сторонѣ колокольни; во всемъ строеніи едва можно найти горизонтальную линію и нѣтъ двухъ параллельныхъ.—Это настоящая попытка но-

*) Nef—слово непереводимое—означаетъ внутреннее пространство храма, заключающееся между стѣнами или двумя рядами столбовъ или колоннъ.

ваго романтизма дѣлать все наперекоръ классическимъ правиламъ.

Колокольня, стоящая возлѣ собора, построена въ концѣ XII ст. Нѣмцемъ Вильгельмомъ изъ Инспрука и Пизанцемъ Бонанно.—Это башня цилиндрической формы, въ семь этажей; нижній окруженъ полуколоннами, которыя соединены арками; слѣдующіе шесть состоятъ изъ подобныхъ же открытыхъ галлерей; наконецъ сверху позднѣйшая, уменьшенная надстройка. Высота всего 142 фута, наклонъ 12 футовъ. Много спорили о томъ — умыселъ или случайность дали ей наклонное положеніе. Думаютъ что фундаментъ во время постройки подался (отъ землетрясенія) въ одну сторону, и что потомъ продолжали строить въ этомъ направленіи; по крайней мѣрѣ умышленный наклонъ очень замѣтенъ съ третьяго этажа.—Сообразивъ впрочемъ прихотливую страсть къ неправильностямъ, слѣды которой видны во многихъ постройкахъ того времени (наклонныя башни Болоньи и Ферары относятся къ этой же эпохѣ), можно почти съ увѣренностію сказать, что съ самой закладки здѣсь руководствовало намѣреніе. Водившій меня чичероне объявилъ, что по новому измѣренію нашли колонны одной стороны короче, нежели другой.—Достоинно воспоминанія, что по пизанской башнѣ Галилей открылъ законы тяготѣнія, а по движенію люстры Собора—законъ движенія маятника.

Батистерій построенъ иждивеніемъ гражданъ Пизы, въ 1133 г. архитекторомъ Діотисальви. Какъ всѣ подобныя строенія, которыхъ образецъ взять изъ римскихъ термовъ, служившихъ въ началѣ христіанства для крещенія, онъ имѣетъ круглую форму; снаружи три этажа—нижній украшенъ полуколоннами, второй открытою колоннадою съ арками; оканчивается византійскимъ куполомъ. Внутри круглая колоннада изъ 12 коринфскихъ, гранитныхъ

колоннъ и четырехъ мраморныхъ столбовъ; на ней лежитъ перестиль и верхній этажъ, поддерживающій своими пилястрами куполь. — Колонны и капители большею частію античныя, съ изображеніями мифологическаго содержанія (Охота Мелеагра).

Романскій стиль, опираясь на классическія преданія, переработавъ ихъ сообразно христіанскому духу времени, достигъ въ Италіи полнаго самостоятельнаго развитія, которое оставило много истинно изящныхъ памятниковъ. Но съ конца XIII стол. несчастныя столкновенія итальянцевъ съ германскими народами и политическое вліяніе сихъ послѣднихъ не могли не внести новыхъ понятій и въ искусство. Несмотря на то, что готическій или (по мнѣнію Куглера правильнѣе) нѣмецкій *) стиль заключалъ много жизненныхъ началъ, и въ Германіи возвысился до художественнаго значенія и оригинальнаго величія перенесеніе его въ Италію не могло имѣть благодѣтельныхъ слѣдствій, сколько бы нѣмецкія ученые ни говорили противнаго. Какъ все чуждое, не выросшее изъ почвы и не имѣющее въ ней корней, онъ не могъ сродниться съ итальянскою натурою, произвелъ замѣшательство въ художественныхъ понятіяхъ, и нарушилъ естественное ихъ развитіе. Это всего яснѣе видно въ архитектурѣ. Сѣверная Италія и частію средняя наполнились зданіями двусмыс-

---

*) Впрочемъ доказательства Куглера въ пользу нѣмецкаго племени, какъ родовачальника готическаго стила, мнѣ кажутся недостаточными. Онъ самъ признается, что первые его памятники принадлежатъ Франціи, именно встрѣчаются въ Иль-де-Франсѣ, Шампаньи и Бургундіи, и что въ Нормандіи впервые обнаружались начала этого стила въ стрѣльчатыхъ аркахъ, которыя вѣроятно принадлежатъ вліянію норманно-сицилійской архитектуры, заимствовавшей эту форму у Арабовъ.

ленными, въ которыхъ видно безсильное стремленіе согласить ясныя, гармоническія начала красоты классической съ прихотливыми, темными, сложными, непонятными для итальянцевъ формами заальпійскаго племени.

При дальнѣйшихъ описаніяхъ я буду имѣть случай говорить подробнѣе объ итальянско-готическомъ стилѣ. Пиза не имѣетъ значительныхъ памятниковъ ему принадлежащихъ. Я успѣлъ видѣть только небольшую церковь—*S. Maria della Spina*—на берегу Арно, очень оригинальной готической наружности, усеянную зубцами и шпицами. Постройка принадлежитъ *Giovanni Pisano*, въ концѣ XIII ст. Гораздо замѣчательнѣйшее его произведеніе—*Самро Santo*, кладбище для именитыхъ мужей республики, возлѣ Собора. Это большой четырехугольный дворъ, окруженный галлереею, внутрь открывающеюся окнами, а снаружи забранною стѣной. Извнѣ 43 глухія арки поддерживаются пилястрами, капители украшены фигурами, два входа.—Внутри 62 стрѣльчатыхъ окна выходятъ на дворъ, покрытый землею, привезенною изъ Іерусалима.—Все зданіе имѣетъ готическій характеръ, и дворъ представляетъ привлекательный видъ, вполне соответствующій назначенію.

Въ области скульптуры, Пизѣ принадлежитъ также значительная роль въ романскомъ періодѣ. Здѣсь господствуютъ тѣ-же начала, что и въ архитектурѣ; одинаковые элементы не могли не имѣть одинаковыхъ слѣдствій. Та-же античная основа, то-же стараніе примѣнить ее къ символическому смыслу новаго ученія—Многое, болѣе нежели въ архитектурѣ, должно отнести къ византійскому вліянію; въ то время Византійцы одни обладали богатымъ запасомъ художественныхъ идей и владѣли техникой, бывшей въ совершенномъ упадкѣ на Западѣ; между тѣмъ

присутствіе памятниковъ лучшаго времени древности, проникнутыхъ духомъ природы, не допустило Итальянцевъ предаться условнымъ формамъ, какъ это случилось въ Византіи, гдѣ они сдѣлались только намѣкомъ на идею. Такое направленіе могло быть зародышемъ великой эпохи искусства, если бы политическія обстоятельства позволили ему развиваться самостоятельно, какъ оно дѣйствительно было въ тѣхъ мѣстахъ, куда попадало его сѣмя. Такъ въ XII и XIII в. произведенія Итальянцевъ обязаны, ему достоинствомъ своихъ образовъ, величіемъ очертанія и высшимъ символическимъ значеніемъ, которымъ они проникнуты.

Древнѣйшее скульптурное произведеніе романскаго періода, находящееся въ Пизѣ и носящее слѣдъ первобытной грубости, есть задняя дверь Собора, изъ бронзы съ рельефами, работы Бонануса (въ концѣ XII ст.). Дѣйствительное начало художественнаго развитія обнаруживается въ работахъ порталовъ Батистеріа, особенно въ рельефахъ восточной двери. Наконецъ въ Nicola Pisano (род. 1200) является геній времени, двинувшій искусство такъ быстро впередъ, что творенія его являются чудомъ въ сравненіи съ предъидущими. Это чудо можно только объяснить индивидуальнымъ талантомъ художника и неутомимымъ изученіемъ антиковъ, отпечатокъ которыхъ слишкомъ ясно видѣнъ въ работахъ Никола. Античное направленіе было даже столь сильно въ немъ, что оно вошло въ противорѣчіе съ христіанскимъ духомъ времени, чему должно приписать то обстоятельство, что Никола не имѣлъ замѣчательныхъ послѣдователей: даже сынъ его Giovanni измѣнилъ отцовскому стилю, и стремился схватить болѣе жизнь, движеніе, чувство, нежели класическую правильность формъ *).

*) Мнѣ кажется патріотически натянутымъ предположеніе Куслера:

колы изъ сохранившихся носить печать чисто христіанскаго духа: это снятіе со креста на фасадѣ Лужскаго собора 1233 г. Но Пизѣ принадлежитъ одна изъ лучшихъ его работъ, въ которой вполнѣ, во всей силѣ выразились искусство и характеръ художника—я говорю о каѳедрѣ Батистерія (1260). Она подобна древнимъ амвонамъ: на семи столбахъ, опирающихся на львовъ и другихъ животныхъ (сообразно византійскимъ преданіямъ и древнимъ саркофагамъ),—мраморный шестиугольникъ. По угламъ аллегорическія изображенія—милосердіе, сила (нагой юноша съ львицею и львѣнкомъ), смиреніе, вѣрность, невинность (брадатый человѣкъ съ выраженіемъ Юпитера), вѣра (съ евангелиемъ). Въ аркахъ пророки и Евангелисты. На парапетѣ шесть рельефовъ: благовѣщеніе, рождество Іисуса, поклоненіе Царей, введеніе во храмъ, распятіе, страшный судъ.—Конечно, эта работа, съ точки зрѣнія любителя, замѣчательна болѣе изобрѣтеніемъ цѣлаго и не можетъ возбудить удивленія своей техникой: фигуры имѣютъ много неправильностей въ размѣрѣ, довольно замѣтныхъ; но ее должно разсмат-

будто Никола обязанъ своимъ совершенствомъ нѣмецкому вліянію, предположеніе основанное на восхваляемыхъ имъ произведеніяхъ: церковной каѳедры въ Вексельбургѣ и золотыхъ вратъ въ Фрейбергскомъ соборѣ (въ восточной Саксоніи). Куглеръ самъ говоритъ, что время этихъ произведеній неизвѣстно, гадательно относитъ ихъ къ первой четверти XIII ст. Они столь же вѣроятно могутъ быть отнесены къ концу столѣтія. Нѣмцы не имѣютъ ничего совершеннаго въ этомъ періодѣ. Между тѣмъ Никола былъ уже художникомъ въ первой четверти; какимъ образомъ могъ онъ попасть въ Саксонію—ни а ргіогі, ни исторически этого нельзя вывести.—Не случилось ли наоборотъ? Извѣстно, что нѣмецкіе художники пріѣзжали учиться или работать въ Италію; по словамъ Куглера, упомянутые памятники обнаруживаютъ близкое знакомство съ антиками, которые конечно не заѣзжали тогда въ Саксонію.

ривать какъ ступень въ развитіи новой пластики, сравнительно съ предъидущимъ и послѣдующимъ, и тогда она покажется необыкновеннымъ явленіемъ по своему совершенству.—Другая подобная каѳедра находится въ сіэнскомъ соборѣ, какъ говоритъ описаніе, въ которой очень замѣтно участіе сына Николы Giovanni и учениковъ его Арнольфо и Лано. Четвертое сохранившееся произведеніе—саркофагъ св. Доменика въ Болоньѣ.

Джіовани Пизано (1246—1320), какъ я уже сказалъ, не слѣдовалъ направленію отца; онъ употребилъ свои силы по преимуществу на введеніе романтическаго начала въ скульптуру, живописнаго элемента, который конечно былъ внушенъ духомъ времени; но, сопряженный въ пластикѣ съ непреодолимыми трудностями, былъ причиною того, что произведенія этой Школы по оконченности и совершенству далеко уступаютъ твореніямъ Николы. Несмотря однакожь на ея недостатки, несмотря на безобразіе и ложное выраженіе, встрѣчаемое нерѣдко въ общемъ характерѣ фигуръ, эта школа нашла многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ городахъ Италіи: это было внушеніе времени.—Въ Пизѣ уцѣлѣлъ работы Джіовани—барельефъ изъ жизни Іисуса, принадлежавшій прежде къ каѳедрѣ; теперь одна его часть вставлена вверху въ балюстрадъ, а другая находится въ одной капеллѣ Campo Santo; его же Мадонна съ младенцемъ—на переднемъ фасадѣ Собора.—Его Школѣ принадлежатъ Св. Петръ и Св. Францискъ—на крестильной чашѣ въ Батистеріѣ. — Ученики Джіованни: Agostino и Angelo изъ Сіэны, Giovanni di Balduccio Пизанецъ, Lino Сіэнецъ.—Но гораздо замѣчательнѣе Andrea Pisano (1280—1345), котораго дѣятельность принадлежитъ Флоренціи, гдѣ онъ пріобрѣлъ громкую славу своею дверью въ Батистеріумъ. Онъ очень искусно умѣлъ согласить романтическій элементъ съ требованіями пластики и придать все-

му жизнь. Сынъ его, Nino Pisano, пошелъ еще далѣе въ нѣжности выраженія и совершенствѣ отдѣлки. Его Мадонна съ сосущимъ младенцемъ, въ маленькой церхвѣ Maria della Spina, оставляетъ глубокое впечатлѣнiе. Тутъ же на алтарѣ три статуи его работы: Петръ, Мадонна съ дитятию и Иоаннъ Креститель.—Въ S. Catharina рака архіепископа Симона Сальтарелли (1342) и въ алтарной нишѣ благовѣщеніе — принадлежатъ рѣзцу Нино, но я къ сожалѣнiю ихъ не видѣлъ.—Замѣчательно, что Пиза была родоначальницею новой итальянской скульптуры, но питомцы ея больше дѣйствовали на чуждомъ поприщѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ общественная жизнь республики начала колебаться и терять прежнiй блескъ.

ВСТАВКА 1855 ГОДА.

Здѣсь въ моей путевой тетради оставлены были бѣлыя страницы для помѣщенія замѣтокъ о Флоренціи, гдѣ я прилежно посѣщаль галереи и осматриваль архитектурные памятники. Но, занятый ихъ изученіемъ, я постоянно откладывалъ записываніе; такимъ образомъ прошло полтора мѣсяца пребыванія моего въ этомъ городѣ, преисполненномъ замѣчательными произведеніями искусства, и наконецъ я выѣхалъ въ Римъ, не записавъ ничего. Теперь же я считаю лишнимъ вызывать изъ забытья мои впечатлѣнія, потерявшія свою свѣжесть—единственное ихъ достоинство. Не могу однакожь не воздать и здѣсь хвалы итальянскому искусству, единственному, можетъ-быть, въ новой исторіи, жившему не искусственною, самостоятельную жизнію. XV и XVI вѣка были исполнены въ этой странѣ какого-то неудержимаго стремленія олицетворять свои помыслы и сердечныя движенія кистью, рѣзцомъ или архитектурными массами: это было стремленіе возсоздать Божій міръ въ идеальныхъ образахъ, которымъ недоставало только жизни, чтобы превзойти дѣйствительность.—Велика сила художественнаго генія: сколько наслажденія испилъ я стоя, очарованный, передъ дышащими мраморами—Венеры Медицейской, Ніубей, пляшущаго сатира, или передъ говорящими краса-

вицами Тиціана, передъ одушевленными группами духовныхъ живописцевъ и исполненными чистоты и небесной нѣжности Мадоннами Рафаэля! Черезъ десять лѣтъ эти образы стоятъ во всей своей свѣжести передъ моими духовными очами, между тѣмъ какъ живые люди, съ которыми я тогда ежедневно обращался, едва мелькаютъ въ моей памяти.

Въ декабрѣ (1844) я выѣхалъ изъ Флоренціи въ Римъ вмѣстѣ съ Линовскимъ *) на ветуринь, который везъ въ своей коляскѣ какое-то англійское семейство. Англичане по обыкновенію читали во всю дорогу путеводитель Муррея и осматривали достопримѣчательности, въ немъ указанные, изъ оконъ коляски; мы же съ Линовскимъ порядочно забыли на переднемъ сидѣньи, не запасшись теплою обувью, въ надеждѣ на итальянскую теплоту. Переѣзжая границу Тосканы, мы замѣтили исчезновеніе послѣднихъ признаковъ довольства въ народѣ; все приняло какой-то ветхій и строгій характеръ: жилища полуразрушенныя, люди оборванные, поля не воздѣланныя. Вездѣ видѣлись слѣды мудраго правленія мнимаго намѣстника Иисусова и его сподручниковъ. Наконецъ, потянулась печальная степь — *sampria di Roma*, и ветуринь на поворотѣ дороги, приподнявъ свой бичъ, сказалъ: «вотъ куполь Святаго Петра». Наши взоры оживились; но мы еще

*) Въ послѣдствіи профессоромъ сельскаго хозяйства въ Москвѣ, погибшимъ трагическою смертію отъ руки пьянаго или сумасшедшаго своего слуги.

долго ѣхали до вратъ Вѣчнаго Града; между тѣмъ какъ въ воображеніи мелькали имена Ромула и Рема, Сципіоновъ, Юлія Цезаря, Августа, Нерона, и пр. и пр., которые затемняли собою создателей великаго памятника новаго времени, указывавшаго намъ дорогу къ Риму.

Есть что-то глупое и вмѣстѣ съ тѣмъ заманчивое вызывать воспоминанія давно минувшаго на мѣстѣ происшествій, отъ которыхъ почти никакихъ слѣдовъ не уцѣлѣло. Что-то невольно тянетъ посмотреть на груды камней, чтобы сказать: вотъ тутъ были термы Каракалы, или дворецъ Нерона, или храмъ Юпитера Капитолійскаго. Потомъ невольно спрашиваешь себя: неужели это не сказки, неужели дѣйствительно это тотъ Колизей, въ которомъ звѣри терзали христіанъ, и здѣсь стоялъ тотъ дворецъ, изъ котораго Неронъ любовался пожаромъ Рима, и въ эти триумфальныя ворота входилъ Помпей или Августъ?—Какъ-то невѣрится, чтобы сохранились остатки такой древности, и чтобы человѣкъ умѣлъ сохранить для потомства преданіе объ ихъ тожествѣ.

Далѣе я помѣщаю нѣкоторыя уцѣлѣвшія мои замѣтки о примѣчательностяхъ Рима. Здѣсь же могу сказать только, что Римъ представлялся мнѣ какъ огромное кладбище, покрытое великолѣпными памятниками. Громадное прошедшее уничтожило бы настоящую жизнь, еслибы она имѣла во сто кратъ болѣе силы. Въ этомъ отношеніи исторія имѣетъ свое мертвящее вліяніе. Дѣла предковъ были такъ велики, оставили по себѣ столько славы, столько

міроваго значенія, такой великолѣпный осадокъ, что потомкамъ не остается уже ничего дѣлать на этомъ мѣстѣ. Ихъ вниманіе до того занято созерцаніемъ великаго прошедшаго и его остатковъ, что они потеряли смыслъ для новой жизни и не могутъ даже найти ея значенія. Что бы они ни предприняли, что бы ни сдѣлали—все это будетъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что было; да и могутъ ли они, послѣ обаянія славы и искусства, настроить себя на промышленное, меркантильное и щепетильное современное направленіе? А между тѣмъ жизнь два раза не повторяется.

Въ моихъ послѣдующихъ замѣткахъ о Римѣ, отъ желанія сказать много, ничего не сказано о храмѣ св. Петра. Онъ есть лучшее выраженіе прежняго могущества и гордости католической церкви: это колоссальный мавзолей панской власти. Архитектурное искусство теряется въ громадности размѣровъ; осматривая его, чувствуешь, что даже идея Божества не была присуща строителямъ,—что дѣло шло о сооруженіи памятника величію жреческой касты. Въ этомъ храмѣ человѣку не приходитъ мысль о молитвѣ; все въ немъ устремлено на произведеніе одного изумленія, и надо сознаться, что цѣль вполнѣ достигнута: созерцатель подавленъ произведеніемъ гигантскихъ усилій человѣческаго искусства. Я видѣлъ въ этомъ храмѣ Григорія XVI несомаго въ тіарѣ, надъ головами стражей, на высокомъ сѣдалищѣ. За нимъ слѣдовала вереница кар-

диналовъ. Шествіе его сопровождалось трубными звуками, передъ нимъ падали на колѣна предстоящіе; но все это имѣло видъ театральнаго представленія, въ которомъ лѣниво участвуютъ актеры передъ равнодушными зрителями. Обѣдня, совершаемая въ его присутствіи, имѣла гораздо болѣе характеръ поклоненія ему, нежели прославленія Высшаго Существа: столько было передъ нимъ колѣнопреклоненій, каженій и лобызаній его одежды.

РИМЪ. *Генварь 1844 г.* Палаццо Доріа. Мнѣ особенно понравились Мадонна Сасоферато, ландшафты Клодъ ле Лоррена, прекрасный Тиціанъ—жертвоприношеніе Исаака; портретъ Іоанны Арагонской, названной божественною за красоту,—будто бы Леонардо-да-Винчи, но вѣроятно Луини.

5 Генваря. Палаццо Корсини. Галлерія многочисленная, но неважная достоинствомъ; притомъ, кажется, много самозванцевъ. Лучшее—Мадонна Мурилло, Іисусъ въ терновомъ вѣнцѣ, — кажется, Ванъ-Дика, Христосъ и Самаритянка—Гверчино; нѣсколько прекрасныхъ портретовъ Тиціана, Мурилло, Веласкеца.

Вилла Фарнезина. Фрески въ первой залѣ: жизнь Пейхеи по рисункамъ Рафаэля, исполненные его учениками,—всѣ хороши, хотя были подмалёваны въ послѣдствіи; но рука мастера видна въ изображеніи одной Граціи и Галатей: совсѣмъ другое тѣло, въ колоритѣ не видишь красокъ, разлита жизнь. Фрески Рафаэля можно всегда принять за картину. Тутъ же подъ потолкомъ колоссальная голова, намалёванная Микель-Анджело углемъ на стѣнѣ для шутки, когда онъ, разъ прійдя, не засталъ художниковъ. Нельзя повѣрить, чтобы это былъ только уголь: какая сила, естественность въ поворотѣ, даже какое выраженіе въ глазахъ! Недурно также—Александръ и Роксана Содомы.

Санта Маріа делла Паче. Удивительный фрескъ Рафаэля—Сивиллы: онъ вездѣ тотъ же.—У одной изъ часовень таблица съ надписью: ogni messa celebrata al questo altare libera un'anima dal purgatorio. О католицизмъ, неужели ты останешься неисправимъ навсегда, неужели въ

наше время тебѣ недостаетъ столько здраваго смысла, чтобы по крайней мѣрѣ не компрометировать себя публично! Извѣстно, что всякая церковь, имѣющая доходы, заплата извѣстную сумму, получаетъ право подобной индульгенціи на мѣсяць, на два, на годъ,—смотря по количеству заплаченныхъ денегъ. Не вѣрится, чтобы прошло уже около трехсотъ лѣтъ со времени реформаціи. Производство въ святыя стоить до 200,000 руб. сер.; оно совершается по просьбѣ потомковъ или родственниковъ благочестивой особы; подкрѣпляется адвокатомъ будущаго святаго, обязаннымъ отстоять его святость передъ кардиналами противъ другаго адвоката del inferno, старающагося опровергнуть эти доказательства: точно какъ въ судѣ присяжныхъ! Теперь хотятъ произвести въ святыя одного іезуита.

8 янв. Былъ въ ватиканской библіотекѣ и видѣлъ одни шкафы, очень плотно запертые и разставленные въ порядкѣ. Библіотека открыта только съ 9 до 12 часовъ для работающихъ, но даются однѣ печатныя книги, а рукописи съ большимъ разсмотрѣніемъ. Въ каждой залѣ стоитъ по одному небольшому столику съ двумя стульями, изъ чего я заключаю, что занимающихся очень немного. Любопытнѣйшее изъ того, что я видѣлъ, такъ-называемый славянскій календарь, то-есть миниатюрное изображение всѣхъ святыхъ по порядку чиселъ; удивительная выдѣлка подробностей и довольно правильный и граціозный рисунокъ дѣлаютъ это произведение очень замѣчательнымъ для русской старины, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно сдѣлано въ Россіи,—въ двухъ мѣстахъ можно было прочесть подпись: на одной табличкѣ — писалъ Сергій Васильевъ, на другой—писалъ Михаил...; въ имени Сергій (вмѣсто славянскаго Сергій) показываетъ, мнѣ кажется

ся, что этот календарь принадлежит не очень древнему времени. Въ одномъ шкафу библіотеки, между очень интересными образами, выражающими начатки живописи разныхъ итальянскихъ школъ, есть старый русскій образъ греческаго письма, съ славянскою подписью. Тутъ же находятся двѣ вазы: одна, фарфоровая, подаренная предшествующему папѣ Карломъ X, другая, малахитовая, — нашимъ Царемъ нынѣшнему папѣ Григорію XVI; обѣ прекрасны.

Въ одной изъ залъ картины древней классической живописи *al fresco*, и между ними извѣстная Альдобрандинская свадьба, какъ думаютъ, копія съ знаменитаго въ древности произведенія Эхіона (IV стол. Сикіонской Школы), изображающая брачную комнату: женихъ сидитъ на приступкѣ у кровати; Венера даетъ наставленія новобрачной, сидя съ нею на ложѣ; нѣсколько окружающихъ лицъ исполняютъ обычные обряды. Рисунокъ довольно правильный; оттѣнки тѣлеснаго колорита наблюдаются въ такой степени, какъ это не всегда случается въ новѣйшихъ произведеніяхъ; сочиненіе граціозно. Вообще нельзя не удивляться совершенству, до котораго доходили Древніе въ разныхъ отрасляхъ искусствъ. Картина найдена у воротъ Галліена и куплена у кардинала Альдобрандини за 10 тысячъ скудъ.

9 *сент.* Церковь св. апостоловъ любопытна по двумъ памятникамъ Кановы: одинъ въ портикѣ — Вольпату, другою въ церкви, очень замѣчательный, — Клименту XIV. Папа сидитъ на тронѣ, въ положеніи очень оживленномъ, съ поднятою рукою; вообще его фигура лучшая; пониже двѣ женскія фигуры: умѣренность, наклонившаяся на гробъ, и невинность, сидящая у подножія съ ягненкомъ. Не знаю, въ какомъ смыслѣ ягненокъ могъ быть атрибутомъ паны; самое лицо фигуры выражаетъ болѣе сонную про

стоту, нежели невинность; другая фигура также не замѣчательна по выраженію. Но превосходна работа частей, мягкость открытых частей тѣла удивительна; драпировка не столько по сочиненію (лѣвая фигура какъ будто въ штанахъ), сколько по обманчивой вѣрности подражанія различнымъ родамъ тканей и по своей гибкости невольно поражаетъ,—въ одѣяніи папы можно назвать, изъ какой матеріи различныя его части.

S. Carlo a Catinari, съ фресками Домицикино, главныя добродѣтели, высоко и, мнѣ кажется, не знаменито.

Видѣлъ храмъ Весты или, вѣрнѣе, Цибелы, круглый периптеръ, обставленный 20 коринтскими колоннами прекрасной формы. Принадлежитъ ко второму періоду цвѣта римской архитектуры, вѣроятно II ст. по Р. Х. Несмотря на то, что въ капители видятъ уже тяжелую форму упадка, нельзя не любоваться превосходными размѣрами колоннъ и всего зданія. Каждый разъ удивляешься этому изяществу, разлитому въ древнихъ остаткахъ, которое не могло быть слѣдствіемъ изученія искусства нѣсколькими людьми, но есть проявленіе врожденнаго вкуса всего племени. Какъ бы отдѣльный художникъ ни былъ великъ, онъ никогда не можетъ совершенно отдѣлиться отъ массы, его окружающей, и всегда носить въ себѣ отраженіе общихъ идей; онъ связанъ съ народомъ невидимыми, но крѣпкими узами, потому-то, несмотря на фоліанты наши объ архитектурѣ, мы не можемъ ничего произвести подобнаго красотѣ древнихъ памятниковъ. Вкусъ не зависитъ отъ одной степени образованія, онъ проявляется въ самомъ простомъ народѣ; такъ Малороссіяне обнаруживаютъ гораздо болѣе вкуса въ постройкѣ своихъ хатъ, клунь и вообще въ формѣ домашней утвари, нежели Великоруссы, хотя степень образованія обоихъ народовъ почти одинакова.

Храмъ Fortuna Virilis (церковь Maria Egiziaca),—іоническій простиль псевдопериптеръ,—принадлежитъ къ первому періоду римской архитектуры, вѣроятно, ко временамъ республики. Обращеніе въ церковь мѣшаетъ теперь общему впечатлѣнію. Недалеко находится развалина дворца Пилата, какъ называлъ мой маленькій чичероне, что требуетъ подтвержденія.

Театръ Марцелла, теперь застроенный и обращенный въ мелкія жилища. Выстроенъ былъ для 30 тысячъ зрителей Августомъ для своего племянника Марцелла. Изъ четырехъ этажей тосканскаго и іоническаго стиля уцѣлѣли только два. Тутъ жилъ Гете, и въ воспоминаніе о немъ,—чѣмъ могли Нѣмцы помянуть лучше великаго мужа,—они завели пивную лавку, которую называли кабакомъ Гете.

Недалеко отъ храма Весты Виминаль съ своими развалинами; рядомъ какая-то крохотная дачка съ домикомъ о двухъ окнахъ: садикъ наполненъ померанцовыми деревьями, лавромъ и цвѣтами. Какъ хорошо, думаю, прожить весну въ этой избушкѣ! Изъ-за забора выглядываетъ храмъ Весты, почти у подножія Тибръ и арки *ponte rotto* шагають по рѣкѣ, но не могутъ дойти до берега,—ихъ остановило разрушивъ время. Правѣ Виминаль и Santa Sabina, а прямо противъ видѣются развалины Форума. Хорошо, очень хорошо!...

10 *fev.* Холодъ по-римскому ужасный, то-есть лужи замерзли на улицахъ; въ самомъ дѣлѣ, вѣтеръ пронзительный, хоть бы и у насъ.

Галлерея палацо Колонна—великолѣпна, но не замѣчательна произведеніями, исключая нѣсколькихъ. Ландшафтъ Сальваторъ Розы—удивительная даль, какъ будто

нѣтъ рамы у картины; глазъ теряется въ широкомъ раздолѣ; колоритъ воды превосходенъ. Его же Іоаннъ въ пустынѣ. Нѣсколько прекрасныхъ портретовъ членовъ фамиліи, работы Ванъ-Дика, Веронеза, но въ особенности хорошъ рыжебородый старикъ Гольбейна. Мадонна Сасоферато, у окна; обычное ему выраженіе ангельской кротости и благодати, но все въ земной оболочкѣ, — небесное одному Рафаэлю, кажется, доступно. Доменикино—Адамъ и Ева: его можно оцѣнить только въ Римѣ; здѣсь онъ является во всей характеристикѣ своихъ достоинствъ и недостатковъ. Хорошъ Спаньолетто; Тиціана—Святое семейство. Похищеніе Европы Альбано—веселый юморъ въ древнемъ мифѣ. Но, кажется, лучшая часть галлерей отошла къ Роспильози.

Галлерейя Киджи еще менѣе стоитъ вниманія, исключая двухъ большихъ картинъ Бенвенуто Гарофало, ученика Рафаэля, перешедшаго къ нему изъ Феррарской Школы. Двѣ античныя статуи любопытны — Апполонъ и Венера, кажется, подражаніе капитолійской.

25 *генв.* Папа посвящалъ четырехъ епископовъ; множество народу въ консисторской залѣ Ватикана, вотъ все, что я видѣлъ; могу только сказать, что у папы удивительно сильный голосъ.—Оттуда мы поѣхали съ Дуб. и Адамъ въ церковь *Maria in trastevere*. Нынѣшняя наружность принадлежитъ XII ст., но внутренность вѣроятно осталась еще отъ IV в., когда церковь основана Юліемъ. Чистая базилика съ криптою, колонны стасканы изъ разныхъ древнихъ храмовъ, разныхъ орденовъ и величинъ, большая часть гранитныхъ; на нѣкоторыхъ остались изображенія Юпитера, Юноны.—Мозаика въ хорѣ, кажется, VIII стол. и принадлежитъ еще первоначальной церкви. Въ потолокѣ—вознесеніе Богородицы Доминикино.—Въ са-

крестіи икона Пинтурикіо—Мадонна, а по обѣимъ сторонамъ Себастіанъ и св. Рохъ, указывающій на чумную язву, отъ которой онъ исцѣлился. Положеніе Роха неудачно, но извиняется простотою духа, господствующаго во всѣхъ произведеніяхъ Пинтурикіо. Въ сочиненіи общаго какъ и въ частностяхъ, это—символическая живопись, созидающая по идеѣ, не заботясь объ исторической истинѣ. Такъ Себастіанъ пронзенный стрѣлою представляется юношей цвѣтущимъ свѣжестію, св. Рохъ—въ красныхъ брюкахъ и камзолѣ. Но это не должно быть препятствіемъ для истинной оцѣнки.

S. Onofrio—на высотѣ, тоже за Тибромъ, откуда превосходный видъ на Римъ; монастырь, памятный 22 дневнымъ пребываніемъ Тасса передъ смертію, въ ожиданіи коропація въ Капитоліи, котораго онъ не дождался. Убогій памятникъ указываетъ въ церкви его могилу; люди хотѣли сдѣлать себѣ дорого стоящее зрѣлище, а о мертвомъ не стали заботиться. Какіе мраморы покрываютъ въ Римѣ кости ничтожныхъ людей,—а Тассу какъ будто суждено было терпѣть несправдливость и въ гробѣ!—Келья, въ которой онъ жилъ, занята книгами генерала, то-есть начальника ордена, и ее цельзя было видѣть.—Въ библіотекѣ хранится снимокъ, сдѣланный съ мертваго; мало похожъ на обыкновенные бюсты. На лицѣ выраженіе свѣтлаго спокойствія, даже радости: думалъ ли онъ въ минуту кончины о славѣ земной, ожидавшей его въ Капитоліи, или радовался, что наконецъ освобождается отъ земныхъ оковъ, такъ тяжело на немъ тяготѣвшихъ? Тутъ же его чернильница, зеленое стекло для заслоненія свѣчи, поясъ и собственноручное письмо. Недавно сломало дубъ, подъ которымъ онъ отдыхалъ.—Въ монастырскомъ корридорѣ—Мадонна съ младенцемъ—фрескъ Леонарда, можно думать, что настоящій; несмотря на выцвѣтшія краски, много жизни и теплоты,—рисунокъ удивительный: снова цельзя

не подивиться, какими малыми средствами и какъ много сдѣлано.—Подъ арками входа—четыре фреска Доменикино, но незамѣчательны.

Опять Фарнезина и палацо Фарнезе. Превосходные фрески Анибалла Карачи. Изъ тѣхъ, которые успѣлъ разсмотреть, особенно мнѣ понравились Ганимедъ съ орломъ, Галатея съ тритонами и амурами, Венера и Анхизъ. Гвидо Рени—Андромеда—вяла, принадлежитъ къ его изысканной манерѣ. Очень милы маленькіе фрески Доменикино надъ нишами. Въ заброшенной комнатѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ статуй, найденныхъ въ развалинахъ дворцовъ цезарей,—Меркурій, Фавнъ, прекрасный саркофагъ.—Наружность дворца величественна. Начать оиъ по плану Санъ-Галло, а оконченъ Бонаротти и достоинъ его; но это прекрасный памятникъ варварства: весь дворецъ выстроенъ изъ травертинскаго камня, взятаго изъ развалинъ Колизея и театра Марцелла, по повелѣнію Павла III.

24 июля. Квириналь—лѣтнее мѣстопробываніе папы и мѣсто конклава, гдѣ запирають кардиналовъ для новаго избранія; впрочемъ они помѣщены такъ просторно,—каждый имѣетъ свои комнаты,—что дѣлается понятно, какимъ образомъ, не выходя изъ дому, они могли жить по мѣсяцу. Зала, въ которой происходитъ баллотировка, въ видѣ капеллы. Тутъ-же и балконъ, откуда новый папа даетъ первое благословеніе народу. Во время конклава двери ведущія въ комнаты папы задѣлываются.—Залы довольно просты, исключая отдѣланныхъ по повелѣнію Наполеона для короля Римскаго. Въ нихъ подъ карнизами остались барельефы—тріумфъ Траяна, Пинелли, переименованный папою въ тріумфъ Константина, другой—тріумфъ Александра Македонскаго, Тюрвальдсена, такъ и остался пестрою на несообразность; оба изъ гипса, дѣланы къ

пріѣзду Наполеона, потомъ заказаны были мраморные, но тѣ не успѣли, потому что императоръ пошелъ въ сломку. Въ потолоки вставлены картины, изображающія Юлія Цезаря, Помпея, Александра, всѣ помахиваютъ на маленькаго капрала, а ему ихъ не удалось даже видѣть; теперь же потомство можетъ смѣяться надъ глупостію человѣческою. — Картины старыя незначительны; но превосходна капелла, съ фресками Гвидо и нѣсколькими Альбаио. Фрески не всегда удаются Гвидо; за немногими, конечно блистательными исключеніями, онѣ не дѣлаютъ особеннаго впечатлѣнія; такъ и здѣсь, несмотря на прекрасный рисунокъ и изобрѣтеніе (очень хорошо рождество Богородицы надъ входомъ). Замѣчательнъ его же запрестольный образъ—Благовѣщеніе, сочиненіе просто и естественно, колоритъ всегдашній его, то-есть мягкій, наконецъ выраженіе головъ, какъ рѣдко удается живописцамъ этого труднаго момента. Въ самомъ дѣлѣ, я кажется еще не встрѣчалъ такъ удовлетворительно созданнаго лица ангела-благовѣстника, постигающаго всю важность приносимой имъ вѣсти и какъ будто скорбящаго о тѣхъ жестокихъ испытаніяхъ, которыя должна будетъ преодолѣть эта невинная Дѣва и Воплотившійся, прежде нежели они увѣнчаются небесною славою. Лицо ангела грустно и важно, исполнено думы, лицо Маріи изображаетъ кроткое недоумѣніе. И все это облито свѣтомъ небеснаго присутствія. Гвидо вышелъ побѣдителемъ великихъ трудностей.

Изъ оконъ Квиринала опять превосходный видъ, или лучше, на три стороны удивительная панорама Рима.

S. Maria sopra Minerva, уповательно основанная на мѣстѣ храма Минервы, выстроеннаго Помпеемъ. Самое замѣчательное — статуя Христа, держащаго крестъ и другія орудія страданія. Работа достойная Микель-Анджело, выраженіе головы исполнено божественнаго страданія, ори-

гинально и глубоко; тѣло прекрасно, хотя слишкомъ мощно по манерѣ Бонароти. Но однако же остаешься не удовлетвореннымъ: видишь статую скорбящаго человѣка, а не изображеніе Бога; причина, мнѣ кажется, въ необъемлемости мысли о Божествѣ, которая не могла быть заключена въ ограниченныя, чисто-плотскія формы мрамора. Оттого мы правы, не допуская пластики въ наши церкви: пластика бессильна выразить даже приблизительно основныя идеи нашего ученія. Она бы могла только ограничить ихъ и привести въ заблужденіе простыя души, которыя невинно сохраняютъ въ глубинѣ своей видимый образъ. Понятно, что ученіе Древнихъ не могло найти для себя лучшаго посредника; вышедшее изъ силъ физическихъ природы и человѣка, оно всего лучше выражалось въ формахъ тѣла. Не то у насъ, гдѣ оно обращается къ самымъ духовнымъ, самымъ высокимъ силамъ души. Потому въ Италіи (а изъ нея вмѣстѣ съ католицизмомъ и въ другихъ странахъ), на пепелищѣ язычества, христіанское ученіе не могло достигнуть своего чистаго отвлеченія отъ земнаго; пластика духовная была здѣсь вмѣстѣ причиною и слѣдствіемъ такого состоянія религіозныхъ идей,—причиною, въ смыслѣ преобладанія въ ней тѣлесныхъ силъ, наслѣдованныхъ еще отъ предковъ-язычниковъ. Несмотря на свое горячее вѣрованіе, на свой фанатизмъ, на пламенность, католическія племена не постигаютъ до сихъ поръ вполне сущности христіанства, находятъ въ немъ не то, что оно имѣетъ. Гдѣ у нихъ эта кротость, это спокойствіе, это смиреніе? Могутъ ли они не возмущеннымъ окомъ вознестись въ высокую обитель вѣчнаго Духа и созерцать оттуда, безъ земныхъ расчетовъ и соображеній, великое значеніе нашего ученія, великій смыслъ Евангелія?—Пластика, заимствующая свои предметы изъ религіи, всегда останется при своихъ неудачныхъ попыткахъ, какъ бы велики ни

были гени-исполнители. Въ наше время, я думаю, даже живопись религіозная врядъ ли возможна въ своемъ высшемъ, идеальномъ значеніи. Врядъ ли суждено ей вторично сдѣлаться орудіемъ вѣрованія, какъ было въ среднихъ вѣкахъ: съ тѣхъ поръ наша вѣра выросла въ своихъ разумныхъ началахъ, ее теперь почти невозможно втѣснить въ раму картины.

Замѣчательна еще въ *Magia Sorga Minegva* капелла *Юмы* Аквинскаго, расписанная альфреско Филиппино Липпи. Плафонъ—Рафаэллинь дель Гарбо. Живопись еще чисто-духовная, которая опиралась единственно на идею, а не на форму. Ея-же представителя—Анжелико (уповательно) Благовѣщеніе—алтарный образъ; онъ самъ лежитъ въ этой церкви. Памятники Льва X и Климента VII—Бандинелли.

Былъ въ *S. Agostino*, чтобы посмотрѣть на *Исаію Рафаэля*, въ изображеніи котораго онъ, говорятъ, хотѣлъ соперничать съ *Микель-Анджело*, увидѣвши часть его Сикстинской капеллы; но *Ланци* относитъ это произведеніе къ 1511 г., прежде нежели явилась работа *Бонароти*, и во время отсутствія сего послѣдняго. Окна церкви расположены такъ невыгодно, что мы не могли многого разсмотрѣть, и потому здѣсь скажу только, что рисунокъ могучъ и силенъ.—Въ этой же церкви мраморная группа *Сансовино*: *Анна* и *Богоматерь*, превосходнаго стиля.—Но предметомъ набожныхъ поклоненій и даровъ служить другая статуя *Богоматери*, украшенная множествомъ драгоценныхъ каменьевъ, ожерелій, браслетъ, застѣй. Видя этотъ народъ, колѣнопреклоненный передъ статуею, невольно придетъ на мысль идолопоклонство.

Въ числѣ не записанныхъ задовъ стѣитъ воспоминаніе посѣщенія *S. Agnese fuori le mura*—въ день Святой, когда здѣсь освящаютъ барашковъ, которые отдаются потомъ подъ присмотръ монахинямъ; изъ ихъ шерсти дѣлають палліи патріархамъ и архіепископамъ. Мы видѣли впро-

чемъ только одного барашка, убраннаго вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, котораго въ процессіи носили по церкви и потомъ положили на престолѣ. Церковь—старая базилика VII ст., построенная надъ катакомбами въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдено тѣло св. Агнесы; въ нее сходятъ 48 ступенями. Внутри 16 коринтскихъ древнихъ столбовъ; изъ нихъ два съ удивительно нѣжными и парадными ложечками, изъ фригійскаго мрамора. Голова Спасителя, работы Микель Анджело, замѣчательна. Старый епископскій стулъ и древній канделябръ; мозаики VIII ст.—Въ этотъ же день у Маріи Маджіоре окропляются лошади святою водою,—обрядъ, привлекающій до сихъ поръ всѣхъ извошниковъ.

Церковь св. Констанціи, возлѣ Агнесы, изъ древняго Вакхова храма,—ротонда—куполъ поддерживается 24 двойными столбами, за которыми ходъ со сводомъ, покрытымъ языческими мозаиками, относящимися къ служенію Вакха; работа груба, но не безъ достоинства. Въ послѣдствіи, говорятъ, строеніе служило надгробнымъ памятникомъ фамиліи Константина.

8 февраля. S. Andrea della Valle—окончена Мадерно. Прекрасны четыре евангелиста подъ куполомъ,—Доменикино: много силы и естественности. Внутренность церкви вообще величественна и производитъ пріятное впечатлѣніе.

Выставка французской академіи. Нѣтъ ничего конченнаго, потому невозможно судить объ окончательномъ значеніи произведеній; но изъ того, что есть, виденъ уже характеръ Французской Школы—вездѣ одинъ и тотъ же. Нельзя не сознаться, что созданія французскаго искусства существуютъ какою-то эфемерною, поверхностною жизнію, и это повторяется во всѣхъ его родахъ. Ива-

новъ *) справедливо сказалъ, что французскіе художники не умѣютъ думать (принимая это слово въ обширномъ значеніи). Они не могутъ никогда придать своему произведенію внутренняго, глубокаго смысла. Странно, что этотъ недостатокъ ощущается чрезвычайно часто въ современномъ искусствѣ, есть почти общій; между тѣмъ какъ наше время по преимуществу мыслящее; между тѣмъ какъ одна виѣшность безъ души теперь должна бы привлекать менѣе всего, когда анализъ вездѣ проникаетъ до корня, старается разгадать и уловить во всемъ идею. Естественно, что безъ внутренней разработки ее французскій художникъ всегда остается дитятей, который играетъ образами жизни, но не въ состояніи уловить ее. Такъ и тутъ, вы видите (миѣ кажется) хорошую технику, изученіе тѣла, много милаго въ сочиненіи группъ и фигуръ; но послѣ перваго пріятнаго впечатлѣнія, когда вы ищете чего-нибудь далѣе, хотите дойти до души всего, до идеи, до таинственной святости творчества, васъ встрѣчаетъ пустота; вы бросаете второй взглядъ и эти милые образы вамъ кажутся уже простыми, хорошо раскрашенными куклами, или по меньшей мѣрѣ, вы видите во всемъ произведеніи только живую картину, съ натурщиками и натурщицами, хорошо группированными. Таково было мое впечатлѣніе при видѣ большой неоконченной картины—*Иисусъ проповѣдывающій съ барки народу*. Есть вкусъ, но нѣтъ истиннаго искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что картина будетъ съ техническимъ достоинствомъ, будетъ эффектна; но эффектъ—дѣло времени, моды, прихоти, не болѣе: это люди, разсаженные и разставленные художникомъ, который однимъ поднявъ голову вверхъ, другимъ наклонилъ ее на руку въ знакъ вниманія, а не народъ, сошедшійся самъ на неслы-

*) Извѣстный творецъ картины *Проповѣдь Іоанна въ пустынѣ*.

ханную дотолѣ проповѣдь, не народъ, пораженный и увлеченный божественными словами. Двѣ другія картины—Пастухъ и Нарцисъ, смотрящійся въ воду, повторяютъ тѣже недостатки. Въ Нарцисѣ очень эффектное освѣщеніе и иѣжность тѣла.—По скульптурѣ замѣчательнѣе—Шактасъ на могилѣ Атталы; много знанія тѣла, тонкости наблюденія, подмѣченъ складъ американца, но прекраснаго и изящнаго и не ищи. Это модель для кабинетной статуйки, для куклы на прессъ-панье. Но что за статуя? Что за положеніе? Художникъ самимъ предметомъ заградилъ уже себѣ путь къ изящному, и весь трудъ его мнѣ кажется потеряннѣмъ.—Архитектурные чертежи прекрасно выполнены въ техническомъ отношеніи, но это копія съ древностей; есть одна рставрація храма Марса-Мстителя на форумѣ Августа; не знаю, что скажутъ о ней знатоки, но мнѣ кажется многое бы въ ней раскритиковали древніе Римляне.

Но что за вилла, принадлежащая французской академіи, бывшая Медичисовъ—прелесть! трудно найти мѣсто лучшее для пріюта художникамъ: кажется вдохновеніе такъ и должно жить съ ними въ этомъ классическомъ саду, изъ котораго такой удивительный видъ на городъ и на окрестность.

9 февраля. Были въ Капитоліи съ Чиж., Поп. и Дуб. Нѣсколько (то-есть трое) сенаторовъ принимали депутацію жидовъ съ обычнымъ прошеніемъ о дозволеніи имъ оставаться въ Римѣ. Обрядъ унижительный для несчастнаго племени и вмѣстѣ обнаруживающій ничтожество властителей. Кто изъ предстоящихъ не видѣлъ въ этихъ сенаторахъ каррикатуры на древній римскій сенатъ, кто не смотрѣлъ съ насмѣшкой на этихъ жалкихъ самозванцевъ, надъ головами которыхъ, какъ будто въ поруганіе, чита-

лись знаменитыя буквы: S. P. Q. R? Трое толстяковъ, одѣтыхъ въ красное, дюжина солдатъ, а за ними толпа зѣвакъ-пришельцевъ, сбродъ съ разныхъ концовъ міра: англичанъ, русскихъ, нѣмцевъ и пр., вотъ что составляло сенать и народъ римскій. А на стѣнахъ залы намалеваны судъ Брута надъ своими дѣтьми, самопожертвованіе Муція Сцевалы и пр. и пр. Такъ называемые сенаторы поѣхали оттуда открывать карнавалъ: въ каретѣ одного изъ нихъ упала лошадь; кучеръ слѣзъ съ козелъ и возился съ нею такъ долго, что мы не дождались, уѣхали впередъ. Потомъ уже мы видѣли несчастную процессію, окруженную оборванными ребятишками, сволочью разною; впереди шло нѣсколько трубачей, точно оборванная труппа кочующихъ фигляровъ, что ѣздятъ иногда по городу, чтобы заманить народъ на представленіе. Бѣдный Римъ! Вѣрно старые сенаторы закрываются своими тогами на томъ свѣтѣ, чтобы не видѣть посрамленія, наносимаго ихъ имени.

10 февраля. Вилла Памфили. Сѣренькій, печальный день хорошо присталъ къ состарѣвшемуся великолѣбію этого роскошнаго обиталища римскаго вельможи. Правильные сады идутъ кажется только къ Италіи, здѣсь они имѣютъ значеніе: и тѣнистые галлерей обстриженной зелени для дневнаго жара и открытые узорочныя цвѣтники для почныхъ прогулокъ, и террасы, украшенныя, окаймленныя фонтанами. Но у насъ подражаніе имъ кукольно и смѣшно.

S. Pietro in montorio—на горѣ, откуда одинъ изъ лучшихъ видовъ на Римъ; нынѣшняя наружность принадлежитъ Пинтелли, XV вѣка. Картины Себастіана дель Пюмбо. Двѣ хорошія статуи—Петръ и Павелъ, Амманати и Даніила Вольтерры. На дворѣ храмикъ Браманте, совершенно въ языческомъ стилѣ, на мѣстѣ, гдѣ по католическому преданію, происходила казнь Апостола Петра.—

Недалеко одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ фонтановъ Рима—*fonte Paolina*, построенный Павломъ V, изъ развалинъ форума Нервы, въ 1612;—изъ подъ пяти арокъ струится вода толстыми трубами въ огромный бассейнъ.

25 февраля. Вилла Боргезе раскинута широко, повельможески; лѣтомъ должна быть особенно хороша. Казино наполнено славными мраморами; но лучшихъ уже нѣтъ,—они проданы были Наполеону. Осталось, однакожъ, нѣсколько превосходныхъ: герма Фродитъ—произведение времени полного разцвѣта греческаго искусства; чувственность изобрѣтенія показываетъ уже зародышъ порчи идей, но эта порча еще не коснулась формы: какое изящество, какая волнистость линий; какъ небрежно, какъ просто брошено это странное созданіе на ложе; ему сняты сладострастные сны, чувствуешь его жаркое дыханіе изъ полураскрытыхъ устъ. По исполненію, онъ выше флорентинскаго; но, кажется, не такъ хорошо сохранился. Пляшущій фавнъ (по Винкельману, хотя не видно признаковъ фавна: уши обыкновенные, волосы просто мальчика, только пицалка подъ ногою) прежде именовался Нарцисомъ, изъ бронзы; положеніе превосходное со всѣхъ сторонъ; невозможно было дать лучшаго выраженія беззаботной веселости; незрѣлое тѣло украдено у природы, и темная масса бронзы мягка и жива. Мальчикъ, извлекающій изъ ноги занозу: опять та удивительная вѣрность природѣ, которая придаетъ духъ жизни мертвой матеріи; то высокое искусство, которое уничтожаетъ само себя и творитъ какъ природа, развивая свое созданіе изъ зародыша духовнаго. Здѣсь вы видите не слѣпокъ, а живое существо, которое не напоминаетъ вамъ ни о художникѣ, потому что вы не замѣчаете преодолѣнныхъ трудностей и его умысла, ни о васъ самихъ, потому что оно

не выставляеть ничего на показъ, не знаетъ о зрителѣ, а живетъ въ своемъ мірѣ, не заботясь объ окружающемъ. Сколько ни смотрите на этого мальчика, окружите его огромною толпою, онъ все будетъ уединенъ и занятъ только съ напряженнымъ вниманіемъ своею ногою.—Другія статуи въ отношеніи къ этимъ второстепенны: сидящій Меркурій, два пляшущихъ фавна, изъ мрамора, повторенія капитолійской и двухъ ватиканскихъ Венеръ. Церера съ діадемой или вѣнкомъ, и пр.

Во второмъ этажѣ произведенія новаго рѣзца: три группы Бернини—человѣкагеніальнаго, но слишкомъ, кажется, себѣдовѣряваго, и потому послѣ первой ошибки увлекшагося безвозвратно ложнымъ направленіемъ,—Давидъ, бросающій пращу; Дафна, настигнутая Апполономъ и превращающаяся въ дерево, и Анхизъ, выносимый Энеемъ изъ Трои. Все это имѣеть замѣчательныя достоинства, но виденъ художникъ ярый, слѣдовавшій первому увлеченію, не взвѣшивавшій цѣли съ средствами. Группа Аполлона задумана хорошо, но исполненіе требовало могучихъ силъ, требовало великаго изученія и теплоты,—не достаетъ обоихъ: положеніе Аполлона слабо; голова, хотя и скопирована съ бельведерскаго, но профиль ничтожный, даже глупъ. Въ Давидѣ, усиліемъ придать выраженіе гнѣва, искажена и уничтожена красота юноши, который шелъ на бой, не постигая самъ его важности, въ упованіи на помощь Свыше, и вѣрно безъ злобы на врага. Группа Энея мнѣ поправилась болѣе другихъ, хотя, говорятъ, это произведеніе первой молодости (подъ руководствомъ отца); можетъ именно тогда Бернини не смѣлъ еще преступать предписанныхъ границъ, и его дарованіе не было искажено упрямою самоувѣренностію. Тутъ же Сонъ, то-есть мальчикъ спящій, изъ чернаго мрамора, Альгарди,—прекрасно. Далѣе, Венера побѣдительница.

скопированная съ княгини Боргезе, сестры Наполеона, работы Кановы, по случаю которой, на вопросъ пріятельницъ: какъ она рѣшилась обнажить свои прелести передъ скульпторомъ?—она имъ отвѣчала, что въ мастерской его было очень тепло. Канова вездѣ мягокъ до невѣроятности, даже слишкомъ мягокъ; въ копировкѣ тѣла несравнененъ: кажется, палець вдавился бы, еслибы прикоснуться къ мрамору; но за то идеальнаго не ищите; если жизнь одушевляетъ это тѣло, то какая-то вялая, сонная. Но что за подушки, что за постель, на которой лежитъ красавица!

Изъ виллы Боргезе мы отправились въ Ватиканъ. Я нарочно не упоминалъ о немъ до сихъ поръ, чтобы не повторять себя, или лучше, чтобы не уничтожать завтра того, что сказалъ сегодня. Но и теперь еще не знаю, что я скажу о немъ,—объ этомъ мѣрѣ или лучше—этой обители искусства. Описывая его, можно, даже должно написать исторію скульптуры, если хотѣть, чтобы описаніе отличалось чѣмъ-нибудь отъ простаго каталога. Богатство изумительное и почти исключительно хорошихъ и превосходныхъ произведеній. Римскій, могучій духъ, собравшій эти сокровища съ разныхъ странъ міра, вѣдетъ въ этихъ огромныхъ залахъ. Сегодня я еще разъ пробѣжалъ такъ-называемый *braccio nuovo* Кіарамонтскаго Музея. Замѣчу нѣкоторыя статуи себѣ на память. Въ *braccio nuovo*, сейчасъ на лѣвой сторонѣ, Меркурій съ кадудеей, одна изъ замѣчательнѣйшихъ статуй греческаго рѣзца въ этомъ отдѣленіи. Домиціанъ въ панцырѣ (единственная статуя этого императора, такъ какъ народъ, по ненависти, уничтожилъ его изображенія), вѣроятно изъ склееннаго полотна, потому что насквозь видны всѣ мускулы. Винкельманъ думаетъ, что Римляне употребляли подобныя панцири. Луцій-Веръ, нагой,

въ образѣ героя; маленькая Викторія въ лѣвой рукѣ—новая реставрація. Минерва medica съ атрибутомъ змѣи, кажется лучшая Минерва въ Римѣ; спокойствіе и умъ на лицѣ. Венера Анадіомена, выходящая изъ морскихъ волнъ, и выжимающая власы; вода какъ будто каплетъ съ нихъ; положеніе тѣла граціозно; реставрирована кажется однако жъ не такъ хорошо какъ бы можно желать. Извѣстный Фавнъ съ лозою, облокотившійся на дерево, Праксителя,—одна изъ лучшихъ копій. Лежащая статуя Нила, съ мальчиками по числу наводненій. Амазонка, распускающая лукъ, копія съ Поликлетовой, сдѣланной имъ на состязаніе съ Фидіемъ и Ктезилаемъ: мнѣ показалась лучше другой копіи въ Піо-Клементино.—Перешедши на другую сторону, Демосѣенъ; особенное образованіе рта, какъ у людей картавящихъ. Раненная амазонка Ктезилая, копія; тѣло слишкомъ дебѣло, видно, что копировала рука не довольно искусная, но съ превосходнаго оригинала. Pudicitia, цѣломудріе, прекрасная женская фигура, завернувшаяся въ длинную одежду; положеніе нѣжно и благородно, выраженіе лица глубокомысленно. Висконти называетъ ее Венерой-побѣдительницей по діадемѣ и браслету, замѣтному на рукѣ сквозь верхнюю одежду. Силенъ съ Вакхомъ на рукахъ, очень хорошъ. Много прекрасныхъ бюстовъ римской скульптуры, изображающихъ императоровъ и другихъ viros togatos, laticlavios.

Собственно Музей Кіарамонти не представляетъ слишкомъ строгаго выбора, но за то много статуй и обломковъ, любопытныхъ по рѣдкости, если не по работѣ. Въ числѣ ихъ Діана trimorfis, небесная—съ луной, земная—охотница и наконецъ подземная—Прозерпина. Обломокъ барельефа изъ аѳинскаго Парѳенона, всадникъ на конѣ; извѣстно, что барельефы исполнялись по рисунку и подъ надзоромъ Фидія, а нѣкоторые принадлежать ему самому. Колоссальный

бюстъ Изиды, съ обычнымъ лотосомъ на головѣ и съ монистами на шеѣ. Прекрасной работы: двѣ сидящія статуи Тиверіа, въ особенности нимфа, сидящая у источника; Венера закрытая до половины развѣвающимся одеждою—много граціи; бюстъ малолѣтнаго Нерона—сдѣланъ превосходно; вообще множество превосходныхъ головъ; въ концѣ—лежащій Геркулесъ, еще какъ герой отдыхающій послѣ подвиговъ, съ означеніемъ жилъ, и пр. и пр.

S. Cecilia in trastevere, древняя базилика IX столѣтія, замѣчательна, кромѣ наружнаго вида, по оригинальной лежащей статуѣ Святой, изображенной мертвою въ минуту послѣ казни, работы Стефано-Мадерно; не идеально, но ново и работа прекрасная. Церковь выстроена на мѣстѣ дворца мученицы, дочери римскаго сенатора. Въ капеллѣ налѣво, бывшей прежде ванною, гдѣ ее жгли на огнѣ, сохранены до сихъ поръ краны и трубы для воды. Тутъ же изображеніе казни св. Цециліи—Гвидо Рени.

Портикъ Октавіи, воздвигнутый Августомъ своей сестрѣ, прежде великолѣпный, теперь нѣсколько колоннъ коринтскаго ордена, застроенныхъ безобразными домами, обломанныхъ, посреди рыбнаго рынка, но до сихъ поръ прекрасныхъ.

S. Maria di Loreto, возлѣ форума Траяна, любопытна по статуѣ св. Сусанны—Альгарди, много граціи и достоинства. Тутъ же двѣ хорошихъ картины Каваліере д'Арпино изъ жизни Божіей Матери.

S. Gregorio, построенная въ честь Григорія Великаго въ VII столѣтіи, гдѣ стоялъ его отцовскій дворецъ, обращенный имъ въ монастырь; но совершенно обновленная въ XVIII столѣтіи. Тутъ возлѣ его капеллы келья, гдѣ онъ жилъ, съ древнимъ епископскимъ кресломъ. Возлѣ церкви

три отдѣльныхъ капеллы: св. Андрея съ превосходнымъ, по мнѣ лучшимъ фрескомъ Гвидо, священнаго содержанія—веденіе св. Андрея на казнь,—сочиненіе, все окружающія фигуры и исполненіе чрезвычайно удачно. Насупротивъ фрескъ Доменикино, бичеваніе Апостола—блѣднѣетъ при сравненіи, да кажется и сохранился хуже. Въ капеллѣ св. Варвары прекрасна статуя Григорія, по рисунку Бонаротти исполнена Кордіери, а посреди столъ, на которомъ Григорій угощалъ всегда пищею двѣнадцать нищихъ.

---

5 марта. Св. Климентъ—чистая базилика первыхъ вѣковъ христіанства съ криптою, предверіемъ для кающихся и оглашенныхъ, хоромъ, окруженнымъ мраморною оградой, съ двумя амфонами по бокамъ для чтенія евангелія, эпистоля или пѣнія. Многія украшенія и мозаики напоминаютъ византійскій стиль. Но для насъ эта церковь должна быть дорога, какъ мѣсто погребенія св. Кирилла. Тщетно я старался открыть его могилу—никакихъ слѣдовъ не видно. Св. Климентъ былъ по преданію изгнанъ въ Тавриду и тамъ замученъ. Аббать княгини Волконской рассказывалъ мнѣ, что Кириллъ привезъ его мощи въ Римъ, и они положены въ церкви его имени. Третій знаменитый мученикъ, кажется св. Пахомій Антіохійскій, лежитъ тутъ же. Въ капеллѣ св. Екатерины фрески Масачіо изъ ея жизни, но сильно и неудачно подновленные.

Въ Римѣ, на каждомъ шагу, возлѣ христіанскаго міра возникаетъ изъ земли міръ языческій; иногда они являются даже смѣшанно, какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ, обращенныхъ въ церкви, и въ большей части церквей, украшенныхъ обломками храмовъ. Такъ и тутъ, изъ базилики св. Климента, переносящей въ лучшія времена христіанства, черезъ нѣсколько шаговъ вы входите

въ домъ Нерона, на которомъ Титъ построилъ свои термы, обобравъ всѣ мраморы, всѣ украшенія, даже мраморную обшивку стѣнъ и половъ, и заваливъ землею комнаты жилища, называвшагося нѣкогда золотымъ по великолѣпнѣю. Что случилось съ этимъ великолѣпнѣмъ? На стѣнахъ уцѣлѣла почти вездѣ штукатурка, имѣющая видъ поддѣльнаго мрамора по своей гладкости и плотности, мѣстами видны остатки красокъ, фресковъ, особенно въ корридорѣ, служившемъ для прогулки, а потомъ обращенномъ въ проходъ къ пристроеннымъ комнатамъ термъ. Въ немъ сохранилась (теперь почти уже не замѣтная) надпись съ изображеніемъ двухъ змѣй, призывающая немилость Юпитера и Юноны на того—*qui hic miscerit aut casaverit*. Чичероне старался объяснить намъ, что это дѣлалось точно такъ же, какъ теперь изображается у нихъ крестъ въ мѣстахъ, которыя хотятъ защитить отъ загаживанья.—Нельзя не подивиться прочности красокъ, до сихъ поръ удержавшихся на сводѣ; рисунокъ арабесковъ послужилъ говорить Рафаэлю къ распискѣ ватиканскихъ ложъ. Въ этихъ термахъ найдены Лакоонъ, Мелеагръ и пр.

Изъ дома Нерона въ термы Каракаллы. Стѣпы стоятъ до сихъ поръ, обозначая громадное зданіе. Внутренность принадлежитъ Каракаллѣ, а наружная обстройка—портики, переходы, залы для гимнастическихъ упражненій выстроены Геліогобаломъ и Александромъ Северомъ. Обо всемъ этомъ можно судить только гадательно, какъ по остову о бывшемъ красавцѣ. Великолѣпнѣмъ и роскошью, говорятъ, эти бани превосходили всѣ прочія. Здѣсь найдены фарнезскій Геркулесъ, бельведерскій торсъ, Флора (въ Неаполѣ), фарнезскій быкъ и пр: Въ зданіи помѣщалось 1,600 ваннъ изъ полированнаго мрамора.

Недалеко—гробницы Сципіоновъ, вросшія въ землю,—простые склепы, съ нѣсколькими самыми обыкновенными

надписями. Надъ ними растеть теперь капуста и финоки. — Очень интересны вблизи находящіеся два колумбарія, то-есть склепа для вольно-отпущенниковъ или плебейскихъ фамилій. Они получили названіе отъ сходства съ голубиными гнѣздами погребальныхъ урнъ, въ которыхъ находится пепель, расположенныхъ по двѣ вмѣстѣ. Эти склены сохранили всю первобытную наружность, представляютъ видъ открытыхъ шкаповъ съ полками снизу до верху. На каждой находится множество глухихъ круглыхъ углубленій, гдѣ насыпанъ пепель, закрытыхъ тарелками въ видѣ нашихъ плошекъ, въ которыя вливалось масло и засвѣчивались огни. Передъ нѣкоторыми висятъ до сихъ поръ еще античныя лампадки, или оборвавшіяся цѣпочки. Надъ каждою парюю вдѣлана доска съ надписью: *diis manibus* такого-то. На одной я прочелъ, что это былъ гонецъ Юлія Цезаря; на другой—горничная Ливіи. Точно еще вчера сюда вносили свѣжій пепель какого-нибудь вѣрнаго слуги. — Нельзя не сѣтовать на гордые музеи, когда вспомнишь, что они грабятъ мертвыхъ: какъ мертво въ нихъ многое, и какъ краснорѣчива всякая малость здѣсь, на своемъ мѣстѣ.

6 *Марта*. *S. Martino ai monti*. Базилика первыхъ столѣтій; хотя поновленная въ послѣдствіи, но главныя части удержали свой характеръ; въ ней пространная крипта, съ которой сообщается другая подземная церковь; это было отдѣленіе титовыхъ бань, комнаты обращены на церковное употребленіе. Во время папы Сильвестра онѣ вѣроятно были еще на поверхности земли, ибо въ нихъ держалъ онъ соборъ въ присутствіи императора Константина и Елены, на которомъ подтверждены постановленія Никейскаго. До сихъ поръ показываютъ его епископское кресло. Въ капеллѣ очень древній мозаичный образъ Богоматери византійскаго стиля.

Св. Пракседа, то же древняя базилика, въ честь сестры св. Пуденціаны, дочери сенатора Пуденція у котораго въ домѣ жилъ Апостоль Петръ, по прибытіи своемъ въ Римъ (о чемъ имѣется впрочемъ извѣстіе не ранѣе III столѣтія). Пракседа прославилась своимъ благочестіемъ, и на мѣстѣ нынѣшней церкви собрала кровь тысячи мучениковъ. Посреди базилики показываютъ мраморный колодець, который она ею наполнила. Въ боковомъ крылѣ мраморная доска, служившая ей постелью.—Въ одной изъ капеллъ хранится за стекломъ столбъ изъ сѣраго мрамора, къ которому былъ привязанъ Спаситель во время бичеванья. Капелла богато украшена мозаиками въ византійскомъ стилѣ, и въ старину называлась—*orto del paradiso*.—Въ другой капеллѣ деревянный складной стулъ Карла Бормео и доска со стола, на которомъ онъ угощалъ нищихъ.—Одна капелла расписана *al fresco* Арпиномъ—это лучшая его работа, какую я до сихъ поръ видѣлъ. Рисунокъ, сочиненіе, сила и оконченность очертаній всё заслуживаетъ похвалы.—Въ сакристіи бичеваніе Христа—Джуліо Романо, если и настоящее, то кажется не знаменито—черно и грубо.

S. Lorenzo fuori le mura. Дорога къ нему черезъ *porta Tiburtina* (теперь *S. Lorenzo*), ворота, построенные Гоноріемъ и соединяющіе на себѣ три водопрода: *aqua Marcia*, *Terula* и *Julia*. Выѣхавъ изъ воротъ, налѣво поле битвы Гораціевъ съ Куріаціями.—*S. Lorenzo* почтенная базилика VI в.; передняя часть, построенная еще Константиномъ, состоитъ изъ двухъ рядовъ превосходныхъ мраморныхъ коринтскихъ колоннъ съ ложечками, взятыхъ безъ сомнѣнія изъ какого нибудь языческаго храма, но къ сожалѣнію до половины закрытыхъ возвышеннымъ помостомъ. Обѣ первыя колонны имѣютъ оригинальныя капители изъ высѣченныхъ горельефомъ человѣческихъ фигуръ и военной амура. На нихъ архитравъ изъ нѣсколькихъ несходныхъ

кусковъ, взятыхъ видно изъ разныхъ мѣстъ.—Задняя часть базилики (то-есть ближайшая ко входу) обставлена античными колоннами іоническаго ордена; на капители одной видна ящерица (*σαυρος*),—по Винкельману, монограмма знаменитаго греческаго архитектора Савруса. Хоръ, какъ вообще въ древнихъ базиликахъ, отдѣленъ мраморною стѣнкою, съ двумя каедами. Все это носитъ на себѣ отпечатокъ древности, и какъ-то напоминаетъ украшеніями наши древнія украшенія.

Оттуда я отправился въ катакомбы. Входъ въ родъ грота въ горѣ. Это безконечные узкіе переходы, гдѣ почти постоянно надо идти наклонившись. Какъ тѣни бродили мы молчаливо, при тускломъ свѣтѣ двухъ свѣчей, вставленныхъ въ расчепленные палки. Проводникъ мой изрѣдка постукивалъ въ безчисленные доски изъ сженной глины, которыми заклады кости мертвецовъ, находящихся въ стѣнахъ. Можно сказать—это кладовая смерти: стѣны всѣхъ переходовъ какъ шкафы наполнены костями; индѣ онѣ торчатъ наружу, индѣ валяются на полу; мой проводникъ отвалилъ нѣсколько досокъ, до того еще не открытыхъ, но кромѣ безобразныхъ остововъ мы не нашли ничего. Говорятъ или лучше пишутъ, что эти катакомбы образовались сначала отъ вынимаемой пуццоланы и туфа (каменистая земля) для построекъ,—это вѣроятно, ибо невозможно, чтобы христіане одни могли вырыть этотъ безконечный подземный лабиринтъ, простирающійся безъ преувеличенія подъ всѣмъ Римомъ. Во многихъ садахъ, огородахъ, на самыхъ противоположныхъ концахъ города существуютъ входы въ подземную обитель. Впослѣдствіи, христіане воспользовались ими для погребенія мертвыхъ по своему обычаю, можетъ быть и спасались туда во время преслѣдованій. Но катакомбы врядъ-ли могли служить надолго мѣстопре-

бываніемъ, покрайней мѣрѣ это рѣшительно невозможно въ той части, которую я видѣлъ; очевидно, что ея назначеніе было погребать мертвыя тѣла; огромное ихъ количество вѣроятно заражало воздухъ въ такой степени, что сдѣлало бы убійственнымъ всякое продолжительное пребываніе.

10 марта. Посѣщеніе катакомбъ св. Агнессы съ княгиней Зинаидой Волконской, въ сопутствіи аббата Маркези, открыло мнѣ другую сторону подземной задачи. Между тѣмъ какъ княгиня вздыхала, творила молитвы погибшимъ мученикамъ и дѣлала разныя восклицанія, приличныя предмету, толстый, краснощекій аббатъ, отъ котораго несло маленько винными парами не уставалъ объяснять намъ происхожденіе и значеніе этихъ могилъ, и говорилъ много интереснаго, какъ человекъ, посвятившій себя изученію этого предмета. Его мнѣніе совершенно противоположно предъидущему; онъ доказываетъ, что катакомбы вырыты единственно христіанами, ибо они проходятъ не въ слояхъ туфа и пуцоланы (неизвѣстно почему воображали это Бозіо и Боттари, ученые археологи, но вѣрно не умѣвшіе отличить простой земли отъ пуцолана), а въ почвѣ средней между тѣмъ и другимъ. Причина этому довольно проста: туфъ потребовалъ бы большаго труда, а пуцолана по разсыпчатости не могла быть способна для рытья переходовъ, которые нерѣдко проходятъ въ три ряда одни надъ другими. При томъ, какъ говоритъ аббатъ, *nella puzzolana ha lavorato il pagano, nel tufo ha lavorato il pagano, nella terro ha lavorato il christo*. Если бы катакомбы проходили въ слояхъ туфа или пуцоланы, то онѣ легко могли быть открыты работниками, чего христіане всячески старались избѣгнуть. Аббатъ показалъ намъ пещеру, образовавшуюся отъ вынудой пуцоланы, изъ

которой, когда она уже была оставлена, христіане продолжали отверстіе въ свои переходы, и во время гоненій, когда наиболѣе надо было наблюдать тайну, спускались черезъ него въ катакомбы. Для того, чтобы избѣгнуть по возможности преслѣдованій при перепоскѣ мертвыхъ тѣлъ, вѣтви катакомбъ находились вблизи всѣхъ воротъ римскихъ; оттого мы встрѣчаемъ ихъ на противоположныхъ концахъ города. — Аббать утверждалъ, что катакомбы могли служить даже для продолжительнаго пребыванія: земля такъ тверда, и глина, которою смазаны доски закрывающія отверстія для труповъ, такъ непроницаема, что не могло быть смрада. — Во многихъ мѣстахъ находятся капеллы, большею частію изъ двухъ отдѣленій—передняго для мужчинъ и задняго для женщинъ; въ малыхъ капеллахъ мужчины отъ женщинъ были отдѣлаемы холстиннымъ занавѣсомъ. — Доски изъ черепицы, рѣдко изъ мрамора, закрывающія ниши для труповъ, не имѣютъ надписей: всякое желаніе сохранить о себѣ память, казалось противнымъ христіанскому смиренію. Мученики погибшіе отъ меча означены пузырькомъ съ кровью, влѣпленнымъ въ глину, а умершихъ другою мученическою смертію можно различить по начерченной на доскѣ пальмовой вѣтви. Отличіе оказывалось кажется только мѣстомъ погребенія — мужи ознаменовавшіе себя высокою добродѣтелью и святостію, погребаемы были въ стѣнахъ капеллъ, вѣроятно болѣе священнослужители.

Очень замѣчательна и глубокомысленна живопись, теперь въ немногихъ мѣстахъ уцѣлѣвшая, но при открытіи катакомбъ существовавшая въ изобиліи, особенно въ мѣстахъ священнослуженія. Заимствуя языческія формы искусства, въ первый разъ художникъ встрѣтилъ здѣсь новыя идеи и задачи, столь противоположныя прежнимъ, столь превышавшія все, что составляло до тѣхъ поръ сферу искусства;

ему предлежало осуществить ихъ, между тѣмъ онъ не имѣлъ ни смѣлости, ни средствъ возвысить свои формы до идей. Оставалось намекать на нихъ; отсюда является въ первоначальной живописи рядъ дѣтски-простыхъ по исполненію, но глубокихъ, трогательныхъ символовъ и аллегорій. Сначала это были не болѣе какъ эмблеммы, напримѣръ—виноградная лоза означала Искупителя, рыба—крестившагося, агнецъ—пововступившаго въ братство, корабль—церковь, лира—богослуженіе, пальма означала торжество надъ смертью, крестъ—смертную жертву. Потомъ перешли къ аллегорическому изображенію великихъ моментовъ ученія.—Какой художникъ могъ дерзнуть выразить личность Искупителя въ непосредственномъ образѣ? Для этого прибѣгли къ евангельской притчѣ. Онъ является въ видѣ пастыря, пасущаго и охраняющаго стадо, возвращающаго заблудшую овцу. Чудесное рождество Искупителя, какъ источникъ спасенія, выражалось въ образѣ Мойсея, производящаго источникъ ударомъ жезла; понесенныя Имъ страданія — образомъ Лазаря, Его жертва — жертвою Исаака, возвращеніе Его къ отцу—взятіемъ пророка Іліи на небо.—Такимъ образомъ сказанія Ветхаго Завѣта всегда служили намекомъ на евангельскія событія, или имѣли значеніе исполнившагося пророчества, какъ и дѣйствительно Церковь разумѣетъ ихъ. Такъ особенно часто встрѣчается изображеніе трехдневнаго пребыванія Іоны въ утробѣ кита какъ проображеніе трехдневной смерти и воскресенія Іисуса.— Не менѣе трогательны и многозначительны изображенія, имѣвшія цѣлью ободреніе и утѣшеніе братій, унывавшихъ отъ гоненій, грозимыхъ всечасно смертію; напримѣръ—Даніилъ посреди львовъ, три юноши невредимые въ огненной печи, Іовъ, какъ примѣръ смиренія въ напастяхъ; торжество надъ сопротивными—Фараонъ, погибающій въ волнахъ Чермнаго моря.—Для подобныхъ изо-

браженій заимствовалась иногда античная форма, встрѣчаются олицетворенія горъ, рѣкъ и тому подобныя, даже Искупитель въ видѣ Орфея, какъ-бы побѣдившаго своимъ очарованіемъ грубыя силы природы, и потому, что орфическое ученіе считалось предвѣстникомъ христіанства.

Единственно въ катакомбахъ можно видѣть разбросанные слѣды этой символики, заимствовавшей образы не по бессмысленному произволу (какъ въ египетскихъ іероглифахъ), но изъ глубины потрясеннаго чувства, со дна самыхъ завѣтныхъ вѣрованій. Она составила и впослѣдствіи отличительную черту христіанскаго искусства.

Насчетъ исполненія, надо согласиться, что оно довольно грубо: аббатъ увѣрялъ, что уцѣлѣла одна подмалевка, верхнія краски и полутоны исчезли отъ времени. Впрочемъ вездѣ замѣтно еще античное чутье природы, во всемъ естественный смыслъ, взятый прямо изъ ея жизни.

ВСТАВКА 1855 ГОДА.

Въ Римѣ я всего чаще видѣлся съ О. В. Ч., А. П., съ вышеупомянутымъ Линовскимъ. Много было и русскихъ художниковъ. Живописцы: Ивановъ, работавшій уже тогда надъ картиною—проповѣдь Іоанна Крестителя въ пустынь, Орловъ, Серебряковъ, Тыроновъ, Штернбергъ; скульпторы: Рамазановъ, Логановскій и прочіе менѣе извѣстные—всѣ они оставили во мнѣ доброе воспоминаніе.

Видѣлъ я знаменитый римскій карнавалъ, въ продолженіи котораго обыкновенно важные и степенные Римляне сходятъ съ ума; это не болѣе какъ гулянье въ маскахъ и костюмахъ по Корсо (главной улицѣ Рима), причемъ бросаютъ другъ въ друга цвѣтами и конфектами, и дѣлаютъ разныя дурачества, а наконецъ въ послѣдній вечеръ всѣ зажигаютъ свѣчи, и стараются ихъ тушить другъ у друга.

Вовремя Великаго поста Римъ сдѣлался тихъ и унылъ, какъ какой-нибудь нашъ провинціальный городъ. Не только театръ, но даже концерты въ немъ запрещены. Монотонія страшная; въ это время мнѣ кажется могутъ жить въ немъ только путешественники, рыскающіе по галлереймъ и церквамъ; но и тѣмъ наконецъ дѣлается скучно.

Около половины марта я отправился въ Неаполь,

куда приѣхалъ поздно вечеромъ, и, по указанію ка-кого-то вожатаго, помѣстился а la S-la Lucia въ четвертомъ этажѣ. На другой день утромъ вставши, я вышелъ на балкончикъ и былъ пораженъ развернувшимся передо мною видомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ ничего великолѣпнѣе. Вдали, почти прямо противъ дома, стоялъ дымящійся Везувій; между нимъ и мною разстилался лазурный неаполитанскій заливъ, съ бѣлѣющими на немъ кораблями, съ дымящимися пароходами и съ лѣсомъ мачтъ у берега; берегъ этотъ, покрытый бѣлыми строеніями, охватывалъ дугообразной рамой зеркальныя воды, смотрѣлся въ нихъ, и амфитеатромъ, въ зелени садовъ возвышался уступами до горизонта. И все это было освѣщено неаполитанскимъ солнцемъ. Я не могъ оторвать глазъ отъ этой картины и добрый часъ поворачивался въ разныя стороны, восклицая: какъ это хорошо, какое очарованіе! —Наконецъ, надо было одѣться, спуститься въ низъ и отправиться, по обязанности путешественника, осматривать достопримѣчательности. Отъ этого осмотра у меня не осталось никакихъ замѣтокъ современныхъ, хотя я по крайней мѣрѣ разъ пятнадцать былъ въ *musée Bourbonico*.

Несмотря на движеніе и толкотню на Толедо, на многолюдство, встрѣчающееся на набережныхъ Неаполя, вы чувствуете, что здѣсь еще менѣе настоящей жизни, нежели въ Римѣ. Стоитъ своротить съ Толедо въ любую боковую улицу и вы видите ветхость и запустѣніе; въ кофейняхъ почти нѣтъ

иностранныхъ газетъ: ихъ не пропускаетъ цензура. Мѣстные журналы самыя тощія и ничтожныя. Классъ празношатающихъ и пролетаріевъ, перебивающихся со дня на день очень многочисленъ, и составляетъ зерно населенія, готовое продать себя всякому больше дающему. Возможна-ли тамъ гражданская свобода и самостоятельность, гдѣ нѣтъ гражданской доблести!

Былъ я въ Казертѣ, загородномъ дворцѣ, гдѣ видѣлъ тучнаго неаполитанскаго короля въ придворной церкви. Онъ почти всю службу стоялъ на колѣняхъ и потомъ еще шелъ въ какой-то церковной процессіи. Былъ въ Позиллино, Пуццоли, Байѣ, на Мизенскомъ мысу, въ Камальдули, въ монастырѣ St. Martino, откуда неподражаемый видъ на Неаполь и окрестность, въ Портичи, Геркуланумѣ и Помпеи. Необыкновенное чувство овладѣваетъ, когдаходишь въ развалины Помпеи. Видишь улицы, выложенныя камнемъ, на которомъ колеса выбили колеи за двѣ тысячи лѣтъ, стѣны строеній, испещренныя шутивными надписями римскихъ gamins, комнаты, расписанныя фресками, изображающими часто сцены изъ обиходной жизни: точно населеніе ушло отсюда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, оставивъ свою разбитую скорлупу. А между тѣмъ, почти два тысячилѣтія прошли надъ ней; невольно удивишься ея прочности—отъ насъ, вѣроятно, не останется этого и черезъ одну тысячу лѣтъ. Отчего происходила эта монументальность древнихъ построекъ, живописи, утвари? отчего Древніе заботились такъ о прочности, между тѣмъ какъ мы,

несравненно болѣе зрѣлые, совсѣмъ о ней не заботимся? Не оттого-ли, что Древніе жили совершенно виѣшностію, что для нихъ предметность значила все, а у насъ духъ, идея.

Салерно—прелестный уголокъ; изъ него въ двухколѣсномъ куррикулумѣ посѣтилъ я и Пестумъ. На однообразной плоскости стоятъ развалины трехъ храмовъ, состоящіе изъ колонадъ пестумскаго ордена (получившаго отсюда свое названіе); онѣ имѣютъ видъ разрушающихся надгробныхъ памятниковъ. На ступеняхъ большаго амфитеатра сѣютъ рисъ и сажаютъ капусту, вокругъ разсѣяно нѣсколько печальныхъ хижинъ съ болѣзненнымъ населеніемъ: воздухъ Пестума такъ вреденъ, что если пріѣзжій тамъ переночуетъ, то можетъ получить смертельную лихорадку; а въ древности поэты воспѣвали пестумскія розы,—такъ на свѣтѣ все превратно.

Взлѣзалъ я и на Везувій, откуда опять восхитительный видъ на неаполитанскій заливъ. Спускались мы со страхомъ въ самый кратеръ—это углубленіе въ видѣ котла, образовавшееся отъ затвердѣвшей лавы; посреди его небольшой конусъ, изъ котораго выходитъ сѣрный дымъ и вылетаютъ камни. Такъ какъ они относятся вѣтромъ все въ одну сторону, то можно подходить довольно близко. Странно, что дымъ и камни вылетаютъ такъ-же мѣрно, какъ пышетъ паровозъ желѣзной дороги, то-есть съ извѣстнымъ тактомъ.

Около половины апрѣля я отправился обратно въ Римъ, откуда вскорѣ выѣхалъ во Флоренцію. Вотъ мои современные замѣтки о Сіэнѣ, которую я посѣтилъ на пути.

СИЕНА, 17 апрѣля. При отъѣздѣ изъ Рима меня проводили нѣсколько моихъ знакомыхъ у почты; нѣкоторые вышли для произведенія при отъѣздѣ на меня выгоднаго для нихъ впечатлѣнія, другіе изъ видовъ на будущее—авось пригодится, третьи изъ приличія связей съ моими родными, четвертые для компаніи съ третьими, пятые отъ того, что была хороша япогода; одинъ шестой, думаю, что по добротѣ души, хотъ и безъ привязанности ко мнѣ. Несмотря однакожь, что я и въ тѣ минуты анализировалъ очень безпристрастно побужденія, мнѣ было пріятно безотчетно; я понимаю, какъ можно находить удовольствіе даже въ неискреннихъ выраженіяхъ сочувствія, въ лести напри-мѣръ,—удовольствіе удовлетвореннаго самолюбія. — Изъ объятій соотечественниковъ я попалъ въ тиски иноплеменныхъ тѣлъ, плотно наполнявшихъ карету,—тѣлъ самыхъ разнородныхъ; тутъ былъ Пармезанецъ, кавалеръ Мальтійскаго ордена (котораго вице-магистръ обрѣтается въ Римѣ и дѣлаетъ кавалеровъ за деньги), капуцинъ миссіонарій, епископъ индѣйскій—in partibus infidelium (бывшій нѣскольколѣтъ въ Индіи), былъ одинъ Прусакъ, съ телячьими глазами, былъ еще старикъ Французъ, толковавшій намъ о движеніи планетъ и давшій названіе зодіака Большенскому озеру (такъ странно иногда въ разговорѣ случается).—Общество, какъ видите, было занимательное; мы сейчасъ узнали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, и разумѣется всего болѣе подвергался любопытству Индѣецъ. Новаго узналъ я отъ него впрочемъ только, что въ Индіи почта производится на плечахъ людей, которые бѣгутъ скорѣе, нежели нѣмецкія лошади, но смѣняются подобно имъ по станціямъ; что множество слугъ, употреб-

ляемое тамъ Англичанами, зависитъ отъ понятій индѣйскихъ о кастахъ, которыхъ безчисленное множество: сипай, взявшись нести фонарь епископа, навлекъ на себя негодоваіе касты, былъ исключенъ изъ нея и подвергнутъ значительной пенѣ. Политика Англичанъ, по словамъ очевидца, такова, какъ мы ее понимаемъ. Индѣецъ былъ и на Кавказѣ, знаетъ карашо, печка и батвинья; говоритъ что передъ хивинскою экспедиціей многіе военные прощаясь съ нимъ, надѣялись встрѣтиться въ Индіи.— Былъ разговоръ и о насъ, — неприязнь къ Россіи, — противоположность идеямъ Запада. Отдаютъ всю справедливость храбрости войскъ. — Не стану называть мѣста, которыя мы проѣзжали: кто посмотритъ на карту, узнаетъ столько же, сколько я могу сказать. Наконецъ отсидевши *il di dietro*, приѣзжаемъ въ Сіэну въ 9 часовъ.

Сіэна одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые нравятся неизвѣстно почему, — такъ по крайней мѣрѣ случилось со мною сегодня, когда я вышелъ на улицу. Городокъ не большой, но есть прекрасныя старинныя зданія, дворцы — будто-бы нѣмецкаго стиля (въ Германіи нѣтъ ни одного подобнаго), въ родѣ огромныхъ комодовъ; простота и величіе придаютъ имъ особенный характеръ — это повтореніе дворца Риккарди въ Флоренціи. — Въ народѣ видно довольство, выражающееся въ опрятности, виденъ трудъ; праздношатающихъ гораздо меньше — все это пріятно ощутительно приѣзжающему изъ южной Италіи. Правда, Римъ — представитель итальянской жизни, но представитель самаго жалкаго времени — въ лохмотьяхъ и грязи. Конечно, прошедшее и природа дали Итальянцу и Италіи столько хорошаго, что оно иногда плѣняетъ, несмотря на эту кору, но это не измѣняетъ настоящаго положенія. Въ Тосканѣ видно благодѣтельное вліяніе заальпійскихъ идей правительства, видно вліяніе труда и не такъ замѣтно ложное положеніе, въ какомъ находятся Римляне.

Соборъ—прекрасное строеніе итальяно-готическаго стиля, хотя не конченное, или лучше не дополненное такъ какъ хотѣли впоследствии. Настоящій видъ и фасадъ принадлежатъ XIV ст. Фасадъ—богатое соединеніе элементовъ итальяно-готическихъ; скульптурныя работы Jacomo-della Quercia, отца сіѣнской скульптуры; внутренность—круглыя арки; размѣры прекрасны.—Замѣчательны два большіе образа—Discio di Buoninsegna, распиленные изъ одного (начала XIV в.). При недостаточности техники удивительное выраженіе головъ; простота и умъ въ составленіи группъ (на одномъ Богородица со святыми, на другомъ жизнь Іисуса). Buoninsegna первый, кажется, далъ духовное направленіе Сіѣнской Школѣ; лице, какъ выраженіе души,—вотъ ее предметъ и задача; вы такъ увлекаетесь выраженіемъ, что на прочее мало обращаете вниманія.—Капелла Іоанна Крестителя—скульптуры разныхъ сіѣнскихъ художниковъ; изображеніе Іоанна—Донателло,—черезъ чуръ много желанія выразить идею, и отъ того мало естественности, но работа оригинальна и замѣчательна.—La Libreria съ прекраснѣйшими фресками Пинтуриккіо изъ жизни Энея Сильвія впоследствии Пія II;—одинъ—отправленіе его въ Базель (вмѣсто котораго онъ захватилъ въ Ливію—одному Богу извѣстно какимъ образомъ) принадлежитъ, говорятъ, Рафаэлю,—невѣроятно. Прекрасенъ также фрескъ, гдѣ онъ представляетъ императору Карлу невѣсту Элеонору.—Нигдѣ нельзя оцѣнить лучше Пинтуриккіо—состязателя Рафаэля, во фрескахъ онъ особенно превосходенъ.—Каѳедра знаменитаго Никола Пизано, отца новой скульптуры, сходна съ пизанской; кажется осьмиугольникъ на колонкахъ. Николѣ принадлежатъ аллегорическія фигурки по угламъ и носятъ отпечатокъ стремленія его къ античности; между тѣмъ какъ барельефъ—жизнь Іисуса—принадлежитъ ученикамъ: Арнальфо, Лапо и сыну Джіованни, предавшимся живописному

или христіанскому направленію, въ скульптурѣ сопряженному съ великими трудностями. На меня скульптуры этого рода не производятъ впечатлѣнія. — Капелла del Voto (Киджи) — хорошій Маратта и превосходный мозаикъ съ другой его картины, какихъ я мало видѣлъ и въ Римѣ; скульптуры Бернини (говорятъ, у него погамъ всегда придана форма змѣй); Магдалина хороша, потому что здѣсь можно допустить афектъ. — Памятникъ Бандино Бандини — работа юности Микель-Анджело; видно еще колебаніе между духовностію и тѣлесностію формъ. — Какъ образецъ ремесленнаго искусства, — рѣзба изъ дерева въ хорѣ и мозаичныя картинки; вообще рисунокъ самый богатый и исполненіе удивительное. Сіэна славилась своими рѣзчиками, славится до сихъ поръ. — Вокругъ главнаго алтаря мозаичный полъ изъ двухцвѣтнаго мрамора и черной мастики, которою обозначена тушевка, подходитъ къ древнему способу дѣлать изображенія на мраморѣ. — Подъ карнизомъ внутри Собора наставлены головы папъ въ видѣ консолей; въ числѣ ихъ была папеса Іоанна до 1600 г. — Подъ Соборомъ находится баптистерій, интересный по оригинальному готическому фасаду и мраморной чашѣ, съ бронзовыми рельефами: Донателло — благовѣщеніе Іоакима, Ясоро della Quercia — рождество Іоанна и проповѣдь, Гиберти — крещеніе Іисуса (руки у Іоанна слишкомъ длинны) и Іоаннъ передъ Продомъ (прекрасны), Pollarajuolo — пиръ у Прода (прекрасно выраженіе общаго ужаса при подачѣ головы Іоанна, что, къ удивленію, опускается даже живописцами — здѣсь я вижу впервые).

S. Domenico — монастырь капуциновъ, на прекрасномъ мѣстѣ. Церковь бѣдна и гола внутри, но капелла св. Катерины Сіэнской — съ отличнѣйшими фресками Содомы (Gianantonio Razzi 1564); онъ развился подъ вліяніемъ Винчи, но потомъ перешелъ къ Бонаротти и Рафаэлю. Лучшія

произведенія перваго времени исполнены прелести, сладости и мягкости, вмѣстѣ съ благородствомъ. Прекрасно изображена восторженность св. Екатерины. Но замѣтно однообразіе женскаго типа: Роксана Фарнезины повторяется и въ Екатеринѣ и въ Богоматери. Тутъ же чудо вознесенія въ рай души преступника, покаившагося вслѣдствіе увѣщанія Святой.—Я вдвое больше уважаю теперь Содому.— Въ церкви, древнѣйшее произведеніе Сіэнской Школы, Мадонна съ младенцемъ Guido di Siena (1221)—соединеніе византійскихъ началъ съ оригинальными.—Поклоненіе пастыр'ей—Luca Signorelli.—Мадонна съ св. Варварой и другими святыми Matteo da Siena (1479).

Palazzo Publico, дворець правительства республики, типа флорентійскаго, носитъ еще внутри поблеклыя слѣды республиканскихъ временъ; построень Agostino и Angelo da Siena, 1327.—Капелла—съ отличнымъ образомъ Мадонны Содомы и фресками Taddeo di Bartolo(нач. XVв.) изъ ея жизни—прекрасными по отношенію къ стилю. Послѣдователь Симоне Мемми, онъ старался соединить внутреннее выраженіе съ полнотою формъ. Въ преддверіи, его же—Аполлонъ, Юпитеръ, Марсъ, катящійся на презабавной колесницѣ; тутъ же Цезарь, Помпей и нѣсколько христіанскихъ знаменитостей.—Въ залѣ del gran Consiglio огромный фрескъ—Мадонна со святыми, Симоне Мемми, но сильно поврежденъ.—Зала delle Balestre съ фрескомъ Ambrogio Lorenzetti (тоже послѣдователя Мемми)—олицетвореніе хорошаго и дурнаго правленія.—Въ сосѣдней залѣ фрески Spinello Aretino—исторія Фридриха Барбароссы съ Александромъ III—изображена въ пользу папы.—Въ комнатѣ Гонфалоніера прекрасный фрескъ Содомы.—Собраніе нѣсколькихъ плохихъ картинъ, изъ которыхъ остались въ памяти: изображеніе епископа Масса, обвиненнаго въ томъ что онъ

согрѣшилъ съ племянницей, умоляющаго папу объ оправданіи, и чудесное явленіе гусей, какъ символа непорочности (не знаю почему), убѣдившее святаго отца въ томъ, что епископъ невинецъ; изображеніе св. Варвары, держащей на блюдечкѣ свои сосцы, которыя были отрѣзаны мучителями. Это миѣ напоминаетъ Гверчина св. Лучію (въ палацо Корсини), которая держитъ на тарѣлкѣ глаза живые—въ томъ художественномъ соображеніи, что по преданію, будучи вырѣзаны и даны ей на блюдѣ въ руки, они еще нѣсколько времени двигались.

Academia delle belle arti—съ превосходнымъ собраніемъ древнихъ мастеровъ сіэнскихъ, начиная съ Гвидо и продолжая произведеніями кватрочентистовъ: Ducio di Buoninsegna, придерживавшагося Византійцевъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, Ugolino da Siena (+1339), образующаго переходъ къ новой манерѣ, потомъ важнѣйшаго — Simone di Martino или Memmi (+1344), въ противоположность съ Джіотто, отличавшагося не богатствомъ идей, а нѣжностію образовъ; у него вездѣ выраженіе трогательнаго томленія, пріятность формы, нѣжность колорита и умное исполненіе. Его послѣдователи: Pietro di Lorenzo (Lorenzetti), Taddeo di Bartolo, старавшійся придать болѣе жизни и правильности формамъ, далѣе Domenico di Bartolo, Sano di Pietro, Matteo di Giovanni. — Имъ оканчивается стиль духовный, строгій, придерживавшійся какимъ-то условнымъ идеямъ въ своихъ образахъ. Но нельзя не подивиться силѣ его дѣтской простоты, беззатѣйности: писалось такъ, какъ-бы писало умно чувствующее дитя.

Въ XVI ст. сіэнская живопись подпала вліянію Умбрійской Школы, по сходству основныхъ началъ, ихъ сближавшихъ; обѣ имѣли предметомъ выражать движенія души. Конечно, на это могло имѣть значительное вліяніе пребываніе въ Сіэнѣ Пинтуриккіо, оставившее превосходные слѣды въ

Libreria Собора. Тутъ являются: Andrea del Breseianino, Bernardino Fungari, и въ особенности Giacomo Pacchiarotto. Наконецъ, вѣнецъ этого направленія—Содома (1534)—милый, очаровательный, особенно въ фрескахъ. Въ академіи есть ихъ нѣсколько. Въ ученикахъ его замѣтно вліяніе Бонаротти—Michelangelo Anselmi (da Siena) и Bartolomeo Neroni (названный maestro Riccio); также въ Domenico Beccafumi—(названномъ il Metherino). Менѣе близокъ къ Содомѣ Baldassare Peruzzi, архитекторъ + 1536. — Любопытно видѣть въ этой постепенности, какъ тѣло оживаетъ мало-по-малу и входитъ въ свои права. Плоскіе, отвлеченные образы начинаютъ полнѣть, круглиться и наконецъ дѣлаются живою массою съ жилами и кровью; духъ же мало-по-малу уступаетъ захваченное имъ мѣсто.

ВОЛОНЬЯ, *апрѣля 25*. Странно, что я обстоятельнѣе осматривалъ Флоренцію, лучше знаю ее, нежели другіе города Италіи, а между тѣмъ не имѣю ни одной замѣтки о ней. Все собирался, собирался, хотѣлось написать дѣлпо—и не вышло ничего. Теперь, будучи во Флоренціи не болѣе двухъ дней, я не могъ почти ничего пересмотрѣть, а многое уже улетѣло изъ памяти.

Отъ Флоренціи до Болоньи ветуринаское общество изъ молодыхъ Миланцевъ дало мнѣ случай еще разъ убѣдиться, какъ Итальянцы, даже въ сущности мало образованные всегда вѣжливы, пріятны въ обращеніи, съ тою простою манеръ, которая у другихъ пріобрѣтается только неутомимою дрессировкою. Путешествіе наше совершилось благополучно, если исключить разбитіе банки, которую везъ одинъ спутникъ для опытовъ гальванопластики, причинившее намъ неудержимый смѣхъ, по комическимъ обстоятельствамъ, его сопровождавшимъ, а хозяину серьезное горе, если вѣрить его увѣреніямъ, что подобной банки нельзя достать въ Болоньи.

Болонья имѣетъ оригинальный видъ, въ особенности по причинѣ открытыхъ галлерей подъ арками, которыя тянутся почти по всемъ улицамъ и служатъ вмѣсто тротуаровъ. Онѣ очень удобны на случай дождя или отъ солнца; но при здѣшней неопрятности и малому движенію народа на улицахъ, даютъ всему мрачный, непривлекательный характеръ. Это нѣчто въ родѣ нашихъ галлерей передъ лавками гостиннаго двора. Въ общемъ—городъ уѣздный, хотя съ 60 тысячами жителей.

S. Petronio — огромная церковь итальяно-готическаго

стиля, основанная въ XIV в., въ огромныхъ размѣрахъ, но потомъ не доконченная, какъ часто случалось. Скульптуры фасада Jacopo della Quercia, возлѣ нихъ работа Niccolo Pericoli, названнаго il Tribolo, Болонца (половины XVI в.); на лѣвой боковой двери рельефъ—воскресеніе Христа, Альфонса Ломбарди, оригиналенъ сочиненіемъ.—Внутренность церкви огромна, несмотря на то, что исполненъ главный корпусъ только до пересѣченія поперечнымъ. Замѣчательнаго по искусству кажется мало. Въ одной капеллѣ—св. Антоній Падуанскій, статуя Сансовино—отличается простотою и естественностію. На стѣнахъ фрески изъ его жизни—тушью масляною, работы Тревизано,—очень хороши, много одушевленія.—Еще одна есть капелла, въ которой служилась первая обѣдня, расписана страннымъ изображеніемъ ада—будто-бы Джіотто, но врядъ-ли.

S. Domenico. Меня проводилъ туда какой-то Итальянецъ, котораго я спросилъ о церкви. Дорогою мы разговорились, и узнавши, что я Русскій, онъ объявилъ мнѣ, что они давно ожидаютъ Русскихъ, чтобы освободиться отъ папы, и слышали будто уже восемьсотъ прибыли въ Чивитавеккію, въ намѣреніи сдѣлать высадку(!) Я только покачалъ головою.—Церковь теперь передѣлывается. Я видѣлъ только капеллу патрона. Гробница замѣчательна по скульптурамъ: бѣлая часть, особенно барельефъ внизу Альфонсо Ломбардо—прекрасна; верхнія скульптуры принадлежатъ Niccolo, прозванному по нимъ dell'Arca, ученика Jacopo della Quercia. Нѣсколько изъ нихъ приписываютъ Nicolo Pisano. Два колѣнопреклоненные ангела—юношеская работа Баноротти. Хотя все въ мелкихъ размѣрахъ, но видна художественность, созданная самобытно, а не скопированная. Надъ алтаремъ прекрасный фрескъ Гвидо Рени коронованіе Божій Матери.

За городомъ, на прекрасномъ мѣстѣ, S. Michele in Bosco

прежде доминиканскій монастырь, а теперь лѣтнее мѣсто-
пробываніе кардинала легата. Замѣчательны были фрески
Караччи и ихъ Школы въ галлерей маленькаго двори-
ка, но теперь они исчезли отъ непогоды. Странно, что
писанные масляными красками совершенно изгладились,
между тѣмъ какъ водяные пѣсколько уцѣлѣли. Въ легат-
скомъ домѣ порядочныя фрески Канути, ученика Гвидо
Рени.

Чертоза, — мѣсто погребенія, огромнѣйшее жилище мерт-
выхъ, со множествомъ галлерей, переходовъ и памятни-
ковъ. Нельзя ходить по этой обители безъ особеннаго
впечатлѣнія; пѣтъ мрачности, нѣтъ ужаса, которые мы
привыкли придавать смерти—все свѣтло, весело. Не таковъ-
ли долженъ быть въ самомъ дѣлѣ переходъ христіанина въ
лучшую жизнь?—Въ церкви фрески Канути, Елизаветы Си-
рани, ученицы и вѣроятно дочери Гвидо, отравленной изъ за-
висти товарищами живописцами, и похороненной въ одной
могилѣ съ Гвидо. Въ хорѣ три прекрасныхъ картины,
кажется Domenico Cesi—распятіе, съ котораго почти ско-
пировалъ Гвидо. . . . .

ВЕНЕЦІЯ. *Апрѣля 26.* Церковь S. Sebastiano—паружность незавидная, повнутри Тиціана—св. Николай благословляющій (писанъ 86 лѣтнимъ старикомъ), маленькій алтарный образъ на-правой рукѣ при входѣ,—очень хорошъ. Далѣе распятіе Павла Веронеза: всегдашнее его самодовольство, живой снимокъ съ роскошной природы, но не больше; предметъ не по немъ. Его же три большія картины въ хорѣ—Иисусъ со святыми, Маркъ и Марчеллинъ, влекомые изъ дворца претора, и мученіе Себастіана—прекрасны, особенно первыя двѣ; но странно, какъ вообще Венеціанцы всегда одни и тѣ же (за немногими исключеніями у Тиціана), вездѣ видна у нихъ праздничность и роскошь—роскошь въ сочиненіи, роскошь въ одеждахъ, роскошь въ колоритѣ. Замѣчаніе Куглера справедливо, что это античное самодовольство, происходящее отъ того, что они не проникали въ глубину жизненной задачи, и потому остались съ языческимъ взглядомъ, остались язычниками живописи, несмотря на превосходную технику. Весело, радостно смотрѣть на эту даровитую юность; но вѣдь этого мало.—На органѣ также картина Веронеза—входъ во храмъ Богородицы. Тутъ же и могила его. Кромѣ того нѣсколько фресковъ перваго времени.

Академія, обращенная изъ монастыря della Carita, наполнена превосходными произведеніями Венеціанской школы.—Вознесеніе Богородицы—Тиціана, предназначенное для алтаря, почему вниманіе художника было преимущественно обращено на верхнюю часть, ибо нижняя оставалась въ тѣни отъ престола. Все что можно было найти земныхъ цвѣтовъ и красокъ и формъ для выраженія небес-

наго—употреблено художникомъ. Это превосходное, но земное изображеніе, со всей теплотою, со всею яркостію земной фантазіи. Таково же представленіе во храмъ Богородицы въ малолѣтствѣ.—Тутъ я получаю еще болѣе уваженія къ Тиціану: это художникъ всеобъемлющій; ему равно доступны и огромные размѣры и многосложное сочиненіе, также какъ и частности, и очарованіе перспективы, и нѣжность тѣла.—Пиръ у Леви и благовѣщеніе, Павла Веронеза, показываютъ его талантъ на высшей степени; что за роскошь, что за радужность колорита, если можно такъ сказать,—какимъ все это обито свѣтомъ! Сколько можно изобразить небесный блескъ земнымъ блескомъ—это выполнено. Въ картицѣ благовѣщенія, Богородица въ яркихъ одеждахъ, стоитъ колѣнопреклоненная предъ богатымъ аналоемъ, въ какомъ-то фантастически великолѣпномъ дворцѣ, съ арками и мраморными колонадами; ангелъ благовѣститель, блистающій красотою юности, въ полномъ расцвѣтѣ здоровья, въ ризахъ изъ дорогаго бархата и атласа, влетаетъ въ этотъ античный храмъ и, радостный, объявляетъ великую вѣсть; Божественная Дѣва не смущена, она улыбается. Не такъ-ли въ самомъ дѣлѣ должны представляться божественныя легенды юношескому или отроческому воображенію? При первомъ взглядѣ вы поражены, вы вѣрите несообразности, и не взыскиваете съ художника, потому что онъ вѣренъ самому себѣ, полонъ своего свѣтлаго убѣжденія.

Но я говорю о плодѣ, вмѣсто того чтобы сначала говорить о сѣмени, а потомъ о деревѣ, которое произвело этотъ плодъ. Сѣмя, какъ и въ другихъ мѣстахъ,—Византія, но оно здѣсь болѣе сохранило своей самостоятельности. Мозаики внутри S. Marco носятъ явный византійскій отпечатокъ; въ боковыхъ куполахъ сцены изъ Ветхаго Завета обнаружи-

ваютъ только небольшое измѣненіе.—Въ XIV в. продолжается то же, какъ видно въ произведеніяхъ—*Nicolo Semitecolo Lorenzo Veneziano* (въ Академіи), *Michele Onofria, Nicolo di Pietro* (очень хорошій образъ въ галлерей *Manfrin*). Развитие замѣчательное начинается съ XV в., является оригинальная теплота, схваченная съ природнаго колорита, вмѣстѣ съ тѣмъ пріятность выраженія, свойственная венеціанскимъ лицамъ. Художники этого періода; *Michel Giambouo, Fra Antonio da Negroponte, Jacobello di Fiore* (послѣдняго замѣчательна мадонна въ галлерей *Manfrin*); но далѣе другихъ на этомъ пути—*Giovanni Alamano* и *Antonio Vivarini* (имъ принадлежатъ два превосходные образа въ Академіи и въ капеллѣ въ *S. Zaccharia*).—Венеціанская Школа, хотя дитя Византійской, по скоро измѣнила первоначальному направленію; почти съ самаго начала она обнаруживаетъ стремленіе къ натурализму, и не сохраняетъ дѣвственности, глубокой духовности, до которой силится достигнуть Школа Сіэнская. Въ произведеніяхъ ея вы видите весь жаръ тѣла и красоту чисто тѣлесную; потому религиозные сюжеты, заказываемые духомъ времени, не могли быть выполнены сообразно требованіямъ христіанскимъ.

Въ XV в. Падуанская Школа оказываетъ свое вліяніе на Венецію. *Francesco Squarcione* основатель первой (мадонна въ галлерей *Manfrin*), производитъ въ Венеціи *Bartolomeo Vivarini*, котораго рисунокъ рѣзокъ и строгъ, хотя соединенъ съ живой характеристикой и достоинствомъ. За нимъ *Carlo Criveli*. Но *Luigi Vivarini* болѣе Венеціанецъ.

Вслѣдъ за симъ Венеціанская Школа образуется самостоятельно, заимствуя отъ Падуанцевъ элементъ античный (проявляющійся въ сочиненіи группъ, въ изображеніи ангеловъ подъ видомъ крылатыхъ мальчиковъ), отъ Нидерландцевъ—ландшафтъ, и придавая къ тому собственный характеръ чувственной пріятности и жаркаго колорита. Тутъ

является чистымъ и превосходнымъ Венеціанцемъ—Giovanni Bellini—соединяющій достоинство съ дѣтскою веселостію. Его превосходные образа въ S. Maria dei frati: Мадонна на тронѣ, внизу нѣсколько святыхъ и ангелы, играющіе на инструментахъ—прекрасное сочиненіе, но еще лучше выраженіе головъ, о колоритѣ и говорить нѣчего; въ S. Giovaane Paolo—тоже Мадонна на тронѣ, въ S. Zaccharia и еще болѣе въ S. Salvatore—вечеря Иисуса съ учениками въ Емаусѣ—видно удивительное сближеніе съ манерою Тиціана, такъ что послѣднюю картину можно принять за Тиціановскую: та же мягкость, тѣ же полутоны. Впечатлѣніе этихъ произведеній удивительно пріятно, трудно достигнуть болѣе жизни, выразить болѣе милого элемента.

ВСТАВКА 1855 ГОДА.

Венецію не даромъ сравниваютъ съ увядшею красавицею. Въ пору юности и полного расцвѣта жизни, она, вѣроятно, была очаровательна своей оригинальностью; но мнѣ досталось ее видѣть уже поблекшею, въ изношенной одеждѣ, со всѣми признаками разрушенія. Грустное впечатлѣніе производятъ ее необитаемые, покрытые плесенью дворцы, съ разбитыми окнами, въ которыхъ нерѣдко просушивается бѣлье. Сколько надо было силъ, чтобы создать хоть одного St. Marco или же мраморныя гордыя зданія, которыхъ подводное основаніе нерѣдко стоило болѣе нежели то, что красуется на поверхности! И гдѣ эта сила, эта жизнь?

Я пробылъ въ Венеціи недѣлю и отправился на

пароходъ въ Триэсть, а оттуда въ Вѣну. Лѣто 1844 года прошло въ водолѣченіи у Присница въ Грешенбергѣ, въ морскихъ купаньяхъ на Гельголандѣ, куда я проѣхалъ черезъ Прагу, Дрезденъ и Гамбургъ. — Наконецъ на зиму тѣмъ же путемъ я воротился въ Вѣну, имѣя надобность прибѣгнуть къ пособію медицины, и пробылъ тамъ до мая 1845 г. Мои тамошнія впечатлѣнія и послѣдующія поѣздки по славянскимъ землямъ были описаны въ нѣсколькихъ письмахъ; изъ нихъ нѣкоторыя и притомъ сильно обрѣзанныя тогдашней цензурой, были помѣщены въ двухъ томахъ Московскаго Сборника 1846 и 1847 года, подъ названіемъ Письма изъ Вѣны *). Теперь, черезъ 10 лѣтъ прочитавши ихъ, я многое нахожу преувеличеннымъ, какъ слѣдствіе юношескихъ увлеченій, но основы истинны. Другой вопросъ — осуществятся-ли эти надежды? Многое, что по всѣмъ выводамъ разума и благородныхъ побужденій, непременно бы должно быть, между тѣмъ не бываетъ, а совершается совсѣмъ другое — ложное и насильственное. Мы сплошь и рядомъ видимъ, что зло торжествуетъ, сила подавляетъ самыя законныя требованія, правда вытѣсняется неправдою; но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны оставить знамя блага и истины, перестать стремиться къ осуществленію ихъ въ мірѣ естественномъ, котораго вся жизнь есть неправда, потому уже что въ

---

*) Я перепечатаваю ихъ ниже почти въ томъ же видѣ, такъ какъ подлинная рукопись была передана мною издателю Сборника Павову, и за тѣмъ мнѣ возвращена не была.

немъ все живетъ одно на счетъ другаго. Всеславянское единство можетъ остаться навсегда въ числѣ *pria desideria*; но это только докажетъ, что Провидѣніе не судило Славянамъ играть всемірную роль, и что благородное и истинное стремленіе должно уступить исторической необходимости. Несмотря на это, мысль о немъ будетъ всегда въ числѣ великихъ, благородныхъ идеаловъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ВѢНЫ.

I.

Въ Вѣну я прибылъ въ началѣ октября прошлаго года; а потому зналъ ее сначала въ шубѣ, или скорѣе въ пальто, теперъ вижу ее въ лѣтнемъ костюмѣ. Семимѣсячное пребываніе конечно достаточно, чтобы пріобрѣсть довольно ясное понятіе о городѣ, который имѣетъ значеніе европейское, только какъ мѣстопробываніе кабинета сильной имперіи, и котораго вліяніе нравственное, слава Богу, не простирается даже на всю Австрію.

Вообще въ сѣверной и западной Германіи имѣютъ очень не высокое понятіе объ австрійской образованности; рѣдко и почти съ пренебреженіемъ говорятъ о здѣшней дѣятельности умственной и художественной. Когда же пріѣдешь въ Вѣну и разговоришься съ первымъ Вѣнцемъ, то подумаешь, что попалъ на челоуѣка съ другаго свѣта, — съ такимъ восторгомъ отзывается онъ о своемъ городѣ, превознося его до небесъ. Сначала трудно объяснить это противорѣчіе; но, взглянувъ нѣсколько въ пустоту и ничтожество вѣнской жизни, невольно долженъ пристать къ мнѣнію Нѣмцевъ объ ихъ австрійскихъ братьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣна и вообще Австрія не приносятъ въ настоящее время никакой дани нѣмецкой образованности, едва слѣдитъ за нею, и то издали, только въ матеріальныхъ интересахъ, чуждыхъ національности. Въ настоящее время я не знаю здѣсь ни одного имени съ авторитетомъ на всю Германію, — имени, которое бы помѣщалось въ списокъ перво-

классныхъ знаменитостей науки, искусства, тѣмъ менѣ общественной дѣятельности. Въ отношеніи къ наукѣ, Австрія никогда не занимала передняго мѣста,—всегда она была лѣнливымъ ученикомъ, изгнаннымъ на послѣднюю лавку.—Столица государства обыкновенно сосредоточиваетъ ученыхъ дѣятелей общественнаго сознанія; но, какъ ни безкорыстна всякая ученая дѣятельность, напрасно думаютъ, будто она можетъ существовать исключительно для самой себя: гдѣ нѣтъ отголоска, опоры въ обществѣ, тамъ она не развивается, хилѣетъ и вянетъ. Можно бы далеко преслѣдовать причины этого явленія, страннаго, если сообразимъ матеріальныя силы государства, его обширность и господство германскаго элемента, такъ блистательно развивавшаго себя въ самыхъ малыхъ кругахъ своего Союза. Конечно, одною изъ главныхъ причинъ было тяготѣніе латинской Церкви, или лучше—ея іерархіи и монашескихъ орденовъ, проникавшее во всѣ поры огромнаго тѣла. Этому влиянію должно приписать незавидное состояніе школъ, особенно высшихъ, т. е. университетовъ. Схоластическое преподаваніе, мало принаровленное къ потребностямъ времени, до сихъ поръ господствуетъ въ низшихъ училищахъ, состоящихъ большею частію подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ духовенства. Мало заботятся о развитіи ума: учитель, имѣя опредѣленныя книги для руководства, часто требуетъ одного механическаго ученія наизусть. Разумѣется, ученики, такъ подготовленные, не понимаютъ значенія и требованій университетскаго преподаванія. Я здѣсь умалчиваю о положеніи дѣтей другаго племени, обязанныхъ слушать нѣмецкія лекціи и учиться по нѣмецкимъ книгамъ, въ которыхъ они сначала не понимаютъ ни слова.

Если сравнить состояніе австрійскихъ университетовъ съ значеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній прочей Германіи, то нельзя не подивиться слабости первыхъ. Въ

Германіи каждый университетъ есть средоточіе самостоятельной ученой дѣятельности; въ маленькомъ городкѣ вы найдете нѣсколько именъ уважаемыхъ въ ученомъ мірѣ, въ Австріи университеты прозябаютъ незамѣтно, — это не болѣе какъ посредственныя школы. Въ Вѣнѣ никто не говоритъ и не слышитъ о профессорахъ, тѣмъ менѣе о студентахъ. Одинъ медицинскій факультетъ удерживаетъ до сихъ поръ за собою нѣкоторую заслуженную знаменитость, — особенно въ практическомъ приложеніи.

Казалось бы, не трудно слѣдовать по стопамъ знаменитыхъ учителей, своихъ же соплеменниковъ, если нѣтъ творческаго начала; германская наука могла бы легко быть усвоена нѣмецкою Австріею. Но корень неудачныхъ попытокъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности идетъ гораздо глубже, нежели обыкновенно воображаютъ. Я убѣжденъ, причиною этому то, что Австрія не есть нѣмецкое государство. Въ недавнее время нѣсколько людей, сумасбродовъ по мнѣнію космополитовъ, — великихъ знаніемъ и стремленіями, по мнѣнію благородно преданныхъ отчизнѣ, — открыли въ Австріи новое племя — славянское, которое какъ будто вдругъ выросло изъ земли послѣ благодатнаго дождя, тамъ, гдѣ прежде его и не подозревали. Всмотриваясь далѣе, замѣтили, что это племя составляетъ свое особенное цѣлое, хотя и раздробленное временемъ и враждебною судьбою, что оно имѣло свою исторію, т. е. особенную самостоятельную жизнь, нерѣдко увѣнчанную лаврами славы и миртомъ мирныхъ искусствъ; наконецъ, что всего важнѣе, что духовный составъ его враждебно противоположенъ нѣмецкому, и, несмотря на вѣковое подчиненіе политическое, религіозное, на совершенную беззащитность младенческаго образованія передъ состарѣвшимся нѣмецкимъ, посѣдѣвшимъ въ системѣ нравственнаго порабощенія, — этотъ духовный составъ сохраняетъ свой типъ, и на

зло единицамъ, которыя преклоняются передъ необходимо-
 стію, продолжаетъ борьбу даже въ средѣ враговъ своихъ,
 даже передаваясь на ихъ сторону. То, что сначала воз-
 буждало недовѣрчивость и удивленіе, теперь сдѣлалось
 естественнымъ явленіемъ. Могло ли быть иначе съ вели-
 кою семьею народовъ, обнимающею шестую долю земнаго
 шара, которой родословное древо простираетъ свои кор-
 ни во времена незапамятныя и покрываетъ вѣтвями неиз-
 мѣримыя пространства, какія не доставались въ удѣлъ ни
 одному племени на земномъ шарѣ? Въ жизни человѣчества
 оно призвано играть столь же важную роль, какъ и пле-
 мена германское и романское, раздѣляющія съ нимъ Евро-
 пу. Въ столкновеніи съ этими народами нѣкоторыя его
 отрасли должны были погибнуть, могли быть изломаны,
 обезображены; но громадный стволъ дерева, приливомъ
 свѣжихъ жизненныхъ соковъ, безпрестанно вознаграж-
 даетъ потерянное и пускаетъ новые ростки.

Вамъ извѣстно, что Славяне составляютъ половину всего
 населенія Австріи; другая половина раздѣлена между Мадь-
 ярами, Итальянцами, Волохами, Нѣмцами и пр. Современное намъ возрожденіе Славянства въ Австріи показы-
 ваетъ, что ей достались не сухія вѣтви нашего племени;
 на нашихъ глазахъ онѣ воскресли къ самосознанію, въ ми-
 нуту, когда можно было ихъ считать навсегда погибшими.
 Но можно ли думать, чтобы онѣ гораздо прежде не имѣли
 вліянія на жизнь государства? Сила Божія воскрешала
 мертвыхъ людей; но народы умершіе не воскресаютъ. И
 наши западные братья не были мертвы, а только казались
 такими. Они имѣли свою долю хотя нѣмаго, страдательнаго
 участія въ историческомъ развитіи; были исполнителями
 чужихъ повелѣній, слѣдовали по стопамъ наставниковъ
 чужаго образованія. — Какъ ни удивляются способности
 Славянъ усваивать себѣ все иноплеменное; но, мнѣ кажет-

ся, это только способность послушанія, страдательной покорности, къ несчастію, заходившей часто слишкомъ далеко. Нѣмецкій элементъ такъ діаметрально противорѣчитъ славянскому духу, такъ совершенно чуждъ ему, что внутренняго, органическаго соединенія не могло произойти. Славяне не могли переродиться въ Нѣмцевъ; часть ихъ сдѣлалась только послушнымъ орудіемъ—не болѣе. Совокупность славянскаго племени останавливала самостоятельное развитіе нѣмецкаго образованія въ Австріи; во всякомъ случаѣ не могла принимать въ немъ дѣятельнаго участія, не могла придать своихъ производительныхъ силъ ненавистой цивилизаціи, тяготѣвшей насильственнымъ принужденіемъ и ухищреніями своей макиавельской системы.— Нѣмцы въ Австріи, окруженные моремъ иноплеменниковъ, то враждебныхъ, то равнодушныхъ къ ихъ призывамъ, предоставленные самимъ себѣ, были обречены на ничтожество. Они употребили все свои средства на борьбу насилія, въ которой, уничтожая благороднѣйшее достояніе народа, духовный составъ и языкъ, какъ его выраженіе,—сами потеряли изъ виду высшія цѣли, предоставленныя Провидѣніемъ народному существованію.

Вотъ, по моему мнѣнію, причина существенная незавидной роли, доставшейся Австріи въ кругу нѣмецкихъ владѣній: ее обогнали на всѣхъ путяхъ образованія самые младшіе ея братья. Не пускаясь въ дальнія изысканія, мы можемъ видѣть слѣдствія этой причины во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни.

Старая и неотвержимая истина, что безъ самостоятельнаго, органическаго развитія самобытныхъ силъ духовныхъ, быть не можетъ достоинства въ произведеніи, и всякая дѣятельность неминуемо перерождается въ подражаніе и оставляетъ своимъ плодомъ не собственное созданіе, а копію съ оригинала, чуждаго жизни, насъ окру-

жающей. Сколько подобныхъ опытовъ видимъ мы въ нашемъ отечествѣ, начиная съ техническихъ приемовъ матеріальной жизни и до высшей области искусства и словесности. Здѣсь есть впрочемъ существенное различіе въ причинахъ, слѣдственно и въ явленіяхъ. У насъ духъ сохранилъ свою самостоятельность, святилище его осталось не тронутымъ; подчиненіе чужому вліянію было добровольное увлеченіе, —чистилище, необходимое для молодаго народа, вступившаго въ новый періодъ существованія. Чтобы усвоить новые элементы при столь быстромъ переходѣ, надо было начать слѣпымъ подражаніемъ; но время самосознанія наступаетъ, мы можемъ по праву надѣяться, что внутреннія силы, покоившіяся до сихъ поръ въ тайникахъ своихъ, выйдутъ на свѣтъ, и бодро овладѣютъ историческою народною жизнію.—Да послужатъ намъ урокомъ и предостереженіемъ печальныя судьбы нашихъ западныхъ братій. Съ горестію надо сознаться, что они подставляли выю подъ иго чужаго образованія еще во время своей политической независимости. Окончательное поработеніе было, можно сказать, слѣдствіемъ зловреднаго сѣмени, породившаго раздоръ, а потомъ изнеможеніе въ составѣ народнаго тѣла. Такова была судьба Чеховъ, которые до Гуса, т. е. въ XIII и XIV в., имѣли уже двѣ партіи—нѣмецкую и народную: когда религіозные вопросы вызвали ихъ на борьбу между собою, — кровавая распря кончилась уничтоженіемъ послѣдней. Народъ, составлявшій особенное государство, не только потерялъ свою независимость, но и существованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова; сталъ умаляться числительно, какъ будто опустошаемый моровою язвою, и только перстъ Провидѣнія не допустилъ ему исчезнуть съ лица земли *).

*) Тому 30 лѣтъ во всей чешской землѣ было не болѣе десяти челоуѣкъ, которые создавали свою чешскую національность. Собрав-

измѣненіяхъ, совершилось съ прочими славянскими племенами, подпавшими австрійско-нѣмецкому владычеству. Но горе и несчастье нашего племени не могло обратиться на пользу и славу торжествующему; какъ угрызеніе совѣсти, какъ гробовое привидѣніе, славянскій духъ преслѣдовалъ побѣдителя на всѣхъ его путяхъ и довелъ до изнеможенія. Чтѣ ни предпринималъ послѣдній, къ чему ни стремился—все не удавалось, все оставалось слабою попыткою, выходило изъ рукъ неконченнымъ, безобразнымъ слѣпкомъ. Посмотрите на область искусства—на это елисейское поле, гдѣ растеть благоуханный цвѣтъ нашей духовной природы, гдѣ убажаются души избранныхъ; участоги Австріи поросъ крапивою и терніемъ, между которыми святотатственной рукою воткнуты кое-гдѣ искусственные цвѣты изъ воску и тряпокъ.

Обращусь за доказательствами къ Вѣнѣ. Ходя по ея улицамъ, спрашиваешь себя: гдѣ же слѣды этого многочисленнаго поколѣнія императоровъ. Неужели оно не оставило послѣ себя величественныхъ памятниковъ, посвященныхъ общественной пользѣ, благочестію, или украшенію царственной столицы, увеселенію ея жителей? Столь долгое, матеріально цвѣтущее существованіе должно было воздѣлать почву, довести общество до той степени образованія, когда оно любитъ воздвигать зданія на память потомкамъ, когда дѣятельность въ области изящнаго становится потребностію его жизни. Напрасно тѣснятся въ васъ эти мысли,—вы не находите имъ отвѣта, оправданія.

шишь разъ вмѣстѣ, они стали толковать о несчастной судьбѣ отчизны и одинъ изъ нихъ сказалъ: «братья, разойдемся скорѣе; если на васъ упадетъ потолокъ комнаты, то не останется на свѣтѣ ни одного истиннаго Чеха». Теперь въ Прагѣ выходятъ чешскіе журналы и Мдатиа Чешская имѣетъ нѣсколько сотъ членовъ.

Начиная съ древнѣйшихъ зданій до тѣхъ, гдѣ еще не положенъ послѣдній камень, глазъ простаго наблюдателя находитъ совершенное отсутствіе стилиа, соразмѣрности въ частяхъ и вкуса въ подробностяхъ. Соборъ св. Стефана, строгій, величественный, громадный, посреди необозримаго стада строеній, столпившагося у его подножія, служить какъ будто укоромъ мелочному позднѣйшему поколѣнію. Огромное зданіе стоитъ почернѣвшее, почти предоставленное разрушительнымъ стихіямъ, недоконченное; по малому вниманію, которое обращаютъ на него, видно, что мало кто имъ любитъ, и еще менѣе принимаютъ участія въ его изяществѣ, цѣнять его красоту. Не говоря уже о томъ, что только одна башня докончена, а надъ другою придѣлана безобразная нахлобучка,—самыя мелочи остаются неисполненными, или безъ поправки. Прекрасная рѣзная работа оконъ, парапетовъ, выступовъ—разрушается, хотя поправка не требовала бы большихъ пожертвованій. Когда большая часть Кельнскаго Собора достраивается въ незначительномъ городѣ въ сравненіи съ Вѣною, Вѣнцы не имѣютъ столько гордости, чтобы воздвигнуть одну башню для довершенія единственнаго зданія, которымъ могутъ гордиться. Внутренность церкви, прекраснаго готическаго стилиа, съ крестчатыми поясными сводами, съ величественными столбами, мелко прорѣзанными, какъ связки камыша,—непростительно обезображена маленькими алтарями стилиа возрожденія, неуклюжо прислоненными къ почтеннымъ старымъ столбамъ. Главный алтарь, къ которому невольно стремится взглядъ, пробѣжавъ внутреннее пространство, неприятно поражаетъ васъ своими дорическими колоннами и классическимъ фронтономъ, рѣзко противорѣчащимъ готическому вмѣстилищу. Словомъ, все, что добавлено, или докончено въ послѣдствіи, послужило только къ искаженію величественнаго памятника XIV стол.

Вообще, въ архитектурѣ вѣнской, чѣмъ ближе подвигаетесь къ нашему времени, чѣмъ позднѣе строеніе, тѣмъ отсутствіе стиля, безвкусіе дѣлается чувствительнѣе. Иныя зданія, въ которыхъ хотѣло именно выразиться мастерство архитектора, удивляютъ своею нелѣпностію: это архитектура непостижимаго рода и времени — французское рококо съ примѣсю нѣмецкихъ выдумокъ. Образчикомъ можетъ служить недавно оконченная церковь въ Леопольдштатѣ (на Егерцейле) — пятно неизгладимое для современнаго вѣнскаго зодчества; довольно сказать, что оно подвергается критикѣ самихъ Вѣнцевъ. — Всего невыгоднѣе представляются вѣнскія постройки возвращающемуся изъ Италіи. Послѣ классической страны, гдѣ вы удивляетесь и поучаетесь, слѣдя за тысячелѣтнимъ ходомъ творческой художественной силы, съ первыхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ ея проявленія, до превосходныхъ своею оконченностію памятниковъ расцвѣта языческаго міра и до произведеній неудовлетворенной, влекущей къ небу идеи Христіанской; послѣ того, какъ вокругъ себя вы видѣли гармонію идеи съ жизнію, — вы попадаете въ среду хаотической нелѣпости, коей прихоти бесполезно даже изслѣдовать, потому что вы не откроете въ нихъ ни искры творчества. Здѣсь люди не знали другаго стремленія, кромѣ удовлетворенія потребности имѣть кровъ и матеріально удобное жилище; имъ по слухамъ было знакомо искусство, и дѣтски, неуклюжо примѣняя его, они промѣняли обиходныя формы, обреченныя невниманію, на нелѣпость, бросающуюся въ глаза каждому.

Нужно ли говорить вамъ послѣ этого о другихъ отрасляхъ образовательнаго искусства? Ни ваяніе, ни живопись, не укрываютъ насъ отъ непогоды, не даютъ щегольской одежды (напротивъ показываютъ нелѣпость настоящей), не дѣлаютъ лакомѣе яствъ, — для чего же о нихъ

заботиться, къ чему они? — такъ вѣроятно разсуждали Вѣнцы издавна. Надо отдать имъ справедливость: они исполнили силлогизмъ логически, и никогда не принимались за рѣзецъ или кисть съ художественною цѣлью; то есть для нихъ самихъ. Еслибы послѣ какого-нибудь міроваго переворота уцѣлѣло только то, что сдѣлано австрійскими художниками въ этомъ родѣ, то ни одинъ самый мечтательный нѣмецкій эстетикъ не осмѣлился бы утверждать, что искусство существуетъ для самого себя, что творенія его суть изліянія внутренней духовной силы во внѣшности, олицетворенія ея въ видимыхъ образахъ, что это гармонія идеи съ формою, и тому подобное. Впрочемъ не подумайте, чтобы Вѣна не обладала замѣчательными художественными произведеніями, — картины и статуи можно привезти изъ дальнихъ странъ. Когда наступило время моды на искусство, когда образчики его сдѣлались необходимою принадлежностію придворнаго и аристократическаго великолѣпія, — тогда ни дворъ, ни магнаты не жалѣли большихъ суммъ для приобрѣтенія чужеземныхъ драгоценностей, и въ здѣшнихъ галлереяхъ и собраніяхъ вы встрѣтите много именъ знаменитыхъ художниковъ, много рѣдкихъ древностей, которыя бы заняли почетное мѣсто въ сокровищницахъ Рима и Неаполя.

II.

Одно искусство, на которое Вѣнцы могутъ объявить притязанія,—это музыка, и то, разумѣется, по древнему преданію. Гайдень, Моцартъ, Бетховенъ — первоклассныя свѣтила, провели жизнь свою въ Вѣнѣ и умерли въ ней. Шубертъ былъ Вѣнецъ, Веберовъ Фрейшюцъ прибрѣлъ свою извѣстность въ Вѣнѣ. Много другихъ знаменитыхъ именъ украшаютъ музыкальную лѣтопись этого города. Въ наше время Тальбергъ положилъ въ Вѣнѣ основаніе новому характеру фортепянной музыки и исполненія. Вообще, со времени славнаго тріумвирата, Вѣна получила какой-то авторитетъ въ музыкальномъ мірѣ Германіи. Сюда не пріѣзжали дѣлать извѣстность, какъ ѣздить въ Парижъ, гдѣ судить несвѣдущая толпа, а являлись уже приготовленными къ требованіямъ критики, съ надеждою выдержать и нападки. Здѣсь изучали музыку, какъ высокое искусство. Но вліяніемъ матеріальной жизни, развившейся въ послѣднее время, утратилась эта безкорыстность. Откуда же взялась эта творческая сила, проявлявшаяся здѣсь нѣкогда блистательно? По моему мнѣнію, она должна быть отнесена на счетъ славянскаго элемента, проникающаго Австрію. Извѣстно, что Моцартовъ Донъ-Жуанъ появился на сцену первый разъ въ Прагѣ; великій композиторъ отзывался въ послѣдствіи, что нигдѣ исполненіе не соотвѣтствовало въ такой степени его мысли. Это не должно казаться удивительнымъ, потому что Чехъ узнаетъ въ Донъ-Жуанѣ множество своихъ народныхъ мелодій; а кому неизвѣстны удивительныя му-

зыкальные способности Чеховъ, ихъ истинно музыкальный организм, равняющийся итальянскому? Въ безсмертныхъ симфоніяхъ Бетговена вы нерѣдко встрѣтите главные мотивы чисто-славянскіе (напр. въ первомъ аллегро и въ минуэтѣ пятой, многіе въ шестой, второй мотивъ въ первомъ аллегро симфоніи героической). Это требуетъ нѣкотораго объясненія.

Безъ сомнѣнія, велика творческая сила генія; но она не сила божеская, она не творитъ изъ ничего: она только перерабатываетъ, строитъ, сообразно безсмертной своей идеѣ изъ элементовъ жизни, развиваетъ и преобразуетъ ихъ въ великое цѣлое. То же и въ музыкальномъ произведеніи: великіе композиторы являлись у народовъ, одаренныхъ музыкальною натурою, и только перерабатывали, пересоздавали народные напѣвы. Изъ европейскихъ народовъ, я знаю только двухъ, получившихъ отъ природы задатки музыкальнаго развитія: Итальянцевъ и Славянъ. Музыкальный организмъ первыхъ, конечно, полнѣе славянскаго потому уже, что онъ проявляется въ соразмѣрности и округлости, свойственной только классическимъ народамъ. Притомъ онъ имѣлъ время развиться вполне: геній итальянской музыки прошелъ все степени своей жизни, и теперь достигъ если не періода дряхлости, по крайней мѣрѣ, такого, откуда поступательное движеніе уже невозможно, сообразно его началамъ. Напротивъ, славянская музыка существуетъ только *in rudimentis*, стихіи ея разсѣяны еще по лицу міра; но она разнообразнѣе, многостороннѣе, глубже, нежели звуки счастливой Авзоніи. Можно сказать, что одни относятся къ другимъ, какъ мечты чувства христіанскаго къ языческимъ фантазіямъ. Въ итальянской мелодіи все ясно, стройно и чувственно, иногда сладострастно; въ славянскомъ напѣвѣ все неопредѣленно, скорбно, глубоко. Притомъ,

какое неисчерпаемое богатство въ разсѣянныхъ и разрозненныхъ славянскихъ племенахъ, обитающихъ въ различныхъ климатическихъ полосахъ, раздѣленныхъ въ продолженіи вѣковъ, какъ будто нарочно для того, чтобы они имѣли возможность развить безпрепятственно всѣ стороны своей природы, всѣ звуки славянской души; терпѣвшихъ и терпящихъ великія нравственныя утѣшенія, какъ будто для того, чтобы стѣсненное чувство выливалось въ звукѣ, въ пѣсни.

По положенію нашему, намъ—Русскимъ всего удобнѣе съ высоты нашей великой самостоятельности обнимать явленія всего славянскаго міра; понять ихъ значеніе и развить до великаго цѣлаго есть наша обязанность. Но это сознаніе едва пробуждается въ общемъ,—оно еще не коснулось никакого отдѣла жизни. Въ области музыки наши самые талантливые дѣлатели еще не догадываются, какія сокровища содержитъ народная почва. Одни изъ нихъ, воспитанные нѣмецкими теоріями, или пріучившіе ухо къ италіянскому складу пѣнія, дѣлаютъ неудачныя попытки въ иностранномъ родѣ,—неудачныя, какъ всякое подражаніе тому, что несвойственно внутреннему организму духа; другіе, обратившіеся къ народной музыкѣ и создавшіе нѣсколько блистательныхъ явленій, еще не знаютъ о существованіи роднаго славянскаго міра, который, своимъ разнообразіемъ и неисчерпаемымъ богатствомъ могъ бы служить имъ неизмѣримымъ пособіемъ въ ихъ творчествѣ. Пора намъ убѣдиться, что сколь ни полезно изученіе нѣмецкихъ теорій, оно однакоже не дастъ намъ духа жизни. Нѣмцы, съ свойственною имъ логикою анализа, разложили начала состава звуковъ; но для насъ эти правила односторонни, иногда даже разрушительны, потому что славянская музыка допускаетъ сочетанія и переходы, которыхъ западная не имѣетъ. Намъ надо создать свою те-

орію, по крайней мѣрѣ, опредѣлить особенности и сущность характеристическаго отличія, составляющаго основу нашего элемента. Пока мы будемъ вскармливать себя чужимъ молокомъ, пока не будемъ видѣть далѣе горизонта нашихъ наставниковъ, до тѣхъ поръ творчество не обѣнито насъ, мы останемся слабыми учениками, ничтожными подражателями. И кому подражаемъ мы? Есть ли въ настоящее время, въ западномъ музыкальномъ мірѣ свѣтила, которыя бы освѣщали его яркимъ, незаимствованнымъ свѣтомъ? По-истинѣ, они закатились и, я думаю, навсегда. Итальянцы ищутъ поддержать свой родъ грубыми эффектами, переходящими нерѣдко въ оглушительный шумъ и трескъ (оперы Верди); Нѣмцы не знаютъ, какому патрону молиться. Въ инструментальныхъ сочиненіяхъ видно одно холодное исполненіе узаконенныхъ условій, въ родѣ упражненій на заданныя правила; въ оперѣ—наборъ разорванныхъ фразъ, сисящихся выразить отдѣльные моменты драматическихъ положеній.

Не упрекните меня въ дерзости; но мнѣ кажется, Нѣмцы никогда не постигали смысла оперы; или лучше — ихъ музыка, по преимуществу отвлеченная, способна выражать идеи, но не чувства; отъ того они произвели много превосходнаго въ инструментальныхъ композиціяхъ и ничего для пѣнія, способнаго потрясти, увлечь слушателя. Какъ и всѣ искусства, такъ и музыка досталась имъ не вслѣдствіе природнаго расположенія, чутья къ изящному, а помощію неутомимаго, послѣдовательнаго труда и критической логики. Оглядываясь безпрестанно на предшественниковъ, отвлекая малѣйшія условія, приводя въ правила все что можно уловить въ актѣ созданія, они, повидимому, создали какой-то родъ, но это скорѣе отсутствіе, или свѣрнѣе, отвлеченіе разныхъ родовъ. Знаю. вы мнѣ противопоставите имена Гайдена, Моцарта, Бетховена, Вебера; но

эти гении велики по-стольку, по-скольку умѣли совлечься своей анти-музыкальной національности. Я уже намекалъ вамъ, на какой почвѣ и изъ какихъ матеріаловъ создали они свои великіе памятники. Можно ли назвать на-примѣръ оперы Моцарта нѣмецкими, когда почти каждой ихъ мелодіи вы находите соотвѣтствующій итальянскій или славянскій напѣвъ? Веберъ, даже великій Бетховенъ, послѣ блистательныхъ усилій, пали въ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ; ихъ оперы должны были замолкнуть подъ его давленіемъ. Блистательное созвѣздіе въ мірѣ драматической музыки могло явиться у Нѣмцевъ только въ то время, когда они, въ своемъ эклектизмѣ, безразлично обнимали духовную жизнь другихъ народовъ, когда они увлекались ею и усвоили себѣ ея стихіи. Это было время Фридриха II, гуманнаго Гердера, время молодости Шиллера и Гёте, когда отвлеченная идея человѣчества присутствовала во всѣхъ умахъ. Это было также время Генделя, Гайдена, Моцарта, Бетховена принадлежавшаго къ своимъ предшественникамъ по направленію *). — Но когда возникло національное стремленіе въ Германіи, вызванное борьбою за политическую независимость, когда оно отозвалось въ наукѣ и въ искусствѣ, тогда музыка должна была пасть, потому что и въ ней захотѣли ограничиться однимъ сво-

*) Известно, что Бетховенъ былъ космополитный республиканецъ по образу мыслей и никогда не думалъ о національности; поклонникъ Бонапарта, онъ былъ увѣренъ, что первый консулъ ратуетъ за всемірную республику. Героическая симфонія была нарочно сочинена для него Бетховеномъ и вмѣстѣ съ посвященіемъ изготовлена къ отпавкѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Бонапартъ сталъ императоромъ Наполеономъ; Бетховенъ, въ припадкѣ негодованія, сорвалъ посвященіе и бросилъ тетрадь подъ столъ, гдѣ она пролежала довольно долго, пока пріатели не уговорили маэстро выдать ее въ свѣтъ, подъ названіемъ *Sinfonia eroica*. Во время нашествій Французовъ Бетховенъ ни разу не покидалъ Вѣны.

имъ міромъ, не замѣчая недостатка средствъ. То, что положило начало современному образовательному искусству Германіи, то, что дало ему настоящее значеніе, послужило къ упадку нѣмецкой музыки, которая, не имѣя корней въ народной почвѣ, не могла найти въ ней живительныхъ соковъ питанія.— Въ настоящее время что выражаетъ масса нѣмецкихъ оперныхъ композиторовъ (потому что я здѣсь по преимуществу говорю объ оперѣ)? Не совершенное ли отсутствіе чувства, души, увлеченія, пѣвучаго инстинкта, т. е. отсутствіе мелодіи, сердечнаго звука, того, что не пріобрѣтается изученіемъ? Въ этихъ операхъ, которыхъ партитуры выработаны съ такимъ усиленнымъ тщаніемъ, съ такимъ знаніемъ гармоніи, съ такими пособіями инструментовки, въ нихъ нѣтъ иногда живой ноты, нѣтъ фразы, нѣтъ звука, способнаго потрясти сердечную струну. Сочинители не обладаютъ даже на-столько воображеніемъ, чтобы дать художественную округлость, полноту періоду; бѣдность мысли обнаруживается въ безпрестанной отрывочности, въ несвязномъ ходѣ фразъ, которыя усиленно подобраны одна за другою. И передъ этими наставниками мы благоговѣніемъ, какъ передъ высшимъ судилищемъ, на которое нѣтъ апелляціи; изучаемъ съ подобострастіемъ его изрѣченія и, наперекоръ внутреннему отвращенію, насильно заставляемъ себя удивляться, въ потѣ лица ищемъ высшаго смысла тамъ, гдѣ нѣтъ никакого.

Слава Богу, у насъ явились однакожь композиторы, которые поняли причину общаго равнодушія и обратились на лучшій путь. Успѣхъ, увѣнчавшій произведенія Алабьева, Глинки, Верстовскаго указалъ, гдѣ должно искать пици русскому композитору. Если этотъ успѣхъ не достигъ еще высшей степени, если достоинство произведеній не можетъ имѣть большихъ притязаній, то это потому, что сочинители не обняли задачи во всей ея обширности, что

они заключились въ кругу русской народности, не воспринявъ музыкальных стихій обще-славянскаго міра. Чтобы понять ихъ чтобы проникнуться этими стихіями, необходимо тѣсно ознакомиться со всѣми оттѣнками духа славянской музыки, выражающимися въ напѣвахъ разныхъ племенъ; они найдутъ въ нихъ всѣ стороны жизни, все нужное для разнообразнѣйшихъ положеній, для всѣхъ движеній внутренняго существованія *).

Эпическая простота сербскаго речитатива, мужественный, воинскій характеръ напѣвовъ хорватскихъ, нѣжная унылость и тоска любви, выражающіяся въ чешскихъ и моравскихъ, безотрадная грусть нѣвія словацкаго— всѣ эти многообразныя преломленія единаго народнаго чувства, присоединенныя къ яркимъ цвѣтамъ племенъ нашего великаго отечества, составляютъ особенный, чарующій міръ звуковъ, которому ничего подобнаго не имѣетъ весь Западъ. Намъ надо генія, который бы волшебнымъ жезломъ творчества открылъ тайники славянской музыкальной души; тогда Западъ преклонитъ колѣна передъ неслышанною музыкою.

Не пеняйте меня за отступленіе,—мнѣ отратно говорить о полнотѣ будущаго, насъ ожидающаго, если только судьба допуститъ насъ исполнить свое назначеніе. Но послѣдовательность требуетъ возвратиться къ Вѣнцамъ. Что же дѣлаютъ соплеменники Гайдена, Моцарта, Бетховена? Артисты копаются въ оставленныхъ ими партиту-

---

*) Въмѣсто того, чтобы ѣздить въ Парижъ, если бы Глинка или Даргомыжскій поѣздили по Чехіи, Моравіи, Хорватской, Сербіи и другимъ Славянскимъ землямъ, то они-бы воротились съ запасомъ драгоценныхъ сѣмянъ, которыя, воздѣланныя ими, дали-бы имъ обильную жатву. Имъ-бы открылся міръ новый и вмѣстѣ знакомый, свой; поле, ожидающее только способной руки.

рахъ, изучаютъ каждую ноту, повторяютъ безпрестанно ихъ произведенія—и только. Что являлось новаго въ мое время—не болѣе какъ бѣдные сколки съ формы учителей, разумѣется, при отсутствіи духа. Жизнь улетѣла; остались одни техническія орудія и приемы великихъ мастеровъ предковъ; мелкое потомство всячески старается воспользоваться ими; хватается за всѣ рычаги великой машины, но она издаетъ только отрывочные звуки,—нѣтъ силъ одушевить ее снова, заставить говорить. Въ бытность мою въ Вѣнѣ ни одно современное произведеніе не имѣло успѣха ни на сценѣ, ни въ концертахъ; только инструментальное исполненіе, конечно безукоризненное, заслуживало одобреніе. Но толпа, публика, находитъ себѣ пищу въ музыкѣ другаго рода; она не обращаетъ вниманія на важныхъ предковъ, Штраусъ—вотъ ея идолъ, третій владыка въ Вѣнѣ. Зимой въ залахъ, блестящихъ свѣтомъ, лѣтомъ въ павильонахъ, подъ открытымъ небомъ, на гульбищахъ, Штраусъ своими вальсами привлекаетъ послушную толпу, которая конечно въ отношеніи къ нему не заслуживаетъ названія вѣтренной. Можно сказать, что Вѣнцы носятъ въ утробѣ матери, почти рождаются, но конечно вырастаютъ, живутъ и умираютъ подъ звуки вальса. Истинный Вѣнецъ считаетъ тотъ день потеряннымъ, *nefastus dies*, въ который онъ не слышалъ *Wiener Früchtel* или *Odeon-Tänze* или *Loreley-Klänge* или *Roza-Walzer* и пр. и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что такое воспитаніе и подобный акомпаниманъ въ продолженіи жизни должны имѣть особенное вліяніе на общій характеръ населенія. Говорятъ, что Древніе въ комнатахъ беременныхъ женщинъ помѣщали изображенія красивыхъ юношей, для того чтобы дитя было красиво; мнѣ кажется, что звуки должны въ этомъ случаѣ имѣть еще большее дѣйствіе въ отношеніи къ характеру, нежели образы въ отношеніи къ наружности: лучшимъ доказатель-

ствомъ тому служить порода Вѣнцевъ. Гдѣ можно найти столько легко живущихъ людей, какъ въ Вѣнѣ, столько беззаботности, довольства самимъ собою и всѣмъ окружающимъ,—истиннаго земнаго блаженства? Едва Вѣнецъ проснется, какъ бросается къ окну смотрѣть, какова погода, потомъ онъ серьезно занимается рѣшеніемъ вопроса: какимъ образомъ употребить день, на какое собраніе, на какое гульбище отправиться? Рѣшивъ эту трудную задачу, онъ вылетаетъ какъ птица изъ клѣтки, съ свободною, воспримчивою душою, не тревожимый высшими побужденіями, и возвращается домой около полуночи, развѣ только жалуясь на 3 крейцера шперъ-гельдъ, которые послѣ 10 часовъ должно платить дворнику.

Не думаю, чтобы гдѣ нибудь среднее сословіе столько веселилось, или чтобы гдѣ болѣе было празднотанія, какъ въ Вѣнѣ. Надо нарочно воспитать людей, извѣстнымъ способомъ откормить ихъ, чтобы довести до этой степени умышленной беззаботности, и отдать во власть матеріальнымъ инстинктамъ. Правда, для достиженія этого употребляются всѣ средства; дурныя и самыя похвальныя, самыя человѣческія, не имѣютъ кажется другой цѣли.— Мѣлкія блаженства Вѣнской жизни, удобства разсыяности, вялыя забавы и дешевый развратъ составили извѣстность этого города, достигнутую малыми средствами, или лучше соединеніемъ посредственнаго. Зимой, это безчисленные танцевальныя вечера за деньги—редуты, гдѣ платится за входъ около цѣлковаго, балы въ залахъ Одеона, Шперля, въ трактирахъ, корчмахъ—нисходящія въ цѣнѣ до гривенника. Кромѣ того, такъ называемые *Abend-Unterhaltung*, гдѣ подъ звуки вальсовъ и кадрилей слушатели пьютъ пиво, закусывая ветчиной и вюрстелями. Съ наступленіемъ карнавала, продолжающагося отъ праздника Рождества до начала поста, число этихъ увеселеній умножается постепенно

до невѣроятности; приходишь въ изумленіе при видѣ безчисленныхъ объявленій, покрывающихъ все углы улицъ и увлекающихъ прохожихъ цвѣтами своего краснорѣчія, общія всегда ein brillantes Fest; при чемъ упоминается, что приложена особенная забота о кухнѣ, столъ имѣется отличный и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Можно сказать, что Вѣнцы только въ этомъ отношеніи посягаютъ на грандіозное; гдѣ дѣло идетъ объ увеселеніи извѣстной публики, тутъ являются антрепренеры, рискующіе цѣлыми капиталами на учрежденія подобнаго рода, тутъ даже неудачи и банкротства не отбиваютъ охоты на новыя попытки.

Не такъ давно существовала въ Вѣнѣ зала, заключавшая въ себѣ Пратеръ въ маломъ видѣ, цѣлая аллея изъ большихъ деревьевъ, качели и разныя увеселенія, помѣщаемыя обыкновенно подъ открытымъ воздухомъ. Пршлую зиму явился спекулянтъ, который превратилъ въ залу цѣлый переулокъ, около 60 сажень длины, соединивъ крышою сосѣдніе дома. Тутъ есть цвѣтники, фонтаны и безконечныя галереи со столами для ужина. Все это освѣщается 5,000 свѣчей, и можетъ вмѣстить до двадцати тысячъ посѣтителей.—Но зимой вся Вѣна превращается въ танцевальное собраніе, и соперничество вѣроятно не дастъ долго устоять этой залѣ monstre, названной Одеономъ, хоть въ ней жертвуютъ одной Терпсихорѣ.—Наибольшую народностію пользуется такъ называемый Элизіумъ, который приличнѣе назвать Аидомъ, потому что онъ помѣщается подъ землей, въ пространныхъ подвалахъ, освѣщенныхъ газомъ, и подвергаетъ посѣтителей опасности задохнуться отъ несноснѣйшаго жара. Тутъ вѣнская фантазія достигаетъ крайней точки своей нелѣпости. Все помѣщеніе раздѣлено на четыре отдѣленія подъ названіемъ частей свѣта. Проходя Америку, вы видите на мѣсто банановъ

сосны, воткнутыя въ землю; на нихъ сидитъ нѣсколько обезьянъ и попугаевъ; тутъ же желающіе катаются въ кабинетахъ. Далѣе слѣдуетъ Азія, съ живымъ султаномъ и одалисками; потомъ Европа, съ хрипло поющими, подавившимися тирольцами; Африка украшается только соответственными изображеніями на стѣнахъ. Въ особой залѣ толкутся, въ настоящемъ смыслѣ слова, отчаянные танцоры; особая сцена устроена для плясуновъ и разныхъ глупыхъ представлений; наконецъ необходимѣйшее и существенное условіе всѣхъ нѣмецкихъ сборищъ—столовая, гдѣ неутомимо уничтожаются ломти окороковъ, колбасы, шницели (родъ котлета), *gebäckene hühn* (запеченая въ тѣсто курица) и подобныя лакомые куски. Плотная масса народа колышется глубоко за полночь въ этомъ вмѣстилищѣ, раздвигаясь только, чтобы пропустить какую-нибудь маскарадную процессію, составленную изъ Китайцевъ, уродовъ въ грязныхъ нарядахъ, съ превращеніями и разными дурачествами.

Элизіумъ—прототипъ вѣнскихъ народныхъ увеселеній; онъ пользуется наибольшимъ успѣхомъ потому именно, что отвѣчаетъ вполне вкусу жителей. Поэтому можно судить, какъ блаженно проходитъ жизнь Вѣнца, какого бы онъ сословія ни былъ: всякое сословіе имѣетъ свой элизіумъ, если не совершенно, по крайней мѣрѣ, въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью. Маскарады въ редутной залѣ, несмотря на смѣшанное общество, посѣщаются даже людьми, имѣющими притязанія на приличіе и *comme il faut*. Но какъ маски избавляютъ посѣтителей и въ особенности посѣдительницъ отъ цензуры общественной, то отъ этого собраніе дѣлается очень занимательнымъ, по своему смѣшенію и свободѣ разговора. Вѣнки подъ маскою очень любезны и развязны, такъ что не дадутъ вамъ запнуться на половинѣ рѣчи; а смѣсь всѣхъ европейскихъ націй позволяетъ говорить на языкѣ наиболѣе вамъ знакомомъ. Послѣ каж-

даго подобнаго редута, разсказывается въ городѣ множество смѣшныхъ развязокъ маскарадной интриги, и много другихъ, дѣлающихъ счастливыхъ, остается подъ покрываломъ тайны. Наконецъ, въ высшемъ сословіи, кромѣ домашнихъ баловъ и вечеровъ, бывають своего рода таинственные маскарады, покрытые непроницаемою завѣсою отъ непосвященныхъ взоровъ и полиціи.

Мнѣ остается сказать вамъ нѣсколько словъ о высшемъ родѣ увеселенія, восходящемъ до искусства, — о театрѣ. Нельзя отнять у Вѣнцевъ нѣкотораго юмористическаго взгляда на жизнь, выходящаго изъ простоты натуры и, можетъ-быть, изъ отсутствія высшихъ интересовъ, но, по крайней мѣрѣ, естественнаго, неиспорченнаго искусственнымъ философствованіемъ. Вѣна имѣетъ двѣ сцены (театры Леопольдштатскій и на Виднѣ) истинно народныя; несмотря на презрѣніе, съ которымъ отзывается о нихъ такъ называемое порядочное сословіе, мнѣ онѣ казались лучшимъ выраженіемъ вѣнскаго характера. Душу этихъ театровъ, въ полномъ смыслѣ слова, составляетъ Нестрой, Славянинъ по происхожденію, авторъ-актеръ. въ обоихъ отношеніяхъ очень замѣчательный по дарованію: его можно назвать теніемъ нѣмецкой Posse — шутки. Классъ мелкихъ владѣльцевъ, богачей, вышедшихъ изъ мелочныхъ лавокъ и магазиновъ, сидѣльцевъ и слугъ, обманывающихъ своихъ господъ, — составляетъ поле Нестроя, на которомъ онъ постоянно собираетъ богатую жатву для своей наивной веселости и насмѣшки. Нѣтъ несообразности, нѣтъ нелѣпости, которыхъ бы онъ не употребилъ въ дѣло, чтобы разсмѣшить своихъ зрителей, и ему охотно ихъ прощаетъ; но нерѣдко въ немъ пробуждается потребность выразить душевную мысль, тогда изъ остроумнаго паяца онъ дѣлается истиннымъ юмористомъ и достигаетъ глубокой ироніи; къ сожалѣнію, эти минуты, напоминающія шекспи-

ровскія выходки, длятся не долго: авторъ какъ будто боится быть непонятнымъ своей публикѣ и увлекается въ обыкновенную мутную среду. Нельзя отрицать однакожь, что нѣкоторыя его піесы задуманы дѣльно, сквозь шутовскую одежду проглядываетъ мысль человѣческая, и выходки полны нерѣдко горькой насмѣшки надъ жизнію и бѣднымъ человѣчествомъ. Характеры, гдѣ онъ хочетъ ихъ выставить, очерчены мастерски и не измѣняютъ себѣ ни на минуту; малѣйшіе оттѣнки уловлены съ искусствомъ первокласснаго художника и комизмъ положеній, созданныхъ изъ ничего, доходитъ иногда до высшей степени. Наконецъ, что никогда не покидаетъ Нестроя — это неподражаемое богатство остротъ и самыхъ небывалыхъ сатирическихъ выходокъ. Можно пожалѣть, что Нестрой явился въ Вѣнѣ; въ этой тяжелой атмосферѣ, гнетущей со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ остаться паяцемъ низшаго класса; поприще, на которомъ движутся его піесы, очень стѣснено, и все, что принадлежитъ достойноу комика въ высшихъ слояхъ, ему недоступно. Нѣтъ сомнѣнія, что при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ онъ бы могъ занять почетное мѣсто въ исторіи комедіи *).

Придворный Burg-Theater, стоящій такъ высоко въ мнѣніи Вѣнцевъ имѣлъ для меня менѣе интереса, потому, что его сцена лишена народнаго значенія (разумѣя слово народный въ высшемъ, общемъ смыслѣ), и не имѣетъ значенія эстетическаго. Здѣсь даютъ безъ большаго выбора комедіи и драмы, произведенія нѣмецкой фантазіи сѣверной и южной. Тутъ также утираются платками чувствительныя души отъ драмъ Коцебу и звонкихъ стиховъ Гальма, какъ и отъ неподражаемыхъ произведеній Шекспира, Гете

*) Лучшія его піесы, какія мнѣ удалось видѣть, это: Die zwei Nachtwandler, Lumpatius Vagabundus, Liebesgeschichten und Heirathssachen, и Er will sich einen Jux machen.

и возвышенныхъ монологовъ Шиллера; хотя первые вообще пользуются бѣльшею благосклонностію публики, что довольно знаменательно для сужденія о ея вкусѣ. Не говоря о первокласныхъ геніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ и оцѣненныхъ сознаниемъ потомства, изъ современныхъ произведеній не явилось на этой сценѣ ничего замѣчательнаго. Замѣчателенъ былъ только отпечатокъ нѣмецкаго характера, который всѣ они носили на себѣ; въ этомъ отношеніи, посредственныя созданія выказываютъ ясно, безъ покрывала то, что въ истинно художественныхъ возвышено и облагорожено. Присутствуя въ нѣмецкой, такъ называемой высокой комедіи, я не разъ дивился тому, что даже въ произведеніи фантазіи нѣмцы никогда не покидаютъ обиходныхъ привычекъ своей домашней жизни; на сценѣ точно также ѣдятъ, точно также пьютъ пиво и говорятъ всякой вздоръ, какъ бываетъ въ дѣйствительности; тѣ же естественно-скучныя отношенія лицъ и положеній; но нигдѣ нѣтъ жизни и творческой силы, которыя совокупаютъ все въ художественное созданіе. Ихъ комедіи писаны какъ бы отжившимъ старикомъ: сидитъ онъ въ халатѣ спокойно въ своихъ креслахъ, да забавляется разказами о разныхъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ когда-то, о случаяхъ изъ своей жизни; иногда набросаетъ хорошо характеръ, узанный долготѣтнимъ знакомствомъ, естественно представитъ сцену—но въ сущности все это занимательно только для него, а для постороннихъ совсѣмъ не заслуживаетъ такого подробнаго изображенія. Сочинитель трагедіи напротивъ является всегда мыслящею головою, (*denkender Kopf*), которая понатужась, высыплетъ передъ вами вдругъ все высокое и глубокое, ею начитанное, слышанное, выученное, помечтаетъ, посентиментальничаетъ; но души, но электрическаго тока, претворяющаго все въ одну живую массу, вы не найдете.

Какъ изложеніе въ нѣмецкихъ драмахъ, такъ и самое исполненіе актеровъ почти вездѣ, слѣдовательно и въ Вѣнѣ, страдаетъ отъ неестественности. Напыщенная рѣчь и натянутая декламація искажаютъ драматическія положенія и вредятъ впечатлѣнію даже дѣльно задуманныхъ частей. Сюда же должно отнести приторную *Susslichkeit* женскихъ ролей. эту манерность, которая у Нѣмокъ неудачно замѣняетъ французское кокетство.—Исполненіе комедій, по моему мнѣнію, несравненно удовлетворительнѣе. Комическая труппа Бургъ-театра хороша почти безъ исключеній и есть нѣсколько талантовъ первоклассныхъ.

Но довольно о Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ перейду къ предмету, къ которому давно уже стремятся мои мысли.

III.

Для меня пребываніе въ Вѣнѣ памятно не по веселостямъ и забавамъ, не по наблюденіямъ надъ явленіями австрійской жизни, а по сближенію съ возникающимъ міромъ Славянства, съ которымъ я до того былъ знакомъ только по слухамъ и книгамъ.

Конечно никто не будетъ оспаривать, что Славяне коренные жители Европы, что они существовали съ незапамятныхъ временъ и существуютъ до нынѣ, составляя около 80 миліоновъ населенія. Такое долгое существованіе, записанное въ исторіи, въ продолженіи болѣе пятнадцати вѣковъ, то славное владычествомъ, то бѣдственное по внутреннимъ раздорамъ и угнетенію чужеземцевъ, показываетъ, что племена славянскія получили отъ Провидѣнія всѣ задатки духовной природы для составленія своего самостоятельнаго цѣлаго; что если это цѣлое давно уже раздроблено, то все-таки части принадлежать ему, и не могутъ отказаться отъ взаимнаго родства. Иначе, еслибы Провидѣніе не вложило особеннаго духовнаго организма въ славянское племя, оно бы давно стерлось съ лица земли, было бы поглощено напльвами матеріальной силы и нравственнаго насилія, осаждавшими и осаждающими его со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ, этотъ духовный организмъ Славянства, эта идея народа воплотилась въ огромномъ государственномъ тѣлѣ, она выходила до сихъ поръ торжествующею изъ самыхъ тяжкихъ испытаній; въ наше время она продолжаетъ нравственную борьбу съ идеею чуждаго образованія и, безъ сомнѣнія, останется побѣдитель-

ницею. У западныхъ и южныхъ Славянъ, хотя политически подавленная, она не менѣе того присуща; доказательствомъ служатъ: сохраненіе языка, который есть, безъ сомнѣнія, лучшій признакъ жизни народнаго организма; умственное движеніе, выразившееся въ многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени; борьба Сербовъ съ Турками и утвержденіе ихъ независимости. — Слѣдовательно душа не отлетѣла, она живетъ и движется, слѣдовательно должна жить и двигаться сообразно мысли, сообразно направленію, данному ей Свыше. А она можетъ это выполнить, только оставаясь вѣрною самой себѣ, разработывая данные народу зародыши. Славянскому племени предназначено рѣшить одну изъ тѣхъ всемірныхъ задачъ, которыя обыкновенно предлагаются Провидѣніемъ великимъ народамъ при вступленіи ихъ въ свѣтъ; или лучше—предназначено перерѣшить ее послѣ другихъ народовъ, своихъ предшественниковъ.

Какъ скоро мы получаемъ право перерѣшить не разъ уже прежде рѣшенное (а это есть право преемства потомковъ послѣ своихъ предковъ), то конечно получаемъ его не иначе, какъ съ условіемъ и въ надеждѣ, что мы придемъ къ выводу болѣе удовлетворительному, болѣе истинному, полному и всеобъемлещему. Отдѣльные люди, предпочитая спокойствіе нравственнаго подчиненія чуждому образованію, могутъ отказываться отъ этой задачи, но народъ не можетъ: онъ, въ своей идеальной совокупности, есть поистинѣ созданіе по образу и подобию Божію, а потому ни отречься отъ своихъ даровъ, ни изгубить ихъ онъ не въ состояніи дотолѣ, пока существуетъ. Онъ созданъ Богомъ для нравственной борьбы, для завоеваній на пути человѣческаго совершенствованія; орудіе Великаго Художника, онъ не измѣнитъ Ему, не распадется и не

погибнетъ прежде времени, пока не выполнитъ своего назначенія.—Конечно, не путемъ безусловнаго подражанія, не путемъ насильственнаго подчиненія себя чуждому образованію и отреченія отъ своего духовнаго образа, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ братій, можемъ мы выполнить назначеніе, данное намъ свыше и составляющее условіе существованія славянскихъ племенъ; ибо Предвѣчное Опредѣленіе сотворило наше племя, какъ творитъ человѣка, съ особенною наружностію, умомъ, сердцемъ, чтобы изъ всего этого вытекала совокупность нравственной жизни, ему одному только свойственной. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза будетъ человѣчеству, если мы даже сравнимся съ самыми образованными народами, если только усвоимъ себѣ то, что они приобрѣли самаго истиннаго и хорошаго? Многіе мечтаютъ объ этомъ, какъ о высшей цѣли, къ которой намъ надо стремиться; еслибы даже это было возможно, мы бы сдѣлались двойникомъ того или другаго народа, или какимъ-то мертвымъ отвлеченіемъ всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ. Нѣтъ, Богъ не даромъ создаетъ народы, не даромъ напечатлѣваетъ каждому его духовный и физическій образъ. Онъ не создаетъ ихъ также для нихъ самихъ, для того, чтобы они спокойно прозябали на клочкѣ земнаго шара, доставшемся имъ въ удѣлъ; Онъ создаетъ ихъ для человѣчества. Народы неспособные, лѣнливые, зарывающіе свой талантъ въ землю, Онъ уничтожаетъ и отдаетъ во власть другимъ; тѣ, которые домогаются славы быть Его орудіями, тѣ становятся сильны, могущественны на земли, множатся и преуспѣваютъ. Всякій, исполнивъ свое назначеніе, сходитъ съ поприща, умираетъ, завѣщавъ приобретенное имъ достояніе своимъ преемникамъ. Но вѣчно живетъ человѣчество и человѣкъ: для нихъ вѣковыя судьбы народовъ только различныя возрасты жизни; въ этихъ судьбахъ проявляется и раз-

вивается жизнь человѣчества, какъ развивается жизненное начало растенія, сначала пуская корни, образуя потомъ траву на поверхности земли, стволъ, почки, листья вѣтки, цвѣтокъ и наконецъ плодъ. Время, когда народы сольются въ одно семейство, въ одинъ языкъ, въ одно нравственное лице, не будетъ ли послѣднимъ возрастомъ человѣческаго рода, потому что оно наступитъ только тогда, когда все племена преемственно внесутъ въ сокровищницу человѣческаго образованія плодъ всехъ благихъ зачатковъ, вложенныхъ въ нихъ Провидѣнiемъ и развитыхъ по Его предвѣчнымъ законамъ; когда такимъ образомъ человѣчество достигнетъ совершенства нравственного, которое непременно отразится и въ совершенствѣ его жизни общественной; когда человѣкъ успѣетъ согласить эту жизнь, привести ее къ тождественному знаменателю съ жизнiю духа, преподанною ему Богочеловѣкомъ?

Вы спросите меня: что же новаго и совершеннѣйшаго можетъ внести Славянскiй мiръ въ общее образованiе? — Вопросъ, естественно представляющiйся каждому; но, согласитесь, слишкомъ преждевременный. Отвѣчать на него — значило бы почти взять на себя опредѣленiе грядущихъ историческихъ судебъ человѣчества. Указать начала, дѣйствующiя въ жизни того или другаго народа, можно только тогда, когда этотъ народъ достигъ возраста зрѣлости, когда онъ уже совершилъ бoльшую половину своего поприща, и обозначилъ свою дѣятельность опредѣлительными выводами. Объясненiе ихъ должно быть плодомъ глубокаго изученiя всехъ сторонъ жизни народа и отношенiй его къ дѣятельности народовъ предшествовавшихъ и современныхъ. Но когда зародышъ начинаетъ только двигаться, когда почка еще только образовалась, все гаданiя насчетъ грядущаго будутъ болѣе или менѣе удачною игрою воображенiя. Довольно того, что въ славянскомъ

начинающемся образованіи, мы замѣчаемъ много христіанской любви, много самопожертвованія, отсутствіе эгоизма, этого камня преткновенія западнаго міра. Это образованіе имѣетъ точкою отправления и цѣлю нашу меньшую братію во Христѣ, народъ въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ смиренныхъ труженниковъ жизни, которые готовятъ черную работу для ея проявленій. И естественно, потому что только эти простые души сохранили начала, вложенныя въ нихъ Провидѣніемъ; бѣдность, нищета и презрѣніе защитили ихъ отъ порчи, не дозволили имъ сдѣлаться участниками чужаго образованія. Горькими испытаніями пріобрѣли эти отверженные свое значеніе; множествомъ лишеній сберегли завѣщанное имъ сокровище.—языкъ и нравственный складъ. Всякій, кто не хотѣлъ испить горькой чаши, кто дѣлался богатъ, знатенъ, переставалъ быть Славяниномъ,—отрекался отъ своихъ братій, съ сожалѣніемъ и насмѣшкою смотрѣлъ на нихъ. Такъ же поступалъ и тотъ, кто считалъ себя образованнымъ, какъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ образованіе приходитъ извнѣ, гдѣ оно составляетъ достояніе иноплеменныхъ обладателей? Но наступаетъ въ Европѣ время, когда и послѣдніе будутъ первыми,—дивное изреченіе, исполняющееся надъ славянскимъ племенемъ, внутри его самого и въ отношеніи къ другимъ. Классъ образованныхъ чувствуетъ свое безсиліе и прибѣгаетъ къ дѣтямъ простаго быта, чтобы выпытать у нихъ тайну завѣщанныхъ имъ преданій,—чувствуетъ ничтожество своего дѣйствованія, безъ основаній христіанской любви, и со слезами раскаянія открываетъ угнетенной братіи свои объятія. Отсеявъ всѣ труды его будутъ посвящены разработкѣ того, чѣмъ она обладаетъ въ зародышахъ, или лучше,—вызову ее къ разумной, сознательной дѣятельности.

И у насъ, какъ у западныхъ Славянъ, народъ, въ тѣс-

номъ смыслѣ, остался единственнымъ хранителемъ славяно-русскихъ началъ; только онъ дастъ намъ возможность уразумѣть исторію нашего прошедшаго и связать ее съ будущимъ развитіемъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ составъ нашихъ народныхъ стихій, тѣмъ болѣе откроемъ средства между собою и Славянами другихъ племенъ. Теперь не многіе еще поняли это; но многіе не предубѣжденные чувствуютъ потребность, необходимость сближенія. Такъ всегда чувство предшествуетъ сознанію. Впрочемъ и въ настоящее время достаточно логики здраваго смысла, чтобы видѣть необходимость общаго труда, общей работы для того, чтобы мы, Русскіе, могли занять по праву мѣсто, назначенное намъ въ исторіи человѣчества. Возьмемъ, какой угодно, отдѣлъ жизни: на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ, намъ неизбѣжно-необходимо родство духа съ славянскими племенами, какое существуетъ въ крови, текущей въ нашихъ жилахъ.

Начну съ ближайшаго. Смотри на наше свѣтское общество, нельзя не сознаться (даже отдавая справедливость нѣкоторымъ успѣхамъ его въ общемъ образованіи), что оно нарушаетъ основной законъ всякой жизни—законъ органическаго развитія; нарушеніе его не можетъ быть безнаказанно: оно мертвитъ, убиваетъ и дѣятельность и даже безотчетное наслажденіе жизнью. Не много найдется такихъ людей, которые бы, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ, имѣя даже полный запасъ средствъ не отказывать себѣ ни въ какихъ прихотяхъ моды и условныхъ требованій свѣтскаго быта, не жаловались на какую-то пустоту и скуку, невольню одолѣвающую. Это недужное расположеніе (*malaise*) охватываетъ большинство; отъ него не могутъ уйти самые записные послѣдователи чужеземства; можно сказать, что они-то всего болѣе ему подвержены. Всѣ жалуются на иныя

требованіи, на иныя условія, къ которымъ приучаешься только продолжительнымъ принужденіемъ самого себя, въ которыхъ не видишь ничего разумнаго, которыя всякій разъ бранишь, исполняя, которыя часто противорѣчатъ лучшимъ человѣческимъ влеченіямъ. А между тѣмъ нѣтъ силъ сбросить эти условія. Если разсмотрѣть ихъ поближе, въ нихъ большею частію проявляется несвойственный намъ эгоизмъ, несвойственное намъ презрѣніе къ тому, что одною ступеню стоитъ ниже насъ по внѣшности, — вынужденное презрѣніе къ условно-дурному, большею частію, своему народному, часто оправдываемому и разумомъ и сердцемъ.

Какъ же составились эти условія, откуда взялись они? Кто имѣлъ случай видѣть сколько-нибудь составъ общества въ Германіи, особенно въ Австріи, гдѣ оно менѣе измѣнилось отъ дыханія современности, тотъ вѣроятно замѣтилъ тамъ много близкихъ къ намъ явленій. Но что тамъ оправдывается исторіею, умѣряется разумомъ, проникается народнымъ духомъ, то у насъ является въ своей формальной односторонности и, какъ обыкновенно подражаніе, со всею исключительностію, нетерпимостію. Подражатели прежде всего хватаются за внѣшность, за частности, и слѣдуютъ имъ съ гораздо бѣльшимъ упорствомъ, нежели самъ изобрѣтатель, воображая, что въ нихъ-то заключается вся сущность, или лучше — не понимая послѣдней. — На невѣрной основѣ не можетъ выйти правильная ткань, и чѣмъ далѣе, тѣмъ неправильность дѣлается безобразнѣе; такъ и у насъ постепенно долженъ былъ усиливаться разладъ свѣтскаго общества съ жизнію народа, заданною ему природнымъ составомъ и предшествовавшими вѣками историческаго существованія. Всякій человѣкъ, тѣмъ болѣе народъ, одаренъ задаткомъ творческихъ силъ: низвести его на степень постоянного подра-

жателя во всемъ—значить сдѣлать изъ него по возможности неодушевленную машину. Удивительно-ли послѣ того, что общество, подвергшее себя подобному насилію, чувствуетъ постоянную неловкость? Нельзя безъ тайной грусти и тоски, безъ оскорбляющаго ощущенія, отказываться отъ собственнаго ума, отъ своей воли, чувства, взрослому безпрестанно нисходить къ роли ребенка и нести вериги чужаго попечительства.

Таковы условія, налагаемая на насъ поклонничествомъ западному образованію. Не того можемъ мы ожидать отъ славянскаго міра. Если мы породнимся съ нимъ, то многое явится намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ; многимъ объяснится, что тоска ихъ есть тоска человѣческаго чувства, которое проситъ себѣ доли въ жизни; многія преграды, положенныя этому влеченію, теперь кажушіяся неодолимыми, падутъ сами собою. Мы увидимъ, какъ смѣшно и жалко быть умнымъ и образованнымъ—заднимъ числомъ; вмѣстѣ съ полученіемъ свѣжаго транспорта иностранныхъ книгъ отказываться отъ того, что мы вчера считали истиннымъ и добрымъ; увидимъ, что достоинство человѣка стоитъ выше всякихъ круговъ общества, что оно должно быть первымъ условіемъ въ опредѣленіи его значенія. Самостоятельность ума, чистота чувства и благородство національнаго стремленія выйдутъ на борьбу съ матеріальными наклонностями; мы почувствуемъ, что не шелковые обои и шелковыя ткани, не модная вычурность мебели и платья, покупаемая нами безумною цѣною (часто цѣною совѣсти и безчестія), не заморскія диковины, не роскошный столъ—составляютъ то, что необходимо человѣку для свѣтлой, веселой жизни, не говорю уже—для счастія. А если мы чувствуемъ это и теперь, то увидимъ тогда причину этого явленія, узнаемъ, какъ помочь горю; узнаемъ, что мы дѣлаемъ себѣ величайшее насиліе, на-

лагая на себя формы жизни, которыя противорѣчатъ нашей природѣ; что притомъ мы обманываемъ себя, принимая исполненіе формальности за самую жизнь, что для того, чтобы быть счастливу, надо пользоваться полною жизнью, а для того, чтобы не скучать, надо составлять по крайней мѣрѣ часть цѣлаго, насъ окружающаго, изъ котораго мы бы могли черпать пищу на потребу нашего нравственнаго существованія и пользоваться выводами, выработываемыми вокругъ насъ, а не быть обществомъ, висящимъ въ воздухѣ и отрѣшеннымъ отъ всѣхъ ближайшихъ интересовъ.

Прослѣдимъ необходимость общенія съ Славянами для жизни нашего искусства. Поэзія наша въ самыхъ блестящихъ своихъ явленіяхъ заключаетъ только попытки на самостоятельность, но врядъ ли когда ее достигала, если мы сообразимъ это требованіе съ неизмѣримымъ попріщемъ, ей по праву принадлежащимъ и предназначеннымъ, съ міромъ славянскимъ, со всѣми его преданіями, вѣрованіями, народною поэзію, прошедшею жизнію и настоящимъ бытомъ. Пройдите воображеніемъ весь этотъ кругъ, на сколько онъ намъ доступенъ при нашихъ ничтожныхъ свѣдѣніяхъ, перелетите отъ береговъ Адриатики и стараго Евксинскаго Понта до ледяныхъ скалъ Лапландіи, остановитесь хотя на мгновеніе у cadaго изъ десяти племенъ, составляющихъ великую семью, чтобы припомнить вѣковыя судьбы ихъ прошедшей жизни, прислушайтесь мыслію и чувствомъ къ ихъ пѣсни, и вы, потомокъ этихъ славныхъ предковъ, членъ этой семьи,—осмѣльтесь сказать, что тутъ нѣтъ задатковъ поэзіи, нѣтъ достаточно стихій, чтобы создать ей великое, самостоятельное царство на цѣлое тысячелѣтіе. Пробывши нѣсколько мгновеній въ этомъ чудномъ мірѣ, знакомомъ вамъ, безъ изученія, по какимъ-то врожденнымъ понятіямъ, связаннымъ съ сновидѣніями

отрочества, испытавши чувство старика, волшебством перенесеннаго на минуту въ свѣтлую пору его юности, вы воздохнете, возвратясь къ дѣйствительности нашихъ поэтическихъ произведеній, и, сознавая все ихъ достоинство, скажете, какъ все въ нихъ поверхностно, слабо и не глубоко, въ сравненіи съ тѣмъ идеальнымъ міромъ. Здѣсь всему вы находите образецъ иноземный, затемняющій копію, находите чужое внушеніе *); тамъ видите возможность созданія самобытныхъ образцовъ, такихъ, которые должны стать не какъ второстепенное явленіе, а какъ равное всему, что имѣетъ лучшаго Западъ, а можетъ быть и превысить его самыя гордыя вершины. Я не дерзну обвинять нашихъ великихъ поэтовъ въ недостатокѣ народности русской, тѣмъ менѣе славянской: въ нихъ, какъ и всегда бываетъ, высказывалось само общество; они только угадывали, предчувствовали, изображали его влеченія; слѣдовательно, причина заключалась въ направленіи, въ жизни сего послѣдняго, условленныхъ историческими обстоятельствами; общество далеко расходилось съ цѣлостію народа, и едва имѣло темное гаданіе о славянскомъ родствѣ. Но вотъ что я осмѣлюсь утверждать, что эта жизнь уже изсыкла, слѣдовательно была односторонняя, потому что жизнь полная, органическая воспроизводится до тѣхъ поръ, пока существуютъ ея стихіи. Этимъ объясняется рановременная смерть нашей поэзіи, отъ чего великія ея явленія остались по духу почти безплодны для нашей современности; отъ чего съ кончиною Пушкина мы какъ будто лишились способности и воспринимать и воспроизводить что-нибудь поэтическое, такъ что общее равно

---

*) Въ этомъ смыслѣ правы тѣ Русскіе (ихъ можно считать тысячами), которые очень серьезно и добросовѣстно утверждаютъ, что на русскомъ языкѣ нечего читать, что все очень слабо, въ сравненіи съ иностранными литературами.

душіе можетъ равняться только нищетѣ творчества, и наоборотъ. Еще это немногіе сознають, еще есть отчаянные пловцы, которые борются съ волнами, или подбираютъ брошенные колосья послѣ жатвы, но безсиліе этихъ попытокъ всего лучше доказываетъ мою мысль. Мы еще точно въ летаргическомъ снѣ: чувствуемъ, что живемъ, слышимъ голоса, понимаемъ рѣчи вокругъ насъ, слышимъ, что дѣлается на далекомъ Западѣ и Югѣ; но нѣтъ силъ пошевелиться, —какая-то невидимая тяжесть гнететъ всѣ члены. И мы, опять скажу, не выйдемъ изъ этого сна, пока не пробудятъ насъ голоса нашихъ соплеменниковъ; пока мы не свяжемъ своей жизни духовной съ ихъ жизнью, такъ, чтобы зданіе нашего искусства, нашей поэзіи, стояло на общей почвѣ, чтобы въ немъ вѣялъ родовой славянскій духъ.

Нужно ли вамъ, послѣ всего сказаннаго, повторять тѣ же доказательства въ отношеніи ко всѣмъ отдѣламъ искусствъ?—Возьмемъ самое народное, прямѣе другихъ дѣйствующее на толпу, нашъ театръ. Кто не согласится, что онъ на ложномъ пути? Доказательства: его посредственность, несмотря на самыя богатыя матеріальныя пособія, и общее къ нему равнодушіе. Отсутствие всякаго живаго, народнаго и художественнаго интереса причиною тому и другому. Только тогда будетъ возможно явленіе замѣчательныхъ драматическихъ дарованій, совершенствованіе исполнителей и участіе общества, когда первыхъ будетъ руководить мысль, согрѣтая и хранимая въ душѣ послѣдняго. Смѣшно требовать участія, вывода передъ глазами зрителей небывалыя у нихъ страсти, незнакомыя имъ увлеченія и характеры. Есть ли здѣсь мѣсто сознательному наслажденію? Не удивительно, что большинство предпочитаетъ любоваться пируэттами плясуновъ, эффектными декораціями и мнимо волшебными превращеніями: это, по край-

ней мѣрѣ, не имѣеть притязаній на мысль и чувство, которыя оскорбляются, когда на нихъ посягають недостойнымъ образомъ. Странно, какъ наша драматическая литература отстала отъ письменной, даже въ обыкновенныхъ, насущныхъ явленіяхъ: мы имѣемъ нѣсколько романовъ, много повѣстей, взятыхъ изъ нашей жизни, которыя читаются съ удовольствіемъ; но на сценѣ насъ до сихъ поръ подчиваютъ похождениями французскихъ маркизовъ, торговцевъ en gros и en détail, продѣлками дамъ двора Людовиговъ, треволненіями современныхъ невинно-страдающихъ купчихъ и виновно-торжествующихъ гризетокъ. Пора бы понять нашему театру, что все это привлекаетъ такъ называемое общество во французскіе спектакли не по скольку въ подобныхъ піесахъ есть человѣческаго, а по скольку это общество само офранцузилось; и что дѣйствительное общество не можетъ сочувствовать, и къ счастью не сочувствуетъ той средѣ, въ которой вращаются герои французскихъ піесъ. Не будемъ унижать слово «человѣческое», употребивъ его въ защиту этихъ явленій; въ нихъ его капля, гомеопатически разведенная нѣсколькими стаканами воды.

Если же мы хотимъ достигнуть истинно человѣчески прекраснаго въ художественномъ произведеніи, то должны знать, что это возможно не иначе, какъ посредствомъ народнаго (національнаго). Самыя великія явленія въ мірѣ искусства, пережившія вѣка, слѣдовательно исполненныя человѣческихъ красотъ, національны въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Вникнувши, вы видите на нихъ яркій отпечатокъ мѣстности и времени. Что можетъ быть всемірнѣе твореній Гомера? Вы видите въ нихъ Грековъ и Грецію того времени со всѣми оттѣнками; въ Софоклѣ, Эврипидѣ — Грековъ другаго періода; драмы Шекспира не могли быть написаны никѣмъ, кромѣ Британца, именно въ концѣ XVI

вѣка; съ первыхъ монологовъ Донъ-Карлоса и Маркиза Позы вы узнаете въ сочинителѣ Нѣмца. Даже безцвѣтныя произведенія Расина, несмотря на классическій колоритъ, тотчасъ изобличаютъ Француза. Чѣмъ глубже, чѣмъ цѣльнѣе національное чувство автора, тѣмъ возможнѣе дѣлается ему достиженіе красотъ человѣческихъ, тѣмъ болѣе облегчается ему путь къ этому цвѣту творчества; потому что Великій Творецъ подвергнулъ нашу духовную природу такому же закону органическаго развитія, какъ и вещественную, и вслѣдствіе этого закона достиженіе высшаго совершается только исполненіемъ всѣхъ степеней жизни. Въ художественномъ произведеніи повторяется сомкнутымъ весь процессъ этого внутренняго развитія, отъ того его называютъ воспроизведеніемъ созданія.

Наша драма должна быть національною, чтобы она получила художественное значеніе. Для этого намъ надо знать свою жизнь, свое прошедшее, что невозможно, пока мы не будемъ знать жизни нашихъ соплеменниковъ, которыхъ права на духовное общеніе съ нами гораздо древнѣе и существеннѣе, нежели права Запада. Наша исторія еще не представила полной картины древней жизни; намъ до сихъ поръ остается невидимое сѣтъ, слетавшая нѣкогда историческія судьбы славянскаго рода, точно такъ, какъ до Карамзина мы не знали о жизни нашихъ ближайшихъ предковъ, и не могли связать настоящаго русскаго государства съ прежнимъ московскимъ царствомъ. Естественнo, что при недостаткѣ полнаго историческаго самопознанія не можетъ возникнуть у насъ самобытная драма, которая всегда была самымъ зрѣлымъ плодомъ, самымъ гармоническимъ выраженіемъ творческихъ силъ народа. Комическій отдѣлъ ея для насъ возможнѣе, во-первыхъ потому, что наше общество и его условія изобилуютъ самыми странными противорѣчіями; во-вторыхъ, что эти искусственныя формы

съ ихъ неумѣстностію и нелѣпостями въ полной мѣрѣ достойны подвергнуться разрушительному молоту насмѣшки. Но и здѣсь, чтобы опредѣлить отрицательную сторону, чтобы замѣтить ея оттѣнки, чтобы они получили для насъ значеніе смѣшнаго, надо стать сочинителю на точку, откуда онъ увидитъ окружающее его не въ томъ свѣтѣ, какъ видятъ его обыкновенно. До сихъ поръ наши комики, иногда съ замѣчательнымъ искусствомъ (какъ Гоголь), схватывали только самыя вопіющія противорѣчія, самыя рѣзкія крайности, болѣе внѣшнія и принадлежащія низшимъ слоямъ общества *); но глазамъ ихъ откроется зрѣлище многозначительнѣе, а дѣятельности обширное и достойнѣйшее поприще, когда они увидятъ странныя явленія внутренней жизни, вытекающія изъ противорѣчія привитыхъ понятій, изъ ложнаго положенія и мнимаго образованія, — увидятъ насиліе самыхъ лучшихъ побужденій для исполненія самыхъ пустыхъ условій, пороки изъ приличія, проступки, вынужденные общепринятыми мнѣніями. Въ подобныхъ явленіяхъ трудно отличить достояніе насмѣшки отъ достоянія слезъ и негодованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что если суждено образовательнымъ искусствамъ, зодчеству, живописи, пластикѣ, расцвѣсть къ новой жизни, то это возможно только въ русско-славянскомъ мірѣ, гдѣ столько свѣжихъ, неизвѣданныхъ стихій должны выступить на поприще. Въ зодествѣ мы имѣемъ старый стиль нашихъ храмовъ, который въ сѣверной Россіи вездѣ встрѣчается обличителемъ современной безхарактерности, въ живописи преданіе византійское, доставшееся намъ по прямой линіи, и до сихъ поръ оставшееся совершенно чуждымъ для нашихъ академическихъ художниковъ. Фрески старыхъ сербскихъ церквей, какими по

---

*) Здѣсь надо исключить Грибѣдова.

древности и чистотѣ не обладаетъ Италія, составляютъ для насъ драгоцѣнное сокровище. Слѣдовательно живопись и зодчество имѣють у насъ основу, къ которой должно возвратиться искусство, чтобы создать явленія самобытныя, и, вѣроятно, возвратится, если наша жизнь захватить всѣ начала и стихіи, въ ней кроющіяся.

О музыкѣ славянской я говорилъ уже во второмъ письмѣ; многое можно бы прибавить и развить, но боюсь утомить васъ посланіемъ и безъ того очень длиннымъ.

Что касается до науки, то вы, я думаю, сами видите, что здѣсь всѣ доводы дѣлаются лишними. Какой отдѣлъ ея ни возьмемъ: исторія, право, языкознаніе — все это не можетъ сдѣлать ни одного шага далѣе, безъ самаго тѣснаго знакомства и общенія съ матеріалами славянскаго міра и съ трудами его ученыхъ мужей. И не только въ приложеніи этихъ наукъ къ жизни нашего отечества, но также точно и въ отношеніи всемірномъ, для повѣрки и уразумѣнія науки Запада. Въ ней откроются тогда большіе пропуски, искаженія, заблужденія, потому именно, что она иногда съ умысломъ, иногда по незнанію, обходила славянскій міръ въ своихъ розысканіяхъ, а иногда слишкомъ близоруко смотрѣла на всемірныя событія. Когда такимъ образомъ обновятся всѣ отдѣлы знанія, когда жизнь народная потечетъ новымъ русломъ, тогда возникнутъ новыя стихіи и для философіи, не отвлеченной и только формальной, какова она теперь, — науки не одиѣхъ наукъ, но и жизни, какова она была нѣкогда въ Элладѣ, вытекаая прямо изъ явленій общественнаго и частнаго быта *).

---

*) Читатель можетъ быть не разъ улыбнется, читая это письмо, и назоветъ многія мысли бреднями разгоряченнаго воображенія; но пусть онъ вспомнитъ положеніе Славянъ и наше въ сороковыхъ годахъ и сравнитъ его съ нынѣшнимъ, тогда онъ увидитъ, какъ мы далеко подвинулись по тому пути, который уже тогда считался славянофи-

IV.

Постараюсь теперь рассказать вамъ, въ краткихъ очеркахъ, мою поѣздку по славянскимъ землямъ Венгрии. Не ожидайте ни полноты, ни отчетливости. Имѣя очень мало времени въ своемъ распоряженіи, я долженъ былъ довольствоваться однимъ бѣглымъ взглядомъ на предметы, которые стоили бы конечно внимательнѣйшаго разсмотрѣнія. Не могу не упомянуть здѣсь о насмѣшливомъ удивленіи моихъ знакомыхъ земляковъ, когда я объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Венгрію, въ эту terra incognita et inculta, гдѣ нѣтъ ни искусственныхъ дорогъ, ни почтовыхъ каретъ, гдѣ гостинницы въ патриархальномъ состояніи нашихъ уѣздныхъ, т. е. нерѣдко и въ совершенномъ отсутствіи, а главное—куда совсѣмъ не лежитъ дорога порядочному путешественнику, направляющему обыкновенно стопы

лами единственно разумнымъ. Славяне не ослабѣваютъ въ своихъ стремленіяхъ, они выросли и созрѣли въ самосознаніи, и смѣло добиваются политическихъ правъ. Въ Россіи совершились великія реформы въ смыслѣ поднятія народа до принадлежащаго ему значенія и слитія съ нимъ высшихъ сословій, которыхъ отчужденность отъ массы исчезаетъ постепенно. Въстѣ съ тѣмъ сочувствіе къ западнымъ и южнымъ нашимъ братьямъ растетъ болѣе и болѣе, одновременно съ сознаніемъ необходимости взаимной помощи и общенія. Если это общеніе не сдѣлало большихъ усѣховъ, то этому виною не столько равнодушіе нашего общества, сколько преграды, поставляемыя австрійскимъ и турецкимъ правительствами; но оно неминуемо будетъ расти подъ давленіемъ историческихъ событій, которые развиваются теперь съ такою быстротою.

Примѣч. 70 года.

своиѣ берегамъ Тибра, Сены или Темзы. Даже въ извѣстныхъ дорожникахъ о Венгріи почти не упоминается; и что тамъ дѣлать? Развѣ посмотрѣть породы венгерскаго скота, или запастись настоящимъ токайскимъ? Ужь если ѣхать, не лучше ли отправиться на воды, гдѣ стекается общество порядочныхъ людей, гдѣ придуманы всѣ удобства для комфортабельной жизни, даже водочерпни и прислужницы въ трактирахъ набраны изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ околотка; или наконецъ въ Тироль и Швейцарію, если вамъ нужно движеніе: по крайней мѣрѣ, вы поѣдете туда не на телѣгѣ, а по желѣзной дорогѣ или въ приличной почтовой каретѣ? Напрасно я старался объяснить значеніе моей поѣздки, говоря, что тутъ дѣло идетъ не о гостиницахъ, каретахъ, кофейныхъ, театрахъ и т. п., а о живомъ народѣ, о его характерѣ, фізіономіи, дѣятельности умственной, хотя молодой и неопытной, но замѣчательной по силѣ и энергіи; что тамъ я найду людей, которые сами пойдутъ мнѣ на встрѣчу и откроютъ свою внутреннюю жизнь; между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ путешествіи мы видимъ только наружность жизни, и рѣдко можемъ и заботимся проникнуть въ живую дѣятельность общества. Для этого надо много усилій, да притомъ еще выгодное положеніе или удачу. Что наконецъ это все особенно занимательно по нашему взаимному родству и сочувствію и по особенному значенію, о которомъ долго бы было имъ рассказывать. Увлечшись, я даже увѣрялъ, что для нихъ самихъ подобная поѣздка была бы несравненно полезнѣе многихъ другихъ, а главное было бы полезнѣе вообще для Русскихъ, еслибы они заглядывали почаще къ нашимъ братьямъ, западнымъ и южнымъ Славянамъ, разсѣивали ихъ предубѣжденія, и давали бы пищу желанію узнать короче другъ друга.

Немногихъ я убѣдилъ подобными доводами; по крайней

мѣрѣ, самъ укрѣнился ими въ своемъ намѣреніи, и 30 апр. (1845), на разсвѣтѣ, засѣлъ въ омнибусъ на Judenplatz, доставляющій пассажировъ къ Дунайскому пароходу. Улицы, которыя я видѣлъ наканунѣ шумными, еще были пусты, населеніе отдыхало послѣ своихъ обычныхъ забавъ. Картины вывѣсокъ и выставленные товары, которыхъ иногда бываетъ гораздо болѣе на улицѣ, нежели внутри магазина, еще не покрывали нижняго жилья домовъ, выставившихся во всей своей непривлекательной наготѣ, съ рядами оконъ на гладкихъ стѣнахъ и съ крышами въ родѣ сахарной головы. Безхарактерность, матеріальность жителей видна была въ наружности зданій. Я разставался съ Вѣною, со всеѣми ея соблазнами, безъ сожалѣнія. Послѣ медленнаго переѣзда черезъ безконечный Пратеръ, съ этой стороны покрытый кустарникомъ и лозою, между которыми спокойно паслись стада оленей, мы наконецъ достигли пристани. Пароходъ былъ, какъ и все хорошіе пароходы. Вошедши въ главную каюту, я засталъ тамъ много ходящихъ, сидящихъ и лежащихъ въ пріятной дремотѣ спутниковъ, большею частію, имѣвшихъ плотную, дюжую натуру венгерскихъ помѣщиковъ, мало отличающихся отъ нашихъ отечественныхъ. Тутъ же я нашелъ Вука Стефановича Караджича, товарища моего путешествія. Завязался разговоръ съ однимъ новосадскимъ купцомъ, Сербомъ, о мадьяризаціи Сербовъ въ Венгріи.

Здѣсь надо васъ познакомить съ событіями послѣдняго времени. На сеймѣ 1835 года Мадьяры, въ противность древнему постановленію, вмѣсто латинскаго языка, бывшаго посредствующимъ между разными племенами Венгріи, опредѣлили ввести мадьярскій, не только для общаго управленія, но и для внутренняго распорядка славянскихъ комитетовъ. Такая насильственная мѣра, еслибъ

она относилась только къ дѣлопроизводству, касающемуся общаго состава королевства, несмотря на то, что лишена всякаго основанія права, могла бы быть оправдана желаніемъ воспользоваться преимуществами живаго слова, способна придать болѣе единства и силы администраціи и сдѣлаться дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для государственнаго объединенія. Но этого казалось недостаточно; заклятые мадяроманы вообразили, что нѣтъ спасенія Венгріи до тѣхъ поръ, пока всѣ жители въ ней, къ какому бы они племени ни принадлежали, не позабудутъ своихъ природныхъ языковъ, и не заговаряютъ по мадярски *). Къ насилію присоединили безразсудство: постановили, чтобы всѣ дѣла уголовныя и гражданскія производились по-мадярски; отъ чего въ славянскихъ комитетахъ подсудимый или истецъ обыкновенно не понимаютъ ни слова изъ того, какъ рѣшается ихъ личная участь или участь ихъ достоянія; они безотвѣтны передъ судомъ и адвокатами. Въ чисто славянскихъ городахъ (какъ напр. Новый Садъ) магистратъ долженъ судить и рядить по-мадярски, тамъ, гдѣ очень не многимъ извѣстно это нарѣчіе. Преподаваніе въ школахъ низшихъ и высшихъ измѣнено такимъ же образомъ въ пользу мадярскаго языка. Этого мало: стараются втѣснить его въ религію; священники должны на немъ вести метрическія книги и говорить проповѣди; а въ лютеранскомъ исповѣданіи отправлять по-мадярски все служеніе. Тѣ, которые, видя, что вслѣдствіе этого пустѣютъ церкви и народъ охладѣваетъ къ обязанностямъ вѣры, отступаютъ отъ этого правила, изгоняются изъ своихъ приходовъ и замѣняются другими. Приносители жалобъ высшему правительству подвергаются

*) Извѣстно, что Мадьяры составляютъ менѣе четвертой части всего населенія Венгріи, а Славяне большую половину.

ся тѣлесному наказанію и заключенію въ тюрьму *). Такъ поступаетъ народъ, кричащій о своемъ либерализмѣ, о своихъ человѣческихъ понятіяхъ, не имѣя даже возможности оправдать несправедливость средствъ пользою цѣли. Необходимое слѣдствіе всего этого—нравственный упадокъ и огрубѣніе. Дѣти не выносятъ ничего изъ школъ, гдѣ большая часть времени употреблена на изученіе непонятнаго языка, который забывается по возвращеніи домой; взрослые лишены поученій и руководства религіи. Славяне необходимо должны отставать въ образованіи; они оттѣсняются отъ участія въ общественной жизни; должности и правительственныя мѣста переходятъ въ руки Мадыровъ.—Трудно себѣ представить, какъ пагубно для народа подобное нравственное утѣсненіе; разрушительное его вліяніе простирается даже на физическую сторону. Я бы не повѣрилъ, если бы нашъ собесѣдникъ изъ Новаго-Сада не рассказывалъ, какъ очевидецъ, что въ смѣшанныхъ поселеніяхъ Мадыровъ и Сербовъ семейства послѣднихъ замѣтно уменьшаются въ числѣ: одни выселяются по причинѣ утѣсненій; другіе исчезаютъ, потому что рождается очень мало дѣтей мужескаго пола, а дѣвочки выходятъ замужъ за Мадыровъ. Въ доказательство онъ наименовалъ нѣсколько такихъ мѣстъ, названіе которыхъ я къ сожалѣнію не помню. Въ Новомъ Садѣ за 10 лѣтъ не было слышно ни одного мадырскаго слова; языкомъ

*) Это случилось въ Лаюшь-Коморамъ, селеніи, населенномъ Славянами лютеранскаго исповѣданія. Въ Междумурьѣ (пространство между Муромъ и Дравою), населенномъ сплошь Хорватами, дѣти учатся по мадырски; определено также отдѣлить его отъ загребской Епископіи, потому что молодые, духовные назначаемые изъ Загреба, не хотятъ омадыривать прихожанъ. Одинъ загребскій каноникъ (въ 1842) пожертвовалъ даже 11 тысячъ руб. ассигнаціями на учрежденіе хорватской школы въ Междумурьѣ.

посредствующимъ для Мадьяра и Нѣмца служилъ сербскій: теперь его замѣнилъ мадьярскій, начинающій возникать съ силою.

Мы предались печальнымъ размышленіямъ, которыя были прерваны извѣстіемъ, что пароходъ достигъ мѣста, называемаго Швехатъ, гдѣ стоитъ каменный столбъ въ воспоминаніе свиданія Императора Леопольда съ Собіескимъ въ 1683 г. Этотъ памятникъ безславной неблагодарности, не оправдываемой даже политикою, возобновилъ во мнѣ воспоминаніе о томъ времени, когда Оттоманскій полумѣсяцъ горделиво блисталъ подъ Вѣною, на тѣхъ самыхъ берегахъ, мимо которыхъ мы спокойно неслись на пароходѣ. Кто знаетъ, если бы судьбѣ не угодно было послать Собіесскаго избавителемъ, можетъ быть, до сихъ поръ разгуливали бы чалмы на этихъ берегахъ и наши правили бы свое кровавое право надъ бѣднымъ раіею,—какъ еще недавно было нѣсколько ниже на Дунаѣ, въ Бѣлградѣ, и какъ еще теперь продолжается въ Виддинѣ. Какую же награду получилъ избавитель за свой подвигъ: чѣмъ заплатили ему спасенные, тѣ, которые должны бы двоянѣ благодарить его—за себя и за цѣлое Христіанство, избавленное отъ вѣроятной гибели? Между тѣмъ какъ извѣстіе о его побѣдѣ праздновалось во всѣхъ государствахъ западной Европы, торжествовали въ храмахъ, на площадяхъ, во дворцахъ, при восторженныхъ восклицаніяхъ народа; между тѣмъ какъ Папа дѣлалъ великолѣпныя иллюминаціи въ Римѣ, и въ торжественныхъ ходахъ носили по Италіи знамя невѣрныхъ, присланное Собіескимъ,—императоръ Леопольдъ старался всячески избѣгнуть встрѣчи съ нимъ; когда же возникло опасеніе, что бы обиженный Король не оставилъ союзниковъ и не удался въ Польшу, онъ созвалъ совѣтъ для опредѣленія правилъ этикета при предстоящемъ свиданіи. Совѣтники

не могли согласиться въ мнѣніяхъ, и Собиесскій, потерявъ терпѣніе, снялъ свои палатки для преслѣдованія непрія-теля въ Венгріи. Императору оставалось отправиться въ его станъ—новыя затрудненія.—Вотъ какъ описываетъ это свиданіе самъ Собиесскій въ письмѣ къ женѣ, Маріи Казимірѣ: «Я имѣлъ свиданіе съ Императоромъ третьяго дня, т. е. 15 Сентября. Онъ прибылъ въ Вѣну, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего выѣзда. Я послалъ Вице-Канцлера поздравить его и вручить ему одно знамя Ви-зиря, на память побѣды. Въ полночь объявляютъ, что пріѣхалъ Шафготшъ съ порученіемъ отъ Императора; онъ увѣряетъ, что Его Величество не желалъ бы сноситься со мною чрезъ Вице-Канцлера, что онъ хочетъ видѣть ме-ня самого и не приметъ посланнаго; а потому, чтобы я написалъ Вице-Канцлеру не требовать аудіенціи. Я са-жусь писать, какъ часа черезъ два опять является Шаф-готшъ и говоритъ: «вышло недоразумѣніе; виною тому Галецкій». Видя, что меня хотятъ дразнить, я объявилъ, что если я намѣренъ говорить съ государями, то дѣлаю это лично, а мой канцлеръ сносится обыкновенно съ прид-ворными чинами и другими сановниками. «Слѣдовательно, говорю, вы заботитесь изъ пустаго; скажите лучше от-кровенно, чего вы хотите; вѣрно все затрудненіе состо-ить въ важномъ вопросѣ, кто будетъ имѣть правую руку, но это можно уладить—стоитъ согласиться». Шафготшъ отвѣчалъ, что дѣйствительно это затрудняетъ Импера-тора, что онъ не можетъ уступить первенства, особенно теперь, будучи окруженъ курфиретами и представляя главу имперіи. Я предложилъ слѣдующій способъ: «ко-гда Императоръ приблизится къ моему стану, я вы-ѣду къ нему на встрѣчу, мы поклонимся, сидя на лоша-дахъ и остановимся другъ противъ друга, я на сторонѣ моего войска, онъ на сторонѣ своего и столицы; я буду

въ сопровожденіи моего сына, гетмановъ и сенаторовъ; онъ своихъ — курфирстовъ». — Шафготшъ принявъ предложеніе; такъ все и происходило. Императора сопровождалъ только курфирстъ баварскій; саксонскій уже уѣхалъ. Его свиту составляли человѣкъ пятьдесятъ придворныхъ, чиновниковъ и министровъ. Впереди ѣхали трубачи; позади слѣдовали лейбъ-гвардейцы и десятокъ ливрейныхъ лакеевъ. Не стану описывать наружности Императора; она вамъ извѣстна. Подъ нимъ была гнѣдая лошадь испанской породы; на немъ надѣто богато вышитое полукафтанье; на головѣ шляпа французскаго фасона съ аграфомъ и перьями красными и бѣлыми; поясъ и шпага, осыпанные сапфирами и алмазами. Мы поклонились другъ другу довольно вѣжливо; я сказалъ ему привѣтствіе по латыни въ нѣсколькихъ словахъ; онъ отвѣчалъ мнѣ въ изысканныхъ выраженіяхъ на томъ же языкѣ. Мы стояли другъ противъ друга; я представилъ ему сына, который подѣхалъ и поклонился: Императоръ даже не дотронулся рукой до шляпы; это меня поразило. Онъ также точно обошелся съ сенаторами и гетманами, даже съ родственникомъ своимъ княземъ палатиномъ Бельзскимъ. Для избѣжанія огласки и толковъ, я сказалъ еще нѣсколько словъ Императору и поворотилъ лошадь. Мы взаимно поклонились; я поѣхалъ къ лагерю. Палатинъ Русскій, показывалъ наше войско императору, по его желанію; но солдаты были очень обижены и громко жаловались, что Императоръ за столько трудовъ и лишеній не удостоилъ поблагодарить ихъ, даже не поднесъ руки къ шляпѣ. Какъ скоро мы разстались—все измѣнилось; насъ будто не узнаютъ. Шафготшъ и Легатъ насъ покинули... Намъ не даютъ ни фуража, ни продовольствія. Святой Отецъ (папа) прислалъ на это деньги аббату Буонвизи; но Аббатъ остался въ Линцѣ».

Въ этомъ описаніи нѣтъ ничего преувеличеннаго. Свиданіе полу-нѣмое не продолжалось и четверти часа. При представленіи сына, Собіесскій, желая прикрыть непостижимое молчаніе Леопольда, сказалъ, что взялъ его съ собою, несмотря на юность, для того, чтобы онъ научился, какъ должно поступать съ союзниками. Въ другомъ письмѣ, Собіесскій описываетъ слѣдствія дружественнаго свиданія: «наши больные лежатъ на навозѣ», говоритъ онъ; «для раненыхъ, которыхъ очень много, не даютъ даже лодокъ, чтобы спустить ихъ по рѣкѣ къ Пресбургу, гдѣ мнѣ легче было бы содержать ихъ на свой счетъ... Наши обозы подвергаются грабежу; силою отнимаютъ у насъ лошадей, которыя отстали за горами, и не могутъ скоро соединиться. Иные лейбъ-гвардейцы, поставленные мною при турецкихъ орудіяхъ, пока ихъ раздѣляютъ по-ровну... лишились своихъ плащей, одежды и лошадей... По-истинѣ можно сказать, что мы никогда не были въ столь дурномъ положеніи. Еслибы не овесъ, взятый въ турецкомъ станѣ, то мы бы уже потеряли всѣхъ своихъ лошадей... Много нашихъ ходило въ городъ (Вѣну) доставать пищи, потому что въ окрестностяхъ умираютъ съ голоду; комендантъ запретилъ ихъ пускать и велѣлъ стрѣлять по нимъ: будто бы за то, что одинъ Полякъ выстрѣлилъ въ Нѣмцевъ, которые хотѣли отнять у него лошадь... Послѣ такого сраженія, гдѣ мы лишились столькихъ людей и изъ знаменитѣйшихъ домовъ, мы потеряемъ еще нашихъ лошадей и пожитки... Что будетъ прибыли отъ нашей побѣды, если мы не воспользуемся ею и не вступимъ въ непріятельскую землю, и если дадутъ намъ погибнуть отъ нужды? Теперь мы точно чумные, которыхъ всѣ обходятъ; а передъ сраженіемъ мои палатки, слава Богу довольно просторныя, не могли вмѣстить всѣхъ посѣтителей». Къ этому описанію прибавлять нечего; по-истинѣ, нельзя было придум-

мать лучшаго укора, какъ швехатскій памятникъ, предназначенный увѣковѣчить благородный, геройскій подвигъ съ одной стороны, и постыдно-нелѣпую, суетную неблагодарность съ другой.

О слѣдующихъ мѣстахъ на Дунаѣ къ Пресбургу я упомяну вкратцѣ. Петронель (на правомъ берегу) лежитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на мѣстѣ древняго римскаго *Castrum*, разореннаго Атилою. Думаютъ, что готическая часовня, примыкающая къ церкви, построена Карломъ Великимъ; другіе приписываютъ ее храмовникамъ. Версты полторы на югъ отъ Петронеля видны развалины триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ Августомъ въ честь Тиверія, на память завоеванія Панноніи; и теперь они носятъ названіе языческихъ воротъ. Отсюда начинается валъ, идущій до Неузидлерзе, принадлежащій также Римлянамъ.— Нѣмецкій Альтенбургъ (на правомъ берегу)—небольшое мѣстечко съ 900 жителей. Здѣшніе теплые ключи Римляне называли *Aqua Raponica*. Не подалеку, на возвышеніи, стоитъ красивая готическая церковь Св. Іоанна, а въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда видѣнъ холмъ, называемый *Hütelberg* (шлянная гора): преданіе говоритъ, что онъ насыпанъ окрестными жителями въ память освобожденія отъ Турокъ, и что многіе носили для него землю въ шляпахъ.—Городокъ Гайнбургъ замѣчателенъ большою казенною фабрикою, на которой ежегодно выдѣлываются многія тысячи центнеровъ самаго сквернаго табаку, извѣстнаго всѣмъ, имѣвшимъ удовольствіе курить въ Австріи.—Напротивъ Гайнбурга лежитъ на живописномъ утесѣ старый замокъ Дѣвинъ, у подножія котораго впадаетъ Маркъ въ Дунай.

Наконецъ, черезъ три часа послѣ нашего отплытія показалась на лѣвомъ берегу гора, возвышающаяся надъ Пожуномъ (Пресбургомъ), увѣнчанная обгорѣвшимъ боль-

шимъ зданіемъ, въ которомъ помѣщались прежде казармы. Солдаты, недовольные удаленіемъ отъ города, или крутизною мѣста, куда должны были взбираться, нѣсколько разъ поджигали строеніе и достигли того, что оно было брошено. Пристань и вѣздъ въ городъ съ этой стороны не представляютъ ничего живописнаго; улицы расположены по отлогому берегу и на покатости горы; онѣ показались мнѣ довольно неопрятными, можетъ-быть потому, что я прѣхалъ изъ Вѣны. Мелочныя лавочки, магазины съ неуклюжими вывѣсками, песокъ, вздымаемый вѣтромъ и засыпающій глаза пѣшеходовъ,—все это напомнило мнѣ нѣсколько наши губернскіе города. Но самое замѣчательное явленіе были надписи — honu—отечественное, выставленныя надъ товарами въ большей части лавокъ. Въ послѣднее время Венгерцы какъ будто замѣтили, что, несмотря на ихъ вопли, до охриплости, о безпредѣльной любви къ отечеству, о богатствѣ его средствъ, это отечество очень туго подвигается во всѣхъ отрасляхъ нравственнаго и вещественнаго благосостоянія и образованія. Имъ пришлось повторить слова нашихъ праотцевъ: земля наша богата и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Но какъ безпорядокъ происходилъ именно отъ этихъ вопіющихъ головъ, а признаться въ этомъ мѣшало имъ самолюбіе, то они сказали сами себѣ: земля наша богата и обильна всякими естественными произведеніями,—отчего же мы производимъ ихъ такъ мало относительно пространства и средствъ, отчего у насъ промышленность въ такомъ младенествѣ, отчего у насъ нѣтъ своихъ фабрикъ, такъ что суконныя и шелковыя издѣлія, изъ нашей же шерсти и шелку, мы получаемъ отъ австрійцевъ, свекловичный сахаръ отъ нихъ же, между тѣмъ какъ у насъ превосходныя поля для свекловицы, и такъ далѣе — всѣ издѣлія искусственнаго производства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найденъ былъ очень

легко: потому дескать, что мы покупаемъ все чужеземное; не станемъ покупать, дадимъ объѣтъ употреблять только все отечественное, тогда по-неволѣ перестанутъ къ намъ возить иностранные товары и явятся промышленники, которые заведутъ у насъ фабрики. Не вступая въ разбирательство, въ какой степени справедливо подобное соображеніе, можно только замѣтить, что здѣсь упущено изъ виду очень важное обстоятельство, — то, что Венгрія не составляетъ самостоятельнаго государства, что она часть Австріи, которая держится самой строгой охранительной системы, слѣдовательно сбытъ венгерскихъ сырыхъ произведеній на австрійскія фабрики вполнѣ обезпеченъ и долженъ возрастать по мѣрѣ того, какъ послѣднія приходятъ въ болѣе цвѣтущее состояніе, что дѣйствительно обнаруживается съ нѣкотораго времени. Не то, на примѣръ, у насъ, гдѣ, при совершенномъ недостаткѣ фабричнаго производства, всѣ первыя произведенія должны бы искать себѣ сбыта за моремъ, слѣдственно богатство цѣлой страны, процвѣтаніе хлѣбопашества, скотоводства и проч. зависѣло бы отъ торговаго тарифа иностранныхъ державъ, измѣняемаго часто отъ политическихъ причинъ, или открытія болѣе дешеваго мѣста ихъ добыванія, или отъ приобрѣтенія какой-нибудь колоніи. Далѣе: составляя часть государства, имѣющаго много потребителей, Венгрія, при правильнѣйшемъ внутреннемъ устройствѣ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ путей сообщенія, по естественному ходу вещей, привлекла бы въ непродолжительномъ времени фабричныхъ промышленниковъ дешевизною первоначальныхъ произведеній и выгодною переработывать ихъ на мѣстѣ, не подвергаясь издержкамъ перевоза. Слѣдовательно, для возвышенія промышленности и торговли, Венгерцамъ надо бы заботиться, во-первыхъ, объ улучшеніи общаго управленія, исполненнаго произвола, объ охраненіи собственности и личности

лучшими гражданскими и уголовными законами; потомъ объ устройствѣ шоссе, желѣзныхъ дорогъ *), пароходныхъ сообщеній. Въмѣсто всего этого, Венгерцы, въ похвальномъ впрочемъ увлеченіи, придумали составить общество для поощренія отечественной промышленности, члены котораго обязались не употреблять никакихъ произведеній чужестранныхъ фабрикъ, включая въ это число австрійскія. Тысячи пристали къ союзу; купцы во многихъ мѣстахъ не иначе могли продавать товаръ, какъ выставивъ на немъ надпись — honu — отечественное; двѣ или три австрійскія фабрики, имѣвшія свой сбытъ въ Венгріи, лопнули; столько же, съ пожертвованіями, было основано въ ея предѣлахъ. Но подобныя средства, лишеныя разумности, не могутъ имѣть прочнаго успѣха. Торговцы, какъ извѣстно, не отличаются патріотическими восторгами, а предпочитаютъ существенное. Стали выставлять надписи и на томъ, что произведено за чертою благодатной Венгріи; половина самаго союза почувствовала, что надо возвратиться къ патріархальной жизни дѣтей природы, чтобы остаться вѣрнымъ своему обѣту, и мало-по-малу злоумышленіе, измѣна и коварство противниковъ разстроили вдохновенный союзъ, надѣлавшій сначала много тревоги въ Вѣнѣ. Бѣдное honu сдѣлалось общимъ предметомъ насмѣшекъ. Рассказывали, что Венгерцы не иначе соглашаются покупать говядину, какъ съ этимъ клеймомъ; что мужскіе галстуки изъ французской ткани продаются за отечественныя произведенія, потому что они сшиты въ Венгріи, и т. п. Сколько бы одинаковъ предпріятіе по несообразности своихъ надеждъ съ слѣдствіями ни заслуживало насмѣшки, надо сознаться,

---

*) Извѣстно, какъ медленно подвигаются подобныя предпріятія въ Венгріи. Шоссе до сихъ поръ тамъ рѣдкость; желѣзная дорога, предполагаемая изъ Вѣны въ Пештъ, строится уже, кажется, болѣе 10 лѣтъ и вѣроятно пройдетъ еще столько же до окончанія.

что оно обнаруживает сильное патриотическое чувство въ народѣ, способномъ увлечься подобною мыслию, и, съ этой стороны взятое, достойно всякаго уваженія и подражанія. Намъ, наоборотъ, надо часто свое называть иностраннымъ, чтобы оно было охотнѣе куплено.

Сознаюсь вамъ: обо всемъ этомъ я очень мало думалъ, идучи по улицамъ Пресбурга; я думалъ о предстоящемъ мнѣ свиданіи со Штуромъ и нетерпѣливо отыскивалъ Nothenbahngasse—мѣсто его жилища. Штуръ, представитель народности Словаковъ, племени многочисленнаго, населяющаго сѣверо-западную Венгрію, о которомъ я буду имѣть случай говорить въ послѣдствіи. Съ молодыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя служенію народной славянской идеѣ. Ни пожертвованія, ни преграды его не останавливали. Постояннымъ трудомъ обогативъ себя свѣдѣніями въ языкознаніи и исторіи славянскихъ племенъ, онъ сдѣлался преподавателемъ этихъ предметовъ, какъ помощникъ престарѣлаго Пальковича, профессора въ Пожунской (Пресбургской) академіи. Славянское юношество стало ревностно посѣщать чтенія даровитаго преподавателя, проникнутыя сознаніемъ народности и согрѣтыя любовью; число слушателей значительно возрастало, несмотря на то, что населеніе Пожуна не есть собственно славянское, и молодые люди приходятъ туда учиться изъ другихъ частей Венгріи. Но скоро безпокойство овладѣло Мадьярами, при видѣ этихъ успѣховъ; начались притѣсенія, кончившіяся тѣмъ, что, въ противность постановленіямъ и правамъ академіи, Штуръ былъ удаленъ отъ преподаванія, и славянскія чтенія прекратились. Пальковичъ не могъ продолжать ихъ по преклонности лѣтъ; студенты не считали никого достойнымъ замѣнить Штура и отказались принять преподавателя, котораго имъ навязывали; всѣ почти оста-

вили академію, жертвуя своєю будущістю любові народно́й. Штуръ, обладая способами создать себѣ независимое существованіе, не утратилъ лишній, его ожидавшихъ, и остался вѣренъ своему призванію. Въ тиши уединенія онъ еще болѣе предался изученію всего, относящагося до своего племени, и сдѣлался средоточіемъ надеждъ, руководителемъ нравственнаго пробужденія Словаковъ.

Зная все это, я съ уваженіемъ переступилъ черезъ порогъ его жилища, почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на прекрасное чело мужа, жертвовавшего все материальными выгодами жизни для блага, для нравственнаго возвышенія своего племени. Мы провели цѣлый день въ откровенной, дружеской бесѣдѣ, оставившей мнѣ драгоценныя воспоминанія. Отъ частной жизни Словаковъ разговоръ перешелъ къ Славянамъ вообще. Мнѣ показались замѣчательными слова Штура о значеніи Славянъ въ исторіи человѣчества. Вотъ его мысли: каждому народу предназначено было выразить какую-нибудь идею въ своей жизни, жить этою идеею, составляющею выводъ его существованія. У Грековъ это было прекрасное въ формахъ и въ духѣ; все существованіе народа, во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, казалось, направлено было къ этой цѣли, и служило подножіемъ для цвѣта красоты. Римляне, какъ всякій народъ, выходящій позднѣе на поприще, по закону преемства, стремились усвоить себѣ характеръ греческій, но вмѣстѣ съ тѣмъ развили характеръ силы, и, сходя съ позорища, завѣщали новому міру античное понятіе о правѣ, сдѣлавшееся въ послѣдствіи юридическою догмою. Явились Германцы. Послѣ многихъ вѣковъ разрушенія и варварства они поддались наконецъ обще-человѣческому образованію, и въ своей жизни общественной и умственной выразили стремленіе къ системѣ, логикѣ ума, силѣщагося подвести все подъ извѣстныя правила и найти во всѣхъ явленіяхъ

основные законы. Духомъ системы они создали науку, которая, безъ сомнѣнія, есть лучшее достояніе германской жизни. Но прекраснѣйшая сторона челоуѣка осталась еще не тронутою въ этомъ поступательномъ движеніи челоуѣчества; то, что онъ имѣеть наиболѣе божественнаго, не получило міроваго развитія. Начало благое, начало добра, обнимающее весь міръ своею благодатною теплотою, предназначено развить Славянамъ. Настоящій характеръ Славянина исполненъ чувства, и можно сказать, это отличаетъ его отъ другихъ народовъ: ни въ комъ не встрѣтите вы столько нѣжныхъ движеній, часто неумѣренныхъ, переходящихъ черту холоднаго разума. Вся народная поэзія Славянъ, исполненная сердечныхъ изліяній, можетъ служить тому доказательствомъ. Очищенное, это чувство возвышается до христіанской любви, до высокой любви къ ближнему, преимущественно бѣдному, страждущему, угнетенному. Славяне призваны осуществить, сколько доступно челоуѣку, божественныя истины христіанскаго ученія, и положить ихъ въ основаніе своему общественному устройству. Съ помощію ихъ челоуѣчество сдѣлаетъ великій шагъ; оно откажется отъ эгоистическаго начала, доселѣ имъ руководствовавшаго, которое проникаетъ западное общество, ведетъ къ столькимъ вопіющимъ, мнимо законнымъ несправедливостямъ и есть настоящая причина неизлечимыхъ его язвъ. Но для созданія самостоятельной жизни необходимо изученіе проявленій славянскаго духа, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ,—познаніе прошедшаго, изъ котораго мы должны черпать уроки и искать въ немъ защиты отъ искаженій пагубныхъ, втѣсняющихся въ настоящую жизнь.

Далѣе мы говорили о государственномъ устройствѣ Венгріи. Безъ всякаго сомнѣнія, происхожденіе его принадлежитъ Славянамъ. Собранія въ комитатахъ, потомъ общій

сеймъ подѣ предѣдательствомъ короля, чисто славянскія учрежденія. Въ послѣдствіи введены нѣкоторыя произвольныя измѣненія, но основа та же. Замѣчательно сходство государственнаго учрежденія нашихъ древнихъ княжествъ съ другими славянскими: вездѣ это была семья въ большомъ размѣрѣ; вездѣ отецъ дѣлилъ наслѣдство между сыновьями, независимыми другъ отъ друга, обязанными только въ необыкновенныхъ случаяхъ повиновеніемъ старшему. Излишняя независимость и самостоятельность частей, даже неограниченныя права свободы отдѣльныхъ лицъ, влекли вездѣ за собою внутреннее неустройство и были причиною гибели славянскихъ обществъ.—Не послѣднимъ предметомъ нашего разговора было разсужденіе объ отечественной словесности. У Штура я нашелъ порядочный запасъ русскихъ книгъ, несмотря на трудность доставать ихъ, на что мнѣ многіе жаловались прежде и послѣ. Между прочимъ много номеровъ Москвитянина, котораго здѣсь очень цѣнятъ, обращающаго особенное вниманіе на критическія статьи Шевырева. Штуръ свободно читаетъ по-русски и пишетъ довольно правильно; но это совсѣмъ не рѣдкость между здѣшними Славянами; молодые люди, прежніе его ученики, теперь часто сотрудики, всѣ болѣе или менѣе знакомы съ замѣчательнѣйшими произведеніями нашей словесности, нѣкоторые въ такой степени, что восхищаются красотами Пушкина и знаютъ изъ него многое наизусть. Я не могъ однакожь порадовать своихъ племенныхъ братьевъ пріятными вѣстями о современной литературѣ, хотя и зналъ, сколь многого они отъ нея ожидаютъ, и хотя моя національная гордость очень страдала при этомъ. Поставленные на точку, откуда легче обнимать истинный смыслъ умственныхъ движеній, вразумленные опытомъ и сознаніемъ, они одного желаютъ и требуютъ отъ насъ: развитія въ духѣ народности, образованія, вытекающаго изъ элементовъ самостоятельныхъ, сохране-

нія въ возможной чистотѣ и, если можно, приращенія къ наслѣдію, доставшемуся отъ предковъ. Они не могутъ по справедливости цѣнить въ нашей литературѣ того, что не болѣе какъ переложеніе чужеземныхъ идей, направлений, самихъ образовъ и оборотовъ рѣчи, на русскій языкъ. Естественно, что имъ, стоящимъ близко къ образцамъ, подражаніе кажется блѣдно и недостойно. А надо согласиться, что наша современная литература чужда самостоятельной жизни: въ этомъ настоящая причина ея упадка и равнодушія общества. То, что у насъ печатается, не затрагиваетъ нисколько жизненныхъ интересовъ, не говоритъ ни чувству, ни даже логическому уму, потому что это есть безсвязный наборъ предметовъ, схваченныхъ неизвѣстно почему, безъ разумнаго конца и начала. Если бы даже подобная литература могла процвѣтать, если бы подобныя книги выходили и расходились тысячами, то это было бы прискорбнѣе самаго равнодушія, это бы только развило предпримчивость литераторовъ ремесленниковъ, уничтожило бы вѣрное чувство и здоровое понятіе въ обществѣ, и служило бы доказательствомъ его нравственнаго упадка. Всего прискорбнѣе смотрѣть на наши журналы, которые вмѣсто того, чтобы направлять и просвѣщать, какъ бы съ умысломъ стараются совращать и уничтожать. Одни изъ нихъ объявили во всеуслышаніе, что не руководствуются никакою мыслию, другіе толкуя безпрестанно объ идеяхъ, принципѣ, тенденціи, навязываютъ читателямъ такую заморскую разноречивую, въ которой лучше не искать никакого принципа. иначе можно подумать, что это дѣлается умышленно. Если бы, кто-нибудь вмѣсто того, чтобы засыпать надъ косноязычнымъ полунѣмецкимъ разглагольствіемъ, вздумалъ вникнуть въ его смыслъ, то нашель бы одно только, что такъ можетъ писать человѣкъ, желающій подточить и уничто-

Hungariae *) выводитъ его отъ имени славянскаго вождя Брацлава, шедшаго на помощь нѣмецкому Арнульфу и, вѣроятно послѣ переправы черезъ Дунай, расположившаго здѣсь свой станъ. Какъ бы то ни было, Пресбургъ (по сербски Пожунъ) не носитъ теперъ никакихъ особенныхъ признаковъ древности, имѣетъ не болѣе 35 тысячъ жителей, и оживляется только во время венгерскихъ сеймовъ, назначаемыхъ королемъ. Тогда съѣзжаются сюда представители всѣхъ 52 венгерскихъ комитатовъ, по два съ каждаго, также магнаты, бароны и высшее духовенство. Засѣданія происходятъ въ особомъ строеніи, довольно незавидной наружности, гдѣ помѣщаются въ отдѣльныхъ залахъ такъ называемый столъ магнатовъ и столъ представителей. Всѣ являются въ національномъ нарядѣ, препоясанные саблями, и говорятъ рѣчи съ своихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ присутствующіе на галереяхъ воплями выражаютъ свое удовольствіе или неудовольствіе. Здѣсь-то произошло памятное для Венгерцевъ событіе 1741 года, когда Марія Терезія, тѣснимая Фридрихомъ, видя крайнее истощеніе государственныхъ способовъ, явилась въ собраніе въ траурной венгерской одеждѣ, увѣчанная короною св. Стефана, съ малолѣтнимъ сыномъ, въ послѣдствіи Іосифомъ II, на рукахъ, и произнесла латинскую рѣчь, изображая бѣдственное положеніе отечества, и требуя отъ дворянства сильныхъ пожертвованій для его спасенія. Увлеченные магнаты воскликнули единодушно: *moriamur pro rege nostro Maria Theresia!* Умремъ за нашего короля Марію Терезію! Молодая, прекрасная королева залилась слезами, видя такую преданность, и собраніе, не выходя изъ залы, опредѣлило всѣ возможные пособія людьми и деньгами.

Пресбургъ выказывается всего великолѣпнѣе во время

вѣнчанія венгерскихъ королей. Тогда торжественно, подъ охраною почетныхъ стражей, приносится сюда изъ Буда вѣнецъ св. Стефана и выставляется на показъ народу въ теченіи трехъ дней. Всѣ бароны, магнаты, богатѣйшее дворянство присутствуютъ при торжествахъ сопровождающихъ вѣнчаніе, въ своихъ великолѣпныхъ одеждахъ, во время шествій верхомъ на отличныхъ коняхъ. Самое блистательное зрѣлище представляетъ эта свита, когда въ послѣдній день повый король ѣдетъ на холмъ, называемый Кралева Гора; все дворянство и гвардія, на коняхъ, становятся вокругъ; король, тоже верхомъ, скачетъ на возвышеніе, и мечемъ св. Стефана машетъ на четыре страны свѣта, въ знакъ того, что будетъ отовсюду храбро защищать отечество.

1-го мая, въ 8 часовъ утра, я былъ уже снова на пароходѣ, уносимый парами и теченіемъ внизъ по Дунаю къ Пешту. Берега здѣсь не представляютъ ничего живописнаго, плоски и однообразны. Мы скоро минули Коморнъ, городъ съ сильнымъ укрѣпленіемъ, основанный Матеемъ Корвиномъ при впаденіи Вага въ Дунай, имѣющей теперь до 17 тыс. жителей, которые гордятся тѣмъ, что крѣпость ихъ никогда не была взята. На одной изъ улицъ стоитъ каменная статуя, съ надписью—*Comi mori*, т. е. приходи завтра (а сегодня не возмешь).—Городокъ Гранъ (съ 12 тыс. жит.), славянскій Остригомъ, обращаетъ вниманіе строющагося церковію, большаго размѣра, основанною еще венгерскимъ примасомъ Руднайемъ за 25 лѣтъ предъ симъ. Постройка было остановилась за неимѣніемъ средствъ, но теперь снова начата. Это огромное зданіе итальянскаго стilia, съ куполомъ и портикомъ о 38 колоннахъ, внутри поддерживается 34 столбами и выложено полированнымъ краснымъ мраморомъ. Остригомъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь принялъ святое крещеніе король Стефанъ святой отъ рукъ Славянина Войтѣха, для котораго въ 1001 г. учредилъ Остригомскую епархію. Бонфиній въ своей исторіи говоритъ, что король Стефанъ никогда не разлучался съ Войтѣхомъ, во всемъ слѣдовалъ наставленіямъ и примѣру святаго мужа и самъ объявлялъ, что имѣетъ въ немъ единственнаго руководителя, которому обязанъ своими добрыми дѣлами. Въ послѣдствіи Войтѣхъ (извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ Адальберта) оставилъ свою епископію

и погибъ мученическою смертію въ Пруссіи, проповѣдуя Слово Божіе язычникамъ. Такимъ образомъ Венгрія обязана Славянину еще однимъ изъ величайшихъ благъ — окончательнымъ торжествомъ христіанской вѣры. Меодій помощью славянскаго языка сдѣлалъ ее доступною для обитателей Велико-Моравскаго царства, занимавшаго до конца IX ст. почти всю нынѣшнюю Венгрію; Войтѣхъ (въ 995 г.) обратилъ въ ея лоно главу новыхъ пришельцевъ, Мадьяровъ, сына Гейзы, Стефана, знаменитаго въ дѣтностяхъ страны.

Отъ Вышеграда, нѣкогда славнаго, осталось нѣсколько бастіоновъ и башенъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна одна, въ шесть ярусовъ, на верхушкѣ крутаго утеса, называемая Соломоною; въ ней былъ заключенъ король Соломонъ своимъ родственникомъ Владиславомъ, въ концѣ XI стол. Въ ней же лишился жизни Фелиціанъ Цахъ, покушавшійся на жизнь королевскаго семейства. — Вышеградъ достигъ наибольшаго блеска при Матѳеѣ Корвинѣ, употреблявшемъ значительныя суммы на украшеніе города; окружные голые утесы были имъ превращены въ прелестныя гульбища, такъ что одинъ папскій легатъ, посѣтивъ это мѣсто, назвалъ его земнымъ раемъ. Но отъ всего этого не осталось теперь слѣда. Въ 1529 году Турки разорили Вышеградъ, предводимые Солиманомъ; съ ихъ легкой руки мусульмане и христіане наперерывъ старались уничтожить всѣ остатки прежняго величія. Наконецъ императоръ Леопольдъ приказалъ срыть укрѣпленія. Упомянутая башня, отличающаяся живописнымъ видомъ, цистерна и комната, гдѣ прежде хранились королевскія драгоценности, — вотъ все, что показываютъ любопытствующему путнику.

Минуя Вайценъ, я имѣлъ случай видѣть образчикъ венгерской реставраціи, т. е. собранія дворянъ для выбора

новыхъ чиновниковъ мѣстнаго правленія. Это не болѣе, какъ толпа мужиковъ въ свиткахъ, или просто въ бѣлыхъ сорочкахъ, подпоясанныхъ иногда заржавленными саблями (такъ называемыхъ кортешовъ), которые сошлись въ корчму и кричатъ во все горло Ъленъ—да здравствуетъ, или осыпаютъ ругательствами предлагаемаго кандидата, смотря по желанію заплачившаго имъ предводителя. Это полупьяное общество напомнило мнѣ шумныя компаніи, собирающіяся въ нашихъ малоросійскихъ шинкахъ при возвращеніи крестьянъ съ торгу.

Подъ вечеръ раздались выстрѣлы съ парохода, возвѣстившіе наше прибытіе въ Пешть, расположенный на лѣвомъ плоскомъ берегу Дуная. На возвышенностяхъ праваго берега лежитъ Буда, соединенная съ Пештомъ деревяннымъ мостомъ *). Положеніе ея самое живописное: дома возвышаются амфитеатромъ по крутымъ скатамъ, нисходящимъ къ рѣкѣ; въ другихъ мѣстахъ эти скаты украшены зеленью садовъ. На вершинѣ крутизны, называемой Шлосбергъ, стоитъ дворецъ палатина. Рѣдко можно найти видъ, какой представляется съ терасы дворца, которую я посѣтилъ на другой день: внизу свѣтлѣетъ широкою полосою рѣка, обнимая лѣвѣе островъ Маргариты и другія, подобныя огромнымъ пловучимъ корзинамъ зелени; на другой сторонѣ отражались въ ея зеркалѣ величественныя строенія набережной Пешта; направо вы видите крутизны Буды, усѣянныя бѣлыми домами. Этотъ очаровательный видъ можетъ стать на ряду съ лучшими въ мірѣ; любуясь имъ, я думалъ о влеченіи къ изящной природѣ у Славянъ, выбиравшихъ почти всегда для своихъ поселеній живописное мѣстоположеніе.

*) Въ старину то и другое называлось по-славянски безъ различія Пещь и Буда.—Пришедшіе Нѣмцы сдѣлали изъ Пещи—Пешть, а названіе Буды удержалось для другой части города.

Въ послѣднее время Пешть далеко превзошелъ Буду людностію, числомъ и красотою зданій; можно сказать: вся жизненная дѣятельность перешла туда, тамъ движется мелочная торговля, тамъ живетъ современное поколѣніе, котораго характеръ соотвѣтствуетъ самой мѣстности — плоской, однообразной, прозаической.

Въ Пештѣ, — столицѣ Венгріи, этомъ палладіумѣ мадьяроманіи, которому она въ своихъ восторгахъ пророчить будущность Парижа и Лондона, — самый замѣчательный человѣкъ для каждаго Славянина есть, безъ сомнѣнія, Янъ Колларъ, поэтъ, проповѣдникъ, разыскатель славянскихъ древностей и корнесловъ *). Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей, которые постигли умомъ и сердцемъ, что пришло для Славянъ время снова напомнить Европѣ о своемъ существованіи, и отдали всю свою жизнь служенію этой мысли. — Я провелъ съ Колларомъ всего одинъ вечеръ; но его образъ и разговоръ вѣзались въ моей памяти. Съ перваго взгляда я не узналъ пылкаго поэта и ученаго, всегда увлекающагося, въ человѣкѣ преклонныхъ лѣтъ, почти дряхломъ, маленькаго роста; но когда изъ подъ зеленаго зонтика, надѣтаго на глаза, сверкнулъ его живой взглядъ, когда разговоръ, послѣ обычныхъ

---

*) Колларъ родомъ Словакъ, изъ Турчавскаго комитата; но всѣ его произведенія за исключеніемъ проповѣдей писаны на чешскомъ нарѣчій, которое еще со времени гуситскихъ выходцевъ въ Венгрію сдѣлалось почти исключительнымъ книжнымъ языкомъ Словаковъ реформатскаго исповѣданія; между тѣмъ какъ поклонники латинства удержали свое народное словацкое. Это раздвоеніе сдѣлалось чувствительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Штуръ сталъ издавать словацкую газету, за что подвергся сильному порицанію Коллара, стремящагося сгладить по возможности различія. На которой сторонѣ право, это вопросъ важный; его рѣшить со временемъ духовная сила обоихъ племенъ — Чеховъ и Словаковъ.

привѣтствій, затронулъ чувствительныя струны, тогда старикъ преобразился, голосъ его сдѣлался звучнымъ и сильнымъ, и все существо вполне соответствовало умной и энергической рѣчи. Колларъ всего болѣе говорилъ о путешествіи своемъ въ Среднюю Италію, составляющемъ какъ бы продолженіе его поѣздки по Италіи Сѣверной *; онъ съ одушевленіемъ убѣжденія исчислялъ мнѣ слѣды, найденныя имъ на римской и этрусской почвѣ, убѣждающіе въ сродствѣ древнихъ Этрусковъ, Вольсковъ, Сабинцевъ съ предками Славянъ. Теперь онъ занимается историческими и археологическими изслѣдованіями для разъясненія своихъ наблюденій, и самыя убѣдительныя доказательства выводитъ изъ необыкновеннаго сходства религіозныхъ вѣрованій тѣхъ племенъ съ славянскими. Нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ дѣйствительно поразительны, но я не смѣю привести ихъ здѣсь: трудъ столь обширный, подкрѣпленный огромною начитанностію и рѣдкими свѣдѣніями, долженъ быть судимъ только въ своей полнотѣ и зрѣлости, тѣмъ болѣе, когда онъ проявляетъ мысль совершенно новую, — иные, можетъ быть, скажутъ несбыточную; но многое, что казалось несбыточнымъ, признавалось въ послѣдствіи за истинное, а пользовавшееся признаннымъ правомъ гражданства оказывалось нелѣпостію.

Въ настоящее время изъ произведеній Коллара наибольшую и заслуженную славою пользуются его проповѣди (два толстые тома) и поэма Дочь Славы (Slavy Dcera). Здѣсь не надо разумѣть проповѣдь въ смыслѣ духовнаго слова православной Церкви: Колларъ, какъ пасторъ реферматскій, употребилъ проповѣдь орудіемъ народно-прав-

---

*) См. Cestopis obsahujici cestu do herti Italie etc., od Jana Kol-lára, w Pesti, 1843.

ственнаго поученія; въ пей онъ связалъ наставленіе съ цѣлью національною; онъ часто говоритъ съ церковной каюедры о прежнихъ судьбахъ Славянъ, о великихъ и замѣчательныхъ мужахъ ихъ исторіи, о священной обязанности каждаго хранить завѣтъ своихъ предковъ, хранить свой языкъ и духовный составъ, какъ даръ Бога, который въ разумной Своей волѣ распредѣляетъ его народамъ. Колларъ приложилъ къ изданію своихъ проповѣдей даже портреты славянскихъ знаменитостей, чтобы сдѣлать нагляднымъ образъ ихъ для своихъ слушателей. Полный успѣхъ увѣнчалъ усилія проповѣдника; его паства, хотя немногочисленная, проникнута сознаниемъ народнаго духа, и, что не менѣе важно, этотъ характеръ народности особенно способствовалъ къ утверженію началъ доброй нравственности и хорошихъ правилъ, потому что проповѣдникъ говорилъ отъ сердца, съ глубокимъ чувствомъ двойнаго братства съ предстоящими—по духу и по плоти.

Какъ дѣятель славянскій, Колларъ произвелъ эпоху изданіемъ своей поэмы — Дочь Славы. Шафарикъ своимъ превосходнымъ историческимъ сочиненіемъ (Славянскія Древности) положилъ прочное, широкое основаніе славянской взаимности въ ея племенномъ корнѣ; Колларъ одушевилъ, воспламенилъ разрозненные члены великаго семейства къ одной общей любви, къ общему сочувствію. Онъ вызвалъ всѣ историческія воспоминанія славянскаго міра, большею частію, грустные плоды разъединенія, и, опираясь на нихъ, провозгласилъ любовь и миръ единственнымъ фаросомъ спасенія. Не для возбужденія вражды и ненависти къ иноплеменникамъ исчисляетъ онъ бѣдствія, претерпѣнные роднымъ племенемъ отъ сосѣднихъ народовъ, а для урока потомкамъ. Его сонеты вылились въ первую, юную пору всеславянскаго увлеченія, когда поклонникамъ идеи возрожденія казалось возможнымъ сов-

лечья мѣстнаго характера своего отечества, для того, чтобы стать идеальными Славянами. Обаяніе было такъ сильно, что многіе забывали свою ближайшую родину, создавая въ своемъ воображеніи идеальный міръ Славянства, долженствующій поглотить все частности. Лирическія изліянія Коллара носятъ на себѣ вездѣ слѣдъ этого поэтическаго заблужденія, которое, имѣя основаніемъ глубокое пламенное чувство, принесло самый благодѣтельный плодъ: стремясь быть Славяниномъ, каждый обратился къ своему народному духу.

Чтобы ближе познакомить васъ съ произведеніемъ Коллара, я изложу его содержаніе. Названное поэмою, оно состоитъ изъ собранія сонетовъ (числомъ 613) и раздѣлено на пять частей; первыя три носятъ названія рѣкъ западныхъ славянскихъ племенъ: I. Сала, II. Лабъ (Эльба), Ренъ (Рейнъ), Влтава (Молдау), III. Дунай. Послѣднія двѣ названы именами мифологическихъ потоковъ древности: IV. Лета, V. Ахеронъ.—По разнообразію, которымъ изобилуетъ содержаніе поэмы, по богатству лицъ и происшествій, описаній и изліяній личнаго чувства, которыя соединены въ ней, несправедливо было бы требовать отъ поэта строгаго единства, которое по классическому преданію мы привыкли связывать съ названіемъ поэмы. Вообще складъ славянскаго воображенія не можетъ безъ усилія подчинить себя тѣмъ размѣреннымъ, симметричнымъ формамъ, въ которыхъ вылился характеръ народовъ классическихъ. Вдохновеніе Славянина уносится даже своенравнѣе и прихотливѣе, нежели романтическая фантазія Германца и Британца. Ему нужны безпрестанныя отступленія, безпрерывныя обращенія внутрь себя и къ самымъ дальнимъ предѣламъ видимаго и невидимаго міра. Такъ и у Коллара нерѣдко съ трудомъ слѣдишь за быстрыми переходами: это, повидимому, произвольный полетъ мысли, которой тѣнь связы-

вается иногда незамѣтными нитями, но вездѣ господствуетъ одно чувство. Первая пѣснь почти вся посвящена идеальной любви поэта къ своей героинѣ, въ которой олицетворилось для него все прелестное, очаровательное, заключающееся въ славянской женщинѣ, хранительницѣ патриархальнаго быта предковъ. Въ самыхъ разнообразныхъ—то игривыхъ, то грустныхъ выраженіяхъ—высказывается эта любовь, какъ очаровательное радужное воспоминаніе юности. Въ этомъ отдѣлѣ Колларъ часто напоминаетъ грацію Петрарки и заставляетъ извинить непрочную связь, соединяющую эти сонеты съ остальнымъ содержаніемъ стихотворенія. Наконецъ, онъ самъ чувствуетъ, что надо покинуть возлюбленную, чтобы отдать всего себя любви къ милой родинѣ, и, посвятивъ нѣсколько прелестныхъ сонетовъ грустному чувству разставанія, отправляется въ путь въ сопровожденіи Милка, олицетворяющаго его любовь.

II. Пѣснь—Лабъ, Ренъ, Влтава. Поэтъ переносится въ страну Полабскую, въ страну Лужицкихъ Сербовъ, Вильцевъ, Кашубовъ, Славянъ Поморскихъ, населявшихъ нѣкогда нынѣшнюю Пруссію. Эти земли, нѣкогда бывшія поприщемъ безчеловѣчныхъ войнъ, коварствъ, насилія нѣмецкихъ предводителей и гибели племенъ славянскихъ, представляютъ на каждомъ шагу горестныя и ужасающія воспоминанія. Тутъ являються мучители Славянъ—Геро, маркграфъ въ Лужицахъ, убившій измѣннически многихъ князей и завладѣвшій строною до Одера,—Конрадъ, Генрихъ Птицеловъ *). Далѣе вызываются изъ мрака забве-

*) Эти страшныя событія продолжались нѣсколько вѣковъ, начиная съ IX стол., и кончились совершеннымъ уничтоженіемъ и истребленіемъ Славянъ Полабскихъ и Поморскихъ, составлявшихъ до того самостоятельный и многочисленный народъ. Вотъ что говоритъ нѣмецкій историкъ Гебгарди: «Владѣльцы часто поступали очень жес-

нія старые начальники Славянъ Полабскихъ, большею частію, погибшіе въ борьбѣ съ Саксонцами и Франками. Поэтъ переносится на Поморье, вспоминаетъ склонность Славянъ къ земледѣлію,—тѣ счастливыя времена, когда они, въ тишинѣ своего семейнаго быта, не знали и орудій насилія, когда собственность охранялась одною честностію и вѣрностію однимъ словомъ, когда жизнь ихъ текла въ изобиліи и довольствѣ *). Онъ посѣщаетъ знаменитую Ви-

токо съ поселянами, своими рабами; они выгоняли ихъ изъ домовъ вагихъ, какъ существа презрѣнныя, или продавали по-одиночкѣ и цѣлыми семействами торговцамъ невольниками, приходившимъ съ Востока». *Gesch. d. Wenden*, Т. II, с. 324.

*) *Gebhardi, Gesch. d. Wenden*, Т. I, с. 43. «Земледѣліе такъ процвѣтало у Вендовъ, что ихъ начали считать въ Германіи испу-бѣйшими людьми для обработки песчаныхъ земель. Владѣльцы изъ Фульда, Вюрцбурга, Магдебурга, Люнебурга, Байреута, Пфальца и Гогенлое, переселяли на свои пустыри большое число Вендскихъ коловнистовъ, или старались привлечь ихъ разными выгодами». — *Herders Ideen, etc. Carlsruhe*, 1792. Т. 4, с. 37: «Славяне селились и на земляхъ, оставленныхъ другими, воздѣлывая ихъ, какъ колонисты и землепашцы, или пользуясь ими, какъ пастухи. Ихъ тихая, трудолюбивая жизнь была благодѣтельна для странъ, опустошенныхъ завоеваніемъ или переселеніями народовъ. Они были преданы сельскому хозяйству, имѣли стада и запасы хлѣба, ткали холстъ, сажали плодовые деревья». — *Lutzov, Gesch. v. Mecklenburg, Berlin* 1828, с. 15: «Между тѣмъ какъ народы германскіе кровавыми, опустошительными войнами распространяли рабство, смерть и гибель, трудолюбивые Венды довольствовались новопріобрѣтенными землями, занимаясь ихъ воздѣлываніемъ и обработкою». — Колларъ въ своихъ примѣчаніяхъ приводитъ множество свидѣтельствъ разныхъ писателей въ пользу того, что Славяне были основатели хлѣбопашества въ Европѣ; но одинъ авторитетъ Гердера долженъ быть достаточною тому, кто бы не хотѣлъ выикнуть въ подробности. Въ жизни Св. Оттова говорится, что Славяне Поморскіе до того отличались честностію, что никогда не запирали ни денегъ, ни что имѣли драгоценнаго, и очень удивились, увидя замки на ящикахъ у епископа. Гельмольдъ пишетъ, что у нихъ не встрѣчалось нищихъ и про-

нету (Юлинь или Юмбургъ, по новѣйшему розысканію Шафарика) нѣкогда средоточіе обширнѣйшей торговли, лежавшую на островѣ въ устьѣ Одера и разрушенную Датчанами въ началѣ IX стол. Переносится на Рюгенъ, въ Аркону, въ этотъ палладіумъ славянскаго языческаго вѣрованія, гдѣ ему предстаютъ образы Святовида—обладателя всѣхъ благъ земныхъ, Руевита—бога войны, седмиобразнаго, вооруженнаго восьмью мечами. Воспоминаніе о Ретрѣ *) внушило поэту одинъ изъ лучшихъ сонетовъ (185):

«Пустынное пепелище славной Ретры! я сижу на твоихъ заросшихъ развалинахъ, какъ Марій на печальныхъ обломкахъ Кареагена. Девять воротъ, мость, островъ, озеро, покрытое судами, и твой Радогость, и въ капищахъ идолы, — какъ мнѣ все это живо рисуетъ воображеніе! О, еслибъ я былъ Амфіономъ Оивскимъ, — мгновенно воздвигъ бы твои обломки зиждительною силой! И еслибы я былъ Девкаліономъ, изъ всѣхъ этихъ камней быстро родились бы Славяне!»

Поэтъ посѣщаетъ Старгородъ (нынѣ нѣмецкій Ольденбургъ), нѣкогда столицу Оботритовъ, и Мекленбургъ, покинутый Нѣмцами и занятый Вендами (Славянами), въ послѣдствіи онѣмечившимися, котораго герцогскій родъ, древнѣйшій въ Германіи, несомнѣнно ведетъ начало свое отъ славянскаго Прибислава, въ 1170 г. объявленнаго имперскимъ княземъ.

Послѣ кровавыхъ, возмутительныхъ воспоминаній, обступившихъ поэта въ этихъ странахъ, которыя можно назвать славянскимъ кладбищемъ, онъ говоритъ слово примиренія (сон. 202).

шаконъ, и что присяга почти не допускалась, потому что клятву считали признакомъ лжи.

*) Городъ этотъ находился на Толлензе, на девяти островахъ. Первый разъ сожженъ импер. Оттономъ I въ 955 г., возобновленный, разоренъ снова Генрихомъ Львомъ въ 1150 г.

«Еслибы Небо-внимало всѣмъ добрымъ желаніямъ своихъ дѣтей и осуществляло ихъ на нашей дольней землѣ, не убійствъ, подобно Ироду, и не господства надъ дальними краями жаждалъ бы я, я бы желалъ вычеркнуть четыре столѣтія изъ жизни Нѣмцевъ,—то печальное для человѣка время, когда длилось истребленіе Вендовъ отъ Карла и до Генриха Льва. Одинъ началъ, другой покончилъ, и наше племя почти пол-тысячелѣтія стонало въ мукахъ.»

* * *

(Сон. 204): «По истинѣ великимъ несчастіемъ было онѣмеченіе Славянъ: оно подавило нравственныя силы Нѣмцевъ, а намъ навлекло невозвратимыя потери. Но да не будутъ наши жалобы строптивымъ воплемъ противъ законовъ Провидѣнія,— не намъ судиться съ Небомъ. Горькія событія печальнаго времени пусть служатъ намъ не для мести надъ другими, а вящимъ побужденіемъ къ развѣтїю. Ихъ употребляетъ иногда Всевышній, чтобы возбудить народы къ новой жизни.»

Поэтъ приходитъ на берега Рейна, котораго волны, кроваваго цвѣта, багрятъ Нѣмецкое море. Онъ спрашиваетъ, что это значить? Ему отвѣчаютъ, что это съ тѣхъ поръ, какъ прахъ сожженнаго Гуся брошенъ въ Рейнъ. Съ приближеніемъ къ Костницу (Констанцу) его поразилъ огромный огненный столбъ, возвышавшійся до неба на мѣстѣ бывшего Гусева костра: вода окрестныхъ источниковъ, озеръ и всего Рейна не можетъ загасить пламени.—Со слезами радости и горя онъ вступаетъ въ Чешскую землю; изображаетъ ее въ видѣ прекрасной женщины, одѣтой въ рубище, съ разноцвѣтными заплатами чужихъ племенъ, ее населяющихъ. Мѣстамъ, знаменитымъ своими воспоминаніями, посвящены прекрасныя сонеты; въ числѣ первыхъ Нюрембергъ, гдѣ императоръ Карлъ IV на сеймѣ 1356 гора издалъ Золотую Буллу (собраніе главныхъ законовъ имперіи), которою между прочимъ поставлено курфирстамъ въ обязанность учить дѣтей своихъ по-славянски; Будечь,

гдѣ находилась еще во времена язычества знаменитая школа, привлекавшая все юношество Чехи; Стадица, отечество Пршемысла, гдѣ послы Любуши, избравшей его себѣ мужемъ и княземъ народу, застали его за плугомъ на полѣ. Завидѣвъ Бѣлую гору *), поэтъ бѣжитъ отъ нея съ ужасомъ и переносится въ Прагу, гдѣ гробы Оттокара, Войтѣха и Тихо-де-Браге. «Уже померкъ твой золотой скипетръ», говоритъ онъ, «и ушербленный мечъ, отъ котораго дрожали Татры, Бальтъ и Римъ, лежитъ отупѣлый; но вѣчно ты будешь храмомъ славы, красиво-брегая соперница Нѣмцевъ, побѣдившая въ самомъ униженіи». Близъ моста Пражскаго является златорогій олень, хочетъ вскочить на мостъ, но Милекъ, спутникъ поэта, преобразившись въ ловчаго, убиваетъ его изъ лука. Было преданіе, что придетъ время, когда настоящій Чехъ будетъ такою же диковиною на мосту Пражскомъ, какъ и олень съ золотыми рогами. Милекъ предлагаетъ вести поэта по всей Чехи, къ его друзьямъ, показать ему все, что есть замѣчательнаго, но онъ отказывается «neb zde basniti ne smim, a jak smim tak pescei».—Поэтъ переносится въ Моравію, на гору Радоштъ; оттуда взоръ его устремляется къ Ольмюцу, на поле, гдѣ нѣкогда Ярославъ Звѣздогорскій (25 іюня 1241 г.) уничтожилъ съ малочисленною ратью страшную силу Татаръ, грозившую порабощеніемъ Европѣ;—въ Бриъ, на могилу мужа, славнаго въ славянской, наукѣ: «рожденный въ Угріи, онъ жилъ у Чеховъ, посѣ-

*) Извѣстно, что Бѣлогорская битва (1620 г.) была одною изъ тѣхъ, которыя рѣшаютъ судьбу государствъ; на ней былъ уничтоженъ на нѣсколько столѣтій цѣлый народъ. Вслѣдъ за этимъ несчастнымъ сраженіемъ 36,000 семействъ выселились изъ Богеміи, между ними 1,088 дворянскихъ. Эти выходцы разнесли по Сѣверной Германіи знанія, ремесла и промышленность, которыя отъ того времени ведутъ начало своего процвѣтанія у Нѣмцевъ.

тилъ Россію и Польшу, умеръ на Моравѣ, чтобы сдружить наши племена. На этомъ алтарѣ Добровскаго клянитесь, потомки, въ вѣчной любви къ Славѣ!—Надъ развалинами замка Кралицы поэтъ видитъ семь звѣздъ вокругъ яснаго мѣсяца, на которомъ блестятъ слова Жеротинъ: это благочестивые мужи, посвятившіе четырнадцать лѣтъ на переводъ Священнаго Писанія, Ветхаго и Новаго Завета, на чешскій языкъ и выполнившіе это дѣло съ рѣдкимъ совершенствомъ. Во все время они жили въ замкѣ Жеротина, который устроилъ у себя типографію, и на свой счетъ великолѣпно издалъ священныя книги (1579—1693). Взоръ поэта проникаетъ до береговъ Вислы, потому еще далѣе (сон. 255).

«Какъ величественно блещетъ твой златобашенный Кремль, святая Москва! Дивно и ярко сіяетъ весь свѣтлый Сѣверъ твоею красою! Но вотъ Слава бросаетъ огонь на роскошный дворецъ Растопчина; сыплетъ искры, развѣваетъ пламя по необъятному городу. Молю, свѣтлая Мати, скажи, что побудило тебя къ такому страшному дѣлу? «Я зажгла свѣточъ, чтобъ и слѣпцы наконецъ узнали меня и моихъ дѣтей!»

Вторая пѣснь заключается призывомъ къ общеславянскому сочувствію и возбужденіемъ надеждъ на будущее:

«Конечно, другіе идутъ путемъ удобнѣйшимъ, мы подвигаемся съ большимъ трудомъ и позади отъ нихъ; но за то мы моложе. Намъ извѣстно, что совершили другіе, а отъ нихъ сокрыты страницы, гдѣ написаю наше будущее.»

«Пѣснь III—Дунай. Поэтъ, въ сопровожденіи Мидка и Ратгоста, плыветъ по Дунаю: ему представляютъ—памятникъ Собіесскому, близъ Вѣны, утесистый Дѣвинъ, мѣсто-пребываніе несчастнаго Ростислава; онъ посѣщаетъ Татранскій Вратиславъ (Пресбургъ), Нитру, гдѣ на горѣ Соборъ

приноситъ жертву богамъ, по обычаю предковъ, и наконецъ родину свою—мѣстечко Мошовцы, въ Турчанскомъ комитатѣ. Чувство любви еще сильнѣе разгарается въ немъ при видѣ давно знакомыхъ мѣстъ, но онъ посвящаетъ и Славянству нѣсколько прекрасныхъ сонетовъ (269):

«Народъ Славянскій, мнѣ кажется, подобенъ тихой рѣкѣ, медленно, но мощно стремящейся къ своей цѣли. Преграждать ли горы ей путь,—она обходитъ ихъ и течетъ равниною, превращаетъ въ вертоградъ пустыню, приноситъ тихую благодать городамъ. Другіе же народы, какъ потокъ стремительный, съ шумомъ и плескомъ, прокладываютъ себѣ дорогу; когда же спадутъ ихъ мутныя волны,—луга обращены въ трясины, села въ развалины печальныя, и люди бродятъ въ нищетѣ.»

* * *

(Сон. 271) «Когда мой духъ смущали эти мысли, я воскликнулъ: О, еслибъ наши разныя племена были золото, серебро, металлы, я бы вылилъ изъ всѣхъ одно изваяніе: Русскіе были бы его головою, Ляхи грудью, Чехи рамена и руки, изъ Сербовъ я бы сдѣлалъ двѣ ноги; меньшія вѣтви Виндовъ, Лужичъ, Слезанъ, Хорватовъ, Словаковъ, я растопилъ бы на вооруженіе и одежду; предъ моимъ великаномъ Европа преклонила бы колѣна, челомъ возносился бы онъ выше облакъ, и земля бы дрожала подъ его стопами!»

Поэтъ съ благоговѣніемъ минуетъ Остригомъ (Грань), гдѣ Войтѣхъ крестилъ будущаго короля венгерскаго, Стефана, и посѣщаетъ въ Будинѣ развалины храма Сигизмундова, гдѣ нѣкогда отправлялась служба на чешскомъ языкѣ Іеронимомъ. Въ Веспримѣ, еще до прихода Мадьяровъ столицѣ славянскихъ князей, въ недавнее время бывшемъ свидѣтелемъ варварства Мадьяровъ надъ Славянами *), онъ не можетъ удержать своего негодованія:

*) Здѣсь нѣсколько человѣкъ Словаковъ были схвачены, посажены въ тюрьму и подвержены тѣлесному наказанію за то, что не хотѣли присутствовать на мадыарскомъ богослуженіи, котораго они не понимали.

(Соп. 287) «Вы говорите: «законъ повелѣваетъ Славянину отречься отъ своего языка въ Венгріи!» Но кто выдумалъ этотъ законъ?—Люди! Или это важнѣе, нежели воля Божія?—Законъ Божескій обѣтовалъ всѣмъ народамъ миръ и справедливость, и внушилъ каждому цѣнить свое слово дороже всего. Неужели воля человѣческая, временная, конечная, напыщенная незаслуженною гордостію, можетъ отмѣнить волю безконечную, вѣчную, Божескую? И что должно болѣе любить существо разумное: мертвую ли, малую, неодушевленную родину, или народъ великій, живой, надѣленный высокими духомъ?»

Поэтъ переносится на берега Блатона, въ область, нѣкогда принадлежавшую Привину и Гезилу, въ замокъ Мозбургъ, ознаменованный пребываніемъ Меодія; потомъ въ Корутанію (Каринтію), гдѣ ему открывается необыкновенное зрѣлище: тамъ въ открытомъ полѣ, съ торжествомъ, какъ подобаетъ королю, былъ привѣтствуемъ поселянинъ, сидящій на огромномъ камнѣ; онъ предписывалъ правила князю, одѣтому простолудиномъ и стоявшему предъ нимъ въ кругу блестящей свиты; приказывалъ ему быть защитникомъ христіанской вѣры, заботиться о благѣ отечества, оберегать права каждаго,—словомъ, быть достойнымъ своего званія. Получивъ на все утвердительное обѣщаніе, поселянинъ уступилъ ему свой тронъ *).

Поэтъ посѣщаетъ Бѣлградъ, Пештъ, страну Словаковъ, наконецъ разстается съ своимъ вожатымъ и отправляетъ его къ возлюбленной. Онъ предается своимъ любовнымъ воспоминаніямъ, которымъ посвящена почти вся вторая половина этой пѣсни, и заключаетъ изліаніями грусти и намеками на переселеніе милой въ лучшій край, на небо. Эти мечтанія влюбленнаго, въ своей отрывочности, имѣютъ

*) Обычай этотъ дѣйствительно наблюдался въ Каринтіи, при вступленіи на престолъ новаго герцога, даже до конца XVII в.

много истины, много высоко-поэтического; они не ограничиваются однимъ предметомъ, ихъ внушающимъ, но обхватываютъ цѣлый міръ, приводятъ къ самымъ разнообразнымъ настроеніямъ, которыя гармонически совпадаютъ въ одномъ чувствѣ—любви къ Славянству:

(Сон. 322). «Я самъ иногда думалъ, что не буду уже протявиться своей судьбѣ, ни бороться съ могучимъ рокомъ, гнетущимъ мое племя. Вѣрно я создалъ себѣ обманчивый призракъ, которому не хочется подчиниться ходъ земныхъ событій; и кто дерзнетъ сказать премудрому Богу—сдѣлай то-то? Но, у кого есть благородное сердце, берегись, какъ змія, этого недостойнаго изворота низкихъ мудрователей: Всевышній, назначивъ судьбы міру, сдѣлалъ людей ихъ дѣтьми, а не слугами.»

* *

(Сон. 374). «Что-то будетъ изъ насъ, Славянъ, черезъ сто лѣтъ? Что-то станетъ съ цѣлою Европой? Славянская жизнь, подобно разливу, наводнитъ всѣ страны; и эта рѣчь, которую нѣмецкіе мудрецы считали приличною рабамъ, будетъ звучать подъ сводами дворцовъ, изъ устъ самихъ враговъ ея. Науки также потекутъ славянскимъ русломъ; одежда, пѣсни, обычаи народа нашего сдѣлаются модными на Сенѣ и Лабѣ (Эльбѣ). О, зачѣмъ я не родился въ то время славянскаго господства! но я встану тогда еще разъ изъ гроба.»

IV и V пѣсни заключаютъ описаніе славянскаго, разумѣется, поэтическаго, рая и ада *).

---

*) Ихъ содержаніе было также подробно изложено вслѣдъ за симъ, но неумолимая цензура того времени не пропустила разбора этихъ пѣсней, найдя ихъ, какъ по формѣ (рай и адъ), такъ и по подробностямъ не позволительными къ печати. Между тѣмъ, какъ эти пѣсни наиболѣе интересны множествомъ воспоминаній, относящихся къ прошедшему Славянъ, и богатствомъ поэтической фантазій. Нельзя впрочемъ не удивляться, что до сихъ поръ Поема Коллара не переведена на русскій языкъ. Прим. 70 г.

Вотъ вамъ бѣглый обзоръ поэмы Коллара; я могъ представить въ немъ одинъ островъ, однѣ существенныя черты; подробности же картинъ и образовъ и самый колоритъ его кисти вы можете узнать только изъ подлинника. Здѣсь столько разнообразія, что врядъ ли общее изложеніе можетъ совокупить все въ одинъ очеркъ; и столько оригинальности, что для насъ, воспитанныхъ произведеніями классическихъ и западныхъ поэтовъ, вращающихся въ кругозорѣ ихъ вдохновенія, трудно составить себѣ о ней ясное понятіе безъ нагляднаго знакомства съ самимъ твореніемъ. Не буду готовить вашего мнѣнія какимъ бы то ни было разсужденіемъ о немъ; скажу только, что подъ своею наружною отрывочностью оно заключаетъ въ себѣ полный очеркъ древней славянской жизни, который дѣлается доступенъ только тогда, когда усвоишь себѣ всѣ, по видимому, бѣглыя черты. Эта картина древняго славянскаго міра, вызванная изъ мрака невѣдѣнія и забвенія, прекрасно и тепло освѣщена лучами современнаго славянскаго возрожденія, пробудившаго въ душѣ поэта всѣ завѣтныя его думы, всю завѣтную любовь. Откликаясь на всѣ жизненные вопросы своихъ соплеменниковъ, Колларъ рѣшаетъ ихъ со страстію поэтическаго и братскаго увлеченія; но несправедливо было бы требовать строгаго отчета въ этихъ рѣшеніяхъ: поэзія не есть ученіе, она не выводъ, а радужное преломленіе лучей жизни. Поэтъ можетъ вдохновляться явленіемъ, а не слѣдствіемъ: пусть онъ плачетъ надъ явленіемъ необходимымъ или неизбѣжнымъ, пусть радуется маловажному или скоропреходящему,—въ его воплѣ и въ его радости вѣрно слышится глубокой человѣчскій голосъ, на который отзовутся самыя благородныя струны нашей души.

ВСТАВКА 1855 ГОДА.

Посѣтивъ Пожунъ и Пешть, я отправился далѣе внизъ по Дунаю, съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ (извѣстнымъ издателемъ сербскихъ пѣсень и сербскаго словаря), былъ въ Новомъ Садѣ и Дольнемъ Кралевцѣ, гдѣ познакомился съ почтеннымъ православнымъ митрополитомъ Раяичемъ; потомъ побывалъ въ фрушкогорскихъ монастыряхъ, въ которыхъ меня принимали съ удивительнымъ радушіемъ, точно какъ у насъ въ Малороссіи. Въ одномъ изъ монастырей видѣлъ я тѣло послѣдняго сербскаго царя Лазаря, погибшаго на Коссовомъ полѣ, и удивлялся его огромному росту. Переѣхавъ черезъ Дунай, я посѣтилъ Бѣлградъ. Не могу не вспомнить здѣсь съ благодарностью о любезной предупредительности тогдашняго нашего консула Данилевскаго. Онъ возилъ меня къ княгинѣ сербской (князя не было въ это время въ городѣ). Тогда она была молодая, очень красивая женщина, принимала насъ въ сербской кофточкѣ и сербскомъ головномъ уборѣ, и говорила довольно хорошо по-русски. Былъ я съ Данилевскимъ и у бѣлградскаго паши, гдѣ видѣлъ полинялое величіе турецкое, курилъ трубку и пилъ кофе по-турецки, какъ вездѣ въ Бѣлградѣ. Помню нѣсколько Петронѣвича, завѣдывавшаго иностранными дѣлами, и Вучича,

предводителя народа, какъ его называли. Оба преумные люди.—Изъ Бѣлграда я поѣхалъ на пароходъ вверхъ по Савѣ, составляющей границу между Австріею и Турціею. Съ удовольствіемъ и теперь вспоминаю о свѣжей зелени ея береговъ и о живописныхъ постройкахъ и костюмахъ жителей на турецкомъ берегу: въ томъ и другомъ для Европейцевъ сравненіе было очень не выгодно. Тутъ я выходилъ нѣсколько разъ на венгерскій берегъ, чтобы посмотрѣть на населеніе Военной Границы: видные, статные люди и очень красивыя женщины, но почти всѣ офицеры Нѣмцы.—Наконецъ я пріѣхалъ въ Загребъ (Аграмъ), гдѣ засталъ Ч.; здѣсь провели мы нѣсколько дней, въ кругу нашихъ пріятелей Хорватовъ, съ которыми только что познакомились и, какъ обыкновенно, подружились.

Воротившись въ Вѣну изъ Загреба, я пробылъ въ ней еще мѣсяца два, и пустился въ обратный путь на Пресбургъ, Нитру, Шемницъ, Быстрицу и, черезъ Карпаты, Краковъ, Львовъ и Броды въ Россію. О поѣздѣ черезъ Словакію сохранилось у меня нѣсколько замѣтокъ, которые слѣдуютъ ниже.

СЕРЕДА (СЕРЕТЪ). 12 августа 1845 г. Мѣстечко, гдѣ рынокъ и собираются ярмарки съ лошадьми и скотомъ. Дорога отъ Пресбурга идетъ по однообразной равнинѣ, плоская, не занимательная. Селенія бѣдны и рѣдки. Словаки начинаются тотчасъ за Пресбургомъ. Народъ наружностію живѣе и смышленѣе Сербовъ; тѣ важны, медленны, молчаливы. — эти подходятъ къ сѣвернымъ Славянамъ: говорливы, острять и любятъ шутить и браниться.

Ходилъ по ярмаркѣ рогатаго скота: народъ чисто славянскій, совершенно нашего склада. Странно, что въ этой грязи, въ разорванныхъ сорочкахъ и кафтанахъ, въ заселенныхъ шляпахъ, въ нечесанныхъ головахъ, въ черныхъ фигурахъ, прислоненныхъ къ продающемуся скоту, есть живопись, которой нѣтъ въ нашихъ чопорныхъ гостинныхъ. Чѣмъ выше общественная ступень, тѣмъ менѣе художественныхъ элементовъ въ жизни; изъ жизни сельской, мѣщанской вы составите картину и группы; изъ такъ называемаго хорошаго общества — не возможно. Даже балетныя сцены составляются иногда изъ крестьянъ, но оемѣлится ли кто-нибудь заставить плясать на сценѣ во фракахъ?

Ярмарки, кажется, вездѣ одинаковы; тутъ скотъ, возлѣ котораго куча черныхъ шляпъ, похожихъ на лопухъ, тамъ лошади, окруженныя покушниками и зрителями, рядъ на вѣсовъ, гдѣ привлекательно шкварится и жарится мясо и рыба въ смальцѣ, или, за столами на лавкахъ, ѣется красное вино. Но и здѣсь явленіе, напомнимшее состояніе Славянъ: вокругъ меня говоръ славянскій, языкъ очень удобопонятный русскому. Вдругъ слышу барабанъ; при-

ближаюсь, — гусаръ читаетъ по-мадьярски объявленіе о пропажѣ коровы со двора одного крестьянина. Небольшой кружокъ слушалъ его, прочіе не обращали вниманія, видимо потому, что не понимали. Что за несчастіе, что за нелѣпность навязывать такимъ образомъ нарѣчіе, которое не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ на владычество — грубое, необработанное!

Въ Середѣ вывѣски все мадьярскія; на почтѣ, на ящикахъ — также мадьярскія надписи; гдѣ только можно написать что-нибудь, написано по-мадьярски или по-нѣмецки; между тѣмъ вокругъ слышишь — все говорятъ по-словацки. Я зашелъ (ища лошадей) къ хлѣбнику; на дверяхъ огромными буквами было написано *bürgerlicher Bäcker*, между тѣмъ никто изъ проходящихъ, въ продолженіи часа, не спросилъ хлѣба по-нѣмецки.

Какая то злая судьба тяготѣетъ надъ Славянами; они сохраняютъ свой бытъ, свою жизнь только въ низшихъ слояхъ; все, что выдвигается нѣсколько изъ низшей среды, все, что получаетъ притязаніе на просвѣщеніе, тотчасъ отрекается отъ славянскаго преданія, спѣшитъ въ объятія чужеземному и поглащается имъ.

НИТРА. 15 августа. Мѣстоположеніе Нитры очень живописно. Замокъ Святоплука лежитъ на конусообразной возвышенности, съ стремнистыми сторонами. Его обтекаетъ почти со всѣхъ сторонъ болотистая Нитра, образуя небольшой перешеекъ твердой земли, на которомъ стоитъ городъ. Вокругъ — возвышенности и горы. — Сегодня (день Вознесенія Богородицы) былъ церковный ходъ на одну изъ нихъ, называемую Калванръ, гдѣ храмъ Богородицы, а выше, на верхушкѣ горы, распятіе изъ камня. — По всей дорогѣ отъ города безпрестанно являлись глазамъ нищіе, увѣчные, калѣки, — словомъ, страждущіе во всѣхъ видахъ. Иные

просто просили милостыни, называя себя бѣдными нищими. другіе читали нараспѣвъ молитвенныя словацкія книжки, слѣпцы пѣли молитвы, иногда цѣлымъ хоромъ, наконецъ многіе выставяли напоказъ отвратительныя раны, изуродованные члены. Никогда я не видѣлъ челоуѣчества въ такомъ безобразіи: былъ одинъ, котораго голова походила на черепъ мертвеца, съ гнойными дырами вмѣсто глазъ, рта и носа, хриплый стонъ выходилъ изъ этого отвратительнаго шара; у другаго къ туловищу взрослоаго были приставлены высохшія дѣтскія руки и ноги; иной мычалъ дикимъ голосомъ, уродливо коверкаясь. Я былъ потрясенъ до глубины души. Бѣдный челоуѣкъ, до какого униженія, до какого срама и ничтожества ты можешь быть доведенъ! Ты—гордое существо, возвышающее чело къ небу, передъ тобой склоняются иногда милліоны, ты повелѣваешь стихіями.—но не можешь отречься отъ братства по крови съ этими уродами, валяющимися въ грязи, съ этими смрадными движущимися глыбами, отъ которыхъ отвращаешься съ ужасомъ. И нѣтъ юноши, цвѣтущаго силою, нѣтъ женщины, окруженной поклонниками, одѣтой въ благоуханныя ткани и драгоцѣнныя каменья, которые бы въ короткое время не могли дойти до подобнаго состоянія, гдѣ никакая любовь, никакая привязанность близкихъ не устоитъ противъ отвращенія. По-истиннѣ этотъ путь могъ назваться путемъ на Голгофу: здѣсь я видѣлъ кресты, налагаемые Провидѣніемъ на челоуѣка, и въ сокрушеніи сердца почувался его ничтожеству. Но по этому самому пути текла пестрая толпа народа, празнично одѣтаго, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Многіе бросали ломти хлѣба и деньги въ нищенскія шляпы, иные останавливались съ видимымъ любопытствомъ предъ наиболѣе изувѣченными, большая часть, не замѣчая, проходила мимо.

Видъ съ горы былъ восхитителенъ. Вдали Нитранскій

замокъ, нѣкогда гнѣздо славнаго Святоплука; надъ нимъ высится Заборъ-гора, гдѣ погибъ отъ Мадыровъ вождь этого имени, послѣдній предводитель словацкій; въ долинѣ городъ, а по лѣвую его сторону отлогія возвышенія, исчерченныя нивами. Начиная отъ города до подножія Калваира, дорога изгибалась пестрою лентою, — такъ густо она была покрыта движущимся народомъ, предшествуемымъ хоругвями и соборомъ духовенства. На уступахъ Калваира помѣщались толпы колѣнопреклоненныхъ передъ рядомъ капеллъ, возвышающихся одна надъ другою съ изображеніемъ различныхъ степеней страданія Великаго Мученика. Только странности латинскаго обряда, къ которому не можетъ привыкнуть мой глазъ, и недостатокъ искренности въ набожныхъ выраженіяхъ его поклонниковъ препятствовали моему восторгу перейти въ умиленіе. Безъ сомнѣнія, католики римскіе набожны, но у нихъ въ обычаѣ показывать болѣе набожности, нежели они имѣютъ на самомъ дѣлѣ; вы думаете видѣть лицемѣріе въ принятомъ обрядѣ, и ваше чувство оскорбляется невольно. — Разставленныя палатки возлѣ самой церкви, продажа разныхъ бездѣлокъ, съѣстныхъ припасовъ, разныхъ плодовъ земныхъ, группы, спокойно предававшіяся яствамъ во время крестнаго хода, — показывали достаточно, что толпа пришла на Кальваиръ не съ одной душеспасительной цѣлью.

Я воротился въ городъ и тотчасъ получилъ приглашеніе, черезъ каплана Счаснаго, на трапезу братьевъ — францискановъ. Простая трапеза была приправлена пріятельскою бесѣдою о Славянствѣ, о Россіи, о разныхъ современныхъ происшествіяхъ. Мы разговаривали такъ непринуждено, какъ будто были давно знакомы. — Пусть послѣ этого говорятъ, что славянская взаимность — бредъ мечтательный: этого простаго явленія вы не найдете нигдѣ, этого братства людей разныхъ отечествъ, разныхъ нарѣчій,

вѣроисповѣданій, различнаго общественнаго положенія и понятій; оно должно имѣть корень по-глубже, нежели думаютъ близорукіе.

Послѣ обѣда мы отправились въ капеллу Меоодія, гдѣ служилъ и проповѣдывалъ этотъ славянскій апостоль (его дѣятельность преимущественно имѣла поприщемъ Словакію).—Въ настоящее время едва уцѣлѣли отъ капеллы стѣны, но и тѣ побѣлены и кажутся съ пристройками; круглыя впадины, оставшіяся отъ задѣланныхъ оконъ, и ниши въ стѣнахъ для сидѣнія показываютъ впрочемъ древность первоначальной постройки. Нижняя церковь довольно древняя, но верхняя не болѣе двухъ вѣковъ. Отъ стараго замка или града ничего не уцѣлѣло.

Комната капеллана Счастливаго и его библіотека; ужинъ у монаховъ и рассказы о большомъ колоколѣ, о царь-пушкѣ и пр., слушаемые съ напряженнымъ вниманіемъ.

15-го августа Отъѣздъ въ Штявницу черезъ Врабець, Леве, Батъ и Штейнбахъ. — Дорога однообразна съ совершенно малороссійскою природою, съ такими точно мазанными хатами, даже дѣвка вымазывала глиною одну избу, такъ какъ это было въ субботу. Въ постройкахъ кажется болѣе сходства, нежели въ Сербіи, но въ народѣ менѣе.

ШТЯВНИЦА (Шемницъ) *17-го августа*.—На послѣдней станціи встрѣтилъ какого-то Нѣмца, безпрестанно разсуждавшаго о дѣлахъ венгерскихъ и конституціи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на скупщинѣ дошло до брани и до сабель, что не рѣдко. Штуль-Рихтеръ рубнулъ такъ одного дворянина, что тотъ до сихъ поръ лежитъ въ постели и вѣроятно отправится къ праотцамъ. Вы подумаете, что убійца сидитъ подъ арестомъ—ни чуть не бывало, онъ свободенъ и не подвергнется никакому наказанію, потому что дворянинъ.

Дворянинъ можетъ убить простолюдина, его не имѣютъ права схватить, хотя бы это совершилось публично; заводится слѣдствіе (инквизиція), которое продолжается нѣсколько лѣтъ и кончается ничѣмъ: убійство большею частию приписывается случаю; если же нѣтъ возможности покрыть, то дворянинъ имѣетъ достаточно времени выѣхать изъ королевства—тѣмъ прекращается все.

Штявница состоитъ изъ домовъ, разбросанныхъ на уступахъ горъ; знаменита своими рудниками золота и серебра. Мы ходили съ адвокатомъ (Аликомъ) и однимъ ученикомъ горной академіи смотрѣть процессъ производста. Руда, добытая изъ земли, сначала толчется въ ступахъ, потомъ уносится водою въ длинныя узкія корыта, гдѣ осаждается въ видѣ песку. Этотъ песокъ накладывается въ особенныя ящики и пропускается съ водою сквозь металлическую сѣтку такимъ образомъ, что легчайшія частицы уносятся далѣе, а болѣе тяжелыя остаются сверху. Тогда, отдѣливъ тяжеловѣсной песокъ, смѣшиваютъ его съ углемъ, известью и другими веществами и бросаютъ въ огнедышущее жерло, подъ которымъ находится каменный котелъ. Огонь, питаемый углемъ и раздуваемый нарочно устроенными огромными прессами, растапливаетъ руду, которая течетъ въ котелъ, откуда настоящій металлъ выходитъ въ отверстія, сдѣланныя пониже, а каменистыя частицы, въ видѣ горячей лавы, стекаютъ по поверхности котла внизъ. Паръ и огонь горячей руды напомнили мнѣ, первый своимъ смрадомъ, другой цвѣтомъ, кратеръ Везувія въ миниатюрѣ: совершенно то же явленіе, и я не сомнѣваюсь, что въ утробѣ этой горы совершается такое же топленіе руды; жаль только, что все золото и серебро остается на днѣ, а на бѣдную землю она высылаетъ неблагоприятную каменную лаву.

Въ здѣшней горной академіи до 800 учениковъ; есть и

изъ другихъ странъ Европы. Славянъ между ними около 150—Словаковъ, Чеховъ и Моравовъ, Поляковъ, Хорватовъ; каждое племя имѣетъ свое общество; иногда собираются все въ одномъ домѣ, называемомъ Богемія, гдѣ есть бібліотека и устроена въ залѣ сцена для національныхъ представленій. На занавѣсѣ написанъ Градчинъ Пражскій. Штявница — чисто славянской городъ; есть въ немъ нѣсколько Нѣмцевъ, чиновниковъ и работниковъ при горномъ производствѣ, и очень мало Мадыаровъ. Ненавистнаго племени здѣсь незамѣтно.—Штявница потребляетъ 14 экземпляровъ Штуровыхъ Новинъ—это по здѣшнему много.

Общій характеръ здѣшней полосы гораздо бѣднѣе, суровѣе, нежели Срѣма, Славоніи и Хорватской. Нѣтъ того довольства и лѣнивой поэзіи, свойственныхъ южнымъ краямъ.

Быль подъ землею въ коняхъ. Надѣвши куртку, шапку рудокопа, въ кожаномъ передникѣ (или лучше задникѣ), мы отправились съ маленькими лампами подъ землю въ одну изъ многочисленныхъ шахтъ. Ходы подъ землею на разныхъ глубинахъ простираются, говорятъ, на нѣсколько десятковъ миль. Мы шли добрыхъ полчаса по узкому, тѣсному корридору, орошаемые каплющею сверху влагою, ноги почти въ водѣ; затѣмъ по прислоненной лѣстницѣ, загрязненной какъ колеса, послѣ тинистой дороги, влѣзли въ углубленіе, гдѣ только что была оторвана порохомъ глыба скалы. Въ тяжеломъ, смрадномъ туманѣ, едва разсѣваемомъ слабыми лампами, видѣлись движущіяся тѣни работниковъ и слышенъ былъ стукъ молота. Мнѣ пришли на мысль рассказы о дьявольской помощи людямъ для доставанія сокровищъ. Нельзя себѣ вообразить смутнаго чувства, смѣшаннаго со страхомъ, которое обнимаетъ васъ въ подобномъ ущельи, гдѣ едва

можно дышать, гдѣ вы не можете ступить шагу, не хватаясь руками за камни, или не увязая въ тинѣ; гдѣ царствуетъ вѣчная мгла, и вы знаете притомъ, что надо около часу, чтобы выбраться на свѣтъ Божій. Я внутренно обрадовался, когда мнѣ предложили спуститься изъ этой пещеры. Вымывъ руки въ протекающемъ по жолобу ручьѣ, мы отправились далѣе, къ машинѣ, извлекающей изъ нижнихъ шахтъ руду и ненужныя камни, которые тутъ же сваливаются въ особые ящики на колесахъ, и по желѣзнымъ колеямъ вывозятся наружу. Эта же машина служитъ для подъема людей изъ глубины; для чего устроена колыска на металлическомъ канатѣ, которая опускается въ колодезь, глубиною до трехсотъ сажень; изъ него 34 отверстія на разныхъ глубинахъ ведутъ въ разныя шахты. Занимательно смотрѣть, когда внизу сядетъ кто-нибудь въ колыску, обыкновенно съ лампою; свѣтъ сначала имѣетъ настоящій видъ звѣзды, отражаемой въ неизмѣрной глубинѣ, потомъ постепенно растѣтъ и увеличивается, затѣмъ показывается черная точка, которая то-же медленно вырастаетъ, принимаетъ образъ маленькаго человѣка, наконецъ является на помостѣ большимъ человѣкомъ. Походивши еще, мы вмѣстѣ съ камнями, выѣхали наружу болѣе похожіе на какихъ-то подземныхъ уродовъ, нежели на людей. Сколь неприятно углубленіе въ землю, съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидаешь первыхъ лучей свѣта, которые кажутся необыкновенно яркими. Какъ будто послѣ тяжелаго сна, какъ будто послѣ долгаго, ужаснаго заключенія освобожденный являешься на Божій свѣтъ, и думаешь—какъ несчастны люди, что для куска хлѣба принуждены проводить иногда цѣлую жизнь въ подобныхъ ямахъ: стоитъ ли поддерживать подобное существованіе, и что они пріобрѣтаютъ этимъ ужаснымъ трудомъ—едва дневное пропитаніе? Какъ глупы люди, чтобы для добыванія ничтожнаго желтаго или бѣлаго металла, ни къ

чему ненужнаго для жизни, употреблять столько трудовъ, издержекъ, едва окупаемыхъ прибыткомъ; какъ будто нельзя придумать, какъ безъ него обойтись, когда есть столько полезнѣйшаго и прибыльнѣйшаго, на что можно употребить людскія силы!

ВЫСТРИЦА 19 августа. Дорога до Быстрицы живописна; горы перемежаются съ долами, и горы покрыты не печальными елями, а буковыми и дубовыми рощами, что даетъ имъ гораздо привѣтливѣйшую наружность. Быстрица довольно большой городокъ; замѣчательно, что есть нѣсколько домовъ оригинальной архитектуры, не подходящей къ нѣмецкой, съ плоскою крышею, закрытою паранетомъ, съ широкими простѣнками между оконъ—можно сказать—неаполитанскаго стиля. Это большею частію старые дома. Такъ тотъ, гдѣ теперь гостинница, принадлежалъ Текеллю, другой Палатину; всѣ они на площади.

Фареръ Кузьмани былъ очень привѣтливъ, пригласилъ меня на ужинъ; даже заставилъ своихъ дѣтей проиграть увертюры изъ Фрейшица и Отелло на страшно разбитомъ фортепіанѣ. Изъ разговора замѣчательно мнѣ показалось мнѣніе, пріобрѣтающее съ нѣкоторыхъ поръ болѣе и болѣе вѣса, что Славяне должны современемъ имѣть общій литературный языкъ, что нарѣчія останутся только для чисто-народныхъ книгъ, а литература въ тѣсномъ смыслѣ, словесность образованнаго класса будетъ употреблять общій языкъ. А между тѣмъ Кузьмани держитъ у себя Мадьяронка для того, чтобы дѣти пріучались говорить по Мадьярски; если и необходимость, то очень несчастная—учиться языку, который не можетъ способствовать образованію, а навязывается гнетомъ господствующаго племени.

Изъ Быстрицы я пустился было къ святому Микулаше, но разсчиталъ, что потеряю много времени, и притомъ погода постоянно дурна, слѣдовательно горъ не увижу, потому направился прямо на Кубинъ. На дорогѣ съѣхались мы съ какою-то паньей изъ окрестности; — настоящая малороссійская пани, должно быть очень зубатая; мучилась ужаснымъ любопытствомъ узнать, кто я такой; спросила изъ Пешта ли я? Да. Чтобы меня задобрить, сказала: я это тотчасъ увидѣла, господъ изъ Пешта отличаютъ отъ нашихъ какъ мундмель отъ простой муки. Потомъ непременно ей казалось, что я должно быть путешествующій инкогнито, такъ какъ она разъ открыла саксонскаго короля въ Липтовѣ.

Мѣста живописнѣйшія; но горы дѣлаются суровѣе; вмѣсто бука и дуба — ель и пихта покрываютъ ихъ вершины...

Въ скучныя минуты путешествія я читаю сочиненіе Капефига о европейскихъ дипломатахъ. Удивляешься формальной политикѣ Кабинетовъ; такъ кажется было недавно, и такъ далеко отъ настоящихъ взглядовъ и образа мыслей о существованіи народовъ. Въ безчисленныхъ переговорахъ, конгрессахъ, трактатахъ все дѣло идетъ о землѣ, не о людяхъ; владѣнія распределяются, протягиваются грани, точно какъ будто послѣ процессовъ о пахатной землѣ, о лѣсѣ или лугѣ. Кабинеты смотрятъ на народы какъ на вещь, какъ законную собственность продаютъ ее, закладываютъ, уступаютъ. Что самая система равновѣсія, какъ не стараніе обезпечить свою собственность—не болѣе; нѣкоторый родъ застрахованія отъ революціонныхъ пожаровъ и иноземныхъ наводненій. Нигдѣ не проникаетъ мысль о значеніи народа, какъ самостоятельнаго лица, къ которому существенно ни придать ничего нельзя, тѣмъ менѣе можно отъ него отнять что нибудь, безъ вреда или искаженія его нравственной физиономіи; нигдѣ нѣтъ мысли о разномъ назначеніи разныхъ народовъ, о томъ, что они могутъ усвоить только то, что сообразно съ ихъ природою; что они должны развиваться и жить какъ живетъ человекъ—самостоятельно, для того, чтобы имѣть значеніе.—Подъ вліяніемъ военныхъ стратегическихъ соображеній, самое учрежденіе и разграниченіе государствъ приняло характеръ стратегическій. Извѣстные пункты, извѣстныя линіи считались необходимыми для приобрѣтенія, смотря потому, что они входили въ систему защиты отъ вѣшняго нападенія, замыкали или отворяли путь врагу кабинета. Рѣ-

ки, цѣпь горъ считалась наилучшими границами, естественными, хотя въ сущности первыя скорѣе соединяютъ народы, нежели раздѣляютъ, а вторыя только изрѣдка бывають гранью между племенами. Такой взглядъ на разграниченіе государствъ, до сихъ поръ преобладающій въ расчетахъ Кабинетовъ (которые не могутъ измѣниться на старости) выходитъ чисто изъ понятій о вещественности владѣнія. Это наши помѣщики, продающіе деревню, переводящіе крестьянъ, спорящіе съ сосѣдомъ о клочкѣ земли. Но въ послѣднемъ случаѣ нравственное преступленіе, насиліе, отъ него происходящее, несравненно менѣе, нежели тамъ; здѣсь оскорбляется личность единичнаго человѣка, личность семейства,—тамъ, личность цѣлаго племени, цѣлаго народа, уничтожается нравственное развитіе, ему предназначенное, отнимаются силы и средства къ исполненію своего назначенія. Если мы не можемъ равнодушно видѣть страданія одного человѣка, соболѣзнуемъ, когда враждебная судьба разбиваетъ его будущность, отнимаетъ поприще, на которомъ онъ могъ бы совершить многое, какою же горестію должно наполнять насъ зрѣлище цѣлаго народа, возвращеннаго, погибшаго нравственно!

Мы кажутся ужасными не столько матеріальныя страданія, матеріальное угнетеніе—оно не можетъ охватить всѣ классы, развѣ только подъ владычествомъ азіатскимъ (отдѣляющимъ непереступною чертою побѣжденнаго отъ побѣдителя),—но страшно угнетеніе, истребленіе нравственное, какое на примѣръ испытали Славяне западные. Посмотрите на слѣдствія такихъ политическихъ понятій—всѣ образчики этихъ слѣдствій въ Австріи. Эти тысячи бѣдныхъ Чеховъ въ Вѣнѣ, приходящихъ за кускомъ хлѣба стучаться у дверей враговъ ихъ ненавидящихъ и презирающихъ. Эти тысячи Словаковъ, умирающихъ съ голода въ своихъ горахъ, обреченные на всегдашнюю бѣдность и уничтоженіе. Эти

Мораваны, Сербы въ Венгріи, — кто объяснить имъ задачу ихъ существованія и причину, по которой они должны отказаться отъ всего, что имъ врожденно, внушено природою, для того, чтобы слѣдовать за чуждымъ народомъ, подбирать за нимъ соръ, — за народомъ, съ которымъ они никогда не могутъ составить націи.

Но вотъ прошло 30 лѣтъ со времени Вѣнскаго конгресса, и съ радостію можно замѣтить — понятія такъ перемѣнились, что при большомъ потрясеніи политическомъ, если бы потребовалось учреждать новый распорядокъ, непременно явились бы новыя идеи для его основанія: идеи истинно христіанскія о справедливости и равновѣсіи, не въ отношеніи владѣльцевъ государствъ между собою, а о правѣ и равновѣсіи между племенами, — идеи о томъ, что только сродныя племена могутъ составлять народъ (какъ обозначаетъ прекрасно самое наше слово), и только такой народъ можетъ составлять націю; что величайшее преступленіе противъ законовъ божескихъ и человѣческихъ извращать и уничтожать игомъ чуждаго духа нравственную жизнь племени; что поэтому естественныя границы государствъ должны совпадать съ границами языка, какъ отличительнаго, даннаго природою и неопровержимаго признака нравственной физіономіи, ея единства и разнородности; что цѣль существованія для народа не есть только безопасность и миръ (что бы мы сказали о человѣкѣ, который бы заботился исключительно о сохраненіи своего тѣла, — эта забота необходима только въ минуты опасности), цѣль его — высшее своеобразное, нравственное развитіе; наконецъ, что истинно христіанское ученіе можетъ быть осуществляемо только тогда, когда мы точною управленія во всѣхъ своихъ политическихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ примемъ свовокупность народа.

ПОѢЗДКА ВТОРАЯ*)

1857 — 1858.

I.

Броды, ноября 9-го 1857 г.

Наконецъ я опять за границую, но увы, уже далеко не съ тѣмъ удовольствіемъ, какъ прежде. До того мало во мнѣ увлеченія, что я иногда спрашиваю себя: зачѣмъ я ѣду?— Но разсужденія въ сторону, увидимъ, что принесетъ мнѣ путешествіе и тогда буду говорить о результатѣ. Начну съ *сага patria*.

Страна отъ Кіева до Острога была для меня занимательна своимъ сходствомъ съ нашею Украиною лѣваго берега Днѣпра: тотъ же говоръ народа, та же одежда, тѣ же намитки у женщинъ, та же постройка хатъ и хозяйственныхъ принадлежностей. Но станціонные и шоссейные смотрители заговариваютъ по-польски, а въ русской ихъ рѣчи слышится сильный польскій выговоръ—это слѣдствіе Андрусовскаго договора и уступки, сдѣланной Петромъ I. Все, чтó считаетъ себя выше народа, старается казаться Полякомъ. А между тѣмъ, отъ селъ такъ и вѣтъ старую Русью. Какой живописно-древній характеръ трехглавыхъ деревянныхъ церквей, съ крытою низенькою галлереею

*) Эти письма были писаны изъ-за границы знакомымъ въ Россію.

вокругъ! По несчастію, шоссе не заботится нисколько о селахъ и предпочитаетъ пересѣгать лѣса и болота, какъ будто оно строилось только для Варшавы и Кіева, да еще для нѣсколькихъ промежуточныхъ городовъ. Отъ Острога появляются на мужикахъ четвероугольные шапочки, лапти, одежда дѣлается бѣднѣе и видъ народа унылѣе.

Новоградволыньскъ, на берегу Случа, замѣчательнаго стихомъ изъ казацкой думы: ой знай Ляше, що по Случь—наше. Настоящій видъ города, общій всѣмъ нашимъ украинскимъ городишкамъ, ничѣмъ не напоминаетъ древнюю славу Новгорода-Волынскаго. Впрочемъ, остатки замка, какъ мнѣ сказали, кн. Любомірскаго, изъ дикаго камня, достойны вниманія; основаніе какъ бы выходитъ изъ утеса, и видъ на рѣку и на другой берегъ лѣтомъ долженъ быть восхитителенъ; разумѣется, теперешній городъ не воспользовался видомъ и отвернулся отъ него. вмѣстѣ съ окончаніемъ шоссе въ Корцѣ, кончилось и мое благополучіе: дорога отъ смерзшейся грязи сдѣлалась несносна, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ Радзивилова.

Но въ Радзивиловѣ начались мытарства; несмотря на шабашъ, явились тотчасъ жидки-факторы, которые не исполнили почти ни одного моего порученія, а только предъявляли свои требованія при отъѣздѣ. Надо было нести паспортъ въ полицію, потомъ на таможеню. Когда я подъѣхалъ къ нашей таможнѣ, то чиновникъ встрѣтилъ меня съ такою необыкновенною важностью, что я почувствовалъ себя передъ нимъ провинившимся ученикомъ, и счелъ за особую милость, что онъ не велѣлъ осматривать сундуковъ, хотя къ вывозу изъ Россіи запрещаются только ассигнаціи и серебро: ни того ни другаго у меня по счастью не было. Между тѣмъ, унтеръ-офицеръ все-таки протянулъ руку за подачкую. Ко мнѣ на козлы посадили солдата, который проводилъ меня до рогатки, точно подъ ка-

рауломъ; не доѣзжая рогатки мы встрѣтили еще чиновника, который вписалъ мой паспортъ въ свою записную книжку, и тогда только поднялся завѣтный шлагбаумъ; но австрійскій—не хотѣлъ подняться: надо было записываться у Австрійца, при чемъ солдатъ, стоявшій у рогатки, то же спросилъ на табакъ. Я вошелъ въ комнату офицера, и на меня повѣяло давно знакомою атмосферою австрійскаго табаку. На одной стѣнѣ было развѣшено съ десятокъ чубуковъ разной длины, съ трубками разныхъ фасоновъ, на другой сабли и пистолеты невоинственной Австріи. Вся давно знакомая обстановка обнаруживала совершенно другой характеръ обитателя. Нѣмецъ всюду переноситъ свои нравы,—твердъ въ своей національности; оттого онъ и сдѣлался колонизаторомъ, передѣлалъ по своему и чуждыя племена. Таковъ Англичанинъ и отчасти настоящій сѣверный Русь.—Благодаря мытарствамъ, я ощутилъ особенную радость, вырвавшись изъ предѣловъ любезнаго отечества, и долженъ даже сознаться, что австрійскій офицеръ былъ привѣтливѣе нашего чиновника, и что я почувствовалъ себя какъ-то свободнѣе на чужой землѣ—скверное чувство. Вотъ до чего доводятъ придирчивыя, докучливыя формы нашей администраціи и безпокойство, тревожное чувство, возбуждаемое въ каждомъ русскомъ сознаниемъ своей безправности и полной зависимости отъ всякаго каприза чиновника, что даже Австрія можетъ казаться либеральною въ сравненіи съ нами! Надо замѣтить, что возить пассажировъ изъ Радзивилова въ Броды никто не имѣетъ права, исключая почтъ содержателя, а потому этотъ беретъ что хочетъ; за 11½ верстъ платятъ 4 руб. сер. и болѣе за четыре лошади.

Въ Бродахъ то же высасываніе со стороны Евреевъ и попрошайство; факторы безъ всякаго стыда ссорились въ моемъ присутствіи и выгоняли другъ друга.—Банкиръ Гаузеръ

насчиталь 62 коп. сер. за гульденъ, что необыкновенно дорого, и сверхъ того усчиталь 4% на упадокъ нашего курса; объявилъ, что изъ Россіи теперь ничего не требуется, что у него лежитъ 7,000 рублей въ Радзивиловъ и 20.000 у Штиглица, на которые нечего купить. А между тѣмъ миллионы золотомъ вывозятся изъ Россіи, и полумперіаль ходитъ уже въ Петербургѣ 5 р. 50 к., а въ Одессѣ 5 р. 60 к. Что скажутъ защитники мѣнѣя, что съ пониженіемъ нашего тарифа иностранцы будутъ у насъ больше покупать нашихъ произведеній?

Броды—не болѣе какъ жидовское мѣстечко, а между тѣмъ оно лучше всѣхъ нашихъ городовъ, начиная отъ Кіева до границы: дома каменные, много двухъ-этажныхъ, улицы мощеные, вечеромъ освѣщеніе фонарями лучше кіевскаго, населеніе большое, а вѣдь всего 11 верстъ отъ Радзивилова! Отъ чего это? Отчасти отъ порто-франко, которое Австрійцы кажется нарочно устроили, чтобы побольше провозить къ намъ контрабанды, отчасти оттого; что правительство менѣе пеклось здѣсь о благоденствіи жителей. Въ этомъ у бѣждаетъ одинъ взглядъ на дома и улицы: возможно ли, чтобы въ нашемъ послѣднемъ городишкѣ было такъ мало стѣсненія какъ здѣсь; видно, что каждый строился какъ хотѣлъ и какъ могъ; не было ни урочной величины оконъ, ни установленныхъ фасадовъ; жители не разбѣгались отъ постоевъ (какъ изъ Козельца) и оттого мѣстечко сдѣлалось городомъ, а у насъ города похожи на плохія мѣстечки.

10 ноября, рано, я выѣхалъ изъ Бродъ въ своей коляскѣ на жидовской тройкѣ, и въ 10 часу пріѣхалъ во Львовъ, сдѣлавъ почти 100 верстъ въ 13 часовъ на однихъ лошадяхъ; ѣзда была не очень пріятна, но мнѣ хотѣлось посмотреть на край, чего нельзя было сдѣлать при ѣздѣ въ почтовой каретѣ, которая ходитъ только ночью. Къ со-

жалѣнію, время для этого не благоприятное,—народу на полях нѣтъ, на улицахъ почти такъ же, сель на шоссе мало. Народъ, сколько я могъ замѣтить, отличается отъ нашего своими длинными волосами и свитками, смахивающими уже на пальто, но есть и высокія шапки, къ верху шире и разрѣзанные. Я встрѣтилъ свадебный поѣздъ, въ сѣрыхъ смушковыхъ шапкахъ, съ пришитыми квітками. Говоръ — какая-то смѣсь польскаго съ малороссійскимъ. Жиды преобладаютъ на большой дорогѣ въ такой степени, что они кажутся господствующимъ племенемъ. Бѣдная Галиція—это какая-то смѣсь національностей; на русской почвѣ тяжело налегло польское и жидовское владычество. Отъ перваго значительно избавило народъ, средствами впрочемъ очень скверными, австрійское правительство; отъ втораго кажется ничто не избавить, покамѣсть Евреи не высосутъ всѣхъ соковъ страны.

II.

Краковъ, ^{18/30} ноября.

Для меня было очень интересно пятидневное пребываніе во Львовѣ, не только по ознакомленію съ архивомъ Бернардинскаго монастыря и библіотекою Оссолинскихъ, но особенно по знакомству съ Головацкимъ; это истый Славянинъ, привѣтливый, общительный и безъ всякихъ претензій. О русинской національности напишу послѣ—она не въ завидномъ положеніи; а теперь перескажу то, что я могъ узнать о положеніи крестьянъ въ Галиціи. Объ этомъ сущесвуютъ здѣсь очень различныя мнѣнія, какъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшаны сословные интересы. Дворянство, разумѣется, недовольно; даже панъ Зубрицкій (имѣвшій въ арендѣ какое-то мнѣніе) гремѣлъ противъ перемѣны страшнымъ образомъ, приписывалъ ей необычайную дороговизну хлѣба въ послѣдніе годы (доходившую до 15 р. сер. за четверть), говорилъ, что сами крестьяне обѣдняли, а жида сдунили за дешевую цѣну облигаціи правительства (которыя и теперь ходятъ ниже номинальной цѣны на 20%); другой индивидуумъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ дарована свобода, во Львовѣ не выстроено почти ни одного новаго дома, между тѣмъ, прежде домовъ по 50 строилось въ годъ, и т. п.—Сколько я могу судить изъ сравненія различныхъ мнѣній, тутъ есть доля истины, но больше преувеличенія. Надо знать, что крестьянамъ отдана вся та земля, которая была въ ихъ владѣніи до 1848 года,

оттого во многихъ мѣстахъ они получили очень много земли; естественно, что тамъ владѣльцы встрѣчаютъ затрудненіе въ отысканіи работниковъ для своихъ полей. И во всякомъ случаѣ они никогда не идутъ на наемныя работы прежде, нежели кончатъ свою жатву или косьбу. Помѣщики и ихъ управители должны употреблять разныя приманки для ихъ привлеченія, въ которыхъ вино, разумѣется, играетъ главную роль; покупаютъ соль въ городскихъ казенныхъ магазинахъ и отдають за работу дешевле, нежели можно достать у жидовъ; покупаютъ для того же шапки, пояса, чоботы, для дѣвокъ ленты, намиста и т. п.; такимъ образомъ приманивають рабочихъ, которые нерѣдко обходятся имъ дешевле, нежели за деньги. Народъ не пропустилъ сложить на это пѣсню, которая такъ начинается:

Панъ въ кішені гроши носить,

Молотити хлопа просить:

Ходи хлопе молотити,

Дамъ горілкѣ оковити.

Другіе держатъ большое количество наймитовъ. Мнѣ рассказывали про одного, у котораго ихъ человекъ сорокъ на экономическомъ содержаніи, большое притомъ количество скота, такъ что оранка начинается съ ранней весны и продолжается до поздней осени. А во время жнивъ или косовицы отправляются конныя подводы въ Карпаты, и на нихъ привозятся нанятыя рабочіе. За всеѣмъ тѣмъ плата рабочимъ около 25 коп. сер. безъ пищи, или за 7-й снопъ. Это показываетъ, какъ густо населеніе въ сравненіи съ нашимъ; несмотря на то, затрудненіе достать рабочихъ дѣйствительно существуетъ.

Но главная причина большихъ потерь, испытанныхъ

помѣщиками въ послѣдніе годы,—быстрота переворота; никто къ нему не приготовился. Крестьяне поставили возлѣ селъ большіе кресты, обсадивъ ихъ четырьмя липами, съ означеніемъ числа и года освобожденія (1849), и съ прибавленіемъ текстовъ изъ Библии объ освобожденіи отъ ига Египетскаго; сами же долго праздновали этотъ счастливый день въ корчмахъ. Между тѣмъ, правительство занималось опредѣленіемъ вознагражденія, и благодаря непроходимой австрійской бюрократіи, прошло 3 или 4 года, прежде, нежели помѣщики получили выкупныя облигаціи, которыя, по совершенному недостатку денегъ, часто должны были тутъ же продавать жидамъ съ большою потерей. Какъ образецъ австрійской справедливости, можетъ служить то, что они даже не получили процентовъ за эти три или четыре года. Теперь впрочемъ дѣла ихъ поправляются по мѣрѣ того, какъ все приходитъ въ законный порядокъ. Правительство достигло благой цѣли; нѣтъ сомнѣнія, что народъ, чѣмъ далѣе, будетъ въ лучшемъ состояніи; но надо сознаться, что смотрѣли преимущественно на выгоды большинства, и сквозь пальцы на несправедливость въ отношеніи къ сословію дворянъ—разсчетъ для австрійскаго правительства довольно вѣрный. Что касается до способа уничтоженія барщины, то онъ былъ такой, какъ описано въ моей статьѣ въ «Русской Бесѣдѣ» *); большихъ подробностей я, покаместъ, не могъ узнать.

Всѣ здѣсь жалуются на умноженіе разныхъ податей и наборовъ; говорятъ, что помѣщики платятъ болѣе 20% разныхъ налоговъ съ чистаго дохода. Дома въ городахъ обременены также до крайности; съ провизіи, ввозимой въ городъ, также платится пошлина. Все это идетъ на

*) Рус. Бес. 1857 г. № 1.

уплату долговъ военного посредничества во время Крымской кампаніи. Рассказываютъ любопытные анекдоты о способѣ продовольствія арміи посредствомъ жидовскихъ подрядовъ и о постройкѣ укрѣпленій, которыя разлѣзлись отъ первыхъ дождей: вольное подражаніе нашимъ провіант-мейстерскимъ и инженернымъ продѣлкамъ.

По дорогѣ отъ Львова къ Кракову я еще видѣлъ остатки многихъ укрѣпленій, настроенныхъ въ защиту отъ насъ. Къ сожалѣнію, въ спутники суточного переѣзда отъ Львова до Кракова попалось мнѣ какое-то пустое *comme il faut*, отъ котораго я мало могъ узнать путнаго. *Comme il faut* называло крестьянъ *des cochons, qui ne sont pas dignes du sort qu'on leur a fait. Est ce qu'ils sentent le besoin du bien être?—* quand ils ont assez de pain pour ne pas mourir de faim et de l'eau-de-vie, voila tout ce qu'il leur faut.—

О неисправимое шляхетство! Промотало ты свое царство и окаменѣло какъ жида въ своихъ предубѣжденіяхъ. Впрочемъ несчастное *comme il faut* почти вездѣ выражалось или выражается такимъ образомъ.

На пути отъ Львова до Кракова всматривался я въ страну, сколько позволялъ краткій ноябрскій день, но ничего не видѣлъ привлекательнаго. Селеній на шоссе очень мало, дорога такъ малолюдна, что хоть бы и въ Полтавской губерніи. Люди, появившіеся, бѣдно одѣты, невзрачны и подобострастны; скотъ мелкій, тощій, точно какъ у насъ. За Саномъ, то-есть въ Польской Галиціи, кажется все бѣднѣе, нежели въ Русинской. Хижины бѣдны, даже совсѣмъ безъ трубъ, что меня очень удивило. Думалъ я видѣть что-нибудь характеристическое въ постройкахъ и очень ошибся; ни малѣйшаго характера. Мѣстечки и городки чисто жидовскіе, то есть крайне нечистые и безалаберные.

Краковъ, этотъ палладіумъ польской національности, представляетъ унылый видъ. Онъ еще не совсѣмъ опра-

вился отъ большого пожара 1850 года. Въ королевскомъ замкѣ—австрійскіе казармы; кости Ягеллоновъ и Собѣскаго. подъ карауломъ у Швабовъ. Смирно лежатъ эти гордые владыки и вельможи; мраморныя гробницы покрыты прахомъ и паутиной, и вся ихъ слава приносить только 30 крейцеровъ сторожу Собора. А все отъ того, что они не сознавали славянскаго единства. Да будутъ потомки мудрѣ предковъ, амен!

III.

Вѣна, 12 дек. н. с. 57 г.

Изъ Брагова выѣхалъ я въ 4 часа по полудни, а на другой день въ 6 часовъ утра былъ въ Вѣнѣ, слѣдовательно 14 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Ночь была ясная, лунная, я былъ одинъ въ вагонѣ перваго класса, и потому могъ дремать и мечтать на просторѣ, въ покойнѣйшихъ креслахъ, при слабомъ освѣщеніи лампы, а въ промежуткахъ любоваться зимнимъ ландшафтомъ сквозь зеркальныя стекла. Для ночи ѣзда превосходная, но днемъ имѣеть ту невыгоду, что поѣздъ останавливается на станціяхъ лишь на нѣсколько минутъ: вы не успѣваете выходить и заключены какъ въ клѣткѣ. На станціонныхъ домахъ долго представлялись мнѣ славянскія имена мѣстностей, часто искаженные на нѣмецкій ладъ, и невольно возвращались мысли къ печальной судьбѣ славянскаго племени, поглощаемаго нѣмецкимъ моремъ. Наконецъ появились чисто нѣмецкія названія, и послѣ безчисленныхъ остановокъ, свистковъ паровоза, мелькавшихъ встрѣчныхъ поѣздовъ, мы были пробуждены яркимъ свѣтомъ газоваго освѣщенія на вѣнскомъ дебаркадерѣ. А черезъ нѣсколько минутъ я уже ѣхалъ по знакомымъ улицамъ Вѣны Zum gömischen Kaiser. Отдохнувши немного, я пошелъ бродить по улицамъ: вездѣ толкотня, народу пропасть, во многихъ мѣстахъ за экипажами едва можно пройти, глаза разбѣгаются отъ множества вывѣсокъ и магазинныхъ выставокъ. Вѣна разжирѣла въ продолженіи 12 лѣтъ, какъ я ее не видалъ, несмотря на пережитыя тревоженія; правда, это тучность старческая, но все-таки признакъ довольства.

Жизнь здѣсь сдѣлалась вдвое дороже противъ прежняго; цѣны въ гостинницахъ тѣ же! что и у насъ; больше нарядности, но нѣтъ существенныхъ удобствъ, на-

примѣръ теплоты (печи глупыя) и свѣта днемъ: лучшія комнаты во второмъ этажѣ полутемныя отъ тѣсноты построекъ; чтобы выбраться на свѣтъ, надо взлѣзть въ третій и четвертый этажъ. On a le superflu et on manque du nécessaire. Столъ хорошъ, но не дешевле, чѣмъ у насъ въ гостинницахъ. Что въ Вѣнѣ хорошо—это мостовая въ городѣ и предмѣстьяхъ, состоящая изъ гранитнаго паркета, и газовое освѣщеніе во всѣхъ закоулкахъ, на бульварахъ, гласисахъ, окружающихъ широкимъ пространствомъ укрѣпленный городъ. Всѣ общественныя зданія, всѣ магазины, кофейни, гостинницы, театры, ярко освѣщены газомъ. Австрійцы счастливы; недавно нашли богатые копи каменнаго угля недалеко отъ Вѣны; онъ употребляется уже и на отопленіе домовъ въ большомъ количествѣ.

Вообще Вѣна имѣетъ въ избыткѣ все, что нужно для матеріальной жизни, даже до излишества; за то, кажется, она и отдалась ей вполне. Объ умственныхъ потребностяхъ никто не заботится; если въ послѣднее время и стали пробуждаться эти потребности, то сверху смотреть на нихъ не совсѣмъ благопріятно. Цензура почти также строга, какъ и прежде, только книги цензируются послѣ напечатанія, такъ что въ случаѣ запрещенія издатель терпитъ большіе убытки, теряя все изданіе, а журналистъ платитъ значительный штрафъ изъ залога (около 3.000 р. сер.), который долженъ представить чтобы получить разрѣшеніе издавать журналъ. Съ новаго года всѣ неофіціальныя журналы будутъ обложены сверхъ того значительною пошлиною (около 2 р. 50 к. сер. съ каждаго подписчика для газетъ, выходящихъ ежедневно). Впрочемъ, можетъ ли поступать иначе правительство, которое постоянно вынуждено лавировать мѣжду разными національностями, чтобы сохранить свой корабль отъ крушенія?

Надо сознаться, что оно дѣлаетъ это очень искусно, и

хотя медленно, но подвигаетъ корабль по желанному направленію. Кто бы могъ думать, что происшествія 48-го и 49-го годовъ послужатъ ему въ пользу, а оно окрѣпло во всѣхъ отношеніяхъ,—воспользовалось полученными уроками, смѣло приступило къ преобразованіямъ, къ уравненію устройства и администраціи различныхъ областей, дало рѣшительный перевѣсъ нѣмецкому элементу, и всѣ прочія національности, незадолго еще такъ бодро и смѣло высказывавшія свои притязанія, притихли и оказались несостоятельными. — Въ томъ числѣ и наши братья — Славяне. «Время потерялъ, все потерялъ», говаривалъ Суворовъ; это вполнѣ сбылось надъ ними въ 48-мъ году. Не будучи въ состояніи согласиться и устроиться въ рѣшительную минуту, они были въ сотый разъ обмануты австрійскимъ правительствомъ и сами возстановили его на свою бѣду.—То, что было приобрѣтено съ такимъ трудомъ, утрачивается постепенно. Нечего уже и говорить о какомъ-нибудь національномъ представительствѣ, оно вездѣ уничтожено; даже славянскіе языки (равно какъ и мадьярскій) вытѣсняются постепенно изъ судовъ и училищъ. Правда, они преподаются въ университетахъ и гимназіяхъ, но предметы читаются на нѣмецкомъ, и это вводится постепенно назначеніемъ нѣмецкихъ учителей, безъ всякаго официальнаго объявленія. Преподаванію стараются придать характеръ нѣмецко-національный; на помощь этому призвана Римская церковь, которая играетъ теперь важную роль въ народномъ и всякомъ воспитаніи. Духовенство въ замѣнъ предоставленныхъ ему правъ, обязалось кажется, развивать въ ученикахъ вмѣстѣ съ догматами вѣры, австрійскій патриотизмъ. Я имѣю программу одного реальнаго училища, гдѣ это прямо высказывается.—Всѣ чиновники въ славянскихъ земляхъ назначаются большею частію изъ Нѣмцевъ, а если изъ Славянъ, то изъ другой

области, такъ что Чехъ посылается къ Хорватамъ, Хорватъ въ Галицію, и не владѣя мѣстнымъ нарѣчіемъ, по неволѣ прибѣгаетъ къ нѣмецкому языку.

Наконецъ всего разрушительнѣе дѣйствуетъ на славянскія національности, нѣмецкая цивилизація: все, что питаетъ умъ, воображеніе исходитъ изъ нѣмецкой науки или литературы; искусство употребляетъ нѣмецкое слово и нѣмецкія формы, промышленность, ремесла преподаются и развиваются Нѣмцами и посредствомъ Нѣмцевъ. Слѣдовательно, какъ скоро человѣкъ получаетъ нѣкоторое образованіе, онъ получаетъ его уже пропитанное нѣмецкимъ духомъ, на нѣмецкомъ языкѣ.—Приложите къ этому нѣмецко-политическое давленіе на тѣхъ, которые выказываютъ сколько-нибудь приверженности къ своей народности, устраненіе ихъ отъ должностей, тайное гоненіе, и вы не удивитесь если я скажу, что славянство въ Австріи никнетъ передъ германизмомъ, и перерожденіе Славянъ въ Нѣмцевъ дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи. Нѣтъ сомнѣнія однако, что существенная причина этого грустнаго явленія заключается въ превосходствѣ нѣмецкой образованности: здѣсь повторяется извѣстный историческій феноменъ, по которому высшая образованность беретъ верхъ надъ низшею.

Если Римляне подчинились нѣкогда культурѣ покоренныхъ Грековъ, если вся западная Европа приняла во время своей юности науку, искусство и гражданственность разрушеннаго Рима, если, наконецъ, мы Русскіе, несмотря на нашу религіозную самостоятельность и политическое могущество, продолжаемъ склонять голову передъ западной цивилизаціей, до такой степени, что считаемъ необходимымъ вскармливать дѣтей нашихъ иностраннымъ молокомъ, то что удивительнаго, если западные Славяне, политически и религіозно порабощенные, вырождаются въ Нѣмцевъ?

IV.

Вѣна, 3 генв. и. с. 58 г.

Сажусь, чтобы написать вамъ отчетъ о моихъ музыкальныхъ впечатлѣнiяхъ въ Вѣнѣ. Я живу въ двухъ шагахъ отъ опернаго театра, гдѣ безпрестанно даются произведенiя Мейербера, Вебера, Моцарта, Верди и пр. и въ 200 шагахъ отъ двухъ концертныхъ залъ, гдѣ стѣны непрерывно оглашаются звуками славнѣйшихъ произведенiй Бетговена, Мендельсона, того же Моцарта, Гайдена и пр. и пр. — Афиши концертовъ такъ же многочисленны, какъ осеннiе листья, срываемые вѣтромъ съ деревьевъ: не успѣваешь слѣдить за всѣми, не только что попасть въ самые концерты. — Не правда ли, что вы мнѣ завидуете? Этого только мнѣ и хотѣлось. Но чтобъ утѣшить васъ нѣсколько и по долгу справедливости, я долженъ сказать, что не все мнѣ нравится, что во многихъ изъ этихъ музыкальныхъ проявленiй нѣтъ истиннаго музыкальнаго одушевленiя, что Нѣмцы часто дѣлають изъ музыки какую-то головоломную игру, въ которой забавляются разрѣшенiемъ разныхъ трудностей, и за исключенiемъ нѣсколькихъ феноменовъ, которые могутъ явиться во всякомъ образованномъ обществѣ, врядъ ли имѣють право назваться музыкальнымъ народомъ. Все, что въ музыкѣ достигается трудомъ, акуратностью и прилежанiемъ, доведено у нихъ до совершенства; тамъ же, гдѣ нужно вдохновенiе (*le feu sacré*) и вкусъ, оказывается сильный недостатокъ того и другаго. Оттого они такъ неудовлетворительны въ вокальной музыкѣ и стоятъ на вы-

сокой степени въ инструментальной, въ особенности въ оркестровомъ сочиненіи и исполненіи.—Здѣсь между прочимъ я слышалъ (на нѣмецкомъ языкѣ) Роберта Дьявола, Пророка, Донъ-Жуана, какую-то ночь въ Гренадѣ, соч. Крейцера; все это было пропѣто правильно, вѣрно, съ указнымъ выраженіемъ, съ желаніемъ кое-гдѣ погорячиться; но въ самой нѣмецкой манерѣ пѣнія недостаетъ вкуса, нѣтъ естественнаго проявленія чувства—все какъ-то является искусственно и манерно, нѣтъ того пѣвучаго чутья, которымъ обладаетъ посредственный итальянскій пѣвецъ. А между тѣмъ въ здѣшней оперѣ теперь собраны, кажется, всѣ лучшіе артисты Германіи: есть прекрасные голоса и по нѣскольку на каждое амплуа; все хорошіе музыканты, обладающіе вполне техникою; оркестръ превосходный, но играетъ нѣсколько сонно, можетъ-быть потому, что считаетъ себя слишкомъ хорошимъ для оперы.—Одного Донъ-Жуана играли соп ашюге, и не удивительно, потому что моцартовское преданіе здѣсь еще живо. Сознаюсь, что старикъ Донъ-Жуанъ, несмотря на свою безпритязательность и прадѣдовскую наивность, затмилъ для меня Мейербера. Въ Донъ-Жуанѣ искрится гений, виденъ вдохновенный музыкальный живописецъ, а у Мейербера большею частію искусственная мозаика: что-то есть натянутое, вычурное, отсутствіе истиннаго одушевленія и чувства. Я долженъ сказать, что въ Пророкъ показались мнѣ только два-три мѣста прочувствованными. Самый сюжетъ развивается неудачно: въ началѣ пѣсы зритель видитъ, какъ изъ трактирщика дѣлаютъ лже-пророка, который самъ смѣется надъ этою затѣею, и долго не соглашается на убѣжденія, а потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дѣйствій, этотъ трактирщикъ разыгрываетъ роль вдохновеннаго апостола, и эта роль, со всѣмъ ея шумомъ, громомъ и помпою, кажется кукольною комедіею.—

Постановка вообще очень посредственная, хотя я это считаю дѣломъ второстепеннымъ: театръ внутри и извнѣ самый худшій изъ пяти вѣнскихъ театровъ. Не знаю, по какимъ причинамъ два придворные вѣнскіе театра (оперный и драматическій), на которыхъ дѣйствуютъ лучшія труппы, поражаютъ своею бѣдностію, неряшествомъ и тѣнотою, между тѣмъ какъ прекрасная театральная зала, огромная и роскошно заново отдѣланная (въ предмѣстьи Leopoldstadt) посвящена фарсамъ, вѣнскимъ Posse, на простонародномъ нарѣчій.—Но возвращаюсь къ музыкѣ.

На несравненно высшей степени стоятъ Нѣмцы въ музыкѣ концертной. Надо вамъ сказать, что теперь въ этомъ отношеніи производитъ здѣсь *la pluie et le beau temps*—нашъ Антонъ Рубинштейнъ: онъ играетъ во всѣхъ концертахъ и во всѣхъ концертахъ играютъ и поютъ его произведенія, и все это при многочислѣннѣйшей публикѣ и жаркихъ рукоплесканіяхъ. Вѣнцы до того увлеклись имъ, что даже забыли, что онъ изъ Россіи — фактъ очень важный при нынѣшнемъ недоброжелательствѣ ко всему русскому. Въ самомъ дѣлѣ, Рубинштейнъ по силѣ, блеску и поэтичности исполненія, можетъ быть поставленъ на ряду съ Листомъ. Онъ равно владѣетъ громомъ фортепьяна и его сладкозвучіемъ, хотя въ первомъ случаѣ иногда переходитъ мѣру и мчится какъ бѣшеный конь, что случилось сегодня въ *presto* знаменитой сонаты Бетговена со скрипкой (*opus* 47). Онъ съ равнымъ совершенствомъ играетъ произведенія всѣхъ возможныхъ композиторовъ — Моцарта, Бетговена, Мендельсона, Фильда, Шопена, Шумана, но объ его собственныхъ сочиненіяхъ я воздержусь произнести сужденіе, такъ какъ слишкомъ поверхностно знакомъ съ ними.

Вообще въ современныхъ музыкальныхъ композиціяхъ сильно ощущается оскудѣніе творчества. Думаю этотъ недостатокъ можно примѣнить ко всему современному искус-

ву — вывѣтрился въ наше время человекъ и художникъ, что необходимо выражается въ великихъ и малыхъ дѣлахъ. Нѣмцамъ остается одно спасеніе—держаться за своихъ славныхъ предковъ, искать дорогу при свѣтѣ блестящаго созвѣздія—Гайдена, Моцарта, Бетговена. Хорошо еще, что они это чувствуютъ и безпрестанно къ нимъ возвращаются. Благодаря этому разумному инстинкту, я каждое воскресенье, въ предвечеріе (т. е. отъ 5—8 часовъ), слушаю отлично исполняемые квартеты, тріо, квинтеты, сонаты и пр. великихъ предковъ, съ гомеопатическою примѣсью кое-чего новаго. Это давнишніе мои знакомцы по Кіеву, хотя, разумѣется, они здѣсь, какъ и должно быть въ музыкальной столицѣ, являются тщательно одѣтыми, причесанными, вообще безукоризненными во внѣшности. Но все-таки мелкіе потомки часто не возвышаются до ихъ общечеловѣческаго значенія и дѣлаютъ изъ нихъ нѣмецкихъ бюргеровъ, нѣсколько вялыхъ, вмѣсто того, чтобы дать полной просторъ высказаться ихъ всемірному музыкальному генію.— Во всемъ удивительно выражается характеръ народа и человека: пусть кто-нибудь съиграетъ сонату Бетговена—и почти можно будетъ опредѣлить характеръ исполнителя; великія композиціи—это пробный камень разныхъ свойствъ души, потому что въ нихъ встрѣчаются разнообразныя идеи и чувства, которыя могутъ быть поняты и прочувствованы въ различной степени и различнымъ образомъ. Естественно что это пониманіе, а тѣмъ болѣе воспроизведеніе не можетъ быть достигнуто однимъ изученіемъ; въ музыкѣ гораздо большую роль играетъ непосредственное чувство, непосредственное пониманіе: оттого профанъ Итальянецъ поетъ лучше воспитаннаго въ консерваторіи Нѣмца, оттого Контскій лучше исполняетъ Бетговена, нежели здѣшній ученый Гельмерсбергеръ.

Въ одномъ Нѣмцы почти достигаютъ совершенства, какъ

я сказалъ выше, — это въ оркестрномъ исполненіи. Я не могу безъ восторга вспомнить о симфоніи Гайдена (es dur), игранный въ концертѣ Общества любителей музыки. Около 120 человѣкъ было въ оркестрѣ, но вы, закрывши глаза, могли-бы подумать, что играетъ одинъ громадный, небывалый инструментъ, движимый единою волею и сознательной силой. Стройность, чистота аккорда изумительная, единство доведено до *non plus ultra*, такъ что въ самыхъ быстрыхъ пассажахъ, исполняемыхъ унисономъ, вы не угадаете, одинъ ли инструментъ играетъ, или нѣсколько. Прибавьте къ этому самое тонкое соблюденіе оттѣнковъ въ силѣ и движеніи звуковъ, высокое качество самыхъ инструментовъ, какъ струнныхъ, такъ и духовыхъ, и вы поймете, что при такомъ исполненіи творенія Гайдена мною не разъ овладѣвала дрожь музыкальнаго восторга. Съ этой поры я еще болѣе уважаю великаго старца; я убѣжденъ, что это былъ благородной и высокой души человѣкъ, съ любящимъ сердцемъ и чистыми помыслами, что онъ смотрѣлъ на жизнь ясно и свѣтло, не погрязалъ въ ея матеріальной суетѣ и благодарилъ Творца за блага, ниспосланныя человѣку. — Въ это же утро Рубинштейнъ, съ акомпанианомъ того же оркестра (нѣсколько уменьшеннаго) сыгралъ отъ начала до конца свой новый концертъ, по преимуществу бравурный, — съ свойственнымъ ему блескомъ. — Другимъ утромъ музыкальнаго наслажденія я обязанъ тому же Гайдену и придворной капеллѣ, исполнявшей его мессу въ дворцовой церкви, на другой день праздника Рождества Христова. Исполненіе было достойно произведенія; разумѣется, эти звуки не располагали меня къ молитвѣ; кажется, они не имѣли этого дѣйствія и на большую часть предстоящихъ. Католическая церковная музыка такъ же искусственна, какъ и самое богослуженіе, ее только понимаетъ человѣкъ приготовленный, какъ и латинскія

молитвы; она не вытекаетъ изъ души народа, какъ наше и юго-славянское православное пѣніе, а существуетъ сама по себѣ и воспроизводитъ духовныя впечатлѣнія на свой музыкальный ладъ. Но разъ войдя въ ея сферу, сблизившись съ образомъ пониманія католическаго художника, и способомъ, усвоеннымъ преданіемъ для передачи религіозныхъ ощущеній—вы можете оцѣнить высокій полетъ мысли въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ, и восхищаться красотой музыкальной разработки. Такое дѣйствіе производила на меня упомянутая месса Гайдена; молитвеннаго ничего не было въ этомъ впечатлѣніи, однакожь это не было земное наслажденіе оперной музыкой—это было нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, то состояніе, когда человѣкъ, принадлежащій свѣту, предается иногда размышленіямъ и ощущеніямъ религіознымъ, или когда артистъ старается воспроизвести эти ощущенія въ своей музыкальной сферѣ.—

Говоря о церковной музыкѣ, не могу не сообщить вамъ о важномъ и отрадномъ предпріятіи здѣшняго одного Сербя. молодого музыканта Станковича, положить на ноты, на четыре голоса, весь кругъ церковнаго, народнаго, древняго пѣнія, употребляемаго между православными Сербами. Замѣчательно, что у Сербовъ народъ участвуетъ въ пѣніи псалмовъ, и Станковичъ старался какъ можно ближе въ гармоніи держаться тѣхъ оттѣнковъ, которые безсознательно производятся народными пѣвцами.—Я слышалъ нѣкоторыя молитвы, спѣтыя подъ руководствомъ Станковича нѣсколькими молодыми его соотечественниками, и не могу передать всего, что я перечувствовалъ при этомъ. Въ характерѣ этихъ напѣвовъ было все оригинально и вмѣстѣ что-то родное, напоминающее наше церковное пѣніе (даже иногда народное, преимущественно сѣверно русское). Въ этомъ отношеніи оно мнѣ кажется всего ближе къ древнему Лаврскому напѣву, но не такъ уныло. Не могу вы-

сказать сколько въ сербскомъ пѣніи выражается истиннаго религіознаго чувства, умиленія, свѣжести вѣры. Эти пѣсни могли быть сложены только истинно вѣрующимъ народомъ и живущимъ христіанскою жизнію: ихъ нельзя слушать, не будучи глубоко тронутымъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о бывшей здѣсь Славянской Бесѣдѣ, т. е. музыкальномъ вечерѣ, на которомъ исполнялись разныя инструментальныя и вокальныя піэсы на славянскіе мотивы, и который заключился хоромъ изъ разныхъ славянскихъ пѣсень всѣхъ нашихъ племенъ, за исключеніемъ сѣверно-русскаго (его боятся здѣсь пуще огня; малорусскія двѣ пѣсни вошли только подъ фирмою галицкихъ). Правда Рубинштейнъ съигралъ какую-то фантазія на русскую тему; но была ли тамъ тема и какая именно—это и для Русскихъ осталось загадкою. — Съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ я здѣсь возвратиться къ своей мысли о томъ, какъ выражаетъ себя человѣкъ въ музыкѣ: все что здѣсь пѣлось и игралось, до того было переиначено на нѣмецкій ладъ, что высказало для меня вполнѣ состояніе Австрійскихъ или по крайней мѣрѣ Вѣнскихъ Славянъ. Въ довершеніе, вечеръ заключился оркестромъ Штрауса, изуродовавшимъ народныя нацѣвы въ кадрили, вальсы и польки.

Вѣна, 1 фев. и. с. 58 г.

Въ день Богоявленія въ посольской церкви устроенъ былъ хоръ сербскаго древняго народнаго напѣва, о которомъ я говорилъ въ предъидущемъ письмѣ. Это было совершенно съ полнымъ успѣхомъ: всѣ предстоящіе, Русскіе и Сербы, я увѣренъ, молились въ этотъ день усердиѣе обыкновеннаго. Кто былъ ихъ составитель? Я думаю самъ православный народъ, потому что какъ русское, такъ и сербское древнее церковное пѣніе, вѣроятно, произошло вѣками изъ глубины души народной; оттого въ немъ сохранился отголосокъ народной пѣсни, оттого и нельзя указать на его сочинителя, потому что въ подобныхъ случаяхъ все проходитъ сквозь цѣдило народнаго духа и дѣлается общимъ достояніемъ.—Надобно воздать должную справедливость Станковичу за его переложеніе на четыре голоса:— оно сдѣлано съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ основнаго напѣва и музыкальнымъ знаніемъ. Разумѣется, воспитанные духовнымъ млекомъ нашего церковнаго напѣва, соединенные съ нимъ народнымъ родствомъ и отраднѣйшими личными воспоминаніями, мы не можемъ отдать преимущества сербскому; но, я увѣренъ, всякій истинный цѣнитель будетъ тронуть его чистотою и оригинальною родственностію съ нашимъ, которая сильно шевелить струну братской племенной любви. Вы слышите что-то родное, знакомое и вѣстѣ что-то новое; то же чувство православнаго моленія выражается въ этихъ звукахъ, то же молит-

венное умиленіе, но съ оттѣнкомъ инаго характера, — это какъ-бы голосъ брата, котораго вы давно не видѣли, со времени отрочества; онъ шевелитъ вамъ сердце своимъ знакомымъ звукомъ, прежде нежели вы разслушаете слова. Предпріятіе Станковича—положить весь кругъ церковнаго пѣснопѣнія на четыре голоса, требующее много времени и постояннаго труда, должно-бы подвинуть и насъ заняться, съ знаніемъ дѣла возстановленіемъ первобытной чистоты нашихъ древнихъ напѣвовъ и правильнымъ положеніемъ ихъ на четыре голоса (*).

Отъ высокой духовной музыки перехожу къ свѣтской-славянской. Познакомившись съ нѣсколькими Сербами и Хорватами, мнѣ нерѣдко случалось здѣсь слышать ихъ пѣсни, сочиненныя по ихъ отзывамъ совершенно въ народномъ характерѣ. И вотъ что значитъ наше разъединеніе: съ перваго раза я ничего не находилъ въ нихъ общаго съ нашими; только вслушиваясь болѣе и болѣе, я открывала родственныи складъ мелодіи и могъ возстановить общеславянскую связь. Какъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ многое для насъ непонятно и странно, такъ точно и въ музыкѣ, а между тѣмъ, то и другое имѣетъ одинъ корень. И нигдѣ такъ ясно не высказывается искаженіе славянскаго духа и судьба нашего племени, какъ въ славянской музыкѣ; мы имѣемъ въ этомъ отношеніи неисчерпаемыя и драгоценныя сокровища и оставляемъ ихъ въ пренебреженіи для того, чтобы пробавляться произведеніями не музыкальныхъ народовъ, каковы Французы и Нѣмцы; насилуемъ свой вкусъ, заставляемъ себя восхищаться нерѣдко безтолковыми и бездарными твореніями, не только противными нашей славянской природѣ, но и вообще чуждыми музыкальнаго вдохновенія, составленными лишь съ помо-

(*) Примѣч. Въ послѣдствіи грудъ Станковича вышелъ въ свѣтъ и оцѣненъ по достоинству.

щю музыкальныхъ вычислевій. Не такъ-ли же мы заставляемъ своихъ дѣтей лепетать дикіе нѣмецкіе и пр. звуки, вмѣсто гармоническаго отечественнаго слова, набиваемъ ихъ голову французскими сказками и побасенками, вмѣсто того, чтобы воспитывать дѣтскій умъ и воображеніе отечественною поэзіею, оставшеюся въ народной пѣсни, сказкѣ, преданіи; бросаемъ свою благородную одежду для того, чтобы наряжаться въ нелѣпую и пр. и пр. Не разъ приходили мнѣ эти мысли, когда я слушалъ нѣмецкую оперу, въ которой такъ часто обнаруживается недостатокъ музыкальной народной основы, восполняемый въ немногихъ произведеніяхъ личнымъ талантомъ композитора, а большею частию помощію общихъ мѣстъ или формулъ генераль-баса. Но Нѣмцы вѣрны разъ принятому намѣренію—они хотятъ, чтобы у нихъ была своя опера и потому пишутъ оперы и имъ аплодируютъ. Они знаютъ, что музыка составляетъ необходимую потребность человѣческаго духа такъ же точно, какъ и другія искусства, и потому постоянно трудятся надъ созданіемъ своего рода, чтобы и въ этомъ отношеніи быть самостоятельными, чтобы не подчиняться чужеземному вліянію. Недостатокъ способности и природнаго расположенія замѣняется настойчивостію, системою и изученіемъ. Мы же имѣемъ все, что нужно для успѣха,—и ничего не дѣлаемъ.—Въ Вѣнѣ прежде опера была итальянская; во время Маріи Терезіи пѣли на итальянскомъ языкѣ и большею частию Итальянцы,—это продолжалось долго и послѣ; теперь для итальянской оперы оставлены только два весенніе мѣсяца, а въ остальное время господствуетъ нѣмецкая опера. Какъ бы было хорошо, еслибы у насъ послѣдовали этому примѣру: для воспитанія вкуса публики и пѣвцовъ это очень достаточно, а между тѣмъ не мѣшало бы развитію русской оперы.—Музыкальнымъ самостоятельнымъ развитіемъ отнюдь не должно пренебрегать—музыка есть

необходимое проявленіе народнаго вкуса къ изящному, и если вы не дадите самородной пищи этой потребности, то она будетъ искать удовлетворенія въ чужеземной, и произойдетъ исваженіе, которое, какъ и всякое другое, останется не безъ болѣзненныхъ послѣдствій для народнаго организма.

Мнѣ удалось слышать здѣсь отрывки изъ неизданной славянской оперы, написанной Хорватомъ Лисинскимъ, нынѣ уже умершимъ. Это произведеніе носить всѣ признаки великаго таланта композитора. Сюжетомъ для нея послужило историческое событіе—освобожденіе Хорватовъ отъ франкскаго ига въ первой половинѣ IX столѣтія, подъ предводительствомъ Борина. Сколько можно судить по отрывкамъ, композиторъ умѣлъ мастерски сочетать національный характеръ съ музыкальной обработкой и ясностію изложенія. Стилъ напоминаетъ манеру Моцарта, и это можетъ служить лучшею ему похвалою; богатство мыслей, легкость, съ какою онѣ вытекаютъ одна изъ другой, музыкальная характеристика дѣйствующихъ лицъ—все свидѣтельствуешь о гениальной музыкальной натурѣ сочинителя и вмѣстѣ о еще одной невознагражденной потерѣ для славянскаго искусства. И это произведеніе остается неизвѣстнымъ; оно не было не только поставлено на сцену, но даже не издано въ фортепянномъ переложеніи.—Замѣчательна судьба Лисинскаго. Онъ былъ сынъ достаточнаго купца въ Загребѣ (Аграмѣ), родился въ 1819 году; отецъ назначалъ его для адвокатскаго поприща, и потому заставилъ слушать курсъ права въ Загребской академіи, гдѣ молодой Ватрославъ (Игнацій) кончилъ курсъ съ успѣхомъ. Будучи еще въ гимназическихъ классахъ, онъ сталъ учиться игрѣ на фортепяно, а потомъ генераль-басу, у органиста Вилле и хоралиста Визнера. Въ это же время (1836—1842) написалъ нѣсколько романсовъ на слова патріотическаго

содержанія, имѣвшихъ большой успѣхъ въ Хорватіи. По окончаніи юридическаго курса, сталъ однакожь занимать-ся частными процессами; но врожденная склонность одерживала верхъ, и въ 1845 году молодой юристъ сочинилъ уже оперу для Загребскаго театра подъ названіемъ Любовь и Злодѣйство. Опера была поставлена на сцену и имѣла большой успѣхъ. Это кажется рѣшило участь Лисинскаго. Между тѣмъ, дѣла отца его разстроились, состояніе было потеряно въ неудачныхъ спекуліаціяхъ; нѣсколько благородныхъ патріотовъ, сознавая призваніе молодаго челоуѣка, дали ему средства отправиться въ Прагу, чтобы довершить свое музыкальное образованіе. Съ благодарностію можно здѣсь упомянуть, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и участникомъ въ этомъ добромъ дѣлѣ былъ одинъ Хорватъ, г. Стрига. Въ Прагѣ Лисинскій занимался теоріею композиціи и контрапунктомъ подъ руководствомъ директора тамошней консерваторіи, ученаго Киттеля, въ продолженіи трехъ лѣтъ. Тамъ онъ сочинилъ нѣсколько увертюръ и музыкальную идиллію Лѣтній Вечеръ, для оркестра, которая была играна на экзаменѣ консерваторіи и произвела всеобщій восторгъ. Молодой сочинитель былъ осыпанъ похвалами и рукоплесканіями, и возвратился въ свое отечество съ похвальнымъ дипломомъ отъ протектора консерваторіи гр. Ностица и директора ея Киттеля. Уже въ Прагѣ началъ онъ писать вышеупомянутую оперу Боринъ, которую кончилъ въ Загребѣ, собственноручно переписалъ начисто всю партитуру и подарилъ, въ знакъ благодарности, своему покровителю Стригѣ. Но ему не суждено было слышать и видѣть свое произведеніе на театрѣ. Угнетѣемый нуждою, Лисинскій сталъ давать уроки на фертепьяно; въ небольшомъ городкѣ, какъ Загребъ, это доставляло очень скудное пособіе; пришла зима, надобно было ходить по скользкимъ улицамъ и лѣстницамъ въ раз-

ныя части города, а Лисинскій былъ хромъ, не могъ ходить безъ костыля, часто падалъ и ушибался. Наконецъ принужденъ былъ отказаться отъ уроковъ, и ради на сущнаго хлѣба поступить чиновникомъ акцесистомъ въ какой то судъ на 15 р. сер. въ мѣсяць. Его слабое сложеніе не могло перенести всѣхъ огорченій, трудовъ и лишеній; онъ впалъ въ болѣзнь, обратившуюся въ водянку, и умеръ въ 1854 году, 35 лѣтъ отъ роду.

Вотъ вамъ еще печальная страница изъ біографіи артистовъ! Зачѣмъ обращаться къ временамъ давно прошедшимъ, когда искусство не понималось и не признавалось, если посреди насъ, въ то время, какъ посредственности накопляютъ себѣ тысячи на художественномъ поприщѣ, когда мы считаемъ себя ревностными цѣнителями всякаго таланта, умираетъ въ неизвѣстности, почти съ голоду, человекъ, который могъ сдѣлаться славянскимъ Моцартомъ, съ печатью генія на челѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ явится, можетъ-быть, драма или романъ, подъ названіемъ Лисинскій, и это будетъ ему единственный памятникъ. Правда, онъ хотѣлъ быть національнымъ славянскимъ артистомъ, а это предпріятіе самое неблагоприятное, какъ свидѣлствуютъ нѣсколько печальныхъ опытовъ: наше племя еще не выросло до того, чтобы могло произносить самостоятельную оцѣнку, оно еще находится въ ученьи и прислушивается къ голосу своихъ учителей, намъ еще „нельзя смѣть свое сужденіе имѣть“. Въ заключеніе мнѣ остается выразить *ria desideria*, чтобы опера Боринъ достигла Россіи, этого единственнаго пріюта славянины, и удостоилась быть поставленной на сцену въ Москвѣ или Петербургѣ.

VI.

Вѣна, 7 фев. н. с. 58 г.

Въ продолженіе моего двухмѣсячнаго пребыванія въ Вѣнѣ, мнѣ удалось между прочимъ видѣть одинъ изъ огромнѣйшихъ кирпичныхъ заводовъ (въ разстояніи часа ѣзды отъ Вѣны, въ Гринцингѣ), на которомъ выдѣлывается въ лѣто до 50 милліоновъ кирпича. Впрочемъ, въ устройствѣ я ничего не замѣтилъ особеннаго; гораздо занимательнѣе существующая при немъ выдѣлка изъ жженой глины разныхъ архитектурныхъ украшеній, карнизовъ, капителей и т. п. Удивляюсь какъ въ Россіи, особенно въ Кіевѣ, гдѣ такая превосходная глина (совершенно сходная съ тою, какую я видѣлъ на Гринцингскомъ заводѣ), не пришла мысль заняться этими произведеніями, въ которыхъ мы ощущаемъ такой недостатокъ.— Былъ я и въ Вѣнскомъ технологическомъ институтѣ — огромнѣйшемъ заведеніи, наполненномъ всевозможными мастерскими и собраніями всехъ образчиковъ австрійской фабрикаціи. Много посредственнаго, видѣнъ часто недостатокъ вкуса и технического совершенства, но есть все для удовлетворенія насущной потребности и даже мѣщанской роскоши. Теперь Австрія не нуждается въ чужихъ произведеніяхъ, всѣ потребности многочислѣннѣйшихъ классовъ удовлетворяются туземными; только богатые люди позволяютъ себѣ изъ прихоти покупать французскіе товары, и можно смѣло сказать, что этимъ благопріятнымъ результатомъ, который нынѣ служитъ для ней источникомъ благосостоянія и будущаго развитія—она обязана запретительной и

охранительной системѣ. Правительство тщательнымъ уходомъ возростило почти всѣ отрасли заводской и фабричной промышленности; оттого народное богатство растетъ, возникаютъ безпрестанно новыя промышленныя предпріятія; Государство покрывается желѣзными дорогами, для которыхъ желѣзо и машины не привозятся изъ-за границы, а покупаются на своихъ заводахъ, и потому эти постройки пускаютъ въ оборотъ огромныя капиталы внутри государства, служатъ къ обогащенію своихъ заводчиковъ и даютъ работу и дѣльбъ тысячамъ рукъ. Въ наше время (а можетъ-быть и всегда такъ было) государство, не создавши себѣ промышленной самостоятельности, а слѣдовательно и народнаго богатства, не можетъ достигнуть и самостоятельности нравственной, значенія на поприщѣ политическомъ и на всякомъ другомъ. Примѣромъ могутъ служить южныя европейскія государства—Пиренейскій полуостровъ, Италия, Турція,—обреченныя на бѣдность и ничтожество. Австрійское правительство сначала инстинктивно, подобно другимъ, силилось создать у себя національную промышленность, достигло этого, несмотря на множество историческихъ препятствій, и теперь продолжаетъ уже сознательно дѣйствовать въ томъ же духѣ. При мнѣ зашла рѣчь въ журналахъ о дороговизнѣ желѣза: компаніи желѣзныхъ дорогахъ жаловались на высокія цѣны, возникшія отъ умножившагося потребленія, на недостаточность туземнаго матеріала. Правительство уважило эти жалобы, но прежде уменьшенія тарифа обратилось, съ благоразумною осторожностью, къ торговымъ камерамъ разныхъ городовъ, требуя ихъ мнѣнія по этому вопросу. Отвѣты многихъ изъ нихъ были отрицательные, и вопросъ при мнѣ оставался еще не рѣшеннымъ.

Не мало способствовалъ къ оживленію промышленной дѣятельности капиталъ, которымъ выкуплены крестьян-

скія повинности у помѣщиковъ. Этотъ капиталъ, правда, покажется номинальный, состоящій въ облигаціяхъ, приносящихъ процентъ; правда, что онѣ стоятъ ниже своей первоначальной цѣны, но однакожь принимаются наравнѣ съ другими государственными бумагами, обеспечены особыми государственными доходами, и играютъ важную роль въ общемъ оборотѣ, представляя сумму до 180 милліоновъ руб. сер. Цѣнность ихъ будетъ возрастать по мѣрѣ извлеченія изъ оборота, которое распределено на 40 лѣтъ, и производится посредствомъ тиража каждые полгода. Для составленія капитала погашенія учреждены—особая подать и сборъ со всѣхъ сословій и даже чиновниковъ, по очень справедливому соображенію, что всѣ жители государства должны принести жертву для увеличенія благосостоянія класса земледѣльцевъ, для выкупа тяготѣвшихъ на нихъ повинностей. Такимъ образомъ помѣщики, потерпѣвшіе убытки, не имѣютъ права жаловаться—это дѣлается жертвою общенародною а не частною.

Не бывши въ Австріи болѣе 12 лѣтъ, я теперь нашель во всемъ прогрессъ и движеніе къ лучшему, начиная съ матеріальнаго благосостоянія до развитія образованности и умственной дѣятельности, отъ мелочей внѣшности и до изящныхъ удовольствій жизни и искусства. Въ Вѣнѣ это замѣтно въ особенности. Торговая дѣятельность проявляется здѣсь въ безчисленномъ множествѣ магазиновъ и лавокъ, которыми наполнены нижніе этажи всѣхъ домовъ. Это даетъ среднему сословію и народу деньги, а слѣдовательно и возможность веселиться—оттого и безчисленны разныя народныя сборища въ трактирахъ, гдѣ обыкновенно играютъ какіе-нибудь фарсы, рассказываются юмористическіе анекдоты или поются пѣсни. Надо отдать справедливость Пѣмцамъ, что въ этихъ собраніяхъ все

происходить спокойно и чинно; никогда не бывает ни шуму, ни ссоръ, и я не видѣлъ ни одного пьянаго.

Большихъ театровъ въ Вѣнѣ пять; представленія даются ежедневно, и всѣ театры набиты биткомъ, чего прежде не было. Правда, и они сдѣлали успѣхи: труппы почти вездѣ отличныя и піэсы исполняются очень удовлетворительно, а иногда превосходно. Драматическая литература оживилась; появляется много новыхъ комедій и драмъ. Я посѣщалъ больше первыя, и могу сказать, что видѣлъ нѣсколько піэсъ, прекрасно написанныхъ, взятыхъ прямо изъ окружающей жизни, съ вѣрно-переданными типами и характеристиками.

Журналистика обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность: ежедневныхъ газетъ, большею частію составляемыхъ очень тщательно, выходитъ множество; литературныя газеты по части искусствъ, театровъ, промышленности, кажется, слабѣе. — Всѣмъэтимъ завалены кофейни, встрѣчаемыя на каждомъ шагу, въ которыхъ безъ преувеличенія вы находите груды періодическихъ изданій, — доказательство, что все это читается массою публики. Несмотря на новую пошлину, дешевизна ихъ замѣчательна: есть ежедневныя изданія, которыя стоятъ 3—4 руб. сер. въ годъ; отъ того нѣтъ почти дворника, который бы не получалъ газеты.

Архитектура частныхъ домовъ и общественныхъ зданій, которая всегда отличалась въ Вѣнѣ особеннымъ безвкусіемъ, теперь начинаетъ обнаруживать болѣе очищенный и изящный характеръ. По чьей-то счастливой мысли или подъ вліяніемъ венеціанскихъ памятниковъ, является наклонность къ византійскому стилю, и это даетъ по крайней мѣрѣ архитектурнымъ частямъ роскошь и характерность. Разумѣется къ этому примѣшивается въ частныхъ

УІІ.

Прага 10 фев. п. с. 58 г.

Но пора оставить Вѣну, въ которой я зажилъ болѣе чѣмъ слѣдовало, и попросить васъ отправиться въ шесть часовъ утра на желѣзную дорогу, по которой вы въ 14 часовъ вмѣстѣ со мной можете, если угодно, прикатить въ Золотую Прагу (Zlatna Praha). На пути въ Прагу я видѣлъ только равнины и холмы покрытые снѣгомъ и тощими ёлками. Эти елки преслѣдовали меня до самого Берлина; можно сказать, что я въ лѣсахъ почти не видѣлъ другаго дерева и потому возымѣлъ невыгодное мнѣніе о богатствѣ здѣшней природы, которая во всякомъ случаѣ гораздо бѣднѣ нашей малороссійской, не говоря о нашемъ черноземѣ, какаго нѣтъ ни въ окрестностяхъ Вѣны, ни въ окрестностяхъ Праги и Дрездена. — Въ вагонѣ мнѣ случилось разговориться съ однимъ господиномъ, который оказался главноуправляющимъ большаго дворянскаго имѣнія въ Богеміи; онъ разсказалъ мнѣ, что выкупъ крестьянскихъ повинностей имѣлъ въ Богеміи очень хорошія слѣдствія; что помѣщики рѣшительно ничего не потеряли, потому что легко находятся наемные рабочіе, которымъ платится не болѣе 12 — 15 крейцеровъ въ лѣтній день (12—15 коп. сер.) на ихъ содержаніи, а работа ихъ гораздо лучше обязанной. Когда я выразилъ мое удивленіе такой низкой платѣ, какая невозможна у насъ въ Малороссіи, если даже наемщикъ будетъ кормить работника, то онъ объяснилъ это тѣмъ, что въ Богеміи въ помѣщичьихъ владѣніяхъ было почти вездѣ очень много безземельныхъ крестьянъ, такъ назы-

ваемых Häusler, которые ничего не имѣютъ кромѣ избы, изъ нихъ то и состоятъ наемные рабочіе. Между тѣмъ какъ крестьяне, надѣленные землею, довольствуются своимъ хозяйствомъ и никогда не нанимаются. Вотъ отъ чего въ Богеміи освобожденіе крестьянъ отъ повинностей было гораздо выгоднѣе для помѣщиковъ, нежели въ Галиціи и землѣ Хорватской, гдѣ очень ощутителенъ недостатокъ въ рабочихъ.

Не буду вамъ описывать своихъ встрѣчъ съ Славянами въ Прагѣ,—довольно того, что я въ старыхъ и новыхъ знакомыхъ встрѣтилъ такую же родственную привѣтливость и радушіе, какъ и прежде. Я осматривалъ подробно, сколько позволялъ холодъ, Чешскій Музей, въ которомъ столько драгоценнаго по славянской старинѣ. Отдѣлъ рукописей былъ для меня особенно любопытенъ: онъ ожидаетъ чешскаго Востокова, который бы объяснилъ и сдѣлалъ общеизвѣстными его сокровища. Нѣсколько находящихся въ немъ древнихъ, уставовъ городскихъ и земскихъ, могутъ безъ сомнѣнія прояснить многое касательно древняго общественнаго устройства славянскихъ земель.—Собраніе древностей касательно славянской миеологіи кажется самое богатое какое существуетъ, и необходимо для изученія каждому, занимающемуся этимъ предметомъ.

Что же сказать вообще объ успѣхѣ развитія чешской національной жизни? Я могъ наблюдать ея проявленія только въ небольшомъ обществѣ литераторовъ, съ которыми былъ въ соприкосновеніи, и, признаюсь, вынесъ грустное чувство. Не скажу, чтобы кругъ дѣйствія патріотическихъ стремленій сѣузился, чтобы охлажденіе къ своей народности взяло верхъ, но мало замѣтно и успѣха, а главное—замѣтно какое то уныніе, упадокъ надеждъ. вмѣсто увлеченій, вмѣсто увѣренности въ будущемъ, которыя я встрѣчалъ въ Прагѣ 13 лѣтъ назадъ, теперь проглядывало утомленіе и сомнѣніе.

Надежда на конституціонныя права, которыми льстиль 48-й годъ, потомъ надежда привлечь на свою сторону правительство, которое обязано Славянамъ своимъ спасеніемъ, — все это обмануло. Вѣнское правительство, какъ скоро утвердилось и почувствовало свои силы послѣ революціоннаго кризиса—тотчасъ же отвернулось отъ Славянъ, и вошло въ прежнюю колею своей нѣмецкой политики, состоящей въ томъ, чтобы германизировать своихъ славянскихъ подданныхъ. На этомъ пути оно даже стало дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе, нежели прежде. Централизація сдѣлалась его идеаломъ въ административномъ отношеніи, а единство учреждений — въ государственномъ и гражданскомъ устройствѣ. Во всей своей дѣятельности правительственной, духовной и образовательной, оно открыто стало подъ германское знамя и призвало на помощь германскую цивилизацію. Славяне не могутъ долго бороться съ этою тройною силою—правительства, духовенства и нѣмецкой образованности, направленною къ одной цѣли; вся ихъ сила состоитъ въ простомъ народѣ, который въ своихъ селахъ мало доступенъ правительственнымъ и другимъ германизирующимъ усиліямъ; все же прочее, что начинаетъ нѣсколько возвышаться надъ общимъ уровнемъ, попадаетъ въ раскинутыя вездѣ нѣмецкія сѣти. Конечно Чехи вообще наиболѣе этому подвержены,—они составляютъ какъ бы славянскій мысъ въ германскомъ морѣ, передовой постъ, на который тяжело обрушивалась нѣмецкая сила во время вражды, и тайно подкапывала его во время мира. Несмотря однакожь на всѣ усилія, ей удалось до сихъ поръ сломить этотъ постъ только вполонину.—Не обинуясь можно сказать, что будущее ихъ зависитъ отъ положенія Россіи, какъ и будущее всѣхъ австрійскихъ Славянъ. Если Россіи представится случай потрясти усиливающееся могущество Австріи; если она при этомъ въ состояніи будетъ обезпечить для

Славянъ тѣ права, которыя имъ торжественно обѣщаны въ 1849-мъ году, тогда они спасены для славянской семьи, тогда они могутъ ити впередъ по пути національнаго развитія; если же они еще въ продолженіи 50 лѣтъ будутъ предоставлены только своимъ силамъ, въ оборонительномъ положеніи неподвижности, тогда они погибли для себя и для насъ,—тогда они сдѣлаются слѣпыми, но юными и свѣжими орудіями германизма; мы вмѣсто родныхъ и друзей будемъ имѣть въ нихъ враговъ, и вмѣсто дряхлой Австріи—сильную, обновившуюся сосѣднюю державу, враждебную всѣмъ нашимъ интересамъ *).

*) Послѣ разгрома 1866 года и устраниенія Австріи изъ Германскаго Союза, германизирующая ея сила видимо ослабѣла; но за то въ близкомъ будущемъ угрожаетъ Западнымъ Славянамъ гораздо болѣе опасный Пангерманизмъ подъ предводительствомъ Пруссіи. Прим. 70 г.

УШ.

Парижъ, 27го марта 58 г.

Сегодня, въ день католическаго Благовѣщенія, я былъ въ Notre Dame de Paris, привлеченный объявленіемъ о торжественномъ богослуженіи. — Съ того началось, что при входѣ за какую-то перегородку съ меня взяли 1 франкъ (всѣ не могущіе платить оставались въ отдаленномъ и тѣсномъ углу церкви); я очутился нѣсколько на просторѣ, но и тутъ народу было множество. Внутри, церковь подвергается возобновленію, то-есть окраскѣ съ разными узорами, довольно безвкусными. Вѣроятно по причинѣ работъ, огромный оркестръ и хоръ пѣвчихъ (всего я думаю до 200 чел.) были помѣщены сбоку, недалеко отъ главнаго алтаря. Всѣ усѣлись на стульяхъ и лавкахъ какъ въ концертѣ, и началась месса, музыка которой новаго сочинителя Гуно. Исполненіе было отличное; могучіе звуки инструментовъ и голосовъ разносились подъ сводами съ замѣчательною стройностію и выраженіемъ; въ оркестрѣ было шесть арфъ, гармоніоны, всѣ возможные офикленды и турецкіе барабаны съ гремушками, — такъ что я рѣшительно вообразилъ себя сидящимъ въ оперѣ, даже отдалъ преимущество музыкѣ мессы Гуно, въ сравненіи съ слышанною мною наканунѣ новою оперою Галеви la Magicienne; композиція была грандіозна, не лишенная чувства и прекрасныхъ мелодій. Затѣмъ какой-то господинъ игралъ соло на скрипкѣ, превосходное *andante*, которое произвело общее умиленіе, до того что по окончаніи во многихъ мѣстахъ раздались *bravo*. Еще было соло для басса. Потомъ духов-

ное лицо взошло на кафедру, и чистѣйшимъ парижскимъ нарѣчіемъ, съ удивительною округленною фразъ, импровизовало проповѣдь или лучше лекцію о вліяніи христіанства на развитіе искусствъ, о благотворномъ и живительномъ дѣйствии на нихъ религіи, которая оторвала ихъ отъ матеріальности и обратила къ выраженію высшихъ, благородныхъ движеній души, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыла имъ обширное поприще дѣйствія. Проповѣдникъ окончилъ воззваніемъ къ искусствамъ, чтобы они стремились къ возможному достиженію идеаловъ высокаго и благороднаго; что церковь средневѣковую напрасно упрекали въ излишнемъ покровительствѣ искусствамъ, что это нисколько не противорѣчитъ ея сущности и назначенію, состоящему въ томъ, чтобы освящать и просвѣтлять всѣ лучшія потребности человѣческой природы, и что поэтому и теперь церковь католическая принимаетъ искусства подъ свое покровительство, и видитъ въ нихъ себѣ помощниковъ.—Смыслъ этой проповѣди былъ замѣчателенъ,—онъ уясняетъ взглядъ, къ которому нынѣ пришла римская церковь, влекомая необходимостію. Чтобы возстановить или удержать сколько-нибудь свое вліяніе, она дѣлаетъ возможныя уступки духу времени и человѣческимъ наклонностямъ: она нисходитъ до обыденной жизни нынѣшняго человѣка, принаравливается къ его наклонностямъ, лишь бы только не выпустить совершенно изъ рукъ своего питомца. Оттуда и эти мессы-концерты, и обращеніе къ архитектурѣ, живописи и вааянію для привлеченія поклонниковъ, для дѣйствія на воображеніе и чувство. Можно конечно нападать на это; но можетъ-быть въ нынѣшнемъ положеніи здѣсь христіанства не возможно дѣйствовать иначе. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе римской церкви все-таки благотѣтельно; благодаря ей еще поддерживаются христіанскія понятія, обуздывается сколько-нибудь безправственность, и есть

классъ людей, которые не однимъ эгоизмомъ руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ. Если въ обрядности римскаго богослуженія страждетъ идеальная чистота и возвышенность вѣры, то наоборотъ оно, нисходя до разныхъ проявленій искусства, возвышаетъ ихъ и очищаетъ отъ безпрерывно влегущей ихъ къ упадку матеріальности. Тутъ можно еще найти оправданіе; но я не могу найти оправданія для слѣдующаго. Въ этотъ же день на стѣнѣ Notre Dâme я прочиталъ посланіе парижскаго архіепископа, прекрасно начинающееся тѣмъ, что онъ передъ началомъ поста хочетъ подѣлиться съ своею новою паствою (онъ кажется архіепископомъ не болѣе 9 мѣсяцевъ) отрадными чувствами, которыя возбуждены въ немъ ближайшимъ знакомствомъ съ населеніемъ его епархіи; что онъ нашелъ въ ней много вѣрныхъ, людей хранящихъ ученіе Христова и проводящихъ его въ жизнь и дѣйствія, что онъ открылъ много христіанскихъ подвиговъ, примѣровъ любви къ ближнему и самоотверженія; приглашаетъ всѣхъ укореняться въ благодѣтельномъ ученіи, и стараться очистить себя отъ всякія скверны, еще заражающей столь многихъ. Но въ концѣ слѣдуютъ распоряженія насчетъ пріобрѣтенія индульгенціи, данной папою, по случаю юбилея; говорится, что для этого нужно въ продолженіе мѣсяца три раза посѣтить обѣдню и дать милостыню, которая обращается въ пользу общества *de propaganda fide*. Далѣе — распоряженія насчетъ поста, что въ такіе-то дни недѣли за обѣдомъ позволяется есть говядину, и за это должно дать милостыню въ пользу бѣдныхъ, а кто хочетъ ѣсть яйца за завтракомъ, то долженъ дать милостыню на церковныя потребности. — Не понимаю, какъ умное римское духовенство не видитъ несообразности подобныхъ распоряженій съ духомъ религіи и съ простымъ приличіемъ времени.

Виѣщность Notre Dâme не сдѣлала на меня ожидаемаго впечатлѣнія, можетъ-быть потому, что очистка вѣковой плесени лишила ее угрюмо поэтического характера, безъ котораго кажется не могутъ обойтись готическіе памятники; это чувствовалъ я и при осмотрѣ Кельнскаго Собора. Въ самомъ дѣлѣ, когда чернота снята со стѣнъ, когда всѣ части и частности передъ вами ясно обнаруживаются, вы невольно скажете себѣ: да гдѣ жъ тутъ величественное и грандіозное, для выраженія высокой идеи вѣры, гдѣ характеръ могущества приличный Божеству? Все это такъ свѣтло, легко, прозрачно, что скорѣе прилично для какой-нибудь оранжереи или увеселительнаго павильона, нежели для церкви. Въ самомъ дѣлѣ, основа готического зданія состоитъ изъ столбовъ, поддерживающихъ остроконечную арку или сводъ; этотъ принципъ повторяется съ неизмѣнностію во всѣхъ частностяхъ — въ рисункѣ дверныхъ и оконныхъ отверстій, самыхъ стекольныхъ рамъ и всѣхъ украшеній, такъ что все зданіе состоитъ изъ реберъ (а именно—виѣшныхъ контрфорсовъ, внутреннихъ столбовъ и арокъ свода), образующихъ какъ бы влѣтку, промежутки которой закладываются мѣстами, оставляя огромныя пространства для оконъ (какъ въ Кельнскомъ Соборѣ, гдѣ почти нѣтъ стѣнъ, а все окна между столбами). Мнѣ кажется, что такой родъ архитектуры, гдѣ стѣны составляютъ лишнюю принадлежность, и гдѣ все опирается на столбахъ, впрочемъ очень красивыхъ и разнообразныхъ, смотря по массамъ, ими поддерживаемымъ,—по существу своему приличенъ болѣе для построекъ, требующихъ особенно много свѣта, какъ-то: хрустальныхъ дворцовъ, выставокъ промышленности, зимнихъ садовъ, но не для храмовъ, гдѣ нѣтъ въ этомъ надобности, гдѣ скорѣе нуженъ полусвѣтъ, болѣе сосредоточивающій человѣка въ самомъ себѣ и устраниющій отъ него постороннія впечатлѣнія.—

Притомъ, только эта потребность въ излишнемъ свѣтѣ, которая, какъ я сказалъ, не существуетъ для христіанскаго храма, можетъ оправдать готическую архитектуру въ употребленіи контрфорсовъ, которые, чтобы ни говорили Нѣмцы, составляютъ истинное безобразіе всякаго большаго готическаго памятника, и въ изящной архитектурѣ ничѣмъ оправданы быть не могутъ. Стоитъ взглянуть безпристрастнымъ взглядомъ на рисунокъ Кельнскаго Собора (чистѣйшаго выраженія готической архитектуры), чтобы въ этомъ убѣдиться; какъ бы ни украшались башенками и разнымъ каменнымъ узорочьемъ эти контрфорсы, а все-таки это не болѣе какъ подпорки, какія-то перья, закрывающія зданіе, какъ лѣса во время постройки; такъ что глазъ зрителя въ боковомъ фасѣ видитъ какую-то беспорядочную изломанную массу въ которой ничего понять не можетъ, и останавливается только на порталахъ. На готическій храмъ можно только смотрѣть спереди, то есть отъ главнаго входа: тутъ онъ украшенъ самымъ зачѣйливымъ образомъ; нѣтъ числа колонкамъ, поддерживающимъ дверную арку и статуи святыхъ, консолямъ, тоже съ подобными статуями, разнымъ аркадамъ, и сверху всего великолѣпная розетка съ разнымъ узорочьемъ и разноцвѣтными стеклами; по бокамъ главнаго входа обыкновенно возвышаются двѣ башни (которыя во всѣхъ большихъ зданіяхъ впрочемъ не окончены), — все это пріятно, не грандіозно, но заманчиво поражаетъ приближающагося къ храму. Но пусть зритель не заходитъ сбоку и со стороны хора — онъ увидитъ одну безобразную и беспорядочную каменную массу.

Второй недостатокъ готики, менѣе замѣтный, — это однообразіе. Какъ я уже выше сказалъ, начиная отъ главнаго скелета зданія до оконной рамы, повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ: столбы, поддерживающіе остроконечную

арку; тамъ — это огромные пуки столбовъ, подпирающіе сводъ на большой высотѣ, здѣсь — это связки столбиковъ, въ родѣ тростей, изъ которыхъ выходитъ верхній переплетъ. Въ Кельнскомъ Соборѣ, гдѣ стиль строго выдержанъ, эта форма проведена съ неизмѣнною точностію до самыхъ мѣлочей; фантазія архитектора не позволила себѣ ни малѣйшаго произвола, такъ что вамъ достаточно видѣть кусочекъ зданія, одну башню или порталъ — и вы будете напередъ знать все прочее. Мнѣ возразятъ, что и въ другихъ родахъ есть свои неизмѣнныя основы; но онѣ даютъ просторъ художнику въ подробностяхъ, не стѣсняють однообразіемъ линій его фантазіи въ развитіи частей, да и въ главныхъ очертаніяхъ представляютъ болѣе разнообразія и соотвѣтствія потребностямъ монументальнаго зданія, въ которомъ стѣны должны составлять существенную часть, для образованія отдѣльнаго и замкнутаго цѣлаго. — Готическая архитектура чисто декоративная; это такъ ясно видно на всѣхъ большихъ зданіяхъ, гдѣ, какъ я уже сказалъ, вся роскошь и затѣйливость сосредоточиваются на порталахъ и лицевомъ фасѣ, а бока зданія представляютъ безобразныя контрфорсы; вся красота состоитъ не въ гармоніи частей и общихъ линій, а въ роскоши частныхъ, въ воздушности зданія и въ перспективномъ эффектѣ. Можно сказать даже, что все рассчитано на перспективный эффектъ, особенно внутри. Оттого такъ всегда красиво готическое зданіе въ рисунокѣ или еще болѣе на сценѣ театра, въ декорации: тутъ оно дѣйствительно на своемъ мѣстѣ, потому что ставится въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ архитектурной перспективы, и зрителю представляется одна его живописная сторона. Вѣрно каждый, порывшись въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ, согласится со мною.

Но вотъ вопросъ, который часто приходилъ мнѣ въ голову: какимъ образомъ Нѣмцы, отличающіеся положитель-

ностію характера, расчитанностію, отсутствіемъ увлеченія. могли усвоить такой прихотливый и воздушный родъ архитектуры? Правда, что онъ не такъ націоналенъ, какъ утверждаютъ нѣмецкіе ученые, что онъ занесенъ съ юга и преимущественно развился въ романофранкскомъ племени, что онъ въ собственной Нѣмціи не пустилъ глубокихъ корней, и въ частныхъ зданіяхъ видна или смѣсь стилей, или совершенное отступленіе отъ готики, начиная съ конца XVI стол.; но все-таки въ церковной архитектурѣ Нѣмцы предпочитаютъ этотъ стиль всякому другому. Я объясняю это себѣ модою, т. е. вкусомъ къ тому, что по нашему характеру кажется намъ самымъ необыкновеннымъ; такъ для средневѣковаго Нѣмца, окруженнаго тяжелыми постройками, имѣвшими почти всегда цѣлью защиту, и походившими оттого на оборонительныя башни, получала особенную прелесть и примадку воздушность церковнаго зданія, въ которомъ все было сквозное, доступное свѣту и воздуху; естественно было ему увлечься его живописностію, и перенести къ себѣ произведеніе южной, кажется арабской, фантазіи. Впослѣдствіи вкусъ къ этому роду сталъ постепенно распространяться, а теперь онъ уже составляетъ національное достояніе, и Нѣмцы вполне справедливо дорожатъ имъ и стараются его поддерживать какъ произведеніе своего историческаго преданія.—Кто-то объяснялъ характеръ готики сходствомъ ея разнообразныхъ столбовъ и колонокъ съ стволами деревьевъ, и выводилъ ея происхожденіе отъ прежней лѣсной природы Германіи; но эта мысль болѣе похожа на удачное поэтическое сравненіе, нежели на объясненіе.

Вообще Парижъ имѣетъ очень мало памятниковъ готической архитектуры; по мнѣ лучшія его зданія принадлежатъ классическому стилю — церковь *la Madeleine*, *le dôme des Invalides*, *le Pantheon*, *le Corps législatif* — прекрасныя

сооруженія. Конечно церковь Магдалины имѣетъ совершенно наружность языческаго храма; но устранивши это воспоминаніе, нельзя не отдать справедливости величественности стilia и соразмѣрности частей. Мнѣ кажется, что фронтоны скопированы въ точности, съ сохраненіемъ размѣровъ, съ фронтона римскаго Пантеона — это и хорошо: одни Древніе обладали этою тайною размѣровъ, которые придаютъ неизяснимое изящество ихъ архитектурнымъ остаткамъ. Всѣ подражанія съ измѣненіями неудачны; примѣръ этому представляетъ Берлинъ, гдѣ пресловутый Шинкель (котораго и у насъ считали геніемъ со словъ Нѣмцевъ) построилъ много строеній въ греческо-римскомъ стилѣ, какъ будто для того только, чтобы выказать свое безсиліе, и заставить путешественника задать себѣ вопросъ: отчего въ пасмурномъ, филистерскомъ и капральскомъ Берлинѣ, посреди песчаной равнины, покрытой тощимъ сосновымъ лѣсомъ, является вдругъ архитектура благословенныхъ, живописныхъ и солнечныхъ странъ юга? Та же мода, влеченіе къ тому, что ново и неестественно. Можно бы простить это увлеченіе чужеземнымъ (кто въ этомъ не грѣшнень!), особенно за недостаткомъ своего, если бы берлинскія архитекторы строже держались античныхъ первообразовъ, или выказали истинное пониманіе ихъ характера; но они въ своихъ произведеніяхъ выказали только мѣщанскій характеръ своей націи и безвкусіе.

Парижскіе классическіе памятники показываютъ, напротивъ, что у Французовъ есть родство съ югомъ, съ римскимъ племенемъ. Большая часть созданнаго въ этомъ родѣ носитъ на себѣ печать истинно величественнаго или грандіознаго (какъ говорятъ въ Петербургѣ); видно инстинктивное пониманіе характера этого стilia, врожденный вкусъ въ воспроизведеніи частей и деталей; то и другое не можетъ быть замѣнено никакимъ изученіемъ. Кромѣ того,

для классической архитектуры нуженъ народъ славолюбивый, ищущій эффектовъ, расточительный и обожающій виѣшнее изящество болѣе, нежели роскошь и комфортъ. Мнѣ кажется, что при нынѣшнемъ настроеніи Французовъ, при частомъ обращеніи ихъ къ римскимъ воспоминаніямъ и умѣньи драпироваться при случаѣ римскимъ костюмомъ, — этотъ стиль наиболѣе бы соотвѣтствовалъ ихъ потребности и удавался бы имъ лучше другихъ. По крайней мѣрѣ попытка возстановить связь съ архитектурнымъ преданіемъ XVII стол., выразившаяся въ стилѣ Palais de l'Industrie можетъ назваться неудачною. Идеи и характеръ общества приняли другое направленіе, а между ними и виѣшнею обстановкою всегда есть и должна быть необходимая связь. Первая имперія сознательно или инстинктивно понимала это, и съ ея времени начинается во Франціи рѣшительное сочувствіе къ римско-классической архитектурѣ.

ПОЪЗДКА ТРЕТЪЯ

1867.

ГОРЬКА ПЕЛЮ

1867

ПОѢЗДКА ТРЕТЬЯ.

1867.

Въ началѣ апрѣля (а именно 8 ч.) я выѣхалъ изъ Петербурга, проживши въ немъ пять зимнихъ мѣсяцевъ, и признаю, что Петербургъ вообще мнѣ не понравился. Въ отношеніи природы и климата это такой край, въ которомъ только правительственный произволъ могъ создать столицу Россіи; и чтобы ни говорили, я не могу признать разумности въ государственномъ дѣйствіи, которое до такой степени шло наперекоръ естественному тяготѣнію народа. Мѣры Петра I вообще представляютъ непривлекательное зрѣлище азіатскаго деспотизма, употребляемаго для распространенія европейской цивилизаціи, и надо сознаться, что нерѣдко мнимая геніальность ихъ виновника заключалась только въ его лихорадочной дѣятельности. Если бы исчислить все нелѣпныя распоряженія, неудачные опыты, разорительныя постановленія, которыя принадлежатъ Петру, то навѣрное оказалось бы, что онъ превзошелъ въ этомъ все послѣдующее время нашей новой исторіи. Весь результатъ состоялъ въ томъ, что эти мѣры также скоро отмѣнялись, какъ и издавались, и что послѣ ряда неудачныхъ, бѣдственныхъ опытовъ, изъ чаши страданій множества лицъ получалась капля пользы. Можно сказать, что историческая необходимость, создавшая такъ много геніаль-

*

ныхъ людей, на этотъ разъ выбрала для себя страшное и вмѣстѣ очень несовершенное орудіе. Личные недостатки Петра нельзя относить на счетъ времени; вспомнимъ, что онъ былъ сынъ добродѣтельнаго Алексѣя Михайловича, и что у современниковъ заслужилъ имъ антихриста столько же за нововведенія противныя старой вѣрѣ, сколько и за пренебреженіе къ правиламъ христіанской нравственности. Несовершенное орудіе былъ онъ потому, что для осуществленія исторической потребности, онъ неумѣлъ избрать лучшихъ средствъ и найти мудрыхъ мѣръ, а хваталъ первыя, какія ему приходили въ голову, шелъ вкривъ и вкось, и едва не погубилъ Россію, которая выдержала неслыханные эксперименты только благодаря могучей и смиренной натурѣ своего народа. Въ продолженіи 20 лѣтъ послѣ его смерти, то-есть до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, царствовалъ въ правительствѣ совершенный хаосъ, благодаря всеобщей ломкѣ, которую онъ произвелъ въ государственномъ строѣ. Надо удивляться, что въ этотъ періодъ безтолковаго и жестокаго владычества нѣмецкой партіи, не произошло возстанія въ провинціяхъ и общей смуты. Стремленіе Петра привить народу европейскую цивилизацію не можетъ быть поставлено ему въ заслугу, потому что оно было внушено потребностію времени; средства же, употребленныя къ осуществленію этого, то-есть все то, въ чемъ выражалась работа ума, самостоятельная дѣятельность реформатора, не только не выказываютъ геніальности, но большею частію заслуживаютъ полнѣйшаго порицанія.

Однимъ изъ такихъ неудачныхъ средствъ, можетъ быть даже главнымъ, можно считать основаніе столицы въ Петербургѣ, которое имѣло много вредныхъ послѣдствій для нашего отечества. Не говоря уже о томъ, что только человѣкъ обладаемый гидроманією могъ выбрать мѣсто для

большаго города на болотныхъ островахъ; ради того, чтобы создать второй Амстердамъ, забывши, что рѣчки и каналы, по которымъ онъ мечталъ плавать, бываютъ покрыты льдомъ полгода,—самая рѣшимость создать новую столицу въ такомъ краѣ показываетъ отсутствіе истинной государственной мудрости. Столица обыкновенно привлекаетъ къ себѣ значительную долю умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа (не нужно было геніальности даже во время Петра, чтобы понимать это); какой же ущербъ въ этихъ силахъ онъ долженъ былъ произвести, отвлекая ихъ въ такой отдаленный, неприютный, бесплодный и суровый по климату уголъ государства? Дѣйствительно—ущербъ наносился и наносится огромный: значительная доля нашего государственнаго бюджета тратится въ этомъ городѣ; а сколько тратится массою пріѣзжихъ, которые привлекаются дѣлами или столичными удовольствіями! И несмотря на это, край прилегающій къ Петербургу остается пустыннымъ,—до такой степени природа враждебна здѣсь человѣку. Татарскія опустошенія и деспотизмъ обезлюдили Кіевскую Область, заставили русскую государственную жизнь уйти на сѣверъ, во Владиміръ, а потомъ въ Москву; а Петровскій деспотизмъ загналъ ее еще дальше, въ гораздо болѣе безотрадное мѣсто. Многознаменательное согласіе!

Петербургъ былъ произведеніемъ и орудіемъ деспотизма, ему обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ, и, я увѣренъ, что вмѣстѣ съ либеральными началами, которыя съ нынѣшняго царствованія нашли доступъ въ наше правительство, начнется его упадокъ. Это неизбѣжно рано или поздно: уже одна постройка всякой новой желѣзной дороги есть ущербъ для Петербурга. Придетъ время, когда потомки наши будутъ вычислять, какія огромныя траты понесла Россія для созданія временной столицы, и тогда слѣпот-

стующіе наши историки перестануть можетъ-быть пѣть хвалебные гимны Пётру I.

Вотъ какія мысли осаждали меня, между тѣмъ какъ нашъ поѣздъ мчался мимо пустынныхъ мѣстностей, еще покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. — На другой день утромъ, мы пріѣхали въ Вильну; я отправился въ городъ, который видѣлъ въ первый разъ. — Красивая мѣстность, чистый, уютный видъ. — Всего болѣе бросается въ глаза тѣсное сожителство православія съ католичествомъ; нѣкоторыя церкви стоятъ почти рядомъ съ костѣлами. При этомъ вы замѣчаете, что первыя имѣютъ обновленный, возрождающійся видъ, а вторыя носятъ слѣды дряхлости и разрушенія. Дай Богъ, чтобы таково же было и внутреннее содержаніе! — Смотри лишь съ разсудочной точки зрѣнія, не подлежитъ сомнѣнію, что православіе должно имѣть несравненно больше будущности, нежели католичество, уже по одному своему демократическому устройству, сообразному съ духомъ времени и по вѣрности основнымъ принципамъ вѣры. Но за то католичество имѣетъ на своей сторонѣ крѣпость организациі, единоначаліе, безбрачіе духовенства и множество монашескихъ орденовъ. Все это доставляетъ ему энергическихъ, преданныхъ до энтузіазма дѣятелей, которые отдають себя вполне, душою и тѣломъ, своему призванію. Мнѣ кажется, чтобы дать возможность нашему приходскому сельскому духовенству развиться до требуемой высоты, и воспитать въ его средѣ такихъ же усердныхъ дѣятелей вѣры, необходимо прежде всего избавить его отъ поземельныхъ надѣловъ и отъ заботъ сельскаго хозяйства. Занятія сельскаго хозяина требуютъ такого постояннаго вниманія, до того мелочны и матеріальны, что они невольно отвлекають умъ священника совершенно въ другую

сторону отъ той, куда онъ долженъ быть направленъ, мало по малу притупляютъ его и погружаютъ въ среду матеріальныхъ интересовъ. Когда тутъ заботиться о душѣ, если надо ладить соху и препираться съ мужиками за сдѣланную поправку? Когда просвѣтлять свой умъ и направлять волю на пользу церкви, если забота о пропитаніи семейства требуетъ ежеминутнаго попеченія? Такое положеніе есть безъ сомнѣнія одна изъ главныхъ причинъ духовной апатіи и грубости типа нашего приходскаго священника, и зная близко его бытъ, нѣтъ возможности обвинить его въ томъ, что создано силою обстоятельствъ.

Муравьеву Вильна обязана возрожденіемъ въ ней русскаго, православнаго элемента; и если онъ самъ позаботился увѣковѣчить слѣды своего управленія въ нѣсколькихъ надписяхъ, то нельзя этого ставить ему въ упрекъ: у насъ такъ безслѣдно проходятъ полезные общественные дѣятели, что не грѣхъ напомнить о себѣ неблагодарному потомству. Но много еще нужно времени, чтобы эти начинанія созрѣли; городъ носить сильный польско-католическій отпечатокъ, который теряетъ свое значеніе только тогда, когда русскій элементъ станетъ выше польскаго по уму и образованію.

Отъ Вильны до границы продолжается таже пустынная, безотрадная мѣстность, съ безобразно порубленнымъ лѣсомъ по обѣ стороны дороги, кажется, во время польскаго возстанія. Съ переѣздомъ границы все принимаетъ лучшій, благоустроеннѣйшій видъ, все дѣлается какъ будто умнѣе и образованнѣе. Это можетъ служить подтвержденіемъ, что государства дѣйствительно составляютъ цѣльные организмы, и что самыя отдаленныя ихъ части получаютъ характеръ отъ своихъ центровъ.

Послѣ бѣдныхъ, эфемерныхъ построекъ желѣзной дороги нашего Главнаго Общества, которое растративъ огромныя суммы, не могло выстроить даже каменныхъ станціонныхъ домовъ, за исключеніемъ самыхъ главныхъ, васъ поражаетъ величественная зала прусскаго пограничнаго вокзала, въ готическомъ стилѣ, великолѣпно отдѣланная дубомъ. Она видимо устроена для произведенія эффекта на прїѣзжающаго изъ Россіи; и въ самомъ дѣлѣ сравненіе невыгодно для нашего національнаго самолюбія.

Отъ границы до Кёнигсберга мы ѣхали ночью, поэтому я ничего не могу сказать о видѣ мѣстности. Въ Кёнигсбергѣ я остался ночевать, былъ привезенъ въ классическомъ гостинничномъ omnibusъ въ Deutsches Haus, чистую и очень комфортабельную гостинницу, и на другой день могъ взглянуть на городъ. Это былъ второй день Свѣтлаго Праздника. Когда я вышелъ, народъ еще былъ въ церквахъ; я заходилъ въ нѣкоторыя; всѣ полны людей чинно сидящихъ на лавкахъ и слушающихъ проповѣди. Здѣсь вѣра старается быть разумною. Замокъ была наполнена военными; отдѣленія разныхъ родовъ войскъ также чинно слушали проповѣдь. Солдаты очень молодые, но многіе украшены орденами. Послѣ выхода изъ церкви одинъ офицеръ отобралъ на замковомъ дворѣ изъ своей команды съ дюжину показавшихся ему почему-то неисправными въ одеждѣ, и сталъ объяснять неисправности унтеръ-офицеру, который все это отмѣчалъ въ записной книжкѣ. При этомъ офицеръ очень безцеремонно тыкалъ солдатъ пальцемъ то въ грудь, то въ воротникъ, дергалъ ихъ за чешую каски и за полы мундира. Солдаты, все время стояли въ ряду на вытяжку, не шевелясь, и такъ какъ между ними вѣроятно были и люди образованные, а офицеръ молодой человѣкъ,

то я заключилъ изъ этого, что въ прусской арміи и въ молодомъ поколѣніи удержалась прежняя дисциплина и полное уваженіе къ формѣ, что не мѣшаетъ одерживать побѣды, вопреки мнѣнію нашихъ военныхъ прогрессистовъ.

Кеннигсбергъ мнѣ очень понравился своею старинною оригинальною фizioномією. Какъ милы эти чистенькіе закоулки, эти кривыя улицы, завлекающія ваше любопытство неожиданностію поворотовъ и разнообразіемъ зданій! Поймутъ ли когда наши благоустроители и градоначальники, что городъ, какъ и домъ, тогда только хорошъ, когда онъ строится сообразно потребностямъ обитателей? Въ отношеніи архитектуры деревенскихъ домовъ, у насъ уже начинаютъ это понимать, бросаютъ классическій стиль, отдаютъ преимущество англійскому коттеджу, и со временемъ удастся намъ, можетъ-быть, создать и свой собственный стиль сельскихъ построекъ; но въ городахъ остается, кажется, въ своей силѣ стѣснительная до крайности регламентація, дающая имъ такой безотрадный видъ, особенно небольшимъ: надо, чтобы домъ непременно выходилъ на улицу, чтобы въ немъ было извѣстное число оконъ, чтобы огна были извѣстнаго размѣра, въ уѣздномъ городѣ одного, въ губернскомъ другаго. Есть ли тутъ какая-либо возможность усовершенствоваться архитектурнымъ понятіямъ и избѣжать страшной монотоніи?

Гуляя по Кеннигсбергу я видѣлъ домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Кантъ—маленькій двухэтажный домикъ въ пять оконъ. Вотъ изъ какого скромнаго убѣжища разлился свѣтъ мысли, прославившій Канта во всемъ образованномъ мірѣ на многіе вѣка! Въ близкомъ разстояніи отъ дома воздвигнута его бронзовая статуя въ положеніи наставника, объясняющаго слушателямъ свой предметъ. Если эта поза вѣрна дѣйствительности, то мысль очень удачна и достойна подражанія для статуй-памятниковъ—изображать человѣка въ

привычномъ ему положеніи. — Мнѣ нравятся эти незатѣйливые статуи, стоящія не на очень высокихъ пьедесталахъ, въ углубленіи улицы, возлѣ тротуара, такъ что проходящій можетъ удобно и близко видѣть всю фигуру.

Заходилъ въ картинную галерею, доступную всѣмъ безплатно, составленную изъ дублетовъ и второстепенныхъ картинъ берлинскаго музея, старыхъ мастеровъ, равно произведеній новыхъ художниковъ, пожертвованныхъ и купленныхъ покровителями искусства. Опять примѣръ достойный подражанія: у насъ въ Эрмитажѣ, темномъ, холодномъ и малопосѣщаемомъ есть множество картинъ второстепеннаго достоинства, на которыхъ никто не обращаетъ вниманія, при огромной массѣ первоклассныхъ. Почему бы Эрмитажу не подѣлиться ими съ нѣкоторыми областными городами, въ которыхъ нѣтъ ни одной картины на публичной выставкѣ? Этимъ въ Эрмитажѣ очистили бы мѣсто для покупки новыхъ произведеній, а въ провинціи сдѣланъ бы былъ какой-нибудь зародышъ художественныхъ собраній, столь необходимыхъ для распространенія вкуса въ публикѣ.

Послѣ обѣда много народу появилось на улицахъ; все это гуляло очень прилично, и я невидѣлъ ни одного пьянаго. Когда-то дождемся мы этого въ нашемъ любезномъ отечествѣ? Наконецъ въ 4 часа я выѣхалъ изъ Кенигсберга, къ сожалѣнію не видѣвши огромныхъ укрѣпленій, которыя сооружены возлѣ него въ послѣднее время, вѣроятно для упроченія дружбы съ нами.

Въ Берлинъ я пріѣхалъ $11\frac{1}{2}$ апрѣля, на третій день тамошняго Свѣтлаго Праздника. И Берлинъ сдѣлалъ на меня выгодное впечатлѣніе, не смотря на то, что я пріѣхалъ изъ Петербурга. Много конечно значить климатъ: въ то время, когда въ Петербургѣ царствовала зима, и окрестныя поля были подъ глубокимъ снѣгомъ, въ Берлинѣ уже начали распускаться деревья, и я могъ одѣваться въ своей комнатѣ при открытомъ балконѣ. Это одно располагаетъ уже видѣть все въ лучшемъ свѣтѣ. Но надо отдать должное и жителямъ, которые гораздо лучше насъ умѣютъ строить и содержать свои города и жилища. Мостовая, это основа городского благоустройства, въ Берлинѣ неизмѣримо лучше петербургской; умѣренные пространства позволяютъ обходиться безъ лошадей, которые обыкновенно бываютъ главною причиною нечистоты въ городѣ; извозчики вѣроятно подвергаются болѣе строгимъ требованіямъ, нежели въ Петербургѣ, потому что видъ ихъ несравненно болѣе приличный. Наружная отдѣлка зданій вообще болѣе тщательная; штукатурка вѣроятно изъ цемента, потому что нигдѣ не видишь трещинъ. Архитектурный вкусъ также болѣе развитъ: какіе прелестныя дома и домики настроены въ новыхъ улицахъ—Victoria-Strasse, Bellevue-Strasse и другихъ—это заглядѣнье. Они имѣютъ видъ античныхъ вилъ съ небольшими садиками, и убраны какъ игрушки вазами, статуями, фонтанами. Сколько удобства и удовольствія для жителей въ томъ, что тотчасъ за городскими воротами начинается прекрасный паркъ—Thiergarten. Въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще не понимаютъ необходимости дать жителямъ города возможность дышать чистымъ воздухомъ

и пользоваться прогулкою, и потому городская окрестность или раздается подъ дачи частнымъ лицамъ, или составляетъ городской выгонъ, безобразнѣйшее пространство, покрытое всякаго рода нечистотами. Хотя бы отдѣлили часть этихъ выгоновъ и развели на нихъ рощи, въ родѣ парковъ.

Берлинскій *Opern-Haus* и его представленія показали мнѣ не въ очень выгодномъ свѣтѣ послѣ петербургскихъ театровъ: зала хотя и отдѣлана со вкусомъ, но сравнительно мала; представленія носятъ провинціальный отпечатокъ. Я видѣлъ *Sommernachtstraum*, съ музыкой Мендельсона, и Роберта Дьявола. Оркестръ небольшой, въ 4—5 контрабасовъ, но очень хорошъ. Пѣвцы съ большими голосами, особенно теноръ Воворскій; но исполненіе, какъ обыкновенно у Нѣмцевъ, лишено вкуса и истиннаго чувства. Боясь упрека въ вялости, которому обыкновенно и справедливо подвергаются, Нѣмцы на сценѣ стараются горячиться гдѣ только можно, разыгрываютъ энергію, пламенность, и все это выходитъ фальшиво. Странно, но я не помню, чтобы нѣмецкое оперное пѣніе произвело на меня когда нибудь пріятное впечатлѣніе, чтобы когда-нибудь дошло до сердца. Не дала имъ природа граціи, изящнаго вкуса, сильнаго, нѣжнаго чувства; любовь выходитъ у нихъ приторна, энергія напускная. Всѣ эти недостатки, какъ старые знакомцы, явились мнѣ и теперь въ представленіяхъ Роберта и сдѣлали совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ его красотамъ. А между тѣмъ, все было исполнено какъ слѣдуетъ, пѣвцы имѣли звучные голоса, вѣрную интонацію и правильную сольфировку, акомпанировалъ имъ отличный оркестръ, въ залѣ, акустически прекрасно устроенной *).

*) Мнѣ кажется, что прекрасный резонансъ *Opern-Haus* происходитъ между прочимъ отъ того, что передняя арка надъ оркестромъ

Подобное же впечатлѣніе оставили во мнѣ и фрески Каульбаха на большой лѣстницѣ Новаго Музея. Независимо отъ того, что они значительно потускнѣли въ короткій періодъ своего существованія, къ нимъ можно отнести сказанное мною о нѣмецкомъ пѣніи: большія средства, большое изученіе, но нѣтъ одушевленія своимъ предметомъ, нѣтъ вдохновенія и мало вкуса. — Вообще Старый и Новый музеи представляютъ великолѣпныя собранія скульптурныхъ древностей, копій съ антиковъ и произведеній живописи. Какое общедоступное сокровище для народнаго образованія! Огромная толпа посѣтителей разныхъ сословій, большею частію съ подробными указателями въ рукахъ, тѣснилась въ огромныхъ залахъ. Вотъ наглядный курсъ священной и свѣтской исторіи, мифологіи и древностей, курсъ, какой недоступенъ у насъ даже для студентовъ университетовъ, а здѣсь пользуется имъ всякій простолюдинъ. Что же удивительнаго, если мы отстали въ просвѣщеніи?

Обозрѣвая знакомыя произведенія античнаго искусства, мнѣ казалось, что они состарѣлись уже второю старостію: неудовлетворяютъ они болѣе тѣмъ требованіямъ, которыя мы теперь предъявляемъ скульптурѣ. Мы уже созрѣли настолько, что хотимъ видѣть въ ней олицетвореніе нашихъ собственныхъ идеаловъ. Конечно, тѣло у насъ покамѣсть въ пренебреженіи, а потому скульптору скудная пища; но несмотря на то, геній и даже талантъ можетъ найти и въ нашей жизни, въ сферѣ нашихъ чувствъ и идей скульптурные мотивы. Мнѣ кажется, слабая часть антиковъ— это голова, лицо. Это безстрастіе, эта неподвижность, или лучше, отсутствіе выраженія, доходящее до деревянности, очень широка; она захватываетъ три послѣднія боковыя ложи съ каждой стороны. Звуки такимъ образомъ ударяются въ нее, а не преломляются за нею, и не теряются въ отверстіи люстры.

хотя и приписывается религиозному характеру античныхъ изваяній, что отчасти и справедливо, но въ сущности происходитъ отъ языческаго матеріализма, который не искалъ въ лицѣ выраженія разнообразныхъ оттѣнковъ чувства, движеній души, что именно для насъ необходимо. Красота тѣла тогда только получаетъ для насъ окончательную цѣну и значеніе, когда она такъ сказать довершена жизнію души, проявляющеюся въ чертахъ, въ выраженіи лица, безъ этого мы остаемся къ ней холодны.

Берлинскій музей очень богатъ картинами старыхъ италіанскихъ и нѣмецкихъ школъ. Это превосходный курсъ для изученія исторіи живописи; но для непосредственнаго наслажденія искусствомъ эти картины представляютъ уже мало пищи. Независимо отъ недостатковъ сочиненія, рисунка и вообще техники, время наложило уже на нихъ печать разрушенія: краски полиняли, полутоны исчезли, небеса позеленѣли, и многимъ мы восхищаемся только по преданію. Печально признать эту зависимость произведеній духа чловѣческаго отъ вліянія угольной кислоты воздуха; но по крайней мѣрѣ творенія старыхъ мастеровъ твердо и съ успѣхомъ боролись съ разрушительною силой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ; между тѣмъ новѣйшія—не выдерживаютъ этой борьбы и въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Берлинъ сильно строится и преуспѣваетъ. Въ 1840 году было въ немъ 330,000 жителей, а теперь 630,000, то есть почти вдвое, и на 74,000 болѣе, нежели въ Петербургѣ. Цѣлая часть города вновь выстроилась. Я уже упомянулъ о прелестныхъ домахъ *) въ улицахъ, приле-

*) Замѣчательно, съ какимъ вкусомъ берлинскіе архитекторы принимаютъ въ этихъ домахъ античный стиль къ современнымъ потребностямъ.

гающихъ къ Тиргартену. Почти всѣ они принадлежать банкирамъ, промышленникамъ и негоціантамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пруссія и Берлинъ въ особенности, преимущественно богатѣютъ отъ торговли съ Россією, т. е. на нашъ счетъ: эта торговля кажется никого не обогатила изъ Русскихъ. Разныя аферы съ нашими государственными займами, желѣзнодорожными акціями и облигаціями, перепродажа намъ колониальныхъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ Западной Европы, туго набиваютъ карманы берлинскаго торговаго люда, и подчиняютъ насъ болѣе и болѣе зависимости отъ прусскихъ капиталовъ. Берлинцы сдѣлались посредниками и комиссіонерами по нашей заграничной сухопутной торговлѣ, и главныя выгоды отъ нея остаются въ ихъ рукахъ.—Все это я сознавалъ очень ясно, осматривая, съ затаенною досадою, новую великолѣпную берлинскую биржу, съ огромнѣйшей залой въ два свѣта, изъ мрамора и бронзы, въ сравненіи съ которою петербургская—просто сарай. Не менѣе меня поразилъ и огромнѣйшій, недавно оконченный еврейскій храмъ или синагога, въ византійскомъ стилѣ, весь изъ дикаго камня и чугуна, украшенный самими затѣйливыми арабесками и позолотою. Онъ стоилъ, говорятъ, полтора милліона талеровъ, и неудивительно: Берлинъ не имѣетъ ему равной христіанской церкви ни по величинѣ, ни по великолѣпію.

Въ Берлинѣ, какъ въ фокусѣ, отражается процвѣтаніе и обогащеніе всей Пруссіи. Когда вспомнишь, что на мѣстѣ имъ занимаемомъ стояло въ XII столѣтіи славянское село того же имени, и что вся территория Пруссіи съ ея нынѣшними пріобрѣтеніями, до Эльбы на западъ и до Балтійскаго моря на сѣверъ, была населена или принадлежала Славянамъ,—то невольно поддаешься грустному чувству и спрашиваешь себя: гдѣ же остановится этотъ раз-

ливъ нѣмецкаго моря, какія причины, какія свойства дали нѣмецкому племени этотъ неотразимый перевѣсъ надъ славянскимъ? Я считаю, что нѣтъ вопроса важнѣе для насъ и для всѣхъ Славянъ. Надо, чтобы не только ученые посвятившіе себя разработкѣ славянской исторіи, занялись его изученіемъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ сферахъ духовной, государственной и общественной жизни славянскаго прошедшаго, но чтобы результаты и выводы этого изученія приведены были въ общее сознаніе славянскихъ племенъ и ихъ руководящихъ сословій. Въ особенности надо, чтобы они сдѣлались путеводною нитью для нашего общества и правительства, на которыхъ лежитъ великая миссія славянской будущности. Не колонизація Средней Азіи и даже не Восточный Вопросъ, на который потратило уже столько силъ русское государство, а борьба съ германскимъ племенемъ, утвержденіе прочнаго противъ него оплота не однимъ оружіемъ и крѣпостями, но преимущественно благоустройствомъ, обогащеніемъ и просвѣщеніемъ—вотъ настоящее призваніе Россіи. Если на Балканскомъ полуостровѣ будутъ преобладать Французы или Англичане, отъ этого русская земля не потерпитъ еще большаго ущерба; но если Нѣмцы овладѣютъ всѣмъ теченіемъ Вислы и Нѣмана, то имъ будетъ принадлежать и Балтійское море, а черезъ нѣсколько столѣтій они явятся на берегахъ Днѣпра и далѣе. Какая судьба постигнетъ тогда западныхъ и южныхъ Славянъ—легко предвидѣть.

13/25 *Апрѣля*, вечеромъ отправился я изъ Берлина въ Парижъ. Въ вагонѣ 1 класса моимъ единственнымъ спутникомъ былъ нѣкоторое время одинъ негоціантъ богатаго бременскаго дома, торгующаго табакомъ и посылающаго свои корабли въ Америку и Гаванну. Рѣчь скоро зашла, разумѣется, объ угрожавшемъ тогда разрывѣ между Пруссіею и Франціею за Люксембургъ. Бременецъ сильно жаловался на упадокъ торговыхъ дѣлъ по случаю этихъ слуховъ и полагалъ, что война очень возможна. Я его успокоивалъ, указывая на открытіе парижской выставки, какъ на гарантію уступчивости со стороны Франціи; но не могъ не согласиться съ нимъ, когда онъ сказалъ, что во всякомъ случаѣ вѣроятно война будетъ только отсрочена. Въ заключеніе мы обмѣнялись карточками и сигарами; онъ мнѣ далъ, по его словамъ, настоящую гаванну, которая обходится 4 талера за сотню; мою же *trabuchos* отъ Елисеева, въ 12 рублей сотня, не призналъ за гаванскую; на чьей сторонѣ правда—предоставляю разрѣшить потомству.—Когда разсвѣло, мы были уже въ окрестностяхъ Дюссельдорфа. Я замѣтилъ, что земля порѣзана на мелкіе участки и обрабатывается большею частию заступомъ. Только приближаясь къ Кельну стали попадаться изрѣдка лошадиныя сохи.

Деревни состоятъ изъ разбросанныхъ домиковъ, всегда въ небольшомъ числѣ, и на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Нѣтъ улицъ и сплошныхъ строеній, которыя совершенно неумѣстны для сельскаго поселенія. Выгода сельскаго жителя всегда будетъ состоять въ томъ, чтобы его домъ былъ со всѣхъ сторонъ окру-

женъ его землю, на которой онъ бы могъ располагаться по произволу и вывозить удобреніе. Это едва ли не главная причина, почему нѣмецкое крестьянское хозяйство имѣеть такое преимущество надъ нашимъ отечественнымъ. Пока у насъ будутъ существовать большія села и не образуются небольшіе поселки, до тѣхъ поръ улучшения въ хлѣбопашествѣ невозможны, до тѣхъ поръ не будетъ спасенія и отъ пожаровъ. Можно говорить очень красивыя вещи про значеніе общины, про благодѣянія общиннаго пользованія землею, но сила матеріальной необходимости сильнѣе всякихъ, самыхъ заманчивыхъ идеаловъ. Общинное пользованіе, которое обусловливалось, а иногда было слѣдствіемъ скученности селъ, возникло у насъ въ то время, когда земля была собственностію государства, монастырей и крупныхъ владѣльцевъ, когда земледѣлецъ былъ такъ-сказать только ея арендаторомъ, платившимъ оброкъ этимъ собственникамъ. Теперь же, когда онъ самъ сдѣлался полнымъ собственникомъ, общинное владѣніе и необходимыя его слѣдствія — сплошныя огромныя селенія, отдаленность полей отъ усадебъ и трехпольная система — не имѣютъ болѣе смысла. Люди, живущіе земледѣліемъ, должны естественно устроиваться согласно требованіямъ питающаго ихъ занятія; а это занятіе такого рода, что тогда только можетъ приносить пользу, окупать трудъ, на него положенный, то-есть кормить земледѣльца, когда земля будетъ у него подъ рукою и будетъ ограждена отъ всякаго посягательства и вмѣшательства сосѣда. Людямъ, живущимъ ремеслами, промышленностію, торговлею, удобнѣе жить скученно; пусть они образуютъ города и мѣстечки, а селяне должны жить разсѣянно.

По всему пути, которымъ я проѣзжалъ, страна представ-

ляетъ садъ или лучше сказать огородъ, тщательно воздѣлываемый. Мѣстами видны высокія трубы фабрикъ и заводовъ, окруженныя огромными насыпями перегорѣвшаго каменнаго угля. Тамъ гдѣ этихъ трубъ много вмѣстѣ, — все принимаетъ закоптѣлый, грязный видъ, и мѣстность представляетъ нечистоту, безобразіе и кучи разнаго сору. Надо сознаться, что заводская и фабричная производительность, столь необходимая для развитія народнаго богатства и образованія, привлекательна издали, но вблизи отвратительна, и нерѣдко уродуетъ нравственно и физически своихъ ближайшихъ служителей.

Въ предѣлахъ Бельгіи эта фабричность покрываетъ уже всю страну, на каждомъ шагу попадаются заводы и фабрики. Мѣстность дѣлается холмистою, очень живописною и очень оживленною; вы замѣчаете присутствіе густаго и богатаго населенія. Но съ переѣздомъ французской границы постепенно исчезаютъ эти признаки довольства и промышленнаго развитія; видируются по временамъ соломенные крыши, поселенія дѣлаются рѣже, постройки бѣднѣе, и такъ вплоть до окрестностей Парижа.

Политическое могущество недостаточно, чтобы сдѣлать жителей богатыми и образованными. Мнѣ кажется нигдѣ это не видно такъ разительнo, какъ въ этихъ мѣстахъ. Крохотное государство Бельгія опережаетъ свою могущественную и гордую сосѣдку; и въ сущности это естественно, потому что при французской централизаціи, Парижъ поглощаетъ всѣ силы провинцій и истощаетъ ихъ. Болѣе или менѣе это неизбѣжно въ каждомъ большомъ государствѣ, — потому мнѣ кажется, далеко немудро поступаютъ тѣ народы, которые стремятся слиться въ большія политическія тѣла безусловно, необезпечивая себѣ самостоятельности самоуправленія. Быть большимъ государствомъ выгодно только въ отношеніи извѣстной доли безопасности

отъ сосѣдей, но со всѣхъ другихъ сторонъ это представляетъ значительныя невыгоды и неудобства. Мы вполнѣ испытываемъ ихъ на себѣ, и потому лучше другихъ можемъ судить о современномъ стремленіи единоплеменныхъ народовъ къ объединенію. Стремленіе конечно вполнѣ естественное; но еще въ Европѣ не выработана та форма, въ которой огромное государство могло бы доставить своимъ подданнымъ истинную свободу, благоустройство и самоуправленіе. Только Американскіе Штаты представляютъ опытъ подобнаго устройства; да и этотъ опытъ страдаетъ большими недостатками, и притомъ врядъ ли онъ осуществимъ въ Старомъ Свѣтѣ, среди сильныхъ, монархически устроенныхъ и снабженныхъ большими арміями государствъ.—Жизнь общественная во всѣхъ своихъ видахъ естественно сосредоточивается тамъ, гдѣ находится центръ политическаго организма и правительственной дѣятельности; и чѣмъ ближе будетъ этотъ центръ къ окружности, чѣмъ ограниченнѣе его область, тѣмъ большее возможно развитіе послѣдней, тѣмъ оно будетъ ровнѣе; притомъ, мнѣ кажется, что хорошее управленіе возможно только въ государствѣ средней величины. Осуществимъ ли, напри- мѣръ, въ огромномъ государствѣ дѣйствительный контроль народныхъ представителей надъ правительствомъ? Въ состояніи ли они положить предѣлъ неумѣреннымъ расходамъ и займамъ? Посмотрите, въ какомъ состояніи находятся финансы во всѣхъ большихъ европейскихъ государствахъ. Къ чему приведетъ содержаніе этихъ громадныхъ армій. Но теперь еще не довольно почувствовали эти неудобства, забываютъ о плачевныхъ для человѣчества временахъ большихъ имперій—Македонской, Римской, Германской, которыя оставляли послѣ себя варварство и мерзость запустѣнія.

Въ жизни народовъ есть своего рода мода на идеи и тенденціи. Германія, обязанная всѣмъ своимъ развитіемъ

раздробленности, соскучилась ею, ей нужна перемѣна, нужно единство, и первый плодъ этаго единства—мечты о давленіи на сосѣдей, о преобладаніи. Въ Италіи первый плодъ политическаго единства—общее разореніе. Легко предвидѣть, что не пройдетъ много времени, тамъ и здѣсь пожалѣютъ о прежнихъ небольшихъ центрахъ.—Въ исторіи явленіе большихъ имперій, которыя раздробляются, перемежается съ періодами, когда изъ мелкихъ областей составляются большія государства,—это историческій законъ. Но надо вспомнить, въ какіе періоды и гдѣ процвѣтали въ Европѣ науки и искусства?—въ древней Греціи, когда она состояла изъ небольшихъ областей, въ Италіи XV и XVI стол., раздѣленной на мелкія республики, въ Германіи, когда распалась ея имперія, и многія ея части сдѣлались самостоятельными.

Я прїѣхаль въ Парижъ въ страстную пятницу, и на другой день ночью былъ въ русской церкви на Великой Заутренѣ. Церковь очень хороша, какъ внутри, такъ и снаружи; служеніе и пѣніе прекрасны; можно бы пожелать только, чтобы діаконъ менѣе кричалъ неестественнымъ голосомъ. Еще у насъ не понимаютъ, что есть различіе между крикомъ и пѣніемъ. Еслибы каждый діаконъ до-вольствовался тѣмъ голосомъ, которымъ надѣлила его природа, тогда бы чтеніе было внятно и не оскорбляло бы слуха; при нынѣшней же манерѣ выкрикиванія, и притомъ на са-момъ низкомъ діапазонѣ, половина словъ пропадаетъ, и ежеминутно боишься, что голосъ читающаго оборвется.— Церковь была полнѣхонька, кромѣ Русскихъ было много и Грековъ.

Въ тотъ же день утромъ я былъ на Выставкѣ, которая съ перваго разу сдѣлала на меня грандіозное впечатлѣніе. Надо сознаться, что Наполеонъ — ловкій человекъ на изобрѣтеніе способовъ удовлетворять двумъ главнымъ свойствамъ французскаго характера—честолюбію и коры-столюбію. Онъ кажется все сдѣлалъ, чтобы доставить Фран-цузамъ богатство и легкую славу. Выставка конечно замѣчательнѣйшій праздникъ промышленности и искусствъ, какой врядъ ли увидить будущее поколѣніе. Едва ли най-дется другой правитель и другой народъ, которые потра-тили бы столько труда и денегъ, чтобы осуществить въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такою роскошною об-становкою, мысль о предъявленіи всесвѣтной публикѣ ре-зультатовъ промышленнаго знанія и искусства всѣхъ странъ. И всѣ народы играютъ въ этомъ случаѣ роль какихъ-то

покорныхъ вассаловъ Франціи, являющихся съ своими произведеніями на ея призывъ. Они также не пожалѣли ни труда, ни денегъ чтобъ угодить ей при этомъ. А между тѣмъ наибольшая польза отъ выставки будетъ для Франціи, для Парижа. Десятки милліоновъ останутся въ рукахъ Французовъ плодомъ этой затѣи. Десятки тысячъ рабочихъ и промышленниковъ, ремесленниковъ, торговцовъ, трактирщиковъ и извощиковъ будутъ обезпечены на нѣсколько лѣтъ заработками и прибылями отъ Выставки. Этимъ достигается одна сторона задачи Наполеона, которую онъ преслѣдуетъ неумоимо разными средствами, между прочимъ и громадными постройками. Цѣль вполне законная и обязательная для каждаго хорошаго правительства. Можно упрекнуть Наполеона въ излишней расточительности, если средства для ея достиженія вводятъ Францію въ долги. Это предосудительно; но говоря вообще, не можетъ быть ничего лучше, какъ доставлять бѣднымъ классамъ работу, результаты которой служатъ потомъ на пользу всѣхъ. И гораздо извинительнѣе дѣлать долги на подобныя выставки, нежели на созданіе и содержаніе бесполезныхъ администрацій. Посредствомъ Выставки съ достиженіемъ матеріальной выгоды, чрезвычайно удобно связываются разныя политическія, соціальныя, даже нравственныя цѣли, провозглашеніемъ которыхъ тщеславіе Французовъ вполне можетъ быть удовлетворено, и которыя дѣйствительно достигнуты болѣе или менѣе.

Далѣе Французы съ справедливою гордостію могутъ указать на Выставку, какъ на могучее средство развитія и совершенствованія всѣхъ орудій и органовъ цивилизаціи для всѣхъ націй, великодушно ими предлагаемое оставшимъ народамъ для того, чтобы они могли воспользоваться успѣхами болѣе образованныхъ; средство вліянія европейскихъ идей даже на полудикихъ инородцевъ, ко-

торые изъ отдаленныхъ странъ съѣхались на промышленное торжество; средство мирнаго и благороднаго состязанія націй на поприщѣ искусствъ, ремеслъ и всякой фабричной производительности; средство взаимнаго ознакомленія столькихъ разноплеменныхъ производителей однихъ и тѣхъ же предметовъ для того, чтобы каждый могъ позаимствоваться у другаго, чего ему недоставало; наконецъ какъ на средство—совокупными усилиями выработать новыя условія, новую организацію промышленнаго труда, и тѣмъ возвысить благосостояніе рабочихъ классовъ. Сколько заманчивыхъ, блистательныхъ цѣлей, и надо сказать правду, что если осуществленіе ихъ не будетъ достигнуто въ известной степени, то вина въ этомъ не на сторонѣ Наполеона и Французовъ, которые, какія бы ни были у нихъ побудительныя причины, сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы открыть всѣмъ свободный доступъ въ сокровищницу человѣческой мысли, въ ея приложеніи къ искусствамъ и ко всему тому, что служитъ украшенію и улучшенію нашей земной жизни.

Выставка имѣетъ столь подробныя описанія, что я отсылаю къ нимъ желающихъ ознакомиться съ нею вполнѣ; я же помѣщу здѣсь лишь нѣсколько замѣтокъ о ней и вообще о моемъ пребываніи въ Парижѣ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны на мѣстѣ.

30 Апрѣля и. с. Вчера я нѣсколько подробно осматривалъ русское отдѣленіе Выставки. По моему мнѣнію, оно хотя и случайно, но вѣрно выражаетъ состояніе нашей промышленности. Великолѣпные предметы роскоши, большею частію съ казенныхъ фабрикъ, какъ-то: драгоценная

мебель съ превосходною выпуклою инкрустаціею изъ рѣдкихъ камней, фарфоръ, художественныя серебряныя вещи, и рядомъ съ ними посредственныя — шерстяныя, бумажныя, шелковыя, коженныя издѣлія. Nous avons le superflut et il nous manque le necessaire. Вообще многого, чѣмъ бы мы могли похвастать, недостаетъ. Хотя это и естественно, потому что не было никакого особеннаго побужденія нашимъ промышленникамъ входить въ убытки, для отправки своихъ продуктовъ въ такую даль; а отъ этого русское отдѣленіе вышло очень бѣдно, сравнительно съ принадлежащими другимъ большимъ государствамъ. Оно занимаетъ всего на 100 □ метровъ болѣе пространства, нежели Швейцарія, менѣе нежели вдвое противъ Бельгіи, и почти втрое менѣе сравнительно съ Пруссіею, Австріею, Южною Германіею. Наше національное самолюбіе страждетъ при этомъ, а между тѣмъ надо сознаться, что мы это заслужили своею отсталостію, и дай Богъ, чтобы она обошлась намъ даромъ, чтобы намъ не пришлось дорого за нее поплатиться. Теперь никакая доблесть не спасаетъ народовъ, если они бѣдны и не могутъ отстаивать свою самостоятельность, кромѣ оружія, еще промышленнымъ и техническимъ развитіемъ.

5 Мая н. с. Императоръ Наполеонъ съ супругой пріѣхали на выставку безъ всякой видимой свиты. Онъ шелъ чрезвычайно медленно, безпрестанно останавливаясь и рассматривая вещи. Толпа народа окружала его очень близко, и сбѣгалась со всѣхъ сторонъ почти такъ же, какъ бываетъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ. Сидѣлецъ одной лавки, возлѣ которой я остановился, воротившись изъ этой толкотни, растрепанный и запачканный грязью, съ восторгомъ рассказывалъ, какъ близко ему удалось подойти къ

императору и хорошо его разсмотрѣть, какъ близко народъ тѣснился около него, и заключилъ фразою: *oh! il est brave!* Значить опасность для императора существуетъ въ какомъ-нибудь преступномъ покушеніи, а не въ революціи. И это дѣйствительно такъ: народъ его любить, и пока онъ живъ, толки о возстаніи есть пустая журнальная болтовня. Круги разныхъ писаекъ, публичныхъ ораторовъ-болтуновъ не любятъ его, потому что онъ не даетъ имъ воли морочить публику и въ мутной водѣ ловить рыбу; но эти круги при умномъ правительствѣ не опасны. Но что будетъ послѣ?—Я нашелъ его очень измѣнившимся въ девять лѣтъ, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ 1858 году; онъ посѣдѣлъ, постарѣлъ, что называется, подался, и не обѣщаетъ быть долговѣчнымъ.

---

28 Апрель.
10 Май. Отзывы о неудачности Выставки несправедливы. Это по-истиннѣ одно изъ замѣчательныхъ явленій нашего времени. Прежде всякое мастерство, всякое изобрѣтеніе таилось и дѣлалось секретомъ; теперь все выставляется наружу — конечно, отчасти изъ желанія похвастать, затѣмъ извлечь выгоду изъ продажи способа производства, въ надеждѣ на огражденіе привилегіею. Но какъ бы то ни было, а польза для всѣхъ несомнѣнна. Всякій производитель чего бы то ни было можетъ здѣсь выучиться, воспользоваться чѣмъ-нибудь — и притомъ даромъ. Преимущество привилегій также болѣе мнимое при непрерывныхъ усовершенствованіяхъ, и притомъ простирается только на страны, съ которыми заключены договоры. Осматривая всѣ эти сокровища человѣческой изобрѣтательности, невольно впадаешь въ досаду и уныніе, убѣждаясь, какъ мы далеко отстали отъ этой усовершенствованной и удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ ци-

визированнаго общества житейской обстановки, — до такой степени отстали, что даже большая часть всѣхъ этихъ выдумокъ и усовершенствованій для насъ недоступна и непримѣнима. Намъ остается одно утѣшеніе, что мы еще молоды и что наша будущность еще впереди; между тѣмъ какъ западные народы все испытали, всѣмъ насладились и приходятъ къ тому времени, когда человѣкъ дѣлается ко всему равнодушнымъ. Становясь на высшую точку зрѣнія, можно еще сказать, что вся эта слишкомъ искусственная обстановка жизни не даетъ чувства довольства и счастья народамъ, такъ же точно, какъ комфортъ и роскошь не могутъ дать счастья богатому человѣку.

11 Мая и. с. По отдѣлу живописи, безъ патріотическаго пристрастія можно сказать, что русскія картины не уступаютъ никакимъ другимъ. Одна Французская Школа беретъ перевѣсъ количествомъ хорошихъ произведеній; но это не удивительно — Французы у себя дома, и могли собрать все, что имѣли лучшаго за послѣднія 10 лѣтъ. Трудно конечно быть судьей въ своемъ дѣлѣ, но мнѣ кажется, что Русская Школа болѣе вѣрна природѣ, менѣе рутинна, показываетъ болѣе смысла въ сюжетахъ, нежели другія. Итальянская, эта родоначальница всѣхъ, теперь въ рѣшительномъ упадкѣ; даже странно смотрѣть на такія слабыя произведенія потомковъ Рафаэлей, Микель-Анжелло, Тиціана и проч. У Англичанъ и Австрійцевъ преобладаетъ посредственность; разумѣется, я говорю про большинство картинъ; вездѣ есть замѣчательныя исключенія. Пруссаки показываютъ болѣе силы и жизни *). Но вообще, чего недостаетъ современному искусству, это идей. Видно, что

*) Я не видѣлъ баварскихъ картинъ, выставленныхъ въ зданіи парка; при мнѣ оно еще не было готово.

у общества нѣтъ ни поэтическихъ, ни религіозныхъ интересовъ, которые обыкновенно даютъ жизнь искусствамъ. Правду можетъ-быть говорить Ламене, въ своей книгѣ объ Искусствѣ и Прекрасномъ: *aux époques ou les anciennes croyances pâlisent ou s'éteignent, il n'existe proprement point d'art; ce qu'on appelle de ce nom, n'est qu'une froide et stérile imitation de l'art ancien, ou que d'impuissantes tentatives pour en créer un nouveau, dont le modèle vaguement pressenti est encore inconnu. L'artiste alors, sans autre guide, sans autre appui que sa pensée, son inspiration personnelle, est lui même le type idéal, qu'il s'efforce de reproduire, type au moins imparfait, toujours obscur, incompréhensible souvent, et qui, ne correspondant à aucune conception générale des choses, à aucune foi vivante dans les âmes, n'y remue rien de profond.* Если это такъ, то искусству, повидимому, долго не суждено подыматься на прежнюю высоту. Христіанство, какъ вѣра, слабѣетъ въ Европѣ, и чѣмъ далѣе, будетъ слабѣть болѣе; оно долго еще будетъ жить какъ философское ученіе; но сколько вѣковъ нужно, чтобы оно замѣнилось другою вѣрою?—Впрочемъ нельзя совершенно согласиться съ Ламене: вѣра конечно даетъ пластическимъ искусствамъ жизнь по преимуществу, и то еще только вѣра образная (іудейство, магометанство, протестанство не терпятъ изображеній); но, при отсутствіи вѣры, общество можетъ быть одушевляемо другими интересами и идеалами, которые могутъ служить пищею искусству. Въ настоящее время такихъ интересовъ и идеаловъ почти нѣтъ; ихъ не замѣтно и во французской живописи. Не говоря уже о картинахъ большой Выставки, которыхъ выборъ можетъ быть случайный, но и просмотрѣвъ 2000 номеровъ картинъ и рисунковъ, выставленныхъ au Palais des champs-élysés, на ежегодной выставкѣ (т. н. Salon), нельзя замѣтить никакихъ общихъ идей, общихъ интересовъ, въ которыхъ бы выражалось современное направле-

ніе общественнаго чувства, общественныхъ стремленій и идеаловъ. Много встрѣчается прекрасно написанныхъ женщинъ, и то только относительно тѣла, а не въ смыслѣ идеальной красоты; есть прекрасные пейзажи, съ живымъ чувствомъ природы—это мотивы обще-человѣческіе и общевѣковые. Остальное—пестрота и лоскутность. Сюжеты мифологическіе, аллегорическіе—не почувствованные и худо выполненные, историческіе—безъ умѣнья выбрать замѣчательные моменты, что показываетъ невѣжество художниковъ въ исторіи, за исключеніемъ развѣ Жерома. Жеромъ дѣйствительно интересенъ сюжетами и сочиненіемъ, какъ это доказываетъ его: судъ Фрины, убіеніе Цезаря, Антонинъ съ женой, смотрящей на отсѣченную голову; но выполненіе грѣшитъ небрежностію и кажется неправильною рисунка. Сюжеты религіозные въ картинахъ выставки, я думаю, самые слабѣйшіе: ни одной фигуры и головы Христа я не видѣлъ порядочной; замѣтно, что не только сердце, но и голова художниковъ нисколько не была проникнута идеею Богочеловѣка. Есть огромныя картины поразмѣрамъ, исполненныя съ замѣчательнымъ техническимъ искусствомъ, хотя можетъ-быть нѣсколько декоративно; но сюжеты представляютъ отсутствіе современнаго и общечеловѣческаго интереса, или повтореніе давно избитыхъ мотивовъ; таковы картины со множествомъ фигуръ во весь ростъ: пиръ блуднаго сына, гдѣ блудный сынъ и всѣ присутствующіе одѣты въ испанскіе или средневѣковые костюмы; плачь Деборы и ея подругъ; игорная зала на минеральныхъ водахъ; не говоря уже о множествѣ Адамовъ съ Евами, купающихся женщинъ, судовъ Париса и т. п. Странно,—и это есть слѣдствіе разбитой революціею исторической жизни,—что почти совсѣмъ нѣтъ картинъ изъ французской исторіи. Революціонное преданіе, до сихъ поръ живучее, не позволяетъ Французу идеализировать

историческіе мотивы королевской Франціи, несмотря на то, что ни одна исторія не имѣтъ можетъ-быть столько событій, которыя по своему драматизму могутъ служить сюжетами для живописи; а съ другой стороны, изображать сцены изъ временъ революціи щекотливо, неудобно, и образованное современное поколѣніе не сочувствуетъ имъ, зная, какіе горькіе плоды принесли ему революціонныя цвѣты, казавшіеся вначалѣ столь прекрасными. Этимъ двумъ причинамъ я приписываю совершенную бѣдность выставки по части картинъ изъ французской исторіи.

12 мая н. с. Вчера я былъ у X., и очень доволенъ этимъ знакомствомъ: это человекъ умный и обязательный. Онъ отправился со мною на Выставку и познакомилъ съ Г. и Ч., отъ котораго я ожидаю содѣйствія къ осмотру сельско-хозяйственныхъ машинъ. Не знаю, дождусь ли, потому что въ настоящее время Русскіе, бывшіе прежде обязательны и радушны всѣхъ, дѣлаются наименѣе обязательны и радушны къ своимъ соотечественникамъ. X. не имѣетъ никакихъ надеждъ на продолженіе Наполеоновской династіи; по его словамъ принцъ страдаетъ худосочиемъ, отчего у него сдѣлался костоѣдъ на мѣстѣ нарыва, происшедшаго отъ ушиба. X. предсказываетъ послѣ смерти Наполеона шестимѣсячную республику, а затѣмъ одного изъ Орлеанскихъ принцевъ; но я согласенъ только съ первымъ, что будетъ республика, а потомъ вѣроятно сдѣлается консуломъ, пожалуй императоромъ тотъ, кто обнаружитъ болѣе ловкости.

Г. говорилъ, что всѣ вещи русской выставки уже раскуплены, между тѣмъ какъ у другихъ куплено очень мало. Впрочемъ это объясняется отчасти тѣмъ, что наши продукты какъ диковину покупаютъ для музеевъ. Всѣ кожи купила одна Англичанка, жена какого то кожевеннаго мастера.

15 мая н. с. Изъ всѣхъ театральныхъ пьесъ, которыя я до сихъ поръ видѣлъ, только двѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе: Maison Neuve и Les Idées de M-me Aubry, Dumas fils, хотя

та и другая не выходятъ изъ рутинной кройки. Въ первой довольно хорошо выставлена противоположность характера и понятій прежняго и нынѣшняго поколѣнія средняго парижскаго сословія, — противоположность, обращающаяся не въ пользу нынѣшняго, которое представлено хотя и честнымъ, но гоняющимся за вышностію, тщеславнымъ, пустымъ. Такъ жена племянника, впрочемъ любящая мужа, полагаетъ все свое счастье въ нарядахъ, въ выѣздахъ въ свѣтъ; мужъ играетъ на биржѣ, тратится на любовницу, хотя и любитъ жену. Слѣдствіемъ всего этого конечно разореніе и возвращеніе къ доброму и великодушному дядѣ, отъ котораго племянникъ отдѣлился, желая основать свой магазинъ, со всею роскошной, современной обстановкой, въ одномъ изъ новыхъ домовъ перестраиваемаго Парижа. Тутъ, въ тирадахъ дяди достается и Наполеону за ломку города, которая ведетъ къ уничтоженію историческихъ воспоминаній, къ разрыву съ прошедшимъ. Въ этихъ выходкахъ много справедливаго: пусть строятся молодые народы, для нихъ больше блеску въ будущемъ, нежели въ прошедшемъ; но народы зрѣлыхъ лѣтъ, у которыхъ апогей ихъ славы позади, не должны насильственно уничтожать памятниковъ прежняго времени. Что значитъ зрѣлый человѣкъ, у котораго нѣтъ воспоминаній? Существо, которому остается жить животною жизнію. Зрѣлое общество отдается животнымъ инстинктамъ, если вы у него отнимете историческія воспоминанія. Это мы видимъ во Франціи и отчасти у насъ. Здѣсь и тамъ насиліе произвело разрывъ съ прошедшимъ. — Какъ я уже замѣтилъ по поводу выставки картинъ, меня часто поражаетъ въ Парижѣ это отреченіе отъ прошедшаго. Памятниковъ прежней исторической жизни теперь уже почти не видать, они затеряны между новыми громадами, или возобновлены, подчищены, перестроены. Въ

искуствѣ видимо избѣгаютъ историческихъ сюжетовъ: революціонное броженіе до того извратило понятія большинства, что Французы какъ будто стыдятся Франціи королей, и вмѣстѣ начинаютъ уже стыдиться революціонныхъ бредней, и совѣститься безобразій и неистовствъ первой революціи. Изъ всего этого выходитъ, что прошедшее почти потеряно для ихъ искусства и общественной жизни. Странное сходство съ нами: здѣсь произвело этотъ разрывъ съ прошедшимъ насиліе народа надъ правительствомъ, у насъ произведено тоже, и можетъ быть еще въ большей степени, насиліемъ правительства надъ народомъ. Я думаю, что нынѣшнему Французу не столько чуждъ его предокъ времянь Людовика XIV. сколько чуждъ нынѣшнему русскому дворянину его прадедъ времянь Алексѣя Михайловича. Французъ доселѣ еще восхищается Мольеромъ и Корнелемъ,—мы же почти не понимаемъ языка писаній того времени.

Другая пѣса, *les Idées de M-me Aubry*, написана на современную тему—оправданіе падшей женщины. Къ какимъ ухищреніямъ не прибѣгали уже чувствительные филантропы-писатели, чтобы доказать, что въ этомъ случаѣ всегда виноватъ мужчина, а женщина большею частію права! Конечно, бѣлая часть изъ нихъ пишутъ это ради популярности и наполненія кармановъ презрѣннымъ металомъ; но все же это показываетъ, что вопросъ занимаетъ умы, шевелить чувство общества. И однако, несмотря на всѣ краснорѣчивыя тирады въ защиту падшей женщины, общество никакъ не можетъ примириться съ нею и продолжаетъ осуждать болѣе соблазненную, нежели соблазнителя. Въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе безсознательно руководится фізіологическимъ закономъ: мужчина фізіологически предназначенъ къ инициативѣ въ дѣлѣ любви, къ посягательству, къ нападенію; женщина же къ

защитѣ, къ сопротивленію; если мужчина добивается любви, онъ исполняетъ только естественный законъ, хотя и нарушаетъ при этомъ иногда нравственный. Если же женщина не сопротивляется тамъ, гдѣ можетъ и должна сопротивляться, она этимъ нарушаетъ оба закона, естественный и нравственный. Вотъ чего не поминаютъ чувствительные филантропы, и вотъ отчего ихъ возгласы останутся всегда если не совершенно безплодными, то по крайней мѣрѣ безсильными произвести какую-либо существенную реформу въ нравахъ.

Но возвращусь къ представленію Gumpase и Mme Aubry. Комедія выводитъ на сцену вдову пожилую, но еще прекрасную, одушевленную самыми христіанскими идеями, оправдавшую ихъ своею примѣрною жизнію и отдавшуюся благотворительности съ увлеченіемъ. Ея сынъ, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, воспитанъ прекрасно, но мечтатель, не обращающій вниманія на условія общественныя. Случайно онъ встрѣчаетъ на водахъ молодую вдову съ мальчикомъ, въ которую влюбляется страстно. Оказывается, что это не вдова, а женщина соблазненная, и ребенокъ прижитъ ею внѣ брака. Несмотря на это открытіе, онъ на ней женится, и мать, послѣ страшной борьбы съ своимъ самолюбіемъ, должна согласиться на этотъ бракъ, чтобы остаться вѣрной проповѣдуемымъ ею принципамъ нравственнаго снисхожденія. Піеса искусно ведена и дѣлаетъ впечатлѣніе, играна было прекрасно, за исключеніемъ сына, который для приданія себѣ вида восторженности, черезчуръ декламировалъ закидывая голову назадъ. Труппу актеровъ Gumpase—я нахожу очень хорошею; труппа Vaudeville составлена изъ старья.—Вообще я замѣчаю большой упадокъ театральнаго искусства, со времени послѣдней бытности моей въ Парижѣ, тому 9 лѣтъ назадъ. Представленія сдѣлались совершенно балаганными, піэсы даются глупѣйшія;

самые театры, за немногими исключеніями, закопченные, грязные и темные, сидѣть въ нихъ отвратительно, и не смотря на это всегда полны; толпа вошла во вкусъ и унизила все до своего уровня.—Вотъ вамъ и частные театры! Конечно они служатъ къ тому, чтобы сдѣлать театръ народнымъ; но это—паденіе искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что посѣщеніе театровъ способствуетъ развитію народа, но элементъ просвѣщенія, вносимый театральными представленіями очень поверхностенъ и не всегда чистъ; онъ только шевелитъ умъ и чувство, но рѣдко даетъ имъ здоровую пищу. Это не больше, какъ умная забава, хотя конечно лучшая изъ всѣхъ забавъ.—Страсти своей къ представленіямъ и множеству театровъ Парижане обязаны отчасти, я думаю, бойкостію своего ума, которою отличаются здѣсь самый простой рабочій людъ и низшіе классы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, обязаны ей можетъ-быть и своими недостатками. Парижане на самую жизнь смотрятъ какъ на театральное представленіе; у нихъ во всѣмъ аффектація, стараніе казаться, а не быть.—Сцена могла бы приносить истинную пользу обществу, но для этого необходимо, чтобы управленіе казенныхъ театровъ было въ рукахъ просвѣщенныхъ представителей науки и литературы, чтобы она могла служить чистому искусству, и быть орудіемъ развитія эстетическаго чувства. Открытіе частныхъ театровъ должно бы быть также дозволено только людямъ, заявившимъ въ критикѣ или въ произведеніяхъ изящной словесности свои здравыя понятія о драматическомъ искусствѣ.

—Замѣчательно, до какого упадка частная предприимчивость довела театры въ Парижѣ. Изъ двадцати пяти театровъ едва ли на четырехъ или пяти, включая въ то число и Большую Оперу, давались въ мою бытность піесы, имѣющія художественныя достоинства; на остальныхъ про-

исходили чисто балаганныя представленія, рассчитанныя на приманку толпы посредствомъ разныхъ декоративныхъ фокусовъ, обнаженныхъ женщинъ, канкановъ, перемѣшанныхъ изрѣдка французскимъ остроуміемъ. Мнѣ было иногда жалко смотрѣть на актеровъ, не рѣдко съ дарованіемъ, которые поставлены въ унижительное положеніе разыгрывать самыя пошлыя роли, притомъ за ничтожное жалованье, и служить наравнѣ съ публикой предметомъ эксплуатаціи для аферистовъ-антрепренеровъ. Жадность этихъ акулъ видна и въ устройствѣ театровъ. Что это за тѣснота и неудобства для того только, чтобы выгадать нѣсколько лишнихъ мѣсть. Зачѣмъ позволять въ антрактахъ крики разнощиковъ афишъ—вѣроятно тоже изъ за платы нѣсколькихъ десятковъ франковъ? Торгашество распространилось до такой степени, что почти ни въ одной газетѣ нельзя найти сколько-нибудь безпристрастнаго отзыва о піесахъ и объ игрѣ актеровъ: всѣ газеты, гдѣ пишутся замѣтки о спектакляхъ, куплены антрепренерами, а актеры посредствомъ абонимента приобрѣтаютъ право на похвальные отзывы; все расхваливается самымъ безстыднымъ образомъ. Можно себѣ представить, какое это имѣетъ вліяніе какъ на достоинство исполненія и достоинство сценическихъ труппъ, такъ и на воспитаніе вкуса большею частію несвѣдущей публики.

Относительно Большой Оперы можно сказать, что оркестръ ея превосходитъ, а пѣніе только порядочное. Сильные голоса, правильная, вѣрная интонація, хорошая школа, но не больше. Художественности, оттѣнковъ чувства, изящества въ отдѣлкѣ не имѣется, исполненіе грубоватое, школьное, рутинное. Видны ремесленники, а не художники, — общая доля впрочемъ современнаго искусства во Франціи. Можетъ быть этому причиною характеръ дирижера оркестра, который, мнѣ показалось, слишкомъ ремесленно относится къ своему дѣлу. Отъ дирижера оркестра многое зависитъ;

самый лучший пѣвецъ не въ состояніи бороться иногда съ его тупостію или упрямствомъ. Это я видѣлъ и въ Петербургѣ, гдѣ дирижоръ портилъ иногда цѣлыя оперы, когда бывалъ не въ духѣ, или отдѣльные нумера, когда не понималъ ихъ характера, какъ въ Африканѣ.

Пѣніе въ Opera Comique и Theatre Lyrique очень посредственное, въ послѣднемъ даже плохое. Здѣсь давали новую оперу Гуно, написанную на древнюю тему—Ромео и Юлія. Старая Юлія—Mioïan Carvalho, которая и въ юности своей не *chantait pas, mais miaulait*, а теперь пищащая невыносимо, и безголосый теноръ—Ромео—представляли въ карикатурѣ двухъ юныхъ, едва расцвѣтшихъ любовниковъ. А жаль, музыка, хотя и не очень колоритная, была бы не лишена прелести, по крайнѣй мѣрѣ въ нѣкоторыхъ нумерахъ, при хорошемъ исполненіи. Вообще, во второстепенныхъ оперныхъ театрахъ парижскихъ вы слышите не пѣніе, а какое-то *goucoulement*, воркованье, перемежающееся вскрикиваніемъ, и не оставляющее рѣшительно никакого впечатлѣнія. Эта гаргаризація—вѣроятно искаженный остатокъ стараго италіанскаго фіоритюрства, но разумѣется въ карикатурѣ, — есть принадлежность французской школы Opera Comique.

Италіанская труппа, уцѣлѣвшая на лѣто, дала лишь нѣсколько представленій и исчезала кажется отъ стыда, потому что была не лучше кievской—блаженной памяти.

Заключая мои скудныя замѣтки о Парижѣ, невольно представляется вопросъ: какое значеніе будетъ имѣть Выставка для промышленности и цивилизаціи? Нѣтъ сомнѣнія, что Выставка не останется безъ вліянія на всѣ производства, искусства и ремесла, которыя занимаютъ обстановкою нашей жизни. На ней Французы выказались именно въ

той специальности, которая составляет издавна ихъ достоиніе: они превзошли всѣхъ изяществомъ фабричныхъ и промышленныхъ издѣлій; еще разъ Франція одержала въ этомъ первенство. Французы доказали, что они и теперь первые мебельщики, бронзовщики, драпировщики, декораторы. Но можно думать, что это ихъ послѣднее торжество; превосходство ихъ не очень значительно, и разстояніе, отдѣляющее отъ нихъ Нѣмцевъ и Англичанъ, не велико, такъ что, нѣтъ сомнѣнія, въ скоромъ времени послѣдніе ихъ догонятъ. Можно сказать, что и теперь они брали верхъ массою хорошей бронзы, мебели, разныхъ украшеній для домовъ, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ были такіе же превосходные экземпляры, но только несравненно въ меньшемъ количествѣ и разнообразіи.

Разставаясь на этотъ разъ съ Франціею и благодаря ее за гостепріимство, хоть и недаровое, но любезное, мнѣ приходили разныя мысли о будущей судьбѣ этого народа. Онъ достигъ, кажется, апогея доступной ему цивилизаціи, того возраста, когда поэзія юности и жажда дѣятельности зрѣлаго возраста уже миновались, и когда народъ, какъ и человѣкъ, большею частію, дѣлается эпикурейцомъ, то-есть думаетъ больше о томъ, чтобы прожить остатокъ своей жизни покойно и хорошо; когда онъ только для виду горячится, для эффекта закидываетъ васъ громкими фразами о великихъ своихъ цѣляхъ, о самопожертвованіи и прогрессѣ, а въ сущности всему предпочитаетъ свой покой и благоденствіе. Вѣра у него почти уже не существуетъ (потому что нельзя назвать вѣрою суевѣріе низшихъ классовъ); онъ уже настолько развитъ, что помимо вѣры, философскимъ путемъ, выработалъ нѣсколько нравственныхъ принциповъ, которые сохраняютъ общество; таковы для Француза: честь Франціи, честь военнаго знамени, уваженіе къ интересамъ меньшей братіи, уваженіе къ администраціи.

Эти начала до сихъ поръ съ успѣхомъ борются и торжествуютъ надъ разлагающими революціонными стремленіями, которые, какъ всегда почти бываетъ въ состарѣвшемся народѣ, большею частію прикрываютъ только себялюбіе, корыстолюбіе и разные эгоистическіе замыслы партій или отдѣльныхъ личностей. Но эта борьба успѣшна только при такомъ правительствѣ, какъ нынѣшнее, умномъ и умѣющимъ шарлатанить когда нужно. По смерти Наполеона анархическіе элементы возьмутъ перевѣсъ на нѣкоторое время, до тѣхъ поръ, пока не явится опять человекъ подобный ему, который сумѣетъ искусно подобрать упавшія возжи: и горе Франціи, если судьба не пошлетъ ей такого человека! Напрасно думаютъ, что во Франціи возможна прочная республика: для республики необходимо въ обществѣ сильно развитое чувство уваженія къ закону и гражданская доблесть. Ни того, ни другаго въ массѣ Французовъ не имѣется, и еще менѣе въ массѣ Парижанъ, которые заправляютъ, какъ извѣстно, всей страной. Корыстное настроеніе разныхъ партій непременно поведетъ къ столкновеніямъ и беспорядкамъ, которыя могутъ дойти до анархій. Но Франція еще не довольно состарѣлась и одряхлѣла для этого; въ ней еще живо чувство самохраненія, и общество въ критическую минуту сумѣетъ найти себѣ спасителя.

ВСТАВКА 1870 ГОДА.

Событія этого года не измѣняютъ моего мнѣнія о характерѣ французскаго общества и наполеоновскаго правительства. Последнее до тѣхъ поръ могло держаться, пока было твердо, то-есть слѣдовало своей системѣ—административнаго единовластія, и тотчасъ

пошатнулось, когда отъ нея отступило. Нѣтъ сомнѣнія, что при парламентской формѣ, введенной министерствомъ Оливье, оно и безъ войны съ Германіею не продержалось бы долго, если бы стало выполнять эту форму искренно, а не употреблять ее какъ ширму для прикрытія единовластія. Я почти увѣренъ, что и въ самую войну Наполеонъ былъ вовлеченъ конституціонною партіею, окружившею его въ послѣднее время и воспользовавшеюся упадкомъ его умственныхъ силъ. Еслибы возлѣ него были люди прежней системы, онъ-бы не бросился въ войну очертя голову. Съ другой стороны, какъ мало Французы сочувствуютъ республикѣ, какъ мало способны создать народное правленіе, доказательствомъ служатъ событія со времени седанской катастрофы. Послѣ всего позора, которымъ покрылъ себя *l'homme de Sedan*, нашлись генералы, офицеры, цѣлая армія, послѣдовавшая его примѣру, и находится во Франціи многочисленный классъ людей принадлежащихъ бонапартизму. Стоя лицомъ къ лицу съ неумолимымъ врагомъ, партіи не забыли своихъ эгоистическихъ счетовъ и *Annibal ante portas*—не могъ уничтожить своекорыстныхъ побужденій и воспламенить массу безкорыстною гражданскою доблестію. Что-же будетъ, когда враги удалятся, а съ ними и опасность? Какая тогда начнется внутренняя расправа—легко предвидѣть.

$\frac{2}{14}$ *юня*. Кельнъ. Постройка Собора подвигается, хотя и медленно. Сбывается мысль покойнаго прусскаго короля: единство Германіи созидается одновременно съ знаменитымъ зданіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что тому и другому суждено совершиться, если не при нашемъ, то при слѣдующемъ поколѣніи.

Въ Кельнѣ, какъ и вездѣ въ Германіи, бросаются въ глаза замѣчательные успѣхи Нѣмцевъ въ техническихъ искусствахъ. Кельнъ въ сущности не больше какъ нашъ областной городъ, напримѣръ Кіевъ; а между тѣмъ, посмотрите на его постоянную промышленную выставку разныхъ туземныхъ продуктовъ, машинъ и сельскихъ орудій, и спросите себя: возможна ли выдѣлка ихъ напримѣръ въ Кіевѣ? Кромѣ того, здѣсь есть и публичная картинная галерея, съ большимъ собраніемъ произведеній старыхъ мастеровъ, и прекрасное загородное гульбище, подъ названіемъ Флора, съ садомъ, который отдѣланъ и содержится такъ кокетливо, какъ бы при какомъ-нибудь дворцѣ, и въ которомъ есть чугунно-хрустальная огромная теплица съ зимнимъ садомъ, отлитая по прекрасному готическому рисунку, и предназначенная лишь для увеселенія пивомъ и музыкою бюргеровъ и мастераваго люда Кельна.

$\frac{4}{16}$ *юня*. Ганноверъ. Я провелъ въ немъ всего одинъ день, и не могъ не замѣтить общаго недовольства и опустѣнія города. Германское единство обходится дорого прежнимъ второстепеннымъ центрамъ. Видно, что Ганноверъ также мечталъ о развитіи, богатствѣ, можетъ-быть и полити-

ческой роли. Въ немъ вы найдете музей съ прекрасными картинами, рѣдкое собраніе древностей каменнаго и бронзоваго періода, огромное технологическое заведеніе, лицей, высшее городское училище, постоянную промышленную выставку съ разными новыми машинами, аппаратами, моделями и образцами, постоянную художественную выставку, наконецъ прекрасный театръ и паркъ возлѣ города. Въ послѣднія 18 лѣтъ выстроилась цѣлая новая часть города, съ большими домами, около вокзала желѣзной дороги; но теперь эти дома стоятъ большею частію пусты и продаются; дворянство и богатые люди разѣхались, избѣгая прусскихъ притѣсеній. А эти притѣсенія не воображаемы: того смотри, что явится полиція для обыска и арестуетъ мирнаго жителя. Особенно часты были эти аресты между бывшими офицерами ганноверской арміи, которыхъ заподозрили въ заговорѣ противъ Пруссіи.

$\frac{6}{18}$ *юня*. Дрезденъ. Онъ показался мнѣ состарѣвшимся и приунывшимъ, подобно Ганноверу. Замѣтно нисхождение на степень областного города. Берлинъ оттягиваетъ къ себѣ германскую жизнь. Одно, что Дрезденъ сохранилъ въ прежней неизмѣнной красотѣ,—это свою превосходную картинную галерею. Высокія произведенія искусства долговѣчнѣе государствъ; они поддерживаютъ ихъ жизнь и въ старости; и покажеть Дрезденъ будетъ обладать этимъ сокровищемъ, до тѣхъ поръ онъ не умретъ. За то онъ и холитъ его съ нѣжною любовію: галерея содержится превосходно.

$\frac{8}{20}$ *юня*. Бреславль. Теперь огромный городъ съ 165,000 жителей, видимо богатѣющей и быстро обстроивающейся прекрасными зданіями. Здѣсь уже начинается эксплуата-

ція Россіи. Бреславль, какъ и вся Восточная Пруссія, богатѣютъ на нашъ счетъ.

Выѣхавши изъ Бреславля по дорогѣ въ Царство Польское, видишь до самой нашей границы слѣды той же нѣмецкой культуры, вездѣ—въ городахъ, деревняхъ и на поляхъ; земля сильно удобряется, и притомъ иногда такими цѣнными веществами, какъ гуано и химическія удобрения. Эти мѣста были театромъ Семилѣтней войны и войнъ Наполеоновскихъ; имена Бауцена, Бишофверде, Гохкирхена и др. напоминаютъ о кровопролитныхъ битвахъ. Но теперь нѣтъ и слѣда военныхъ опустошеній; все воздѣлано и обстроено; соломенная крыша—большая рѣдкость, крестьянскіе домики крыты и даже съ боковъ обложены черепицей. Примѣръ достойный подраженія. Отчего у насъ нигдѣ не видишь черепицы? А между тѣмъ вещь, кажется, не мудреная.

Приближаясь къ нашей границѣ, дорога перерѣзывается какъ бы уголокъ Англіи или Бельгіи: является вдругъ множество высокихъ заводскихъ трубъ и доменныхъ пѣчей, наполняющихъ дымомъ окрестность до такой степени, что посреди дня предметы дѣлаются невидимыми въ разстояніи какихъ-нибудь ста сажень. Должно-быть не весело жить въ такомъ мѣстѣ; но за то этотъ округъ снабжаетъ Пруссію огромнымъ количествомъ чугунныхъ и желѣзныхъ произведеній, цинка и каменнаго угля. Этими-то отвратительными закоптѣлыми пѣчами Пруссія разбогатѣла, ими она выстроила свои желѣзныя дороги, снабдила арміи отличнымъ оружіемъ, и можно сказать, безъ нихъ не разбила бы Австрійцевъ и не стала бы во главѣ Германіи. Оно кажется страннымъ, а между тѣмъ дѣйствительно такъ: никакая гражданская доблесть, никакой патріотизмъ не могутъ въ настоящее время дать перевѣса какому-нибудь народу надъ другимъ, если его матеріальныя средства не стоятъ на высшемъ уровнѣ.

Послѣ переѣзда русской границы сцена тотчасъ перемѣняется: появляются лачуги, огромные пустыри, дурно обработанныя поля и прочее столь намъ знакомое. Невольно думается, какая польза изъ того, что мы владѣемъ седьмою частію Свѣта, если мы не можемъ порядочно устроить даже провинцій лежащихъ въ сосѣдствѣ съ образованными государствами. *Qui trop embrasse mal etreint*— это изрѣченіе оправдывается на насъ вполне.

До сихъ поръ Россія проявляла только свою матеріальную силу подчиненіемъ себѣ Южнаго и Западнаго славянскаго племени и разныхъ полудикихъ инородцевъ. Въ капиталъ науки, искусства, общественнаго благоустройства, устройства житейскихъ удобствъ и наслажденій она не внесла почти ничего. Послѣднія полтора ста лѣтъ она, можно сказать, состояла на службѣ у Нѣмцевъ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что она оказала большія услуги германскому элементу какъ въ борьбѣ его съ гальскимъ, такъ и вообще когда дѣло шло о его самостоятельности и объединеніи: въ этомъ, пожалуй, иные западники найдутъ ей всемірную заслугу.—Здѣсь опять надо вспомнить великаго реформатора, который въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, *per fas et nefas*, засѣвалъ, растилъ и лелѣялъ сѣмена нѣмцманіи на нашей почвѣ, и безпощадно истреблялъ все, что могло противиться ихъ росту. Посѣвъ удался какъ нельзя лучше; присоединеніе Остзейскихъ провинцій, создало безпрестанно подновляющійся разсадникъ нѣмецкаго элемента, притомъ въ высшихъ сферахъ общества и правительства. Впрочемъ прививка нѣмецкаго элемента можетъ быть намъ даже полезна, для исправленія нѣкоторыхъ коренныхъ недостаткомъ славянской крови; она можетъ намъ дать тѣ свойства, отсутствіе которыхъ было всегда губительно для Славянъ, а именно: устойчивость, методичность, бережливость, трудолюбіе; но она

полезна, когда происходит снизу, а не сверху *). Вредъ состоялъ въ томъ, что у насъ правительство и высшее общество дѣлались ненаціональными и, до послѣдняго времени, давали неестественное направленіе дѣйствіямъ виѣшней и внутренней политики. Чтобы оцѣнить, сколько тяжкихъ испытаній перенесла черезъ это Россія, стоить вспомнить нашу исторію восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, за немногими исключеніями.—Конечно Нѣмцы (я употребляю это слово въ народномъ смыслѣ, т. е. иностранцы съ Запада) опередили насъ въ цивилизаціи; можно спорить о причинахъ этого явленія, но фактъ неоспоримъ; уже поэтому мы естественно и неизбежно должны тянуть къ нимъ, а не они къ намъ. Но это не должно мѣшать намъ сохранить свою самостоятельную физиономію, какъ ее сохраняютъ великіе народы Запада, несмотря на близкое сродство между собою. Мы имѣемъ полное право на оригинальность еще въ большей степени, какъ по своему числу, такъ и по духовнымъ особенностямъ Славянскаго племени.—Въ чемъ состоятъ эти особенности? Вотъ вопросъ, который естественно каждому приходитъ на умъ, и на который никто еще не далъ неопровержимаго отвѣта. Я нахожу это естественнымъ, потому что опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время не возможенъ. Періодъ нашей европейской жизни еще только начался; мы еще находимся въ порѣ историческаго отрочества, относительно къ развитію западныхъ народовъ; слѣдовательно сравнивать явленія и результаты нашей жизни

---

*) Я помню какъ покойный Гай (извѣстный журналистъ и славянский дѣятель въ Загребѣ) говорилъ мнѣ тому 25 лѣтъ назадъ, что Россія оттого приобрѣла такое могущество и прочность, что дворянство ея восприняло до извѣстной степени нѣмецкій элементъ, сообщившій ему выдержанность, стойкость и дисциплину, свойства оказавшія большія услуги государству.

съ ихними невозможно; также невозможно судить по нимъ и объ оригинальныхъ началахъ славянскаго характера. Одно, чего мы можемъ желать и требовать, это— полной свободы собственнаго развитія, которая позволила бы намъ самостоятельно выработать и проявить свой духовный складъ. Мы должны беречь въ чистотѣ нашъ языкъ, какъ національную одежду мысли; сохранить прирожденное намъ братское воззрѣніе на человѣка, не отуманивая его резонерскими бреднями западнаго социализма, и не ставя тѣмъ преграды успѣхамъ образованія; сохранить простоту жизни, не исключаящую изящества, которое облагороживаетъ человѣка; уважать и развивать искусство, безъ котораго оскудѣваетъ жизнь души, и наконецъ, итти по пути просвѣщенія самостоятельно, усвоивъ себѣ изъ западной цивилизаціи то, что по здравому русскому смыслу окажется намъ пригоднымъ.

Варшава, послѣ заграничныхъ городовъ, кажется грязнымъ, дурнообстроеннымъ городомъ, не заслуживающимъ своей извѣстности. Мостовая отвратительна, тротуары только съ одной стороны улицы; вѣроятно городское начальство разсудило, что пѣшеходы могутъ ходить по одной сторонѣ; притомъ эти тротуары составляютъ такую узкую полосу гладкихъ плитъ посреди булыжника, что двумъ пѣшеходамъ почти нельзя разминуться; онѣ какъ будто созданы для того, чтобы вызвать встрѣчающихся на ссору, или необходимостію уступокъ приучать жителей къ вѣжливости. Славянская безпечность о внѣшности начинается уже являться въ Варшавѣ; грязь, страшные толчки отъ мостовой, безобразныя коляски извозчиковъ, ихъ тощія клячи, веревочныя постромки и оборванная одежда—все это уже Русью пахнетъ. Но надо сознаться, все это не достигаетъ еще той степені безобразія, какъ въ нашихъ внутреннихъ городахъ, за исключеніемъ впрочемъ извозчиковъ, которые рѣшительно хуже нашихъ петербургскихъ, московскихъ и кievскихъ.

Странное это явленіе—равнодушіе Славянъ къ безобразію городовъ и къ ихъ нечистотѣ. Въ деревнѣ Славянинъ (за исключеніемъ кажется Великорусса) обстроивается съ нѣкоторымъ изяществомъ, придаетъ своему двору, насколько позволяютъ скудныя его средства, приличный и чистый видъ; внутри избы чистота Южноруссовъ достигаетъ изумительной степені. Въ постройкѣ городовъ ничего этого не замѣчается: безобразіе и неудобства—вотъ два господствующіе въ нихъ элемента! Конечно, главная причина этому неразвитость ихъ обитателей.

Благодаря энергическимъ мѣрамъ послѣдняго времени, русскому элементу завоевано принадлежащее ему мѣсто въ Варшавѣ и Польшѣ. Въ городѣ вездѣ появились на улицахъ и на вывѣскахъ русскія надписи вмѣстѣ съ польскими; въ гостинницахъ, когда вы заговорите по русски, вамъ отвѣчаютъ по крайней мѣрѣ на какомъ-нибудь диалектѣ; заведена русская гимназія; русскій языкъ играетъ уже значительную роль въ преподаваніи; дѣлопроизводство въ Главныхъ Управленіяхъ происходитъ на русскомъ языкѣ, и вѣроятно скоро русскій языкъ сдѣлается языкомъ всей администраціи. Образованный польскій элементъ сломанъ; но воспользуется ли этимъ русскій элементъ или нѣмецкій—это еще вопросъ.

Поступательное движеніе Нѣмцевъ на Востокъ есть явленіе историческое. Около тысячи лѣтъ назадъ, при Карлѣ Великомъ, Нѣмцы вытѣснили Славянъ съ береговъ Эльбы, которая тогда называлась Лабою; въ XII столѣтіи они завладѣли берегами Одера; въ XVI, подъ прусскимъ знаменемъ, они достигли береговъ Вислы; наконецъ въ XVIII нѣмецкія владѣнія явились на берегахъ Нѣмана. Въ виду такого постепеннаго завладѣнія, совершавшагося въ продолженіе тысячелѣтія, естественно опасеніе, чтобы оно не пошло и дальше; естественно и необходимо Россіи принять такую систему относительно западныхъ своихъ предѣловъ, которая бы могла обезпечить ихъ отъ германизаціи въ настоящемъ и отъ отчужденія въ будущемъ. Россія одна, по своимъ громаднымъ силамъ, можетъ остановить напоръ нѣмецкаго моря; это ея обязанность, и она не исполнитъ своего назначенія, если не сумѣетъ отстоять Славянства отъ дальнѣйшаго поглощенія и перерожденія. Между тѣмъ, мы видимъ какъ будто совершенно противное. Россія въ настоящее время напрягаетъ свои силы, чтобы сломить польскую національность

и достигаетъ этого отчасти; но не имѣя возможности немедленно насадить на ея мѣсто русскую, она этимъ расчищаетъ дорогу Нѣмцамъ, создаетъ, такъ сказать, безвоздушное пространство, въ которое, какъ воздухъ, проникаетъ элементъ германскій. И можетъ ли быть иначе, когда онъ, подобно сжатой атмосферѣ, облегаетъ насъ съ Запада.—Ригеръ правъ: великое несчастье этотъ раздоръ двухъ главныхъ славянскихъ племенъ; и къ сожалѣнію, на основаніи уроковъ исторіи, мало надежды на примиреніе Поляковъ съ нами, хотя бы мы даже возстановили ихъ политическую независимость. Но за всеѣмъ тѣмъ, главная задача—направить такъ наши междуплеменные отношенія, чтобы они послужили на пользу Славянства, слѣдовательно и нашу, и устранили всякую возможность для Польши сдѣлаться современемъ нѣмецкою добычею. Къ сожалѣнію современныя явленія подтверждаютъ это опасеніе. Приведу немногіе, почти всеѣмъ извѣстные факты. Нѣмцы покупаютъ имѣнія въ царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, нѣмецкія общества строятъ тамъ желѣзныя дороги, которыя служатъ путями для водворенія нѣмецкаго элемента, администрація изобилуетъ чиновниками нѣмецкаго происхожденія, и, что всего хуже, въ Царствѣ заводятся нѣмецкія училища, тамъ прежде несуществовавшія. Прежде, дѣти лютеранъ ходили въ польскія училища; они такимъ образомъ отвыкали отъ нѣмецкаго языка, между ними было много и такихъ, которые во все его не знали, которыхъ родители были Евреи или Поляки. При послѣднемъ преобразованіи училищъ, все лютеране зачислены въ Нѣмцевъ, и дѣтей ихъ заставляютъ ходить въ нѣмецкія школы. Въ Варшавѣ устроили образцовую нѣмецкую гимназію *); дали ей въ директоры отличнѣй-

---

*) Кромѣ Евангелическаго училища, равняющагося по курсу гимназіи.

шаго педагога и лучшей составъ учителей, такъ что она превосходитъ по достоинству русскія гимназіи, и нѣкоторые Русскіе, живущіе въ Варшавѣ, предпочитаютъ посылать туда своихъ дѣтей. Явленія, возможные кажется только въ славянскихъ государствахъ.

Но какія же средства надо употребить, чтобы отстоять Славянство на берегахъ Вислы, и воздвигнуть прочную плотину противъ напора нѣмецкаго моря? Вопросъ невольно навязывающійся здѣсь Русскому, пріѣхавшему изъ Германіи. Онъ захватываетъ не только внутренніе наши порядки, но и внѣшнюю политику. Мы должны ясно уразумѣть, что содѣйствовать созданію германскаго единства и самостоятельности прямо противно русскимъ и славянскимъ интересамъ. Желаніе Германцевъ образовать единую сильную монархію естественно и законно; вызывать Россію на противодействіе этому было бы врядъ ли благоразумно, но сознавать опасность и помнить о ней всегда слѣдуетъ. Если Франція такъ беспокоится по причинѣ недавняго усиленія Пруссіи, если общественное мнѣніе въ ней сильно этимъ озабочено, и едва не вовлекло правительство въ войну, которую всѣ даже считаютъ только отсроченною, то отчего же Россія такъ спокойна? Между тѣмъ Франціи конечно не угрожаетъ нѣмецкое нашествіе, и самому Бисмарку навѣрно не приходится въ голову думать объ отнятіи Альзаса *), а германское стремленіе на Востокъ есть историческое явленіе, и мысль объ уступкѣ Пруссіи лѣваго берега Вислы уже бродитъ въ головахъ Нѣмцевъ; ее находятъ естественною и желательною, для успокоенія Россіи, даже нѣкоторые наши близорукіе соотече-

*) Казавшееся невозможнымъ три года назадъ теперь въ очію совершается; дай Богъ, чтобы казавшееся тогда возможнымъ сдѣлалось несбыточнымъ. Прим. 70 г.

ственники. Въ самой Варшавѣ говорятъ объ этомъ, какъ о событіи имѣющемъ совершиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Одни эти толки есть уже обида для Россіи. Это значило бы налагать самимъ на себя руку. Это значило бы продолжать ту гибельную политику, вслѣдствіе которой, съ начала нынѣшняго столѣтія, Россія истощала свои силы для возстановленія независимости Германіи и устройства ея дѣлъ. Надо сознаться, что Великая Екатерина, такъ много сдѣлавшая для Россіи, совершила преступленіе противъ Славянства, допустивъ къ раздѣлу Польши двѣ германскія державы. Какія бы ни были къ тому побудительныя причины, фактъ тотъ, что славянская держава предала славянскую область въ руки извѣчныхъ враговъ Славянства. Неужели пробудившееся въ нынѣшнемъ вѣкѣ славянское сознаніе недовольно еще прояснило наши очи, что мы и теперь не видимъ, гдѣ заключается для насъ настоящая опасность? Надо вполнѣ оцѣнить ее, чтобы при предстоящихъ, можетъ-быть въ скоромъ времени, событіяхъ въ Германіи, не быть вовлечену въ новыя неисправимыя ошибки.

Неменѣе, а можетъ-быть и болѣе еще имѣютъ значенія мѣры внутренней политики относительно Царства Польскаго и Западнаго Края. Мнѣ кажется, первою мѣрою должно быть постепенное введеніе русскаго языка въ нѣмецкія казенныя училища такъ же точно, какъ онъ вводится въ польскія. Не странна ли эта привилегія исключительности въ пользу нѣмецкаго элемента? Если мы желаемъ обрусить Поляковъ, отчего же мы не хотимъ обрусить Нѣмцевъ, а напротивъ зачисляемъ въ ихъ среду и Евреевъ, устраиваемъ германскіе разсадники въ своей землѣ, и именно въ той области, на которую нѣмецкій элементъ смотритъ какъ на предстоящую ему добычу!

Вторая ошибка новаго устава, организующаго учебную

часть въ Царствѣ,—это созданіе большого числа общеобразовательныхъ, преимущественно классическихъ, училищъ. Количество ихъ врядъ ли не удвоено противъ прежняго; между тѣмъ во всей администраціи стараются, и справедливо, замѣнить польскихъ чиновниковъ русскими. Огромное число первыхъ теперь остается безъ хлѣба, будущему же поколѣнію не дается тѣхъ свѣдѣній, которыя могли бы ему доставить средства къ жизни; а дается такое образованіе, которое пригодно только въ служебной или литературной дѣятельности. Конечно, во всей Россіи созданіе техническихъ училищъ составляетъ вопіющую необходимость; но надо сказать, что въ Царствѣ онѣ необходимы вдвойнѣ—и въ политическомъ отношеніи, и въ промышленномъ. Если, создавая классическія гимназіи и прогимназіи, думали, что молодые люди, воспитанные на чтеніи Гомера и Виргилія, будутъ впослѣдствіи менѣе заниматься политикой и исторіей своего отечества, нежели архитекторы, механики, инженеры, то это — странное заблужденіе. Патріотическія и вольнолюбивыя мечты вообще одинаково свойственны молодежи, гдѣ бы она ни воспитывалась; но нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, когда эта молодежь вступитъ на житейское поприще и примется за дѣло жизни, духъ недовольства, политической смуты и революціи найдетъ себѣ болѣе жертвъ между голодными воспитанниками классиковъ, нежели между техниками, которые всегда могутъ найти себѣ занятіе, обезпечить свое семейство, и для благосостоянія которыхъ всякая революція гибельна, такъ какъ она гибельна и для промышленности.

Въ сферѣ экономическихъ и промышленныхъ интересовъ противодѣйствовать въ Царствѣ нѣмецкому вліянію чрезвычайно трудно. Участіе прускихъ капиталовъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, составленіе нѣмецкихъ обществъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, покупка помѣ-

стей нѣмецкими банкирами сдѣлались здѣсь обыденными явленіями. Для устраненія вредныхъ послѣдствій, полезно бы допускать это участіе лишь въ такихъ размѣрахъ, на сколько оно можетъ оживить производительность страны, не подвергая ее опасности поглощенія. Правительство, мнѣ кажется, имѣетъ полное право запретить иностраннымъ подданнымъ приобрѣтеніе въ Царствѣ Польскомъ недвижной собственности, а равно употребить соотвѣтствующія мѣры, чтобы желѣзныя тамошнія дороги строились русскими компаніями. Естественно, что для постройки самонужнѣйшихъ линій, необходимыхъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи, для того чтобы создать ихъ возможно скорѣе, нужно было прибѣгнуть къ чужимъ капиталамъ и къ иностраннымъ техническимъ силамъ. Но по обезпеченіи первой потребности, Россія должна обратиться къ другой системѣ, къ той, которой слѣдовала Пруссія, и которая одна оплодотворяетъ отечественную промышленность и служитъ народному обогащенію, то есть къ постройкѣ желѣзныхъ путей собственными средствами, изъ своихъ матеріаловъ и своими техниками. Не нужно доказательствъ, чтобы понять, какую это принесетъ огромную пользу всему государству. Но это всего необходимѣе въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, гдѣ къ тому даетъ и болѣе способовъ довольно развитая фабрикація чугуна и желѣза.

ПОСЛѢСЛОВІЕ 1870 ГОДА.

Пробѣгая мысленно періодъ 25 лѣтъ, со времени перваго моего пребыванія въ славянскихъ земляхъ, я задаю себѣ вопросъ: въ какой же степени осуществились славянскія надежды?—и бѣ сожалѣнію, должно сознаться, что онѣ во многомъ не оправдались. Турецкіе Славяне остаются въ томъ же положеніи безправности; Княжество Сербское созрѣло во внутреннемъ устройствѣ, но политическое его положеніе такъ же не надежно, какъ и было. Венгерскіе Славяне впали въ бѣольшую зависимость и подчиненіе мадыарскому элементу, боторый организовался въ самостоятельное государство и относится къ нимъ съ тѣми же пріемами, какіе употребляютъ Нѣмцы противъ Славянъ, то-есть стремится ихъ омадыарить посредствомъ государственнаго и административнаго давленія, посредствомъ школь и вліянія вышнихъ классовъ, такъ что они теперь въ худшемъ положеніи, нежели были 25 лѣтъ назадъ. Чехи мужественно и настойчиво борются съ вѣнскимъ правительствомъ, добиваясь политической самостоятельности; но эта борьба только подвинула ихъ политическое самосознаніе, а не привела ни къ какому положительному результату.

Конечно, нельзя винить Славянъ въ маломъ успѣхѣ ихъ дѣла: процессъ народнаго роста не совершается быстро, особенно для массъ, большею частію ли-

шенныхъ содѣйствія высшихъ классовъ; притомъ гнетъ политическихъ обстоятельствъ для нихъ неумолимъ, и одолѣть его имъ не подь силу; на поприщѣ развитія сознанія своей народности и своего государственнаго положенія они сдѣлали все, что было возможно. Но есть два пробѣла, и по моему мнѣнiю очень существенные, въ усиляхъ славянскихъ дѣятелей. Первый тотъ, что они мало заботятся о матеріальной сторонѣ жизни, о насущномъ хлѣбѣ своего племени; о тѣхъ практическихъ знанiяхъ, искусствахъ, ремеслахъ, безъ которыхъ общество, какъ бы оно политически и умственно развито ни было, никогда не приобрѣтетъ самостоятельности и силы. Митинги, бесѣды, литературные и пѣсенные кружки, разумная журналистика, дѣльные политическія брошюры—вещи хорошія, но всего этого не достаточно, чтобы дать обществу самостоятельность; оно все-таки останется въ подчиненномъ положенiи, если для удовлетворенія своихъ нуждъ будетъ обращаться къ другому племени. А такъ именно бываетъ большею частію съ Славянами и съ нами—Русскими. Если намъ нужны инженеры, механики, техники, машинисты, даже искуные столяры, портные, сапожники, знающіе агрономы, садовники, то мы за этимъ обращаемся къ Нѣмцамъ, которые очень дорого заставляютъ насъ платить за свои услуги. Отчего же у насъ нѣтъ въ этихъ профессiяхъ Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ? Отчего Чехи, столь развитые и обставленные условіями цивилизованной жизни, не заботятся, чтобы выставить своихъ практиковъ въ искусствахъ и ремеслахъ? Отчего также нѣтъ у Чеховъ замечательныхъ

живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ? На современныхъ выставкахъ картинъ и разныхъ произведений искусствъ — я не встрѣчалъ другихъ именъ славянскихъ художниковъ кромѣ русскихъ и польскихъ. Въ издѣліяхъ фабричныхъ и ремесленныхъ — тоже самое отсутствіе западныхъ Славянъ.

Это небреженіе къ развитію всего того, что составляетъ украшеніе и необходимую обстановку образованной жизни, есть, по моему мнѣнію, существенный недостатокъ славянскаго развитія. Пока онъ не будетъ пополненъ, пока западные Славяне не разовьютъ у себя искусствъ и ремеслъ, по крайней мѣрѣ въ уровень съ Нѣмцами, до тѣхъ поръ они не достигнутъ не только національной, но и никакой другой самостоятельности. Этому можемъ служить лучшимъ доказательствомъ мы сами. Кто не знаетъ, что, несмотря на нашу государственную силу, мы находимся въ полнѣйшей зависимости отъ иностранцевъ во всей нашей обиходной жизни, и что отъ того очень страдаетъ даже наше политическое могущество, такъ какъ это обстоятельство ведетъ къ тратѣ большихъ суммъ за иностранныя произведенія, и сильно содѣйствуетъ ненормальному состоянію нашего бюджета и необходимости постоянныхъ займовъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Славяне (въ томъ числѣ и мы) должны учиться у Нѣмцевъ, для того чтобы одолѣть своихъ учителей, какъ удалось когда-то Русскимъ одолѣть своихъ учителей Шведовъ на боевомъ поприщѣ. Нѣмцы до послѣдняго времени были также раздроблены, ихъ небольшія области не пользовались политической жиз-

нію; но въ тишинѣ своей провинціальной жизни они усердно трудились надъ пріобрѣтеніемъ всѣхъ знаній, искусствъ и ремеслъ, необходимыхъ для образованныхъ обществъ, и каждый небольшой центръ развилъ эти знанія, искусства и ремесла до замѣчательной степени совершенства. Имъ не нужно заказывать за границей своихъ пушекъ и ружей, своихъ локомотивовъ, вагоновъ и рельсовъ, выписывать оттуда шерстяныя, бумажныя и шелковыя издѣлія, или добывать иностранцевъ механиковъ и техниковъ, вмѣстѣ съ машинами для своихъ фабрикъ, — все это они создали у себя дома. И теперь, когда настойчивый, кропотливый трудъ далъ имъ все это, или, лучше сказать, только благодаря этимъ всестороннимъ пріобрѣтеніямъ, — они являются во всеоружіи народнаго могущества на историческую арену. Вѣковое раздробленіе не только не повредило имъ, какъ обыкновенно думаютъ, но было благодѣтельно, потому что дало возможность каждой небольшой области развить всесторонне свои силы, и внести посильный вкладъ въ общую сокровищницу народной жизни. Только благодаря раздробленности, разлилось по Германіи такъ равномерно и сплошно образованіе умственное, художественное, техническое. Раннее объединеніе политическое могло помѣшать этому процессу, теперь же оно является въ самую пору, чтобы воспользоваться его плодами.

Нѣмцы выработали можно сказать готовую программу для нашихъ западныхъ и южныхъ братій. Даже въ томъ стѣсненномъ положеніи, въ которомъ они находятся, они могутъ ее выполнить. Пусть

примутся они за серьезное дѣло жизни, которое состоитъ не въ процессіяхъ и сходбахъ съ пѣснями и спичами, а въ скромномъ трудѣ въ кабинетѣ, мастерской, лабораторіи, на фабрикѣ. Тамъ выработывается матеріаль, изъ котораго потомъ ткется ткань народнаго существованія. Общественная дѣятельность только распредѣляетъ этотъ матеріаль, а политическая придаетъ ему общую форму; но ни та, ни другая ничего существеннаго отъ себя внести не могутъ. Матеріальныя богатства, прибрѣтаемые народнымъ трудомъ, тѣсно связаны съ умственными и нравственными прибрѣтеніями, для накопленія которыхъ нуженъ такой же трудъ, и еще болѣе выдержанности, самоограниченія, честныхъ усилій. — Счастливы народы, государственная власть которыхъ умѣетъ пользоваться всѣмъ этимъ съ умѣренностію и благоразуміемъ для своихъ цѣлей, на пользу управляемыхъ ею. Но въ исторіи непрерывно встрѣчаются примѣры, когда неразумными общественными преобразованіями, политическимъ властолюбіемъ и мотовствомъ народныхъ силъ, въ короткое время растрачивается нравственный и матеріальный капиталъ, накопленный народомъ вѣковымъ трудомъ. — Это всего чаще случается съ большими государствами, когда неумѣренная централизація мертвитъ и сушитъ источники народной жизни, и вмѣстѣ считаетъ себя вправѣ пользоваться народными силами по своему произволу. Такъ было въ древности съ Римскою Имперіей; въ новыя времена съ Франціей со времени Людовика XIV; такъ вѣроятно будетъ и съ новой объединенной Германіей, если она поддастся обаянію своего политическаго могущества.

Другой пробѣлъ, въ усиліяхъ западныхъ и южныхъ Славянъ къ общему развитію и объединенію, есть отсутствіе убѣжденія въ необходимости слитія въ большія области, относительно литературнаго языка. Если Славяне не могутъ составить одного цѣлаго не только въ смыслѣ политическомъ, но даже и въ смыслѣ націи, употребляющей одинъ литературный языкъ, то по крайней мѣрѣ руководящіе ихъ передовые люди должны согласиться между собою о размежеваніи славянской череполосости, для образованія большихъ литературныхъ областей. Не можетъ подлежать спору, что если каждая небольшая славянская отрасль захочетъ имѣть на своемъ языкѣ произведенія по всѣмъ отдѣламъ науки и словесности, то это поведетъ только къ бесполезной тратѣ силъ, слѣдствіемъ которой будетъ общая слабость, и къ созданію неодолимыхъ преградъ для славянскаго объединенія. Если мелкія племена, какъ Краинцы, Словинцы, Лужичане, Словаки, Русины, не внесутъ своихъ силъ въ массу обще-славянскаго умственного труда, то для себя они ничего не достигнутъ, а въ совокупности это будетъ не маловажная потеря для Славянства.

Это не значитъ, чтобы мы считали необходимымъ уничтоженіе ихъ письменности; она можетъ существовать для удовлетворенія чисто народныхъ потребностей; но литература образованныхъ сословій, и въ особенности ученая, должна избрать, по нашему мнѣнію, только три нарѣчія своими орудіями, въ добавокъ къ языку русскому: чешское, польское и сербское. Нѣтъ сомнѣнія, что это совершится въ гря-

душемъ само собою, вслѣдствіе естественнаго разра-
станія вѣтвей, одаренныхъ большею силою, и заглу-
шенія ими слабыхъ; но надо, чтобы этотъ неизбѣж-
ный и благодѣтельный для общаго дѣла процессъ
принимался безъ горечи и сопротивленія младшими и
слабѣйшими братьями, иначе можетъ возникнуть меж-
ду ними духовный разладъ, со всѣми его прискорб-
ными слѣдствіями, каковыхъ такъ много было въ
славянской исторіи.

Націи итальянская, французская, нѣмецкая еще
въ средневѣковой періодъ выработали, каждая для
себя, общій литературный языкъ. У Славянъ, къ
сожалѣнію, было совершенно наоборотъ: въ этомъ же
періодѣ началось раздробленіе общаго письменнаго
языка, церковно-славянскаго, на разныя нарѣчія—раз-
дробленіе, которое съ теченіемъ времени все усилива-
лось, и наконецъ привело къ тому, что даже лужи-
чане, которыхъ насчитывается не болѣе 150 тысячъ,
пишутъ на двухъ нарѣчіяхъ.

Источникомъ этого раздѣленія было чужеземное
господство, разрозненность политическая и общест-
венная. Теперь же, благодаря развитію, которое по-
лучили литературы славянскихъ нарѣчій, общее объ-
единеніе ихъ въ одинъ языкъ представляетъ несрав-
ненно болѣе трудностей, нежели то было для нарѣ-
чій Западной Европы, которыя объединились въ то дав-
нее время, когда еще не существовало книгопечата-
ніе, или оно было только въ началѣ своего разви-
тія. Въ то время, итальянскія и нѣмецкія нарѣчія не
имѣли опоры для отдѣльной жизни въ сильно-распро-
страненной печатной литературѣ, какъ имѣютъ

его теперь болѣе или менѣе каждое изъ славянскихъ нарѣчій.— Несмотря однакоже на существенныя препятствія, всякій, кто желаетъ искренно добра Славянству и спасенія его вѣтвей отъ онѣмеченія, долженъ стремиться къ возможному единству и совокупности духовныхъ силъ всего племени; а этого нельзя достигнуть иначе, какъ возможно тѣснымъ духовнымъ общеніемъ, для котораго первое условіе—взаимная доступность и обмѣнъ литературныхъ и научныхъ произведеній.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поѣздка первая.

	Стран.		Стран.
Травемюнде, Любекъ, Гамбургъ, Магдебургъ . . .	1—3	Письма изъ Вѣны.	
Берлинъ	6	I. Слабое значеніе Австріи въ германскомъ развитіи	146
Лейпцигъ	23	II. Музыка и вѣнскія увеселенія	156
Дрезденъ	26	III. Значеніе славянскаго возрожденія	171
Тетченъ, Теплицъ	34, 35	IV. Поѣздка въ Венгрію, свиданіе импер. Леопольда съ Собіескимъ, Пожупъ (Пресбургъ), Штуръ	186
Франценсбадъ	36	V. Пештъ, Колларъ и его поэма Дочь Славы (Slavy Dcera)	208
Регенсбургъ	41	Вставка 55 г.	225
Валгалла	46	Середа (Сереть)	227
Мюнхенъ	50	Нитра	228
Переѣздъ черезъ Сплугенъ	64	Штявница (Шемницъ)	231
Миланъ	67	Быстрица	235
Генуа	70	Мысли при чтеніи Канефига	237
Пиза	76		
Вставка 55 г.	92		
Римъ	97		
Вставка 55 г.	126		
Сіэна	130		
Болонья	137		
Венеція	140		
Вставка 55 г.	143		

Поѣздка вторая.

	Стран.
Письмо I. Отъ Кіева до Бродъ	243
» П. Львовъ	248
» III. Вѣна	253
» IV. Музыка въ Вѣ- нѣ	257
Письмо V. Сербское цер- ков. пѣніе. Опера Ли- синскаго	264
Письмо VI. Вѣна. Про- мышленность, искусство.	270
Письмо VII. Прага Чеш- ская	276
Письмо VIII. Парижъ. Мы- сли о готическ. архитек- турѣ	280

Поѣздка третья.

	Стран.
Петербургъ, Вильна, Ке- нигсбергъ	291—298
Берлинъ	299
Отъ Берлина до Па- рижа	305—309
Парижъ — всемірная вы- ставка	310
Театры въ Парижѣ. Общій выводъ	319
Вставка 70 г.	327
Кельнъ, Ганноверъ, Дрез- денъ, Бреславль. 329—330	
Варшава. Значеніе нѣмец- каго элемента въ Цар. Польскомъ	335
Послѣсловіе 70 г.	342

dublet
Bibl. Jag.

516. 4195

